

ДЕТСКИЕ ЧТЕНИЯ

2024 № 2 (026)

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН

ДЕТСКИЕ ЧТЕНИЯ. 2024 № 2. ВЫП. 26

ISSN 2304–5817

ISSN (Online) 2686–7052

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Мария Литовская

Светлана Маслинская

Инна Сергиенко

Анна Димьяненко

Джулия Де Флорио

Марина Жуковец

Евгения Лекаревич

Ольга Лучкина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ирина Арзамасцева (Москва)

Всеволод Багно (Санкт-Петербург)

Марина Балина (Bloomington, USA)

Валентин Головин (Санкт-Петербург)

Дорена Кароли (Bologna, Italy)

Карен Коатс (Cambridge, UK)

Марни Компанияро (Padova, Italy)

Андрей Костин (Grenoble, France)

Марина Костюхина (Санкт-Петербург)

Мария Майофис (Amherst, USA)

Дорота Михулка (Wrocław, Poland)

Сара Панкеньер-Вельд (Santa-Barbara, USA)

Сергей Ушакин (Princeton, USA)

Эрика Хабер (Syracuse, USA)

Выпускающий редактор *Светлана Маслинская*

© Авторы статей, 2024 ; При оформлении обложки использована иллюстрация из учебной карты: Ермаков В. В. Зоогеографическая наглядная учебная карта СССР / сост. В. В. Ермаков; рис. Н. М. Бучумов. М.: Геокартпром, 1929.

.....
Санкт-Петербург

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	6
-----------------------	---

АРХИВ

Анна Димьяненко, Елена Казакова

«Стремление к мироведению»: дискуссии о географической литературе для детей в последней трети XVIII — первой трети XX веков	9
---	---

АЛЕКСАНДРА КАЛМЫКОВА

К вопросу о книге в жизни наших детей и юношества (1891)	33
--	----

А. КОРМИЛИНА

БЭП (Опыт характеристики) (1930)	36
--	----

НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВ

О выставке детской географической книги (1938)	51
--	----

ИССЛЕДОВАНИЯ

Елена Казакова

Обживание и разграничение: идеологические подходы в советской детской географической литературе и учебной картографии 1920–1930-х годов	54
---	----

Ольга Илюха

Ландшафт советского пограничья в детской литературе 1930-х годов	81
--	----

Наталья Черняева

От риторики просвещения к прагматике освоения: образы этнических территорий в серии научно-популярных книг для детей (1927–1929)	106
--	-----

Юлия Подлубнова

«Нам не нужен вымысел»: концепция и содержательные особенности серии «Уральская библиотека занимательного краеведения» (1936–1939)	129
--	-----

Нина Барковская

Новый подход к изображению дальневосточных регионов в современной детской литературе	149
--	-----

<i>Елена Корвацкая</i> Географические карты в ежегоднике «Глобус» (1930–1980-е годы)	167
<i>Ирина Савкина</i> Хорошее место для жизни: обыденные и не совсем обычные пространства в прозе Н. Носова 1940–1950-х годов	184
<i>Дина Шулятьева</i> «Расходящиеся тропки» как пространственная и коммуникативная модель в интерактивной литературе для детей (на примере серии книг-игр «Выбери себе приключение»)	210
<i>Валентина Сергеева</i> Путешествие и путь в «Саге о Ветрокрылах» Эндрю Питерсона	232
<i>Майсара Бекмагамбетова, Замзагуль Шахаман</i> Детская литература Казахстана в 1950-е годы: вызовы времени и преодоление препятствий	247
<i>Марина Костюхина</i> «Вести из леса» — советский радиопроект и программа жизни	263
РЕЦЕНЗИИ	
<i>Valeria Illuminati</i> Gianni Rodari in the UK and in the US: a complex reception story. Review of C. Alborghetti <i>Gianni Rodari and His English Readers. A Dialogical Perspective</i> . Roma: Armando Editore, 2023	288
<i>Светлана Маслинская</i> Тезаурус позднесоветской детской периодики. Рец. на: Дубровская Т. В., Мусорина О. А., Видинеева Н. Ю., Блохина Я. А. Медиатизированная модель советского общества в журналах «Пионер» и «Костёр» (1970–1980-е гг.). Пенза, 2023	296

Валентин Головин

- «Долженствование каждого дня»: календарь в культуре
русского и советского детства. Рец. на кн.: Костюхина М.
Круглый год: детская жизнь по календарю. М.: Новое
литературное обозрение, 2024 305

ОБЗОРЫ

Ольга Лучкина

- Хроника заседаний «Детского семинара» как зеркало
исследований детской литературы 319

КОНФЕРЕНЦИИ

Antonio Bibbò, Francesca Lorandini

- Retranslating children's literature: an account of a conference held
at the University of Trento 345

ОТ РЕДАКЦИИ

26-й номер «Детских чтений» посвящен изучению репрезентации географического пространства в детской литературе. Пространство в литературном произведении — традиционный объект изучения литературоведения. Авторские, жанровые и стилевые особенности его изображения рассматривались в многочисленных работах, например, интенсивно изучались топосы города, усадьбы, деревни, моря и пр. Другим подходом является исследование локальных текстов Кавказа, Сибири, Петербурга, Москвы и множества других как объектов культурной географии. Впрочем, применительно к детской литературе и тот, и другой аспекты изучения пространства применялись в российской науке довольно редко. Статьи, собранные под обложкой этого выпуска, открывают новый материал и предлагают новые подходы к их изучению.

Представление собственно географического знания, то есть системного описания территорий и объектов ландшафта, является задачей учебной и научно-популярной литературы. В рубрике *Архив* представлены показательные примеры того, как менялось представление о том, что и как следует рассказывать детям о своей стране и других странах. Если первые литературные опыты, возникающие в русле развития жанра травелога, были адресованы детям состоятельных родителей, имеющих привилегию свободно перемещаться не только по территории России, то чем дальше, тем больше литература путешествий становится способом воображаемого перемещения, не подразумевающего реальную возможность увидеть описанные в книге места. Во второй половине XIX в. демократизация педагогической парадигмы и социальное разнообразие детской читательской аудитории способствуют сосуществованию уже разнонаправленных тенденций: просветительской, с одной стороны, подразумевающей наделение детей географическими знаниями (объем и качество этих знаний, очевидно, определялись политическими и педагогическими условиями), а с другой — «оптической», связанной с необходимостью научить видеть окружающее ближайшее пространство (степень близости могла варьировать от внимания к собственной улице и заканчивая «родиноведением»), то есть сконструированным образом не только малой родины, но и

национального государства). Обе тенденции основывались на принятой в тот или иной момент географической номенклатуре, но зуммирование зависело от педагогических задач тех, кто брался знакомить детей с «миром». И не в последнюю очередь эти задачи были определены возрастной адресацией: научно-популярная литература и литература путешествий была (и остается) важной частью массового чтения, поэтому книжный рынок реагировал на читательский запрос обилием выпускаемой географической литературы, а значит, педагоги вынуждены были фильтровать этот поток, отбирать пригодное (по их представлениям) для детей и тем самым вырабатывать нормы и стандарты собственно детской литературы. Выработка норм неизбежно сталкивается с самыми разными противовесами: от политических, профессиональных и эстетических установок педагогов до волонтаризма непрофессиональных писателей-путешественников, бравшихся за перо.

Примеры различных подходов к масштабированию пространства, содержащиеся в публикуемых в этом номере статьях, хорошо демонстрируют, от каких обстоятельств зависит «наведение на резкость». И это могут быть не только понятные идеологические колебания, но и формальные ограничения: например, конструктивные и содержательные особенности серийных изданий (издательские серии, ежегодники и т. п.) задают довольно жесткие рамки при отборе географического материала и его подаче. Другим важнейшим фактором может становиться воля составителя серии. Как показывают публикуемые в этом номере исследования центральных и региональных серийных изданий («Как живут и чем промышляют» (1927–1929) и «Уральская библиотека занимательного краеведения» (1936–1939)), представление географического (как правило, в сочетании с этнографическим) материала во многом определяется интенциями авторов-составителей серий (в случае с вышеназванными сериями — Н. И. Леонова и В. А. Попова). Внимание к создателям географической литературы — принципиально новый подход, позволяющий скорректировать панорамные обобщения (как в СССР конструировался территориальный образ советской страны / капиталистического мира, или как представлены стереотипы изображения народов СССР) за счет анализа причин другого толка: зависимость автора от властных институций, инерция серийного издания, экономические ограничения печати, профессиональный опыт составителя и его идейные взгляды и т. п.

Другой аспект, представленный в исследованиях, напротив, определен желанием выявить и систематизировать географическую

и этнографическую стереотипию в литературе для детей. И здесь мы наблюдаем, как в различных политических обстоятельствах разительно меняется репрезентация одного и того же географического объекта или этнографического факта, как экзотизирующий взгляд чередуется с иным, предполагающим заинтересованность в другом пространстве / человеке и уважение к нему, а затем вновь возвращается прежняя настороженность и отторжение. Такие «оптические» эффекты при контекстуализации получают надежное аналитическое объяснение, но не избавляют географическую литературу для детей от новых и новых оптических аберраций. Думается, что читателям 26-го номера «Детских чтений» предложенные в публикуемых статьях критические интерпретации этих механизмов помогут увидеть причины как их воспроизводимости, так и их уязвимости.

Светлана Маслинская

АРХИВ

Анна Димьяненко, Елена Казакова

«СТРЕМЛЕНИЕ К МИРОВЕДЕНИЮ»: ДИСКУССИИ О ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКОВ

Во введении к рубрике «Архив» предлагается ретроспективный обзор критических рецензий, касающихся литературы путешествий, путеводителей, научно-популярной литературы географической тематики, а также учебных пособий по регионоведению и карт. Задача предлагаемой статьи — представить историю возникновения и развития идей педагогов, критиков, ученых-географов и писателей о типах изданий и жанровых формах литературы путешествий, травелогов, научно-популярной литературы, используемой в качестве материала для знакомства с географией. Просветительская природа этой темы актуализирует обсуждение критиками разнообразных форм взаимодействия с читателем: от визуального нарратива в картах и глобусах до академического изложения материала в описании экспедиций, совершенных географами и путешественниками. Отсутствие конвенциональной дефиниции географической литературы как жанра создает разнообразные способы ее интерпретации педагогами, критиками, учеными, а также дискуссии, связанные с определением ее читателя. В свою очередь многомерность географии как науки, включающей естественно-научный, экономико-политический и прикладной аспекты, а также порождает дискуссии вокруг подходов к ее изучению.

Ключевые слова: география, литература путешествий, травелог, географическая карта, географическая игра, научно-популярная литература

Анна Андреевна Димьяненко, Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
РАН, Санкт-Петербург, dimyanenko@gmail.com

Елена Олеговна Казакова, Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
РАН, Санкт-Петербург, elena.mail.kazakova@gmail.com

«География — наука, отвечающая одной из самых всеобщих, самых захватывающих человеческих склонностей: путешествовать» — этими словами начинается рецензия на первый номер географического ежегодника для детей «Глобус» [Агапов 1938, 15]. Так, писатель Борис Агапов определяет географию как самую «человечную» науку, благодаря которой человек получает новое знание и открывает для себя мир. Предложенное Агаповым определение географии буквально связано с мобильностью через освоение пространства человеком — путешествиями. Этот способ познания мира и его присвоения, предложенный рецензентом ежегодника, характерен для целого ряда предшественников, участвовавших в создании литературы для детей и ее оценке. А сама идея воображаемых путешествий по реальным и экзотическим местам всего мира воплотилась в специальном жанре — литературе путешествий, который начинает появляться в детском чтении в конце XVIII в. и стоит у истоков оригинальной литературы для детей, написанной на русском языке.

В дворянской среде путешествие или обучение за границей считалось частью образовательного процесса и маркером будущей успешной карьеры, поэтому обучение наукам о земле и устройстве окружающего мира являлись подготовкой к социализации ребенка. Уроки географии и практические навыки чтения карт были обязательными предметами в образовании будущего гражданина Российской империи [Бокова 2010]. В этом контексте анализ восприятия пространства ребенком изначально был связан с атласами, картами и пособиями по изучению географии. Изучение художественной литературы и оценка текстов географической тематики — явление, получившее развитие только с 1860-х гг. Поскольку для географической литературы появление новых типов изданий и развитие жанровой дифференциации тесно связано с историей идей и представлений о географической науке, то мы будем анализировать статьи критиков, посвященные художественной литературе и учебным материалам, в которых эти идеи формулировались.

География в литературе путешествий и биографиях путешественников

Одна из первых книг, адресованных ребенку, повесть Марии Гладковой «15-тидневное путешествие, 15-тилетнею писанное, в угождение родителю и посвящаемое 15-тилетнему другу» (1810), написана в форме путевого дневника, описывающего путешествие

из Москвы в Петербург. В повести впервые в истории детской литературы появляется реальное российское пространство; главная героиня, молодая девушка путешествует с семьей из Москвы в Петербург, чтобы воссоединиться с находящимся в столице отцом, она берет на себя обязательство писать письма «любимому Папильке» каждый день. Героиней подробно описан маршрут путешествия и остановки, однако повествование Гладковой не фокусируется на красоте природы или особенностях архитектуры, как это принято в сентиментальной повести, а больше сосредоточено на той пользе, которую приносят города и регионы: «...въезжая в Тверскую Губернию видно, что пошва земли оной довольно хлебородна и производит достаточно лен и пеньку, чем жители по удобности водяного сообщения со многими местами торгуют, да и кроме сего торгова занимаются они водоходством, ибо в Тверской Губернии протекает Волга... и почитающаяся первою рекою в России не токмо по величине, но и по судоходству» [Пятнадцатидневное путешествие 1810, 22–23]. Писательница убедительно демонстрирует свое знакомство с литературными приемами сентиментализма, опираясь на эпистолярное наследие Н. М. Карамзина и А. Н. Радищева [см. Димьяненко 2021], и с интересом наблюдает за укладом жизни людей в незнакомых ей местностях.

Дальнейшее развитие жанра «литературы путешествий» для детей выражалось в дифференциации материалов географической тематики. В XIX в. стали выходить беллетризованные описания путешествий и географических открытий в сериях для детей («Библиотека путешествий мужей знаменитых, как то: Колумба, Кука, Бридона, Турнбулла, Бирона и многих других, в коих описаны занимательные и необыкновенные предметы в природе и жизни человеческой: пер. с нем.: [в 3 ч.]» (М., 1826) и др.), путеводители и научно-популярные издания Л. Ярцовой «Прогулка с детьми по Киеву» (1859), А. Ишимовой «Каникулы 1844 года, или Поездка в Москву» (1846), В. Бурнашева (В. Бурьянов) «Прогулка с детьми по С. Петербургу и его окрестностям» (1838) и «Прогулка с детьми по земному шару» (1936–1937) и т. д.

В анонимной статье «Чтение и литература для юношеского и детского возраста», опубликованной в 1866 г. в «Педагогическом сборнике», в общем ряду литературы, рекомендованной по естественным наукам и истории, в отдельный подраздел выделена и «географическая литература». Перечисляя книжные рекомендации, рецензент отмечает сложившуюся популярность географической тематики, которая выражается в возросшем количестве

текстов на книжном рынке и публикаций переделок уже известных взрослому читателю журнальных статей и приключенческих сюжетов в литературе для детей:

Географическая (здесь и далее курсив в источнике — *А. Д., Е. К.*) литература возросла до чрезвычайных размеров. Простейшие ее произведения составляют описания путешествий, как напр. *Гарниша* (16 том, 1821–32) и *Рихтера* (10 том, 1731), отличающиеся педагогическим выбором, но недостаточно хорошо обработанные или еще описания открытий, напр. *Кука* (обработанное Реденбахером, 3 т. 1847–50), *Джона Росса* (1844), *Джемса Росса* (1848), *Кена* (Экспедиция к северному полюсу. 1859). Вместе с подобными сочинениями, которые поучают и нравственно возвышают читателя изображением действительности и проявлений силы воли, появилась в новейшее время особая, весьма замечательная литература «географических характеристик» (Фогеля, Грубе, Томаса, Венцига, Пютца и др.). Эти характеристики составляют обработанные или непосредственные извлечения из больших сочинений и дают целую галерею географических описаний для юношества, но серьезное внимание, которого достойны многие из этих сочинений, отвлекается другими сочинениями, имеющими целью представить географию в форме романа. Подобная тенденция, заключающаяся уже в 100 вариациях «Робинзона» Дефо и «Острова Фельзенбурга», в новейшее время обнаруживается целым потоком Робинзонад, путевых приключений на море и суше, панорам, косморам¹, путевых картин, картин природы и других сочинений под самыми разнообразными заглавиями. Здесь из всевозможных книг и, большею частью, из сочинений новейших туристов и журнальной литературы, собраны разнообразные картины с религиозным колоритом. Выбирается все самое чудесное, необыкновенное и невероятное и представляется прихотливому вкусу маленького читателя [Чтение 1866, 798]².

Рецензентами и критиками педагогических журналов признается несомненная польза от чтения этих книг: сведения об окружающем мире — это базовые знания подрастающего гражданина своего государства. Характерно, что представление критиков о том, реальное, основанное на фактах или выдуманное путешествие совершается в тексте, не имеет значения в контексте получения знаний и извлечения пользы. Так, этнографические исследования «Очерки Печерского края» (1858) и «Очерки Зауральской степи и внутренней или Букеевской орды» (1958–1859), по мнению Аделаиды Симонович (1844–1933), теоретика дошкольного воспитания и основательницы первого детского сада в России и журнала «Детский сад», рекомендуется «читать попеременно с Майн-Ридом, так

как цель ее одна: знакомство со страной, для русского ребенка тем более интересное, что он кое-что да слышал о степях» [Симонович 1869, 57–58]. Вероятно, знакомство читателей с местностью с различных жанровых позиций, по мнению критикессы, позволит представить ее полнее. Фантастический элемент в повести Ж. Верна «Англичане на северном полюсе, приключения капитана Гаттераса», по мнению того же критика, дополняет сведения из географии:

Книга эта полезна не только в отношении сообщения географических познаний, но и тем, что приключения капитана, совершенно безысходное, по-видимому, положение, в котором он часто находится и которое грозит ему погибелью, находчивость его в изобретении средств для спасения себя и своего экипажа, изобретательность, основанная на научных познаниях доктора Клаубани, производят увлекательное и вместе с тем полезное влияние на молодых читателей. Это в своем роде Робинзон Крузо [Там же, 49].

Литературу географической тематики не затронут обвинения в неправдивости и искажении действительности, которые на протяжении всего времени своего существования в детском чтении будут обращены к сказке. Наиболее частые ограничения, относящиеся к географической литературе, были связаны с возрастом читателей. Для одних критиков запрет на чтение географических книг детьми «раннего возраста» обусловлен образовательной незрелостью, отсутствием базовых представлений об окружающем мире: «Езда по Сибири, Пятигорск и подобные требуют знакомства с географией. Очевидно, что помещать их в книги для детей, только что начинающих учиться и, значит, незнакомых с географией, совсем нелогично» [Корсаковский 1865, 20]. Критик под псевдонимом Ек. О. в педагогическом журнале «Детский сад», как и критик Корсаковский Гр.³ в журнале «Журнал для родителей и наставников», обращается к руководителям детского чтения — педагогам и родителям. Помимо того, что родители представляли собой участников книжного рынка, они же принадлежали к воспитывающему классу, вкладывающему деньги в образование своих детей. В этом контексте оценочное отношение экспертов к детской литературе как к прикладному инструменту только усиливалось:

Не говоря уже о том, насколько подобное чтение облегчит ребенку позднейшие серьезные занятия, оно имеет ту хорошую сторону, что научит его вдумываться в явления, происходящие перед его глазами, наблюдать, всматриваться, делать заключения. Знакомство с ближайшим, окружающим миром, с природой, элементарные сведения из фи-

зики и естественных наук, доставят ребенку такой запас сведений, что при позднейшем, систематическом изучении, он в состоянии будет усвоить и понять более сложные явления. Но и подобное чтение может принести пользу только тогда, когда оно правильно организовано, т. е. выбор книг безусловно хорош, дети читают с толком, а воспитатель обращает внимание их на все особенно замечательное в книге, объясняет им непонятные слова и выражения и заставляет отдавать отчет в прочитанном. Таким образом ребенок приобретает способность понимать читаемое и сознательно усваивать рассказываемое, а тем самым готовится к самостоятельной учебной работе [Ек. О. 1873, 403].

Многие родители... покупают своим детям пустынные французские сказки и повести, но изящно переплетенные и украшенные уродливыми картинками. Они оставляют без внимания, напр., книгу «Природа и люди» без картинок и в простой бумажной обертке, тогда как первые вопросы дитяти всегда относятся к природе; подобные же вопросы решаются в географии, а не в сказке. Почему же не удовлетворить естественному требованию детского ума? <...> Напротив того, аферисты, зная вкус публики, издают книги, где помещают несколько анекдотов, заимствованных у различных путешественников, и прикрашивают их разными лубочными картинками и красивым переплетом [Семенов 1860, 140].

В других случаях критике подвергается содержательная сторона текста: описание жестокости, смерти, охоты или экзотических обычаев туземцев. Автор рецензии предупреждает, что если пренебречь возрастом восприятия научного знания,

...вместо пользы может произойти вред: маленькие дети начнут бредить страшными рассказами о львах, тиграх и др. диких животных, не понимая значение и роли этих животных во всей природе. Поэтому рассказ не годится также как материал для рассказа маленьким детям [Симонович 1869, 51].

С середины XIX в. репертуар изданий географической тематики непрерывно увеличивался. Это происходило во многом за счет включения в рекомендательные списки книг, написанных не для детей, но адресованных детям рецензентами и критиками. Такой подход сложился благодаря народническому нарративу и был характерен для библиографических пособий, а не педагогических журналов. Исторически закреплённая за детским чтением специфика, выражавшаяся в дидактизме и назидательности, пересекалась с идейной прагматикой конструирования читателя, поэтому

во второй половине XIX в. издание книг для массового читателя (крестьянина) отождествлялось с детским чтением и наделялось схожими чертами. В известном трехтомном критическом указателе «Что читать народу?» (1884–1906), подготовленном кружком учительниц Харьковской частной женской воскресной школы, раздел «География и путешествия» представлен учебниками, описаниями России и Европы, путешествиями, этнографическими повестями, художественными описаниями. Еще в вводной статье учительницы отмечают недостаток популярных изданий этой тематики, собственно, для малообразованного читателя:

В общем, книги географического содержания, изданные для народного чтения, поражают необдуманностью плана, бессистемностью сообщаемого и нередко и неверностью. Очевидно, для некоторых составителей книг для народа представляется совершенно достаточным пока собрать в книгу первые, попавшиеся в жизни или книге *занимательные*, по мнению их, сведения. Что же касается до лучших книг этого отдела, то недостатки их, несоответствие потребностям читателей происходит от недостаточного знания составителями тех, для кого они пишут [Отдел географический 1889, 752].

Общее недовольство материалом для чтения свидетельствует не о недостатке книг на рынке, а о поиске языка для изложения научных сведений при этом понятных массовому читателю. Решением этих задач, по мнению учительниц, должен был стать отказ от приключенческих и фантастических элементов, способных отвлечь и увлечь (курсив наш – А. Д., Е. К.) во время чтения:

Рассказы Майн Рида и Жюль Верна читаются в народной среде детьми и молодежью с таким же увлечением, как и юношеством и детьми достаточных классов. <...> ...следует ли содействовать распространению этих произведений, содержащих гораздо больше вымышленного и несообразного, чем полезных и верных сведений? Ответ должен бы был быть отрицательный, если бы взамен этих «*увлекательных*» книг мы могли бы дать доступные научные книги, того же содержания. Но их нет пока, а Майн Рид и Жюль Верн в лучших своих рассказах все же дают кое-какие сведения, а главное — пробуждают интерес к чтению путешествий и описаний незнакомых стран [А. К. 1889а, 794].

Методические поиски педагогов имели настолько беспощадный характер, что опале подвергся исконный для детской литературы жанр — тревелог:

Изложение географических сведений в виде путешествия детей с заботливо поучающими их взрослыми спутниками — форма, издавна

употребляемая авторами книг для детей и юношества. Форма эта, может быть, и представляет некоторые удобства, но зато и отрицательные стороны ее являются очень существенными. Она неизбежно ведет за собой известную отрывочность, поверхностность в сообщаемом, вводит в рассказ отвлекающие от главного, забавные, но малосодержательные разговоры и вставочные эпизоды [А. К. 1889, 793].

Составительницы указателя предлагают оставить художественное и «деловое» [А. К. 1884, III] описание предметов из области географии и этнографии, а также по возможности использовать иллюстрации в качестве дополнительного материала. «Деловой» нарратив был обусловлен «серьезным взглядом на жизнь самого читателя — народа»:

Жизнь для него не наслаждение, а труд и долг, непрерывная борьба с природой, от умения пользоваться которой зависит его благосостояние (это он понимает и умеет отличить ее значение от иных сил, также влияющих на благополучие). Следовательно, ядром описания должно быть изображение этой борьбы, т. е. сведения о том, чем и как кормит себя человек, а затем уже должно следовать описание его нравов, верований, забав и т. д. [А. К. 1884, I–II].

Кроме учебников и пособий по работе с географическими картами, рецензенты советуют обращать внимание на научно-популярные издания об отдельных регионах, беллетризованные биографии путешественников и ученых, описания экспедиций, путевые дневники, а также произведения классиков — сочинения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова. Экспедиционные отчеты и биографии путешественников продолжали рекомендоваться детям в период, значительно удаленный от рецензий кружка учительниц Харьковской школы, — в 1923–1933 в эмигрантском журнале «Русская школа за рубежом», издаваемом при Педагогическом бюро по делам средней и низшей школы за границей. За рубежом книги географической тематики рецензировались преимущественно Е. А. Елачичем, писателем и преподавателем природоведения, химии и немецкого языка в 1-й Русской мужской гимназии в Белграде. Все книги, вышедшие в серии «Путешествия и приключения», в издательстве С. Ефрона рекомендуются в качестве основного или дополнительного материала «ученической библиотеки» [Елачич 1923, 211]. В них описаны экспедиции ученых, мореплавателей, путешественников — С. Гедина, А. Норденшельда, Г. Вегенера и др. Характерно, что в рецензии преимущественно оценивались факты

из биографии ученых и их личные качества, в которых подчеркивалась образованность, находчивость, непоколебимое следование собственным принципам, выносливость:

Мужественная фигура Стэнли, никогда не теряющего присутствия духа и бодрости, невольно привлекает к себе симпатию читателя. Интересны и яркие описания могучей тропической природы, нравов и обычаев туземцев [Елачич 1923а, 214].

Помимо ознакомления с оригинальным бытом тибетцев и величием природы этого удивительного горного плоскогорья, интересна также и сама сторона приключений, полных неожиданностей и опасностей. Спокойная, сильная воля, твердая и настойчивая личность самого путешественника оставляет яркое впечатление [Елачич 1923б, 213].

Экипаж с невероятными лишениями и трудностями стал пробираться к югу, но избежали гибели лишь немногие. Описание найденного дневника Де Лонга, который он вел, по-видимому, до последнего дня жизни своей, действительно является удивительным документом величия человеческого духа, и его жутко читать. Вся книга читается с неослабным интересом, и её нельзя не рекомендовать как прекрасное, полезное чтение для учащихся, начиная с четвертого класса. Очень интересны описания скитаний по северу Сибири, в устьях Лены, в дельтах Якутской губернии [Елачич 1923с, 213–214].

Мотивы борьбы с природой, выносливость, преодоление тяжелых условий экспедиций и путешествий, которые ценили и продвигали рецензенты и критики на рубеже XIX–XX вв. в чтении крестьян (Х. Д. Алчевская, Н. А. Рубакин), вновь воплощаются в критике литературы для детей в середине 1920-х гг. Рецензии в педагогическом журнале «Русская школа за рубежом» отражали выбор персоналий из истории географии и этнографии, которые могли бы стать для ребенка примером и образцом для подражания, тех, кто обладал социально одобряемыми личными качествами и ценностями.

Беллетризованные биографии и описания экспедиций прочно закрепились в жанрово-тематическом репертуаре изданий для детей. Так, в 1930 г. в критико-библиографическом журнале «Книга детям» выходит статья А. Кормиловой, посвященная серии «Библиотека экспедиций и путешествий» (БЭП), выпущенная издательством «Молодая гвардия», в которой она подробно анализирует «...путешествия и экспедиции, путевые очерки, заметки путешественников и организаторов экспедиции в разные страны» [Кормилова 1930, 19]. Несмотря на то что критики всё так же яростно

отстаивают необходимость тщательной проверки фактов и негодуют из-за ошибок и неверных сведений, подробный анализ каждой книги серии и выводы рецензентки отражают наметившийся перелом в определении специфики книг для детей. Практически все издания из этой серии оцениваются как сложные для восприятия или попросту неинтересные: «...книги БЭП не войдут в детской библиотеке в число ходких, легко читаемых наряду с беллетристической книг. Ребята берут и будут брать ее как „научную книжку“» [Кормилина 1930, 23]. В общем отношении Кормилина признает неуместность книг научного содержания в детском чтении. Вместо скучных бессюжетных биографий рецензентка предлагает читать другие книги:

...Мак-Ларена, Арсеньева, Скосырева. Все они написаны вовсе не специалистами писателями и не выдающимися художественными дарованиями, но у всех есть общая роднящая их черта — живой темперамент, умелый и зоркий взгляд наблюдателя, который любит то, что он описывает, и умеет передать мягкий, но вместе с тем бодрый лиризм своих переживаний, незаметно вплести его в повествование и тем придать теплоту и живую искренность страницам своих книг. Правда, тонкая поэзия Арсеньева будет доступна лишь очень развитым подросткам, не моложе 14–17 лет, трудна для их самостоятельного чтения и книга Скосырева, но Мак-Ларен заразит их упорной борьбой пионера цивилизации на цветущем, но диком острове, жадной жизни и новых впечатлений. Отдельно от остальных стоит книга Фольца «Римба». Книга несколько пресыщена лиризмом, местами переходящим даже в философию и намеренную поэтичность отдельных мест. То, что для взрослого читателя может быть особенной прелестью книги, для рядового подростка останется недоступным и загружающим впечатление балластом. Правда, картина безвыходной власти девственного леса (римбы) дана настолько эмоционально убедительно, что книга все же приобретет небольшую группу читателей среди развитых подростков 13–17 лет [Кормилина 1930, 23].

Идея о том, что детям необходима специальная литература, сочетающая в себе черты научно-популярной литературы, вновь возникает при описании выставки детской географической книги, проходившей с 21 марта по 17 апреля 1938 г. в читальном зале Исторического музея. Географ и преподаватель географии в Харьковском университете Николай Измайлович Дмитриев (1886–1957), выступает с неожиданной репликой:

Нашим издательствам есть чему поучиться в этой старине. За двадцать лет революции не было издано ни специальных, ни общих детских

энциклопедий. Ребята ждут от Детгиздата выпуска специальных энциклопедий (конечно, наряду с общей) [Дмитриев 1938, 48].

В своем обзоре Дмитриев перечисляет издания XIX в., останавливаясь не только на жанровой литературе путешествий и путеводителей, но и подробно описывает карты и пособия для изучения географии в школе. Критик отмечает, что атласы и игры «были первым географическим материалом, знакомившим детей с родиной» [Дмитриев 1938, 48]. Очевидно, что в картах и атласах, так же как и в путеводителях, транслируется не только представление об окружающем мире, но и о социальных и политических обстоятельствах того времени.

География как школьный предмет: учебные пособия и взгляд методистов

Помимо художественной и беллетризованной географической литературы, которая предназначалась для домашнего, семейного или внеклассного чтения, существовала и сфера разного рода учебных пособий, которые должны были обеспечивать преподавание географии в школе. Несмотря на общепризнанную значимость, география на протяжении XIX – начала XX вв. нередко описывается, как дисциплина, обойденная вниманием: «Парадоксом покажется с первого взгляда, если мы скажем, что из всех наук география пользуется в нашем отечестве наименьшим почетом; но это не парадокс» [Ушинский 1958, 270]; «[один] из важнейших и вместе с тем наиболее забытых предметов» [Петри 1892, I]; «Нет предмета более забытого и заброшенного, чем география: никто из тех, кому дана власть вершить судьбу школы, не интересуются ею» [Нечаев 1914, 9].

В первой половине XIX в. подход к изучению географии в гимназиях и училищах преимущественно состоял в заучивании номенклатуры — названий губерний, их городов, перечислении их примечательных особенностей и занятий населения. Такая методика приводила к автоматическому зазубриванию требуемого, причем зачастую в полном отрыве от картографических сведений, не принося пользы и не соотносясь с другими науками. Критически оценивая такую методику, географ и педагог Дмитрий Дмитриевич Семенов (1835–1902) констатировал: «...исключительным достоянием географии осталась по-прежнему одна только голая номенклатура,

и вот поле, которое географы принялись усердно разрабатывать, распространяя немилосердно запас собственных имен...» [Семенов 1860, 136]. Школьные учебники географии ориентировались прежде всего на Петербург и Москву. Поскольку инициатива в педагогике по-прежнему исходила из столиц [Лоскутова 2011, 245–246], авторы лучше их знали и имели в виду учеников этих городов. На этом фоне выделялся учебник Ф. Студитского [Студитский 1843], в котором изучение географии «начинается с воображаемого путешествия маленьких читателей, отправляющихся на корабле из Пскова по реке Великой в Балтийское море и далее вокруг света с возвращением домой через Черное море, вверх по Днепру и Западной Двине» [Лоскутова 2011, 244].

Начиная с 1860-х гг. получило развитие так называемое родиноведческое направление в преподавании географии, в рамках которого обучение начиналось со знакомства с родным городом и краем, охватывая все большие территории, а изучение картографических принципов велось поэтапно, чтобы подготовить ребенка к пониманию символического языка карт. Предполагалось, что пространственные представления ученика должны формироваться постепенно, начиная с плана классной комнаты и переходя к окрестностям школы, к городу, уезду, губернии и, наконец, стране. При этом следовало опираться не на специальные знания, а на собственные наблюдения детей. Идеи эти были заимствованы у немецких педагогов, которые ввели в школах предмет *Heimatkunde* — краеведение. Одним из главных апологетов такого подхода был К. Д. Ушинский, который познакомился с ним, изучая организацию географического образования в немецких и швейцарских школах. Реализовывать эти идеи пытался его современник и друг Д. Д. Семенов: «Основные понятия науки о земном шаре дитя усваивает себе из собственного наблюдения; глаза дают ему бессознательное понятие о том клочке, на котором оно живет. Учение должно ввести в сознание детей этот тесный круг познаний и распространить его» [Семенов 1860, 142]. В своем пособии «Отечественное» (1864–1869) он дает очерки бытового и этнографического характера, призванные описать разные регионы империи.

В это же время П. Н. Белоха работает над своим «Учебником географии» (1862–1863), ставшим впоследствии необычайно популярным и множество раз переиздававшимся. Он начинался с раздела «Родиноведение», где описывался Петербург и его окрестности, а также давался план, по которому можно было составить такое

описание для любой местности — в зависимости от того, где находились ученики.

С 1870-х гг. начали появляться и пособия по родиноведению для губернских и уездных городов, в которых последовательность знакомства со страной начиналась с того места, где располагались школа или училище [Лоскутова 2011, 248]. Вышли такие издания как «Учебный курс географии Новгородской губернии. (Родиноведение)» (1878) И. П. Можайского, «Город Ростов и его уезд (Опыт преподавания курсов географии для местных училищ)» (1881) А. А. Соколова, «Описание Костромской губернии. Опыт географии губернии для городских училищ» (1885) В. П. Ширяева, «Описание Архангельской губернии для народных училищ (родиноведение)» (1892) В. Белова, «География Владимирской губернии. Курс родиноведения» (1896) И. С. Смирнова.

Целесообразность родиноведческого подхода разделялась многими участниками образовательного процесса. Так, авторы обзора книг по географии «для народного и детского чтения» критикуют формулировки «не имеют ничего замечательного» и «принадлежит к числу незначительных», которыми в тексте пособия сопровождаются упоминания малых городов: «Затрудняемся определить цель таких сообщений. На всероссийское значение могут претендовать, конечно, немногие города; но суть-то не в них, а в росте, изучении жизненных условий именно всех этих *незначительных, незамечательных* центров жизни» [А. К. 1884, 13]. Составители указателя намекали на отсутствие внимания к городам и населенным пунктам в региональной части России, поскольку в качестве читательской аудитории таких изданий подразумевали крестьян и негородское население.

Републикуемая ниже рецензия Александры Михайловны Калмыковой «С севера на юг» [Калмыкова 1891] на книгу путешественника и специалиста по зоогеографии М. Н. Богданова «Из жизни русской природы» (1889) также исходит из концепции родиноведения, хотя книга не маркируется как пособие по краеведению. Калмыкова призывает родителей и преподавателей знакомить детей с природой страны, устраивая прогулки и путешествия. Зоогеографические очерки Богданова, по мнению рецензентки, заставят читателя «заглянуть туда, где ему, быть может, никогда не удастся побывать», и «возбудят здоровую любознательность — любовь и интерес к жизни русской природы» [Калмыкова 1891, 160]. Ценность рецензии Калмыковой состоит в том, что она фиксирует изменения, произошедшие в освоении пространства детьми. Привычные

для детей второй половины XIX в. места — усадьбы и загородные поместья — утрачивают значимость как места знакомства с природой, на смену им приходят «тесные ряды дач» [Там же, 161]. Нельзя не отметить, что в качестве художественного персонажа, объединяющего очерки, Богданов вводит журавля, с высоты птичьего полета показывающего читателю природу тех местностей, над которыми он совершает свой перелет. Калмыковой такая точка зрения представляется неудобной для читателя и делающей рассказ несколько искусственным [Там же, 160]. Однако такой способ репрезентации географической информации станет популярным и поставит эту книгу в один ряд с «Чудесным путешествием Нильса с дикими гусями» Сельмы Лагерлеф. Идеи родиноведения реализовывались в краеведческом подходе 1920-х гг. и продолжили существовать и в 1930-е гг. [см. Дорогутин 1926; Радченко 1928; Краеведение 1930; Эрдели 1939].

На протяжении всего рассматриваемого периода одним из вопросов, который обсуждался методистами, была дефиниция самого предмета: Ушинский в попытках сформулировать на русском суть *Heimatkunde* конструирует слово «окрестнография» [Ушинский 1906, 82], с развитием идеи изучения родного края появляются термины «родиноведение», «отчизноведение», «отечествоведение», «краеведение». Терминологическая дискуссия продолжилась и в 1920-е, поддерживаемая работами, в которых география трактовалась довольно широко [Аржанов 1918; Семенов-Тянь-Шанский 1925]. В числе главных достоинств хорошего географического пособия авторы перечисляют достоверность фактического материала, отсутствие сухости в изложении, хороший слог, занимательность и разнообразие, наличие иллюстраций, а целью такой книги видят «возбуждение любви к науке» [Семенов 1860, 140] — такие требования и дальше будут применяться к научно-популярной литературе.

Дискуссия о методиках преподавания географии детям на рубеже XIX–XX вв. велась преимущественно в среде крупных ученых и университетских профессоров. В методических статьях обсуждается и разрабатывается наиболее целесообразный подход к преподаванию географии, балансирующий между «статистико-административным государствоведением» с историческим уклоном и естественнонаучным. Кроме того, их общая мысль состоит в том, что картографические пособия не могут быть универсальными — для обучения нужны специальные карты и постепенное знакомство ученика с «картографической азбукой».

В раннесоветский период краеведческое направление продолжили развивать в своих работах ученые-географы и методисты — С. П. Аржанов «Методика географии» (1918), Я. И. Руднев «География в школе» (1925), Ю. М. Шокальский «Из истории географии» (1926) и др., зарекомендовавшие себя прежде. Большинство проблем, активно обсуждавшихся в дореволюционную эпоху, остались и в поле внимания авторов первых советских десятилетий.

Познавательное и развлекательное: пособия для игр и учебы

Поиски альтернативных форм пособий, которые сочетали бы в себе не только содержательную, информативную составляющую, но и развлекательную, велись параллельно с появлением новых жанровых форм. География была одной из самых популярных тем для познавательных игр начиная с XVIII в. [см. Костюхина 2013]. В качестве одного из ранних примеров можно привести описание домашней географической игры, организованной, судя по всему, силами самих участников. В «Детском чтении для сердца и разума», первом журнале для детей, издаваемом Н. Новиковым, публикуется переписка отца с сыном, отправленным в деревню для получения знаний об устройстве поместья и обучению наукам. Там герой встречается со своими братьями, которые предлагают ему игру по поиску городов на географической карте:

Пришедши в ту комнату, где надеялся я найти карты, брат мой подал мне несколько ланд-карт. <...> Он принес мне коробочку с подклеенными бумажками, на которых написаны были имена разных провинций и городов. — Из этой коробочки, говорил он, — вынимаем мы иногда по несколько билетцов, и батюшка заставляет каждого из нас приискивать на карте тот город, которого имя он вынял (так! — А. Д., Е. К.) и после что-нибудь о нем рассказывать [Переписка 1785, 123–124].

Игровой метод постепенно проникает в обучение географии. Один из форматов географических игр восходил к игральным картам, которые к вошли в досуговый обиход. В 1799 г. известным путешественником и географом А. П. Шелиховым были изданы карты «В пользу и забаву малолетним детям». В прилагаемом к колоде описании её автор сообщал, что для него «побудительною причиною было то, чтоб чрез забавное препровождение времени могли дети играючи оными затвердить как города и реки, так и краткое топографическое описание Российского Государства» [Мирослобова 2008, 105]. На картах изображены условные символы

крупных городов каждой из губерний и полуфигуры, держащие в руках картуши с описанием губерний.

В 1829 г. К. М. Грибанов выпускает колоду игральных карт под названием «Географические карты России с изображением гербов, костюмов и назначением верст от двух столиц для пользы юношества» [Грибанов 1829]. На картах был изображен герб губернии, перечислены ее крупнейшие города, а также изображена фигура в традиционной для этой губернии одежде. На обороте карт располагалась схематическая карта губернии с указанием расстояния до Санкт-Петербурга и Москвы, обозначением соседних губерний, указаны гидрографические объекты и транспортные пути. Хотя на лицевой стороне каждой карты была указана масть, это было скорее рудиментом такого формата, потому что для настоящей азартной игры эти карты не годились — их «рубашки» не были одинаковыми, а количество превышало стандартную колоду. Но в 1856 г. Грибанов издает усовершенствованную версию таких карт в виде «Альбома географических карт России, расположенных на 80 листках по бассейну морей, или замечательный и поучительный детский гран-пасьянс» [Грибанов 1856]. На этих картах уже не было обозначения масти, и они лишь условно напоминали игральные и выполняли исключительно просветительскую функцию. Каждая карточка содержала сведения об одной из административных единиц Российской Империи, дополненные изображениями герба, ландшафтных видов, характерных народных костюмов и основных занятий населения. Вероятно, одно из изданий-предшественников этих карт описывает в упомянутом выше обзоре выставки Н. И. Дмитриев, говоря о нем как о курьезе.

Географические игры призваны были стать одним из инструментов, объединяющих в себе просветительскую и развлекательную функцию, о чем свидетельствовали их названия: «Географическая игра или новейший способ самим собою научиться всеобщей географии» (1816), «Новейшая географико-историческая игра или первый курс географии и истории» (1824), «Новейшие географические карты, служащие как для обыкновенного игранья, так и для легкого и забавного... изучения географии» (1814) [Обольянинов 1916].

Как и в случае с педагогическими идеями, образцы географических игр нередко заимствовались: «По моделям немецких и французских „почтовых игр“ были сделаны игры под названием „Путешествие по России“ (игровая схема позволяла легко менять „начинку“, подставляя разные географические пункты)» [Костю-

хина 2013, 196]. Стремясь привнести новизну в формат таких игр, издатели старались разнообразить игровые схемы и делать игры многоадресными, предназначенными для использования «в компании взрослых, жаждущих знаний, в учительской деятельности и для развлечения с детьми» [Там же, 230].

Помимо разнообразных карт издавались, например, складные глобусы земного мира и небесной сферы. Они были составлены из карт, каждая из которых разрезана на 6 полос, соединенных верёвочным механизмом, придающим им объёмную форму [Кротов 1849]. Они сопровождалась пояснительной брошюрой, рассказывающей об основных понятиях географии [Кротов 1849а]. Складной глобус, который на выставке 1938 г. стал «предметом самой острой зависти всех его обозревавших» [Дмитриев 1938, 48], — это «Новоизобретенный складной небесный глобус для детей, с астрономической при оном географией» [1824], который описан как «роскош.[но] грав.[ированный]» «на шелковинках» [Обольянинов 1916, 20] — то есть на лентах, которые позволяли его собирать.

Интерес к подобного рода игровым пособиям сохранился и в советскую эпоху. М. Горький в своих заметках описывает две идеи для детских географических игр, основанных на принципе пазла — сборной модели: «Сделать из папье-маше глобус, разрезать его сообразно пластам... пород... Складывая из кусков шар, ребенок незаметно для себя ознакомится со строением земли и ее богатствами»; «Дать на толстом картоне карту Союза, показать на ней крупнейшие реки, лесные массивы, горные хребты, крупнейшие города и промстройки, ярко раскрасить ее и фигурно разрезать на куски. Собирая эти куски в целое, ребенок получит весьма точное представление о географии своей страны» [Горький 1939, 1].

Подобные игры воплощали идею о наглядности как необходимом атрибуте географических пособий, а кроме того — идею интерактивности, которая, хотя и не была сформулирована эксплицитно, несомненно, была частью представлений о «полезном и забавном».

Заключение

Как показывают материалы, собранные в архивном блоке, представления критиков о том, какой должна быть географическая литература для детей, на протяжении XIX в. и первой трети XX в., имеют общую прагматику: географическая литература рассматривалась как инструмент получения новых знаний об окружающем

мире. В педагогических журналах и указателях рецензии на книги географической тематики традиционно располагались вместе с исторической прозой, которая, в отличие от соседнего географического отдела, наделялась пометкой «для детского чтения». Просветительский аспект географической тематики усиливал размывание границ адресации, поэтому значительная часть рецензий посвящена определению возраста читателя этой литературы. Важно также и то, что просветительские задачи связывались не с содержанием литературы, а с вопросами оформления издания, доступности изложения материала и вовлечения детей в читательский процесс. Традиция, сложившаяся вокруг изданий по географии, предполагала анализ художественной литературы в одном ряду с учебными материалами. Признавая отсутствие необходимой формы изложения материала для ребенка-читателя, критики предлагали включать в детское чтение научно-популярные издания, путеводители, приключенческие повести, путевые дневники, описания экспедиции, географические карты, которые не были адресованы детям.

Проблема дефиниции географии как области знания и учебной дисциплины порождала и разнообразие подходов к ее преподаванию. Если в первой половине XIX в. географические знания оставались в большой степени номинальными и входили, скорее, в необходимый набор образованного дворянина, то начиная с 1860-х гг. география начинает восприниматься в более широком диапазоне, включающем и практические знания по экономической географии, и знакомство с родным краем: «наука теперь воспитывала граждан для служения своей нации» [Лоскутова 2011, 237]. В советскую эпоху географическая литература и картографические пособия также использовались в качестве идеологического инструмента.

Можно резюмировать, что набор требований, которые критики, педагоги и методисты предъявляли к географической литературе, не претерпел радикальных изменений на протяжении XIX — начала XX вв. Стоит также отметить, что публичная дискуссия о географической литературе велась преимущественно в среде исследователей и практикующих преподавателей. В журнале «Детская литература» авторами обзоров и рецензий выступают ученые-географы, зачастую довольно высокого уровня. Например, профессор В. К. Дахшлегер, заведовавший кафедрой экономической и социальной географии саратовского университета, геоморфолог Н. В. Думитрашко, более 50 лет проработавшая в Институте географии АН СССР, доцент экономической географии МГУ

Е. Д. Прозоров. Это свидетельствует о том, что несмотря на тенденции к популяризации знания, авторитетные позиции сохраняли представители академического подхода.

Примечания

- ¹ Косморамы представляли собой разновидность наглядного пособия с изображениями исторических событий, бытовыми зарисовками, видами городских достопримечательностей или просто забавных сценок, сопровождаемыми подписями в раешном стиле. В том числе, там могли оказаться изображения географической тематики — виды городов и природных ландшафтов: Петергоф и Летний сад, Царскосельская железная дорога, гора Этна, швейцарский вид, море близ Фонтенбло, Неаполь, Венеция [Обольянинов 1916]. Некоторые из косморам издавались в виде альбомов с картинками, а некоторые — в виде набора листов с дополнительными оптическими эффектами, они просвечивали и меняли вид при разглядывании на свет.
- ² Здесь и далее текст в цитатах воспроизводится по современным правилам орфографии и пунктуации. Стилистические особенности, сокращения и написания имен собственных — сохраняются как в оригинале.
- ³ Предположительно священник православной церкви — Александр Александрович Корсаковский (р. 1848).

Литература

Источники

- А. К. 1884 — А. К. Отдел географический: География физическая и политическая и этнография // Что читать народу?: Критический указатель книг для народного и детского чтения / сост. учительницами Харьковской частной женской воскресной школы Х. Д. Алчевскою, Е. Д. Гордеевой, А. П. Грищенко [и др.]. Т. [1]–3. Т. 1. СПб.: тип. т-ва «Обществ. польза», 1884. С. I–III.
- А. К. 1889 — А. К. [Рецензия] // Что читать народу?: Критический указатель книг для народного и детского чтения / сост. учительницами Харьковской частной женской воскресной школы Х. Д. Алчевскою, Е. Д. Гордеевой, А. П. Грищенко [и др.]. Т. [1]–3. Т. 2. СПб.: тип. т-ва «Обществ. польза», 1889. С. 793. Рец. на кн.: Иллюстрированная географическая библиотека / сост. О. И. Шмидт. Вып. 1: Путешествие вокруг света, 1885.
- А. К. 1889a — А. К. [Рецензия] // Что читать народу?: Критический указатель книг для народного и детского чтения / сост. учительницами Харьковской частной женской воскресной школы Х. Д. Алчевскою, Е. Д. Гордеевой, А. П. Грищенко [и др.]. Т. [1]–3. Т. 2. СПб.: тип. т-ва «Обществ. польза»,

1889. С. 794. Рец. на кн.: Верн Ж. Необычайные приключения капитана Гаттераса: Путешествие к сев. полюсу: с 16 рис. / Переделано с фр. М. А. Бекетовой. М.: И. Д. Сытин и К°, 1888.

Агапов 1938 — Агапов Б. Хорошее начинание: [рецензия] // Детская литература: критико-библиографический двухнедельник ЦК ВЛКСМ. 1938. № 15–16. С. 9–12. Рец. на кн.: «Глобус»: Географический ежегодник для детей. М.; Л.: Детиздат. 1938. 372 с.

Аржанов 1918 — Аржанов С. П. Методика географии. СПб.: Отд. подготовки учителей Ком. нар. прос. Союза коммун Сев. обл., 1918.

Гаврилов 1916 — Гаврилов В. Книги Н. Березина по географии // Что и как читать детям. 1916. Вып. 5/6. С. 143–148.

Горький 1939 — Горький М. Заметки о детской литературе // Детская литература. 1939. № 6. С. 1–2.

Грибанов 1829 — Грибанов К. М. [География России: Собрание карт]: [Карты]. [СПб., 1829].

Грибанов 1856 — Грибанов К. М. Альбом географических карт России, расположенных на 80 листах по бассейнам морей или Замечательный и поучительный детский гранд-пассианс / сост. Константином Грибановым. СПб.: В типографии Главного Штаба Его Императорского Величества по Военно-учебным Заведениям, 1856.

Дорогутин 1926 — Дорогутин Н. А. Краеведение, его современное значение и роль любителей в деле изучения страны // Первые шаги краеведа: сб. ст. / под ред. Н. А. Дорогутина, М. В. Муратова. Иваново-Вознесенск: Основа, 1926. С. 5–22.

Дмитриев 1938 — Дмитриев Н. О выставке детской географической книги // Детская литература. 1938. № 13. С. 46–48.

Ек. О. 1873 — Ек. О. Значение детской литературы и чтения // Детский сад. 1873. № 4–5. С. 228–237.

Елачич 1923 — Елачич Е. А. [Рецензия] // Русская школа за рубежом. 1923. № 5–6. С. 214. Рец. на кн.: Гедин С. Сухим путем в Индию. Берлин: Изд. С. Ефрона, [между 1920 и 1933]. Вып. 5. 191 с. (Путешествия и приключения).

Елачич 1923a — Елачич Е. А. [Рецензия] // Русская школа за рубежом. 1923. № 5–6. С. 211–212. Рец. на кн.: Стэнли Г. М. Мой первый путь к Конго. Берлин: Изд. С. Ефрона, [между 1920 и 1933]. Вып. 7. 175 с. (Путешествия и приключения).

Елачич 1923b — Елачич Е. А. [Рецензия] // Русская школа за рубежом. 1923. № 5–6. С. 213. Рец. на кн.: Гедин С. Трансгималаи. Новые приключения в Тибете. Берлин: Изд. С. Ефрона, [между 1920 и 1933]. 202 с. (Путешествия и приключения).

- Елачич 1923с* — Елачич Е. А. [Рецензия] // Русская школа за рубежом. 1923. № 5–6. С. 213–214. Рец. на кн.: Гильдер В. Г. Гибель экспедиции Жаннетты. Берлин: Изд. С. Ефрона, [между 1920 и 1933]. Вып. 4. 165 с. (Путешествия и приключения).
- Калмыкова 1891* — Калмыкова А. М. К вопросу о книге в жизни наших детей и юношества // Русская школа. 1891. № 2, февр. С. 151–166. Рец. на кн.: Богданов М. Н. Из жизни русской природы: Зоол. очерки и рассказы М. Н. Богданова, проф. С.-Петербур. ун-та. СПб.: тип. Н. А. Лебедева, 1889.
- Кормилина 1930* — Кормилина А. БЭП (Опыт характеристики) [Библиотека экспедиций и путешествий] // Книга детям. 1930. № 5/6. С. 19–26.
- Корсаковский 1865* — Корсаковский Гр. О детских книгах и хрестоматии Г. Басистова // Журнал для родителей и наставников. 1865. Т. 4, № 13. С. 12–22.
- Краеведение 1930* — Краеведение на новые пути! // Краевед массовик. 1930. № 2. С. 1–2.
- Кротов 1849* — Кротов В. К. Земной глобус. Небесный глобус: [Карты]. [СПб.]: Издание книгопродавца В. П. Полякова, 1849.
- Кротов 1849а* — Кротов В. Руководство к первоначальному изучению географии, составляющее приложение к составленным В. Кротовым глобусам земному и небесному. СПб.: тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1849.
- Нечаев 1914* — Нечаев А. П. Наглядность в преподавании географии и самостоятельные работы учеников. СПб.: П. В. Луковников, 1914.
- Обольянинов 1916* — Обольянинов Н. А. Заметки о русских иллюстрированных изданиях: Игры детские. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1916.
- Отдел географический 1889* — Отдел географический // Что читать народу?: Критический указатель книг для народного и детского чтения / сост. учительницами Харьковской частной женской воскресной школы Х. Д. Алчевскою, Е. Д. Гордеевой, А. П. Грищенко [и др.]. Т. [1]–3. Т. 2. СПб.: тип. т-ва «Обществ. польза», 1889. С. 751–754.
- Петри 1892* — Петри Э. Ю. Методы и принципы географии: руководство по методике географии. СПб.: Издание Картографического заведения А. Ильина, 1892.
- Переписка 1785* — Переписка отца с сыном о деревенской жизни // Детское чтение для сердца и разума. 1785. Ч. 2, № 21. С. 113–125.
- Пятнадцатидневное путешествие 1810* — Гладкова М. 15-тидневное путешествие, 15-тилетнему писанное, в угождение родителю и посвящаемое 15-тилетнему другу. 1810-го года августа месяца. СПб.: В тип. Губернского правления, 1810.
- Радченко 1928* — Радченко А. И. Краеведение в политпросветработе. М.: тип. «Красная Пресня» (3-я «Мосполиграф») [и] 14-я тип. «Мосполиграф», 1928.

Семенов 1860 — Семенов Д. Д. О преподавании и современном значении географии // Журнал министерства народного просвещения: Часть неофициальная. 1860. Август. Отдел первый. С. 134–148.

Семенов-Тянь-Шанский 1925 — Семенов-Тянь-Шанский В. П. География и искусство // География в школе: сборник статей / под ред. Я. И. Руднева, С. П. Бобина. М.; Л.: Московское акционерное издательское общество, 1925. С. 5–25.

Студитский 1843 — Студитский Ф. География России для детей. СПб.: Издатель Ю. А. Юнгмейстер, 1843.

Ушинский 1858 — Ушинский К. Д. Внутреннее устройство североамериканских школ // Журнал для воспитания. 1858. Т. 4. [Кн. 7–12]. С. 250–274.

Ушинский 1906 — Ушинский К. Д. Руководство к преподаванию по «Родному слову». СПб.: Типография М. Меркушева, 1906.

Чтение 1866 — [Модзалевский К. Н.] Чтение и литература для юношеского и детского возраста // Педагогический сборник. 1866. № 11. С. 763–803.

Штейнберг 1933 — Штейнберг Е. Национальная окраина в детской литературе // Детская и юношеская литература: критико-библиографический бюллетень. 1933. № 5. С. 11–15.

Эрдели 1939 — Эрдели В. Г. Руководство к работе с географическим атласом для 3 и 4 классов начальной школы. М.: Редбюро ГУГК при СНК СССР, 1939.

Исследования

Бокова 2010 — Бокова В. М. Отроку благочестие блюсти: как наставляли дворянских детей. М.: Ломоносовь, 2010.

Димьяненко 2021 — Димьяненко А. А. «Первый труд неопытной писательницы»: Е. П. Привалова о книге М. Гладковой // Детские чтения. 2021. № 2(20). С. 230–257. DOI: 10.31860/2304-5817-2021-2-20-230-257.

Костюхина 2013 — Костюхина М. С. Детский оракул: по страницам настольно-печатных игр. М.: Новое Литературное Обозрение, 2013.

Лоскутова 2011 — Лоскутова М. С чего начинается родина? Преподавание географии в дореволюционной школе и региональное самосознание (XIX — начало XX века) // Изобретение империи: Языки и практики. М.: Новое издательство. 2011. С. 223–262.

Миролюбова 2008 — Миролюбова Г. А., Плотников С. Л. Игральные карты для юношества, сочиненные Константином Грибановым // Труды Государственного Эрмитажа. 40: Культура и искусство России. 2008. С. 104–121.

References

- Bokova 2010* — Bokova, V. M. (2010). Otroku blagochestie blyusti: kak nastavlyali dvoryanskikh detey [Otroku piety to guard: how noble children were instructed]. Moscow: Lomonosov.
- Dimianenko 2021* — Dimianenko, A. A. (2021). “Pervyy trud neopytnoy pisatel’nitsy”: E. P. Privalova o knige M. Gladkovoy [“The first work of an inexperienced writer”: Ekaterina Privalova about the book by M. Gladkova]. *Detskie chtenia*, 2(20), 230–257. DOI: 10.31860/2304-5817-2021-2-20-230-257.
- Kostyukhina 2013* — Kostyukhina, M. S. (2013). Detskiy orakul: po stranitsam nastol’no-pechatnykh igr [Children’s oracle: on the pages of board-printing games]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obzrenie, 2013.
- Loskutova 2011* — Loskutova, M. (2011). S chego nachinaetsya rodina? Prepodavanie geografii v dorevolyutsionnoy shkole i regional’noe samosoznanie (XIX — nachalo XX veka) [Where does the motherland begin? Teaching geography in pre-revolutionary school and regional self-consciousness (XIX — early XX century)]. In *Izobretenie imperii: Yazyki i praktiki* [The Invention of Empire: Languages and Practices] (pp. 223–262). Moscow: Novoe izdatel’stvo.
- Mirolyubova 2008* — Mirolyubova, G. A., Plotnikov, S. L. (2008). Igral’nye karty dlya yunoshstva, sochinennye Konstantinom Gribanovym [Playing cards for youth, composed by Konstantin Gribanov]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. 40: Kul’tura i iskusstvo Rossii, 104–121.

Anna Dimianenko

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-7378-0613

Elena Kazakova

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0003-4600-4050

“STRIVING FOR WORLD KNOWLEDGE”: DISCUSSIONS ON CHILDREN’S GEOGRAPHICAL LITERATURE FROM THE LAST THIRD OF THE 18TH TO THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY

In the introduction to the “Archive” section, a retrospective review of critical reviews concerning travel literature, guidebooks, popular science literature on geographical themes, as well as educational aids on regional studies and maps, is proposed. The aim of the article is to present the history of the emergence and development of ideas by educators, critics, geographers, and writers about the types of publications and genre forms of travel literature, travelogues, and popular science literature used as material for learning geography. The enlightening nature of this topic prompts critics to discuss various forms of interaction with readers: from visual narratives in maps and globes to the academic presentation of material in descriptions of expeditions undertaken by geographers and travelers. The absence of a conventional definition of geographical literature as a genre creates diverse ways of its interpretation by educators, critics, and scholars, as well as discussions related to defining its audience. In turn, the multidimensionality of geography as a science, encompassing natural science, economic-political, and applied aspects, generates debates around approaches to its study.

Keywords: geography, travel literature, travelogue, geographical map, geographical game, popular science literature

Александра Калмыкова

К ВОПРОСУ О КНИГЕ В ЖИЗНИ НАШИХ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА (1891)

*Впервые опубликовано в: Русская школа. 1891. № 2, февр.
С. 151–166.*

С севера на юг. Из жизни русской природы. Автор книги «С севера на юг», известный писатель и художник, взял на себя нелегкую задачу устами старого бывшего журавля ознакомить читателя с жизнью и природой тех стран (от верховьев Волги до верховьев Нила), над которыми совершают ежегодно перелет журавли.

Задача выполнена удачно, рассказ интересен и сообщает много разнообразных сведений, но необычная и не совсем удобная для читателя точка зрения наблюдателя — с высоты птичьего полета — и окраска, придаваемая всем предметам особенностями журавлиного мировоззрения, не могли не сделать рассказа до известной степени искусственным.

Главным достоинством книги являются прекрасные художественные иллюстрации автора. Они, несомненно, должны произвести сильное и ценное впечатление на юного читателя, заключенного в течение долгих месяцев в тесных стенах городской квартиры или учебного заведения: они унесут его за пределы узкого горизонта повседневной жизни, но не в те небывалые страны, куда уносит сказка, а откроют перед ним простор степей, ширь моря, красоты природы севера и юга.

Оценивая таким образом педагогическое значение разбираемой книги, мы не можем не вспомнить о другом произведении нашей литературы для юношества, которому с указанной точки зрения должно принадлежать первенствующее место. Рассказы бывшего журавля с пользой расшевеливают чувства и воображение читателя, заставят его заглянуть туда, где ему, быть может, никогда не удастся побывать; очерки нашего зоолога-художника возбуждают здоровую любознательность — любовь и интерес к жизни русской природы, от которой мы своей системы воспитания так неразумно удаляем

наших детей. Книга М. Н. Богданова не пользуется у нас достаточной известностью, она еще не оценена вполне ни школой, ни семьей. Все мы скорбим о нервности, бесхарактерности, физической и духовной вялости нашего юношества, а что делаем мы для борьбы с этим разъедающим молодые жизни недугом? Если бы мы серьезно о нем думали, то возможно ли было бы отсутствие в наших воспитательных программах или, вернее, *обычаях и обрядах* забот о сближении детей и юношества с природой, о том, чтобы воспользоваться этим могучим воспитательным фактором? Влияем ли мы в этом направлении посредством книги и беседы? В обычае ли у нас прогулки, экскурсии, путешествия целых школ или хотя бы групп детей и юношей под руководством старших? Поколение «отцов» ещё выросло или в родных усадьбах, более или менее обширных «Монрепо», или в губернских и уездных городах, так недавно еще мало отличавшихся от сел и деревень, затерянных среди полей и лесов. Жизнь ушла вперед. Привольное детское житье в родовых «Монрепо» и даже скромных родных усадьбах стало достоянием истории, дети знакомятся с ним теперь уже по книгам да по рассказам отцов и матерей. Города-села стали или становятся настоящими городами. Вокруг них, где «отцы» детьми и юношами бродили с ружьем, силками и другими детскими затеями, среди приволья рош и лугов выросли всякого рода увеселительные *загородные* заведения и тесные ряды дач. Да, взамен утраченного явилась *дача*. Благо ли она или неизбежное зло для взрослых — это вопрос, не подлежащий здесь нашему обсуждению; но что она не благо для детей и юношей — не требует доказательств. Пусть же семья и школа поставят себе серьезной задачей возмещать детям то, что отнято у них новыми условиями жизни. На Западе давно тесно, давно города и села стали сливаться в почти непрерывные вереницы, а дети и юношество благодаря правильным педагогическим взглядам не утратили любви к природе и возможности пользоваться ее животворным влиянием для здоровья душевного и телесного. А у нас-то — ширь Волги и Днепра, дикие красоты Финляндии и берегов Ладожского озера, лесная глушь с живописно приютившимися в ней обителями, Крым, Кавказ... Нам возразят, что прогулки, путешествия требуют средств, и больших средств. Не в средствах дело! Тратят же сотни семейств громадные деньги на роскошные дачи, на пребывание в дорогих гостиницах модных центров Крыма и Кавказа без всякой пользы для детей, которые дальше людного парка или пыльного бульвара ничего не видят в тех местностях, где проводят лето с родителями. Примером незатейливости, осу-

ществимости путешествий с детьми и богатства доставляемых ими ценных впечатлений может служить отчет «О походе в Нилову пустынь» известного бывшего профессора Рачинского с учениками его народной школы¹.

Примечания

- ¹ См. «Русский Вестник» 1887 г. №№ 11 и 12 и отд[ельная] брошюра «Поход в Нилову пустынь». СПб. 1888 г. Ц. 20 к.

А. Кормилина

БЭП (ОПЫТ ХАРАКТЕРИСТИКИ) (1930)

Впервые опубликовано в: Книга детям. 1930. № 5/6. С. 19–26.

Второй год издательством «Молодая гвардия» выпускается на книжный рынок серия книжек, объединённых общим заглавием — «Библиотека экспедиций и путешествий» — БЭП. Само издательство так характеризует серию:

БЭП включает путешествия и экспедиции, путевые очерки, заметки путешественников и организаторов экспедиции в разные страны.

БЭП написана в форме живых увлекательных очерков.

БЭП богато иллюстрирована новыми оригинальными рисунками, фотоснимками и картами. БЭП освещает научные открытия как в СССР, так и в Америке, Азии, Европе, Австралии, Африке, Океании и на полюсах.

БЭП в целом составит законченную компактную серию, освещающую жизнь Союза и всего мира.

БЭП дала уже достаточное количество выпусков для того, чтобы можно было судить о верности взятого ею направления, о ее достоинствах и недостатках.

Всякий работник с детской книгой и в детской среде знает, что путешествия во все страны света, отважные экспедиции и великие открытия имеют постоянный спрос среди старшей группы детей-читателей.

Можно с уверенностью сказать, что интерес к ней стоит в числе наиболее устойчивых у читателя-подростка.

С другой стороны, стремление к мироведению находит себе чрезвычайно бедную пищу в книжном запасе библиотек. Географический отдел страдает отсутствием новой популярно-научной, ценной и интересной книги о любой стране и народе.

Легко представить поэтому тот интерес, с которым была встречена серия «Молодой гвардии», та внимательность, с которой берется в руки каждый новый выпуск БЭП в надежде заполнить им то или другое пустое место на библиотечной полке. Была еще надежда, что

БЭП выполнит одно из своих заданий — дать свой материал «в форме живых, увлекательных очерков», и окажет еще одну помощь детскому библиотекарю в задаче огромной важности: переключить интерес к дешевой приключенческой халтуре на интерес к правдивому, живому художественно-научному материалу.

Насколько же оправдывает БЭП вызванные ожидания?

Настоящая статья ставит себе задачу — дать характеристику БЭП с точки зрения применимости ее книг в работе с детьми-читателями. Автор прочел и разобрал следующие книги серии. Ефремов В. «По крыше мира с киноаппаратом», Рихтер З. «Семафоры в пустыне», Фольц В. «Римба», Говерн В. «В таинственную Лхассу», Тэйлор М. «В стране папуасов», Дьяков «По современной Австралии», Джонсон М. «С киноаппаратом в стране людоедов», Макаров «По советскому востоку», Венедиктов «Тайна Эвереста», Скосырев «В стране белого золота», Коробков Н. «В стране гробниц», Коллинсон К. — «На островах вечной весны», Арсеньев «Сквозь тайгу», Рихтер З. «В стране голубых озер», Попов «В поисках тунгусской столицы», Хорн А. «В погоне за слоновыми бивнями», Рыбичка Э. «Бурные годы Афганистана», Некрасов «В поисках южного материка»¹.

В 20 книгах явно доминируют две темы — Горная Азия (Памир, Алтай, Туркменистан, Афганистан) — 9 книг, и Австралия с Океанией — 6 книг. Преобладание первой темы легко объясняется присутствием в ней книг, посвященных жизни азиатских окраин СССР, доминирование второй носит временный и случайный характер.

По композиционному изложению содержания мы имеем яркое преобладание формы путевых заметок, обработанных в более или менее связное описательное повествование (из 20 книг — 11). Воспоминания о путешествиях и жизни в чужеземных странах — 4, описание экскурсий и различных приключений-путешествий в виде фабульного, литературно обработанного повествования — 3, очерк страны в целом (путешествие в данном случае является только зачином и описание не связывается с непосредственной последовательностью впечатлений автора, пример — книга Дьяконова) — 2.

Большинство разобранных книг снабжены предисловиями, вступлениями, послесловиями, почти все имеют небольшой пояснительный словарь научных терминов, туземных, иностранных или просто малоупотребительных слов, или — примечания к тексту (на каждой странице или гораздо чаще в конце книги). Каждая

книга разделена на главы с отдельными подзаголовками, с частыми абзацами, намеренно разрезающими и оживляющими сплошную страницу текста. Все книги иллюстрированы, почти все снабжены картами в тексте или в конце книги. Таково в главных чертах внешнее оформление книг серии.

Но при столь выдержанном внешнем единообразии с первых же шагов внутреннего анализа мы наталкиваемся на совершенно противоположное явление. Первое, что бросается в глаза, это необычайная разнохарактерность и разноценность книг, составляющих БЭП. Это явление типично для всех подобных серий, куда входят труды разных авторов, объединяемых только в редакции издательства, и оно сказывается всюду — с какой бы точки зрения мы не подходили к этой серии в целом.

Первый вопрос, возникающий при рассмотрении книг БЭП, — на какого читателя рассчитаны эти книги? Вот две книги: Некрасов «В поисках южного материка» и Н. Коробков «Страна гробниц».

Первая — путешествие капитана Кука в целях открытия южного материка (Австралия). Книга написана в форме воспоминания от лица одного из молодых участников экспедиции. Материал обработан литературно с целью придать книге форму вполне законченной беллетристической повести. В результате — типичная повесть-путешествие, рассчитанная на подростка не старше 14–15 лет, но вполне доступная и 12–13-летнему возрасту. Более серьезного читателя из числа подростков она не удовлетворит ни с точки зрения занимательности фабулы, ни по научному материалу, разбавленному достаточно общеизвестными сведениями.

Полной противоположностью ей является книга Коробкова. Это — одна из лучших и серьезнейших книг серии. Она представляет описание путешествия в Египте к известному египтологу Т. Девису на его раскопки. Книга дает интереснейший материал по археологии Египта, написана живым и образным языком. Автор весьма искусно пользуется приемом рассказа о прошлом Египта посредством тех или иных вещей или останков, найденных при раскопках, воссоздает целые картины из истории и быта страны, бывшей колыбелью современной цивилизации, умеет захватить читателя пафосом истого египтолога и увлечь его в глубь археологии и истории. Но и самый язык книги, серьезность сообщаемых ею сведений, равно как и многие мысли самого автора, все в целом может рассчитывать только на очень подготовленного и развитого потребителя. Эта книга — для взрослого развитого

читателя. Предисловия и примечания в книге прямо обращаются к большей фактической подготовленности и не только не облегчают и не упрощают книгу, но осложняют и углубляют ее в сторону еще большей точности, специальности и научности. Библиография к книге вся иностранная, а за подтверждением научных утверждений автор ссылается на иностранные журналы и научные труды. В детской библиотеке эта книга может быть использована редкими единицами в возрасте не младше 16–17 лет.

Если приведенные два примера и имеют некоторую намеренную конкретность, то во всяком случае характерны и для всей остальной серии. Степень популяризации материала, характер справочного багажа и самый язык книг достаточно различны по степени трудности, по приспособленности к тому или другому уровню развития предполагаемого читателя.

Поскольку данная статья рассматривает серию БЭП с точки зрения использования ее в работе детской библиотеки, вопрос о читателе сводится к выявлению — на какого потребителя могут рассчитывать ее книги в детской читательской массе? И здесь при первом же знакомстве с книгами ясно — говорить можно только о старшей возрастной группе 13–14 лет, иногда расширяя ее для 12-летнего возраста. Возрастной критерий является конечно недостаточным — вопрос о развитии и специальной заинтересованности выдвигается в данном случае на первый план. И здесь вопрос о доступности распадается уже на просмотр каждой книги в отдельности. Однако есть несколько требований, предъявляемых к любой книге, претендующей на ходкость в среде детского потребителя, и, особенно, художественно-научной и популярной.

Первое из них — требование, относящееся к композиции и компоновке материала. Вопрос о его фабульности, динамичности, определенной собранности вокруг нескольких опорных сюжетных пунктов — первое, на чем зиждется интересность книги для читателя-подростка. Книга с зерном заинтересовывающего сюжета, с определенными действующими героями всегда имеет больший шанс на успех перед безфабульными и безсюжетными материалами, затрудняющими восприятие ребенка. Поэтому вопрос о соответствующем оформлении материала имеет для детского библиотекаря первостепенную важность. С этой точки зрения книги БЭП дают разнообразные образцы. В некоторой их части мы имеем совершенно определенную тенденцию литературного оформления по всем правилам беллетристического произведения. Таковы из разобранных книги Некрасова, Кригера и отчасти Венедиктова.

Первая из них, о которой уже упоминалось, «В поисках южного материка», — несмотря на целый ряд малоинтересных вставных сцен, некоторую бледность и растянутость эпизодов повествования, является все же законченной литературной повестью. Характеристика действующих лиц посредством изображения их в действии, масса вводных сцен и разговоров — все преследует цель сделать книгу занимательным и легким чтением. Книга Некрасова если и не становится в число ходких книг, то, во всяком случае, прочно зачисляется ребятами в беллетристику и не отодвигается во «вторые», «добавочные» книги. Зато вторая книга — «В поисках хинного дерева» — являет собою пример «попытки с негодными средствами». Первая глава этой книги («Отец и сын») дает зачин по всем правилам литературной завязки и как бы обещает занимательную повесть. Но дальнейшее не оправдывает ожиданий. Кригер является типичным представителем тех писателей, которые в простоте душевной думают, что достаточно снабдить книгу вводными «разговорами» и «литературными» фразами, населить непонятно для чего вводными персонажами (например собака «Случай») и начать почаще употреблять восклицательные знаки, чтобы оживить материал и сделать из него интересную книгу. «Похищение хинного дерева» оставляет особенно досадное впечатление от неумения автора использовать достаточно интересный сюжет и заинтересовать им читателя (книга читается в возрасте от 12–15 лет). На протяжении всего повествования автор своим часто повторяющимся «вдруг» постоянно напрягает и разочаровывает внимание читателя, который ждет, что вот-вот начнется «интересное»: острого сюжетного момента так и не наступает, и книга захлопывается с чувством досадного разочарования.

В книге Венедиктова «Тайна Эвереста» частично те же недостатки, местами ясно проступает неслитность делового материала с беллетристическим подкрашиванием. Но в книге есть и некоторые искупающие моменты: 1) в завоевании человеком неприступной горной вершины есть подлинный пафос борьбы, поддерживающий и напрягающий интерес читателя, заражающий его упорной энергией горсти отважных завоевателей; 2) два главных деятеля экскурсии на Эверест — Маллори и Ирвин — проходят в повествовании как довольно выпукло данные характеры, становятся героями, привлекают к себе симпатию и тем сразу оживляют и согревают для подростка всю книгу. Их трагическая смерть воспринимается как подъемный, завершительный момент борьбы и оставляет в ребятах неутоленный и довольно оживленный интерес к даль-

нейшей истории завоевания Эвереста. Книга сравнительно охотно читается детьми 13–15-летнего возраста. Как контрастную этим книгам по форме содержания можно назвать книгу типа Дьяконова — «По современной Австралии». В ней дается совершенно бесфабульное и бессюжетное содержание, материал статичен и лишен какой бы то ни было динамики. Это типический очерк, цель которого — дать характеристику страны в ее теперешнем состоянии с экономической, социальной, бытовой, отчасти политической точки зрения. Изложение ведется в деловых, но подчас очень интересных и довольно живо данных сведениях. Деловитость книги доходит до введения в текст целого ряда цифровых данных, статистических сведений и сравнительных таблиц.

В детской библиотеке она может быть целиком отнесена к научной книге и поставлена в деловой отдел географической полки. Но, как уже выяснялось, наиболее типичная форма содержания книг БЭП — это путевые заметки, дневники, воспоминания чаще репортерского типа (Рихтер, Коллинсон, Попов, Ермилов и др.). Все они дают простой деловой рассказ без особо острых приключений, с естественной динамикой и последовательностью чередующихся событий и постепенно разворачивающихся или на ходу зарисованных картин быта, природы, дорожных опасностей; иногда вставные эпизоды более острого содержания, иногда экскурсия в прошлое или будущее проходящей перед глазами страны. Отсутствие динамической фабулы и здесь не всегда объясняется отсутствием подходящего материала, часто книга имеет в себе интересный сюжетный момент, но автор не умеет его развить и использовать. Такова, например, книга Хорна — «В погоне за слоновыми бивнями», где история с белой девушкой-жрицей прямо напрашивается на сюжетное использование; автор пытается собрать вокруг нее материал, но делает это неудачно и слабо. В книге Джонсона «С кинематографом у людоедов»² как обстановка, так и целый ряд событий чрезвычайно интересны. Но, во-первых, как-то не чувствуешь полного доверия либо к правдивости изложения фактов, либо к правильности толкования обстоятельств (слишком благополучно выходит автор-«герой» из самых острых положений); во-вторых, книга написана неумело, автор не вглядывается в окружающий его дикий быт, не умеет описывать. Есть много комизма, но общий тон вульгарно-мажорный (что привлечет подростка).

Таким образом, в своем большинстве книги БЭП не могут рассчитывать вызвать интерес читателя умелым оформлением материала, занимательным сюжетом и остроумной фабулой. Но ведь

успех книги даже и у подростка обуславливается не только этим. Даже у него книга может вызвать интерес и сочувствие в силу своей непосредственной художественной и объективной интересности своего делового материала.

Что представляет собою БЭП с точки зрения художественности ее произведений?

Несмотря на разнообразие оценок в зависимости от разных авторов при разборе данного вопроса, все же можно установить несколько характерных категорий. Большую часть книг БЭП ни по изобретательности и яркости образов, ни по качеству языка, ни по умению живой непосредственной передачи впечатлений нельзя отнести к художественной литературе. И это отсутствие подлинной художественной передачи особенно чувствительно при таком материале, как описание путешествий и экспедиций. В книгах подобного рода слишком значительная часть отходит к описанию природы, быта, новых оригинальных нравов. И здесь сила изобразительности слова должна бы равняться мастерству художника кисти. Описание — слишком статический момент повествования для того, чтобы его страницы не были проходными и скучными, особенно для читателя-ребенка, они должны останавливать на себе его внимание яркостью и оригинальностью изображения. Но книги БЭП часто не дают запоминающихся впечатлений. Их язык — частично язык деловой прозы, чаще легкий и простой язык репортерской записной книжки, слегка оживленный юмором.

Проверяя свое впечатление от таких страниц, невольно сравниваешь их с иллюстрациями, снабжающими их текст. Спокойные, однотонно-серые воспроизведения фотографий, подчас довольно четких и эффектных, чаще — неясных и смазанных — та же сухость изображения, иногда выразительного и всегда верного действительности, но бессильного, за редким исключением, передать жизнь, движение, краску (типические примеры — книги Попова, Рыбичка, Ефремова). Но если эти книги часто страдают недостатком изобразительности, то их простота и правдивость (книги З. Рихтер) выгодно отличают их от попыток заменить подлинную художественность бесцветным и изжитым штампом «литературных» фраз. Примером может служить книга Хорна или Кригера. Вот примеры из последней, взятые со страниц, раскрытых наугад.

«Забрезжил восток. Зарделись снежные вершины Кордильер. По темно-зеленому небу проскользнула улыбка, заставившая его покраснеть».

«Скалы, как бы устыдившись своей наготы, покрылись неописуемым количеством растений...»

«Тишина, блеск, сияние... Уединение и благоухание... Торжественно парило утро над долиной...»

Но как радостно и ярко выделяются на этом часто скучноватом фоне книги, написанные рукою действительных художников, владеющих живым словом. Таковы книги Мак-Ларена, Арсеньева, Скосырева. Все они написаны вовсе не специалистами писателями и не выдающимися художественными дарованиями, но у всех есть общая роднящая их черта — живой темперамент, умелый и зоркий взгляд наблюдателя, который любит то, что он описывает, и умеет передать мягкий, но вместе с тем бодрый лиризм своих переживаний, незаметно вплести его в повествование и тем придать теплоту и живую искренность страницам своих книг. Правда, тонкая поэзия Арсеньева будет доступна лишь очень развитым подросткам, не моложе 14–17 лет, трудна для их самостоятельного чтения и книга Скосырева, но Мак-Ларен заразит их упорной борьбой пионера цивилизации на цветущем, но диком острове, жаждой жизни и новых впечатлений. Отдельно от остальных стоит книга Фольца «Римба». Книга несколько пресыщена лиризмом, местами переходящим даже в философию и намеренную поэтичность отдельных мест. То, что для взрослого читателя может быть особенной прелестью книги, для рядового подростка останется недоступным и загружающим впечатление балластом. Правда, картина безвыходной власти девственного леса (римбы) дана настолько эмоционально убедительно, что книга все же приобретет небольшую группу читателей среди развитых подростков 13–17 лет.

Из всего сказанного ясно, что книги БЭП не войдут в детской библиотеке в число ходких, легко читаемых наряду с беллетристической книг. Ребята берут и будут брать ее как «научную книжку».

Какова же степень интересности, доступности и полезности сведений, которые они смогут почерпнуть из книг серии?

Разнохарактерность книг здесь не столь значительна, но говорить о них как о едином целом все же нельзя. От серьезного научного материала той же книги Коробкова до книги Макарова «По советскому Востоку» — «дистанция огромного размера». В последней — рассказ комсомольца об экскурсии на юго-восток СССР (Крым, Кавказ, Туркменистан). Соединение беглых и поверхностных впечатлений с событиями, весьма похожими на вымышленные «вставные новеллы» с беззастенчивыми цитатами «без кавычек». Кроме нескольких сенсаций (разрушение могилы святого и т. д.),

Макаров не дает никакого фактического материала. Некоторые общие черты делового материала наиболее типической средней книги БЭП можно наметить при ответе на один важный вопрос, насколько полный образ той или иной части страны дает книга БЭП, насколько верна и не искажена односторонностью наблюдения картина, которую она дает. Конечно, немислимо требовать от одной экскурсии в данную местность не только исчерпывающих сведений о ней, но и вообще хотя бы в общих чертах охватывающего очерка. Это же статья учебного характера. Живые люди, живые более или менее случайные впечатления уже одной своей правдивой непосредственностью обуславливают относительную эпизодичность и односторонность создаваемого впечатления, но все же от опытного туриста и наблюдательного путешественника требуется умение анализировать и делать выводы. Ему мало глядеть, ему надо уметь видеть. Вот почему даже от описания отдельного путешествия требуется известная цельность и умело подобранный материал. Книга не должна производить впечатления случайных и отрывочных сведений, трудно собираемых в одно целое в голове читателя. Не целая картина страны, но отдельная, хорошо заснятая иллюстрация к ней — цель каждой отдельной книги БЭП, только при этом условии она выполнит взятое ею задание — в целом составить законченную компактную серию, освещающую жизнь Советского Союза и всего мира. Но этому требованию отвечают не все книги БЭП. Макаров, Коллинсон, Рыбичка, Хорн дают именно такие отрывочные и разнообразные сведения. Важное и ценное в этих книгах часто тонет в мелких и случайно подобранных деталях или слишком личных подробностях, чередуясь с пустотой самых необходимых данных и выводов. Выгодно отличаются от них книги типа книг З. Рихтер или Скосырева. Оба автора умеют наблюдать, а главное связывать в одно целое отдельные впечатления, вовремя дать дополнительные сведения, поставить выводы и обобщения. Они дают своими книгами сравнительно полное и живое впечатление. И все же, с точки зрения данной статьи, по отношению к большей части серии можно сделать один вывод: для того, чтобы эти книги были хорошо использованы читателем, нужно, чтобы последний обладал каким-то фундаментом для их восприятия. Нужен определенный запас и иногда довольно значительный запас сведений о той или другой стране. У взрослого подготовленного читателя пригодные для него книги БЭП вызовут больший интерес и принесут больше пользы. Тот, кто уже что-то знает и интересуется, сумеет выбрать из любого материала нужное и пополняющее запас его зна-

ний, подобно тому, как при наличии общего фона и плана каждая новая деталь пополняет и обогащает картину. Поэтому, несмотря на то что книги БЭП дают частью ценный и новый материал, они найдут читателей в детской библиотеке чаще всего только среди старшей группы достаточно квалифицированных, а иногда лишь специально заинтересованных подростков. Но эта естественная и отчасти неизбежная отрывочность сведений отдельных книг может быть в значительной степени исправлена доброкачественным справочным и добавочным материалом. В этом направлении издательством делается многое. Весь характер серии свидетельствует о желании пойти навстречу читателю и дать ему в помощь справочный и разъяснительный материал. С этой целью книги БЭП снабжены, как уже отмечалось, справочниками, словарями, предисловиями. Предисловия имеют почти все книги БЭП. Большинство из них преследует одну цель — сообщить вкратце необходимые общие сведения или о данной стране, или по затронутому в книге вопросу (послесловие в книге Скосырева, Рихтер «Семафоры в пустыне»). Чаще всего предисловие заключает еще оценку книги или, если оно составлено самим автором, краткое вступление о том, как и для чего написалась книга. Конечно, предисловия, как и книги, неравноценны. Бывает, что и предисловие отделяется от книги в самостоятельную единицу и по содержанию, и по качеству. Таково оно в книге Макарова, где его темой по существу является пролетарский туризм и достопримечательности СССР, и качество много выше самой книги, которую автор предисловия, по-видимому, внимательно не прочитал.

Словарики весьма разнятся по своему типу — от типа обычного краткого словарного разъяснителя непонятных терминов до характера пространственных энциклопедических справок.

Примечания и ссылки имеют общую со словарями тенденцию — возможно полно добавить недостающие в книге сведения или просто облегчить понимание ее текста.

Но этот справочный материал серии, почти всегда добросовестно и тщательно подобранный, подчас страдает одним большим недостатком, противоположным его главной цели. Его материал иногда труден и запутан. Язык справок часто неясен и имеет в себе столь же трудные термины, как и те понятия, которые они призваны разъяснить. Примечания подчас невозможно длинны, запутаны и сложны (книга Хорна).

Библиография по данной стране или затронутому вопросу дается, к сожалению, далеко не во всех книгах.

Необходимо сказать еще немного о том, насколько современно освещают книги БЭП обработанный ими материал. Умеют ли их авторы заставить читателя по-новому глядеть на старую землю, помогают ли дать должную, с точки зрения советской современности, оценку тем или иным фактам разнообразной человеческой жизни на ней, смотрят ли сами и дают ли другим видеть ее глазами новых строителей жизни? И о лучших книгах серии можно смело утвердительно ответить на этот вопрос.

«Семафоры в пустыне», «В стране голубых озер», «В стране белого золота» умеют дать верную оценку жизни окраин Союза, показать ломку старого и зарождение нового.

Конечно, и в этом вопросе верность и правдивость тона книги стоит в зависимости от силы дарования и искренности автора, нельзя назвать рядом имена Макарова и Скосырева. Но иногда анализ социальных форм жизни страны бывает недостаточно показан и в хорошей книге. Дьяков «По современной Австралии» мало показал отрицательные стороны типичного капиталистического государства, и есть некоторый риск, что у неподготовленного читателя останется, пожалуй, слишком радужное впечатление от «Белой Австралии».

Но ведь БЭП включает в себя произведения не только наших советских авторов, большая часть ее книг принадлежит переводной литературе, каковы же они с точки зрения того же вопроса о современности? И здесь материал книг не внушает опасений как достаточно тщательно проверенный издательством, а там, где не хватает должной оценки у автора, она пополняет и помогает ему в предисловии или примечаниями (книга Фольц). Правда, встречается иногда и здесь недостаток; отсутствие именно такого корректирующего и пополняющего предисловия имеется в книге Рыбички, где необходимо дать более твердые и определенные точки зрения для освещения «Бурных годов Афганистана».

Почти все книги БЭП обладают одной ценной чертой — это их бодрый жизнерадостный тонус... Не только в книгах о СССР, где авторы естественно захвачены пафосом нового строительства, но и в почти любой книге серии всегда доминирует момент упорной и побеждающей борьбы и воля к жизни. Мак-Ларен, Фольц, Венедиктов, Говерн и др. — каждый дает своеобразный пример этого утверждения.

Остается сказать еще несколько слов о внешнем оформлении книг БЭП. И тут приходится признать в большей части из них печальный факт — вслед за хорошей в большинстве случаев об-

ложкой следует текст, снабженный плохо воспроизведенными и не всегда удачно выбранными фотографиями. Их часто смазанные пятна тускло мелькают на страницах и чаще не оживляют книгу, а делают ее еще более скучной и портят первое (особенно важное для ребенка) зрительное впечатление. Ребята, раскрыв книгу и не заглянув еще в текст, говорят: «Нет, это скучная — по картинкам видно», и это не потому, что эти «картинки» — фотографии реалистического содержания, так как те же ребята любят и долго рассматривают хорошие четкие иллюстрации других географических изданий... Исключения составляют книги Ефимова, Коробкова, отчасти Фольца и Мак-Ларена и некоторых других. Оставляют желать очень многого и карты, снабжающие текст или данные в виде приложений в конце книги. Большинство из них настолько стерты, неясны и непоказательны, что ребята либо вовсе не интересуются ими, либо не умеют в них разобраться, что особенно досадно в тех случаях, когда книга серьезно заинтересовывает читателя (Венедиктов).

Заканчивая эту далеко не полную характеристику серии БЭП, можно прийти к следующему краткому выводу: серия БЭП по заданию, по намеченному и отчасти выполненному плану нужна и полезна для работы в детской библиотеке. Ее книги необходимо знать каждому работнику с детской книгой для того, чтобы уметь отобрать доступное и ценное для своей работы. Пригодные для читателя-ребенка книги серии необходимо продвигать в детскую среду (главным образом в группу подростков), для чего надо поработать над выработкой интереса к ним, что в большой мере зависит от умелого использования библиотекарем материала этих книг. На последнее обстоятельство необходимо обратить особенное внимание, те из книг БЭП, которые не могут быть использованы в силу своей трудности или по недостаточности хорошего материала, часто дают для самого работника в детской среде хороший материал не только для занятий в географическом и краеведческом кружке, но для беседы на соответствующую тему и даже (как полуфабрикат) для рассказывания.

Необходимо высказать и ряд пожеланий.

От издательства требуется прежде всего единое и более объединяющее руководство всей серией в целом в целях придания ей большей выдержанности и последовательности — и с точки зрения деловой ценности материала и определенного минимума художественности, — а также более твердо взятая ориентировка на определенного читателя. Для последнего, может быть, будет наи-

лучшим произвести какое-либо и внешнее разделение книг серии, разнящихся по степени трудности и серьезности. Необходима и еще более тщательная проверка справочного материала книг, некоторое изменение его в сторону большей простоты и легкости понимания.

Нужно также пожелать серии пойти дальше заманчивой обложки и в иллюстративном оформлении дать более интересную и тщательную книгу.

Разбор серии по отдельным главным вопросам анализа не создаст цельного живого образа книги БЭП. Отдельная книга не представляет собою в целом отрицательного или положительного явления — достоинства и недостатки по-своему переплетаются в каждой из них. С целью дать представление об отдельной книге БЭП приведем несколько кратких рецензий о некоторых книгах серии. Они взяты не по какому-либо предвзятому выбору, но каждая из них может быть характерна для некоторой группы. Пример сильной книги — Мак-Говерн и Скосырев, образчик слабой — Хорн, типическая средняя по достоинствам — Тейлор, обладающая особенной индивидуальностью и художественными достоинствами — книга Арсеньева.

1. Мак-Говерн. «Переодетыми в Лхассу (Тайная экспедиция в Тибет)». По существу, одна из самых интересных книг серии. Таинственность Тибета, несколько театральное своеобразие самого способа путешествий — герой одет и загримирован слугою своего слуги, эффект внезапного саморазоблачения во время грандиозного празднества в городе Далай-Ламы. В то же время путешествие изобилует действительными, хотя и не экстраординарными приключениями и опасностями. Мак-Говерн путешествует с открытыми глазами, живо наблюдая особенности быта туземцев и пытаясь подчас характеризовать социальные и экономические условия. Наконец, интерес путешествию придает его современность.

Но ценность книги резко понижается крайне сухой манерой изложения. По большей части герой-автор не описывает, а регистрирует свои впечатления. О природе — только справки. Нет намек на какие-то человеческие встречи с туземцами. Интерес ко всему виденному и пережитому — интеллектуально-спортивный. Языка нет. В общем книга производит впечатление необработанных воспоминаний дневникового характера. Хороший материал для умелого рассказчика в аудитории 13–16 л. Самостоятельно прочтут только развитые и специально заинтересованные путешественниками подростки 14–17 л. Послесловие для подростка и некалифицированного читателя неприемлемо по трудности и простран-

ности, но для педагога или рассказчика, работающего с книгой Мак-Говерна, даст интересную и доброкачественную историю всех попыток исследовать Тибет. Рисунки — плохие репродукции с фотографий.

2. Скосырев. «В стране белого золота». Белое золото — хлопок. Страна его — Туркменистан. Тема книги — строительство новой жизни в Туркменистане, новой экономики, новой общественности, новой психологии. Автор был участником борьбы с басмачами, вернулся в Туркменистан после 6-летнего перерыва и сравнивает свои впечатления тогда и теперь. Ценна книга тем, что автор везде дает конкретные факты, притом в живых образных, подчас глубоко поэтических описаниях и в то же время дает их в своем вдумчивом и страстном преломлении — толковании. Перед вами оазис и оживление древнего Иерва³, каналы, прорытые в последние годы, героическая борьба человека и союзника его — саксаула (кустарник), образы «новых людей» Туркменистана, которых умеет автор открывать в случайных попутчиках и встречах. И тут же все подлинное своеобразие, которое хранит страна Белого золота в своем преображении. Книга полна хорошего пафоса строительства, борьбы с природой, очень субъективна и все же убедительна... Дает при чтении большую революционную зарядку и вместе с тем очень лирична. Язык, образы, сравнения, манера отписывать сжато и щедро обличают поэта. Для самостоятельного чтения детей — трудна, рассудочна, малодинамична. Может быть использована для беседы и (в отрывках) для чтения вслух.

3. Хорн. «В погоне за слоновыми бивнями». Воспоминания глубокого старика, некогда охотника и мехового торговца в Африке, о своих похождениях в дни юности. По форме и содержанию книга производит странное впечатление своею нецельностью. Она не дает картины природы Африки и быта ее племен, нет в ней и сюжетного интереса к похождениям героя. Все отрывочно, случайно. Почему-то чередуются большие точности деталей и картин с полными провалами памяти у рассказчика. Также и по форме — язык то отзывается литературщиной, то бесцветно груб. Есть интересные бытовые факты, характеризующие дикарей и их взаимоотношения с белыми, картины охоты, приключения. Есть заинтересовывающий элемент тайны, которой окружен образ белой девушки-жрицы. Встреча с нею и похищение ее — зерно сюжета, но рассказывается о ней слишком неумело. В общем, книгу прочтут не без интереса дети 13–16 л. и забудут. Зато для умелого рассказчика, который сумеет переработать воспоминания Хорна, обогатить их этнографическим

и природоведческим материалом, книга эта очень ценный полу-фабрикат. Предисловие дает биографию и характеристику Хорна, написано умно и понятно.

4. Тейлор, Мерлин Мур. «В стране папуасов». Рассказ путешественника. Путешествие с приключениями, подчас острыми. Рассказ простой и деловой. Точность деталей и описаний. Дан быт туземцев не только внешне, но и в попытках анализировать психологию. Есть нарастание интереса, как бы сюжет. Иллюстрации — неудачно воспроизведенные фотографии. Вступление дает ряд справок о Новой Гвинее и больше по существу ничего. Могут читать подростки 14–17 л. Можно использовать для рассказывания.

5. Арсеньев. «Сквозь тайгу». Полуобработанный путевой дневник экспедиции в дебри Уссурийского края, проведенной в 1927 г. Соединяет точность научного отчета (в части метеорологических, ботанических и т. п. наблюдений) с вдумчивым вниманием психолога к жизни местного населения — орочей. Автор не только видел — он переживал, преображая лирически и подчас философски все виденное. Глубокой поэзией проникнута вся книга, в ней живет дикая, мощная природа, живут и переживают люди. Очень уверенно и осторожно, с каким-то поэтическим мастерством дана психика полудиких охотников, их слияние с природой, причудливость воззрения, суеверия. Всем этим искупается «дневниковая» форма повествования, лишаящая рассказ динамики, и некоторая развлекательность справочно-природоведческим материалом. Язык разговорный, живой и до тонкости выразительный. Иллюстрирована книга довольно удачно выбранными, хотя и слабо воспроизведенными фотографиями. Для самостоятельного чтения подростков 14–17 л. Сырой материал для краеведческого рассказывания.

Примечания

¹ Нами сознательно исключаются все произведения, касающиеся арктических экспедиций, так как разбор этих книг дан в статье Бекетовой Н. А. в № 6 «Книга детям» 1929 г.

² М. Джонсон «Кино у людоедов» (1928) (ред. — Е. К.).

³ Правильно — Мерв, город в Туркменистане (ред. — Е. К.).

Николай Дмитриев

О ВЫСТАВКЕ ДЕТСКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ КНИГИ (1938)

*Впервые опубликовано в: Детская литература. 1938. № 13.
С. 46–48.*

В читальном зале Государственного исторического музея в Москве с 21 марта по 17 апреля с. г. была показана выставка «Детская географическая книга XVIII и первой половины XIX века». Общее количество книг — около шестидесяти. По содержанию и внешнему виду экспонаты этой выставки распались на следующие группы: книги для чтения по всеобщей географии и этнографии, путешествия, книги о России, робинзонады, атласы и географические игры.

Редкость старых детских книг общеизвестна. В указателях русских иллюстрированных изданий многие детские книги описаны только по антикварным каталогам или каталогам малодоступных частных собраний. Выставленное, на первый взгляд незначительное, количество книг, по существу, довольно внушительно, имея в виду специфичность тематики выставки.

Выставленная детская книга является не только предметом исторического интереса, — многое в ее построении, «подаче» темы, внешнем оформлении стоило бы внимательней изучить и кое-что заимствовать.

До конца первого десятилетия XIX века детская географическая книга — это переводные сочинения, главным образом с немецкого и французского. Из этой группы книг на выставке были показаны «Достопамятности природы», изданные в 1779 году, «Детский повествователь, кратко уведомляющий о некоторых главных переменах, происходивших на земном шаре», М., 1789, «Краткое описание путешествия в пользу и увеселение юношества». Сочинение И. А. Гетце, пастора церкви св. Власия в Кведлинбурге, М., 1790, и др.

Последняя книжка занята тем, что при отсутствии русской оригинальной литературы для детей, знакомящей их с Россией, ребятам преподносилось путешествие в город Бранденбург.

Но вот в начале XIX века появляются оригинальные географические книги о России, например: «15-тидневное путешествие, 15-тидневно писанное, в угождение родителю и посвящаемое 15-летнему другу»¹, СПб, 1810 (Сочинение Гладковой. Описание дороги из Москвы в Петербург), «Отечественные достопамятности, или изображение русских исторических памятников и необыкновенных произведений природы, науки и художеств, находящихся в России», М., 1823; В. Бурьянов, «Прогулки с детьми по России», СПб, 1837. Чрезвычайно интересна группа альманахов для детей с описанием отдельных городов: Архангельска, Астрахани, Владимира, Воронежа и др. Серия рассказов для детей о крупнейших и важнейших городах СССР была бы нужна и полезна для наших ребят.

Интересен раздел специальных детских энциклопедий, этой своеобразной «тяжелой артиллерии» в детской литературе («Зрелища природы и художеств», «Новое зрелище вселенной», «Детский музей» и т. д.). Объемистость изданий сильно растягивала выход их в свет. Так, например, «Детский музей» выходил в течение 14 лет (1815–1829). Нашим издательствам есть чему поучиться в этой старине. За двадцать лет революции не было издано ни специальных, ни общих детских энциклопедий. Ребята ждут от Детиздата выпуска специальных энциклопедий (конечно, наряду с общей).

Привлекателен отдел робинзонад. Здесь собраны прапрадеды и прадеды географической беллетристики. Кроме первых переводов подлинного английского Робинзона, здесь «Новый Робинзон» Кампе с его подражанием — «Робинзонова колония, продолжение Кампева Робинзона». Здесь же сочинение госпожи Болье «Приключения одного молодого матроса на пустом острове, или двенадцатилетний Робинзон», «Богемский Робинзон», «Лолотта и Фан-Фан, или приключения двух младенцев, оставленных на необитаемом острове».

Пожалуй, наиболее поучительный для нас отдел — это атласы и игры.

Игры были первым географическим материалом, знакомившим детей с их родиной. Среди показанных на выставке игр одна из наиболее ранних выпущена в 1799 году в подражание таким же играм, распространенным на Западе.

Особенно интересны великолепно изданные в середине XIX века «Географические карты России» с описанием особенностей почвы, занятий населения, изображениями достопримечательностей и пр. Великолепен «Новейший складной глобус для детей», выпущен-

ный в 1823 году. Портативный, легко собирающийся, прекрасно напечатанный, он был предметом самой острой зависти всех его обозревавших.

Кое-что на выставке, интересное по оформлению, по обилию хорошо выполненных картинок, по содержанию, относится скорее к области курьезов.

Таковы игральные карты, на которых очко и фигуры королей, дам, валетов заменены изображениями обитателей различных стран «в приличной каждому одежде» и главных городов в виде кружков, с обозначением в них числа жителей. В сопроводительной брошюрке к колоде таких карт, выпущенной в 1814 году, говорится, что карты «для детей составляют приятную забаву в свободное время от их занятий».

Такова же книжка «„Китайцы“». Подарок умньким детям на новый год», СПб, 1836. В ней «зажиточный и умный родитель» рассказывает своему сыну Саше о всяческой китайской экзотике, и, в частности, не без задней мысли, о том, что «слух о непослушании и непочитании сына к родителям наводит уныние на целую провинцию. Наказание, кроме виновного, налагается на всех сродственников; самые правители лишаются мест и чинов...»

Не менее курьезна книжка: Ришом и Вангольд, «География в эстампах», СПб, 1845. В ней дан ряд коротеньких рассказов о разных странах.

О познавательном значении этих рассказов можно судить по их названиям: об Испании — «Бой быков»; об Индии — «Разносчик, змея и обезьяна»; о Турции — «Кавказская фея».

Выставка, во всех ее частях, была интересна, полезна, занимательна.

Примечания

¹ Гладкова М. «15-тидневное путешествие, 15-тилетнею писанное, в угождение родителю и посвящаемое 15-тилетнему другу. 1810-го года августа месяца» (1810) (ред. — А. Д.).

ИССЛЕДОВАНИЯ

Елена Казакова

ОБЖИВАНИЕ И РАЗГРАНИЧЕНИЕ: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В СОВЕТСКОЙ ДЕТСКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И УЧЕБНОЙ КАРТОГРАФИИ 1920–1930-Х ГОДОВ

В статье рассматривается советская детская научно-популярная литература по географии и учебные географические карты 1920–1930-х гг. с позиций понимания карты как инструмента государственного влияния, при помощи которого у школьника формируется представление о территории страны и мире. Автор выделяет два разнонаправленных подхода в преподавании географии. Краеведческий основывается на представлении о стране как совокупности равных регионов, стремлении к локализации географии и приоритете изучения домашнего региона, а централизующий характеризуется повышением значимости территориальной экспансии, акцентировании роли границ и выстраивании иерархий. Подходы существуют параллельно в оба десятилетия, однако первый, наиболее ярко проявившись в 1920-е гг., уступает централизующему подходу, влияние которого усиливается в 1930-е гг. в результате последовательного реформирования географического образования. Краеведческая картография нацелена на отображение реальности, тогда как картам централизующего подхода присуща функция конструирования географической реальности. Приведенные соображения концептуализированы при помощи понятий «карта маршрута» и «карта границы», разрабатываемых современными критическими исследованиями картографии. Если при краеведческом подходе карты в большей степени призваны формировать у школьника локальную идентичность, то в централизующем их роль тяготеет к инструменту политической индоктринации.

Ключевые слова: география, карта, учебная картография, детская географическая литература, детская научно-популярная литература, краеведение

Роль картографии как особого инструмента, который опосредует, конструирует и представляет мир в соответствии с определенными задачами, основательно исследована и концептуализирована [Daston 2010; Wood 2010; Берг 2023; Гавриленко 2023 и др.]. В частности, существует анализ картографии сталинской эпохи [Орлова 2008; Baron 2024], уделено внимание ее отдельным аспектам, например, арктическому мифу [McCannon 1998; Horensma 1991; Frank 2010; Орлова 2016 и др.]. Исходя из этих представлений и с опорой на приведенные исследования в настоящей статье предпринята попытка рассмотреть в подобном ключе детскую научно-популярную литературу по географии и учебные географические карты двух первых советских десятилетий.

Материалом для статьи послужили критические статьи, обзоры и рецензии, опубликованные в отраслевом журнале «Детская литература», который начал издаваться в 1932 г. Критико-библиографическим институтом, а затем стал печатным органом ЦК ВЛКСМ. Научно-популярная географическая литература, которая наряду с другими жанрами и темами обсуждалась в этом журнале, предназначалась преимущественно для внешкольного чтения и была призвана расширить и углубить знания школьника, коснуться вопросов, не попавших в школьную программу. Такие книги были посвящены широкому кругу тем: истории географических открытий, развитию картографии, политико-экономическим характеристикам стран, быту народностей и т. п. Для более обоснованной аргументации наших предположений мы обращаемся и к самой географической литературе: для периода 1932–1941 — к изданиям, упомянутым в указанном журнале, для периода 1918–1932 — к изданиям, вошедшим в библиографический указатель «Детская литература» [Старцев 1933].

В ряде материалов журнала география характеризуется как наука идеологически важная для воспитания нового советского человека и особо акцентируется значимость географических карт, которыми должна сопровождаться географическая литература. Однако в основном географический нон-фикшен издавался с упрощенными схемами или картами низкого качества, а нередко и вовсе без них, за что подвергался критике [Покровская 1934, 22; Коган 1937, 6; Прозоров 1938, 21]. Для получения нужных картографических сведений читатель мог обратиться к тем картам и атласам, которые были доступны, вероятнее всего, учебным. Составляя учебные карты и атласы, географы-методисты предполагали, что они будут не только использоваться в школе и не только в сочетании с учеб-

никами, но и помогать в подготовке к внеклассным занятиям, и служить повседневными справочными изданиями [Эрдели 1939, 119, 121; Атлас 1936, 1]. Поэтому в статье мы рассматриваем характерные примеры учебных карт, вошедшие в каталог «Советские учебные карты и атласы (1917–1940)» [Котельникова 1989].

Анализ перечисленных материалов позволяет предположить, что в два первых советских десятилетия сосуществовали два разнонаправленных подхода в преподавании географии. Первый, краеведческий, основывался на представлении о стране как совокупности разнообразных, но равных регионов и необходимости для школьника углубленно изучать регион проживания и формировать локальную принадлежность. Это направление, наиболее ярко проявившись в 1920-е гг., несколько ослабело в следующем десятилетии, уступив противоположному централизующему вектору. Его проявления, эпизодически встречавшиеся и в географическом дискурсе первого советского десятилетия, начинают преобладать в 1930-е гг.: это повышение значимости границ, выстраивание иерархий, акцент на территориальной экспансии. Краеведческий и централизующий подходы существуют параллельно, проявляясь в оба периода, а в некоторых текстах или картах реализуются одновременно.

Задача этой статьи состоит в том, чтобы раскрыть суть этих двух подходов, описать характерные для них способы реализации, наметить пути изменений их баланса.

Краеведение: локализация и миметичность

Исследователи характеризуют 1920-е гг. как очень неоднородный период с точки зрения образовательного подхода к географии: отсутствует централизованная система учебных программ, в методических статьях высказываются различные мнения о том, каким именно должно быть преподавание географии, ведутся дискуссии вокруг смыслового наполнения самого термина «география» [см. География в школе 1925; Вопросы географии 1926]. Фактически в этот период география в школе была заменена на краеведение, происходила ее локализация: детям предлагалось изучать свой край, его экономику и природные особенности [Хлебосолова 2023]. Акцент на краеведении, с одной стороны, предполагает представление о равенстве многих регионов страны, с другой стороны — об их особости. Ведущаяся с 1918 г. политика закрепления национальных языков стала выражением децентрализации географии,

о чем свидетельствует публикация книг о национальных республиках, а также карты и атласы, издававшиеся на языках народов СССР [Драницына].

О значимости краеведческого подхода свидетельствует и тематическая направленность детских научно-популярных книг по географии, изданных в преимущественно конце 1920-х — начале 1930-х гг. В библиографический указатель детской литературы [Старцев 1933] вошли книги, темами которых стали экскурсии школьников в заповедники и зоологические сады, на опытные поля, ткацкие фабрики и машиностроительные заводы: В. Соколов «Экскурсия детей в заповедник Украины Аскания-Нова» (1927), «Возьмемся за сады! Как организовать экскурсию в сад» (1929), «Отправляйтесь на мельницу» (1929), В. И. Геймер «Пионеры и школьники! — Отправляйтесь на экскурсию в совхоз!» (1929). Публиковались книги с практическими рекомендациями по разработке маршрутов экскурсий и туристических походов и их организации: Е. Е. Паули «Весенние экскурсии: Природа весной» (1924), Н. А. Солнцев «Снаряжение натуралиста-экскурсанта» (1928), П. В. Леонтьев «Велосипедные экскурсии» (1928), Н. П. Зимин «Как самому выбрать и разработать маршрут для местного и дальнего путешествия» (1929), В. В. Никольский «Какое снаряжение нужно взять с собой в зимнюю экскурсию-вылазку» (1929), Рогаль «Летние экскурсии и туризм в работе пионеров» (1931).

Документом, с которого можно начинать отсчет истории советской учебной картографии, стало постановление Совнаркома от 7 августа 1919 г. об издании картограмм, диаграмм и других картографических пособий в целях популяризации среди населения знаний о состоянии народного хозяйства. В результате в 1920-е гг. было издано значительное количество политико-административных и экономических карт [Котельникова 1989, 5]. Наиболее интересными и показательными среди учебных карт и атласов первого советского десятилетия являются издания, имеющие большую наглядную составляющую и предполагающие активное и разнообразное по формам взаимодействие школьника с материалом.

Одной из распространенных форм работы в школе стали «„проекты“, при выполнении которых от учеников требовалось описывать природу, хозяйство, культуру и занятия населения своей местности» [Хлебосолова 2023, 19]. Для выполнения подобных проектов издавались школьные рабочие тетради, состоящие из контурных карт региона и заданий к ним. В качестве примера можно

привести рабочую тетрадь по краеведению Пензенской губернии, первый выпуск которой предназначался для изучения природы и населения края [Рабочая тетрадь 1926]; она включает контурные карты различной тематики и перечень вопросов и заданий по каждой из карт. Как пишут составители, это пособие было призвано «приблизить материал к учащемуся» и стать для него «элементарным учебником по краеведению нашей губернии» [Там же, 21].

Тетради-атласы географа-методиста С. П. Бобина совмещали картографические сведения, контурные карты и шаблоны для диаграмм с разнообразными по типу и сложности заданиями [Бобин 1923; Бобин 1924; Бобин 1930]. Такой вид учебных материалов характеризовался как «особый тип пособий в чтении карт, в установлении взаимоотношений между различными географическими явлениями, в самостоятельном выборе материала и построении географического рассказа» [Котельникова 1989, 64], а современники отмечали, что Бобин верно указал «путь самостоятельного творчества учащихся над географическим материалом» [Там же, 29].

Руководитель издательства «Начатки знаний» И. Р. Белопольский в 1928–29 гг. издавал серию «диаграммных тетрадей» с набором сеток и готовых цветных полосок кругов, квадратов для построения диаграмм аппликационным методом [Лаптев 2018, 207–208].

Одним из способов усиления наглядности карт был большой размер. Зоогеографическая карта СССР, составленная В. В. Ермаковым и проиллюстрированная Н. Бучумовым [Ермаков 1929], благодаря размеру 103×178 см позволяла в полной мере оценить ее исключительный художественный уровень и в деталях рассмотреть изображения ландшафтов и животных. К экономической карте Европейской части СССР [Бем 1930] размером 95×60 см прилагался отдельный лист с уже готовыми диаграммами и пустыми шаблонами для новых, которые нужно было вырезать и постепенно прикреплять на карту в соответствии с пройденными темами.

Активную работу ученика предполагала карта Московской области для лабораторных работ [Старостин 1932]: на полях рядом с «немой» административной картой были размещены таблицы рек и озер, палетки для вычисления площадей, линейки для определения широт, впечатаны пунсоны городов, которые нужно было вырезать и приклеивать на карту [Котельникова 1989, 30].

Идея взаимодействия ученика с картой нашла свое воплощение в обучающих географических играх. И. Р. Белопольский выступил конструктором игр «Путешествие на аэроплане по СССР»

Рис. 1. Ермаков В. В. Зоогеографическая наглядная учебная карта СССР. 1929. Фрагмент

[Карта 1924] и «Вокруг света по пятиконечной звезде» [Белопольский 1925]: в первой игре участники должны передвигать фигурку аэроплана по карте СССР с размеченными маршрутами, во второй — выбирать оптимальный путь и транспорт для перемещения по всему миру и разрабатывать собственные маршруты. Однако присущий авиации «взгляд сверху» характерен скорее для централизованного подхода, в котором усиливается функция карты как инструмента наблюдения за территорией, о чем речь пойдет ниже.

Характерной для краеведческого подхода функцией карты можно назвать обживание, своего рода «доместикацию» территории. Например, автор комплексной карты Орловской губернии [Фомин 1927] в пояснительном тексте рекомендует для полноценной работы дополнительно приобрести карту крупного масштаба, чтобы «местность около школы была бы хорошо изучена» [Там же], чтобы школьники получили представление не только о губернии, но буквально о своей домашней местности. Показательно, что на этой карте помечены краеведческие станции всего региона.

При том что репертуар картографических пособий довольно разнообразен, их объединяет ряд общих характеристик. Карты этого периода, как правило, не перегружены сведениями и номенклатурой и легко читаются. Одной из особенностей оформления

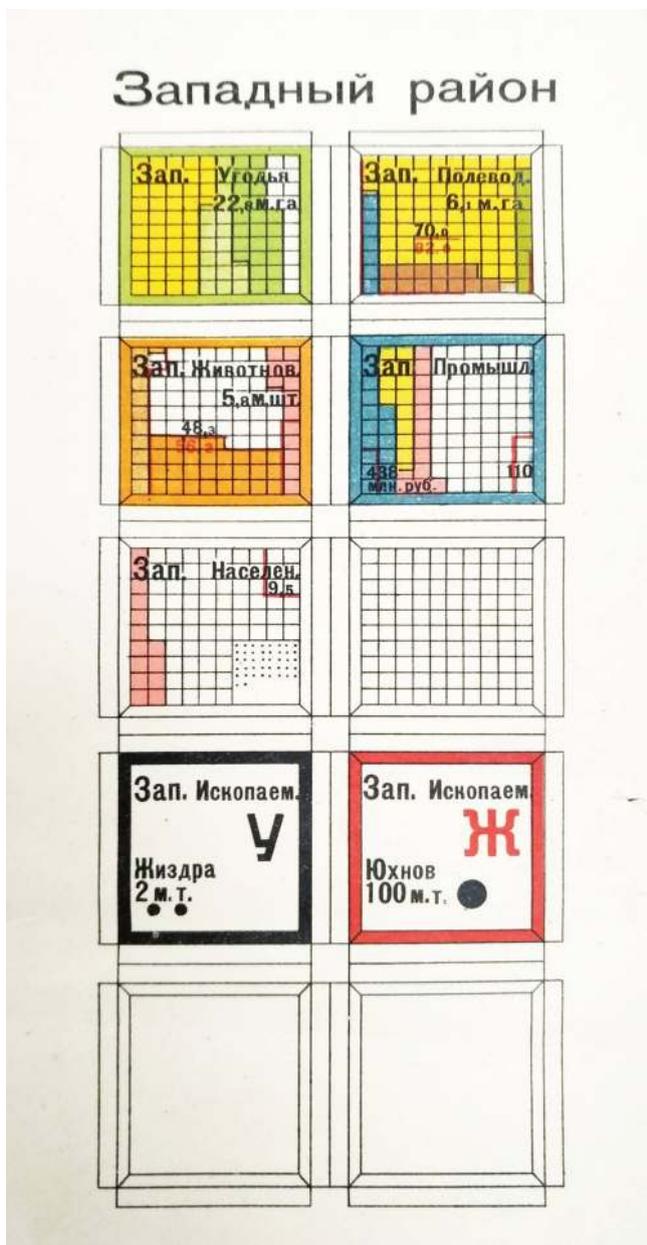

Рис. 2. Готовые диаграммы и шаблоны для вырезания. Экономическая карта Европейской части СССР с подвижными диаграммами.

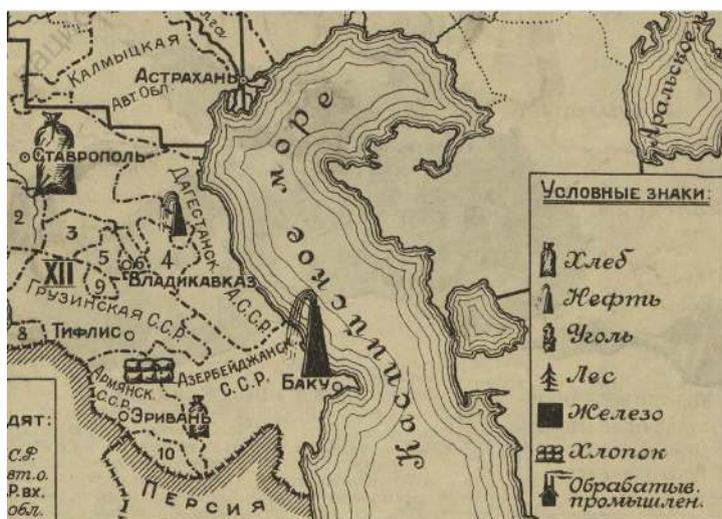

Рис. 3. Экономическая карта СССР. 1926. Фрагмент

карт является миметический прием для значков легенд. Например, разные виды производства обозначены натуралистичными изображениями нефтяной вышки, мешка с мукой, тюков хлопка, сведения о температуре и осадках — изображениями термометров и колб. Таким значкам сопутствует прием масштабирования, который выражается в том, что разные объемы какого-либо продукта или масштабы производства визуализируются значками разного размера. На некоторых картах стремление к натуралистичности и детализации значков приводит к снижению читаемости — например, на карте Орловской губернии виды производства сложно дифференцировать [Фомин 1927]. Использование этого миметического приема можно интерпретировать не только как желание усилить наглядность и упростить чтение карты, но и как стремление к репрезентации реальности. Такой способ визуализации постепенно сменяется на более условный.

Еще одной характерной особенностью краеведческого подхода было то, что география мыслилась ее исследователями чрезвычайно широко. В этом отношении показательна статья «География и искусство» [Семенов-Тян-Шанский 1925], в которой автор проводит самые неожиданные и самые широкие параллели между географией и разными видами искусства, в том числе музыкой и

архитектурой, максимально расширяя границы термина и помещая его в масштабный культурный контекст. В свою очередь один из крупнейших географов этого периода С. П. Аржанов, рассуждая о природе географии, определяет ее практически как «жизневедение», настолько, с его точки зрения, широки ее интересы и применимость [Дзенс-Литовский 1925, 42]. Представляется, что в том числе за расплывчатые границы терминов, за отход от скрупулезного изучения географической номенклатуры краеведческое направление подвергнется критике в начале 1930-х гг.

Географический поворот

Одним из событий, обозначивших смену приоритетов в преподавании географии, можно считать IV Всероссийскую конференцию по краеведению, состоявшуюся в 1930 г. В ее резолюции зафиксирована необходимость централизации краеведческих организаций [Конференция 1930]. Параллельно с этим в методических изданиях краеведение 1920-х гг. характеризуют как «интеллигентское» [Коновалова 1930, 2], носящее «оттенок любительства, замкнутого академизма» и критикуют за несогласованность с пятилетним планом [К итогам 1930]. На новом этапе постулируется необходимость привлечения в краеведение широких масс и координирования его с задачами государства. Риторика статей свидетельствует о процессах иерархизации и усиления контроля:

...вся та большая и ответственная работа, которая ведется краеведцами в низовых ячейках, кружках, в районных, окружных, областных краеведческих организациях, в музеях местного края... должна быть включена в общее русло работы, проводимой в нашей стране. Отныне она должна быть проникнута и подчинена одной идее, одной общей задаче — задаче социалистического строительства [Краеведение 1930, 1].

Затем следует череда законодательных решений, которые В. Эрдели, один из крупных методистов по преподаванию географии в 1930-е гг., называет революционными по значимости для географического образования в СССР [Эрдели 1939, 22]. Постановлением ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. география была включена в число обязательных предметов для экзаменов в высшую школу. Следующее постановление от августа 1932 г. содержало критику в адрес учебных программ и требовало от учащихся знания карты, прежде всего, СССР [Орлова 2008]. Поворотным

моментом в государственном позиционировании географии становится Постановление ЦК ВКП(б) о преподавании географии в начальной и средней школе от 16 мая 1934 г. В этом небольшом тексте были сформулированы новые установки, переносащие акцент на изучение географической номенклатуры, ориентирование на карте, предлагалось также издать широкий спектр методических и учебных пособий. Очевидно, реагируя на это постановление, в октябрьском номере журнала «Детская литература» за 1934 г. редакция объявляет о решении регулярно размещать обзоры географической литературы для классного и внеклассного чтения школьников. На протяжении следующих семи лет (с началом войны издание было приостановлено) на страницах журнала были явно и неявно сформулированы новые требования к географической книге для детей. Одним из основных пунктов стало признание необходимости карт в географических книгах и высокие требования к их точности и информативности [Прозоров 1938].

Перечисленные события обусловили смену приоритетов в преподавании географии, краеведение отнюдь не перестало существовать, но свойственные ему форматы отошли на второй план, в то время как на первый план вышли идеи централизации, упорядочивания, унификации. Стремление авторов, критиков и картографов учесть партийные директивы способствовало повышению внимания к роли карт и усиливало их идеологическую нагрузку. Ниже мы рассмотрим, как трансформировались функции карты в связи с изменением курса.

Лицо страны меняется

В рамках централизующего подхода одной из задач картографии должна была стать фиксация новой «социалистической географии». Если в рамках краеведческого подхода, преобладавшего в 1920-е гг., автор методической статьи мог указывать на неизученность даже центральных регионов страны и призывать фиксировать уходящие реалии [Дорогутин 1926], то географическая идеология 1930-х гг. видела только новое: «Перестраивая экономику, культуру и быт всех народов великого Союза ССР, большевики изменили и преобразили экономико- и физико-географическое ее лицо, создали на одной шестой части земного шара новую, социалистическую географию» [Прозоров 1938, 20].

Критики научно-популярной литературы выстраивают оппозицию «старой» географии, которая маркируется как статичная,

застывшая, замершая в прошлом, и «новой» — живой и динамичной:

Странное чувство охватывает читателя, перелистывающего томы «Географии» Семенова-Тяньшанского (так — *Е. К.*). Реки, города, люди отпечатались на страницах этих книг, точно исчезнувшие растения и вымершие животные на добытом из подземных пластов камне. Большевики исправляют карту страны. География — эта статичнейшая из наук — дрогнула. Учителя географии с волнением пробегают утреннюю газету: каждый день свежий газетный лист сообщает о превращении обычных рек в «большие», о кипящих жизнью, но еще не обозначенных на карте городах, о завоевании песков, тундр, болот, льдов [Роскин 1935, 9].

В этой риторике мощная сила большевизма изменяет, казалось бы, неизменяемое — физическую географию: «Советским детям куда „труднее“ изучать географию СССР, ибо лицо нашей страны беспрестанно меняется. Меняется не только экономическая физиономия отдельных республик и районов. Даже, казалось бы, неизблемая, физическая география и та часто бывает вынуждена уступить перед напором победоносных армий Сталинских пятилеток» [Коган 1937, 5]. Выясняется, что главным условием таких достижений является централизация процессов — наличие единого плана, по которому действуют все: «Ни одна карта в мире не меняется так быстро, как карта социалистического материка. Только здесь люди борются с природой и переделывают землю не в одиночку, не врозь, а по одному общему плану» [Константинов 1934, 159].

В новом географическом подходе карта должна стать тем инструментом, который эти изменения немедленно зафиксирует. История пишется на глазах у наблюдателя: географическая карта, призванная отобразить новое положение вещей, обозначает собой начало новой эпохи, а все предыдущие карты и книги превращаются в «доисторические», устаревают и становятся, по выражению одного из авторов, «картами-инвалидами» [Константинов 1934, 134]. Примером такой деактуализированной географии и являются упомянутые выше многотомное издание по описанию географии России, составленное П.П. Семеновым-Тян-Шанским в соавторстве с сыном и вышедшее в 1899–1913 гг.

Риторическая формула «кипящие жизнью, но еще не обозначенные на карте города» [Роскин 1935, 9] декларирует, что социалистическое строительство опережает карты и книги. В большом

пропагандистском сравнительном обзоре экономической географии Российской империи и СССР «Сегодня и вчера» М. Ильин приводит пример того, как стремительно меняется география: «...когда я начинал книгу, канала Москва – Волга еще не было. <...> И вот теперь, просматривая рукопись перед сдачей в набор, я должен исправить написанное. Волга уже в Москве. Канал Москва — Волга построен. <...> Ну как не стареть книгам в такой стране! Все меняется так быстро, что едва успеваешь вносить в книги поправки» [Ильин 1937, 275]. Другие авторы тоже признают, что картографирование не успевает за темпами изменений: «На старых картах вы не найдете этого канала. Нет его и на самых новых картах, которм только год отроду. Приходится переделывать карты заново» [Константинов 134, 157–158].

Решение проблемы видится авторам и картографам в том, чтобы сразу фиксировать будущее, не обсуждая, достижимо ли оно. Из миметического инструмента отображения реальности карта превращается в инструмент ее конструирования, и картография будущего начинает опережать действительность: «У меня есть карта... „Москва — порт пяти морей“. Эта карта не устареет так скоро, потому что она забежала на несколько лет вперед. На ней Азовское море уже соединено с Каспийским... Волга соединена с Доном, из Камы можно проехать пароходом в Печору и Вычегду, из Оки — в Десну и Днепр, из Днепра — в Волхов. Это — карта-план, карта-проект» [Ильин 1937, 275–276]. В атласе 1936 г. [Атлас 1936] на подобную карту нанесены маршруты грузовых потоков, какими они должны стать в 1942 г.

Карта становится своеобразным способом визионерства, прозрения будущего: «Вглядываясь в наши новые города и деревни, рассматривая карту нашей страны, на которую нанесены новые заводы, каналы, дороги, электростанции, мы все яснее и яснее различаем очертания нашего дома, каким он будет во времена коммунизма» [Ильин 1937, 304]. Меняется сам формат взаимодействия человека с картой: «У изучающего географию вырабатывали особый перцептивный навык — картографически опосредованное зрение, координация которого была делом политическим. При помощи карты можно было различить миры социализма и капитализма, скорость, масштаб и качество изменений советской цивилизации и, конечно же, географическое первенство СССР» [Орлова 2008, 99]. Такая функция карт помогала сформировать картину мира у школьника, позволяла насколько возможно «овеществить» представления о будущем и сделать ребенка сопричастным истории страны.

Новые территории: освоение и присвоение

Говоря об изменениях, авторы научно-популярных изданий считают идеологически важным тем или иным образом упомянуть приращение территорий страны. В декабре 1936 г. Армянская, Грузинская и Азербайджанская республики, прежде являвшиеся частями Закавказской республики, были включены в состав СССР как самостоятельные, а Казахская и Киргизская республики выведены из состава РСФСР. Преподнося эту информацию читателю, составители сборника «Глобус» открывают его разделом с громким названием «Пять новых союзных республик», за что подвергаются критике со стороны рецензента: «Видимо, составители считали неприличным обойти факт создания новых союзных республик и решили застраховать себя от упреков» [Агапов 1938, 11]. Так выразилась одна из особенностей централизирующего направления — акцент на ценности новых территорий; увеличение владений СССР однозначным образом трактовалось как достижение.

Если даже структурные изменения старались преподносить как новые территории, то реальное приращение территорий стало масштабнейшей темой для освещения: «Территория — уже не та, что была раньше. Она увеличивается, хотя, как известно, страна наша никакими завоеваниями не занимается. ...без единого выстрела присоединена площадь новых земель в 100 000 кв. км. <...> Наши полярники водрузили красный советский флаг на снегах острова Врангеля и на Земле Франца Иосифа» [Ильин 1937, 279]. Освоение полярных территорий стало одной из самых популярных географических тем 1930-х гг., в том числе и в детской литературе. Критики ерничали: «дети знают Арктику, как москвичи улицу Горького» [Рахтанов 1939, 50] и констатировали, что количество книг «про Север» составляет около 40 % от общего числа популярных географических книг, изданных за последние годы [Покровская 1934, 19]. Массовость освещения полярных экспедиций значительно повысила роль карт и базовую географическую грамотность. Карта превратилась в своеобразное медиа, неотъемлемый атрибут «виртуального путешествия», с помощью которого жители страны могли «наблюдать» за экспедициями [Орлова 2008]. Дети и взрослые учатся определять место на карте по координатам, «прикреплять определенные события к определенным точкам» [Орлова 2008, 91].

Сведения об освоении Арктики внедряют в качестве сверхважных в непрофильные учебные карты: так, места расположения полярных станций и маршруты экспедиций наносились на физиче-

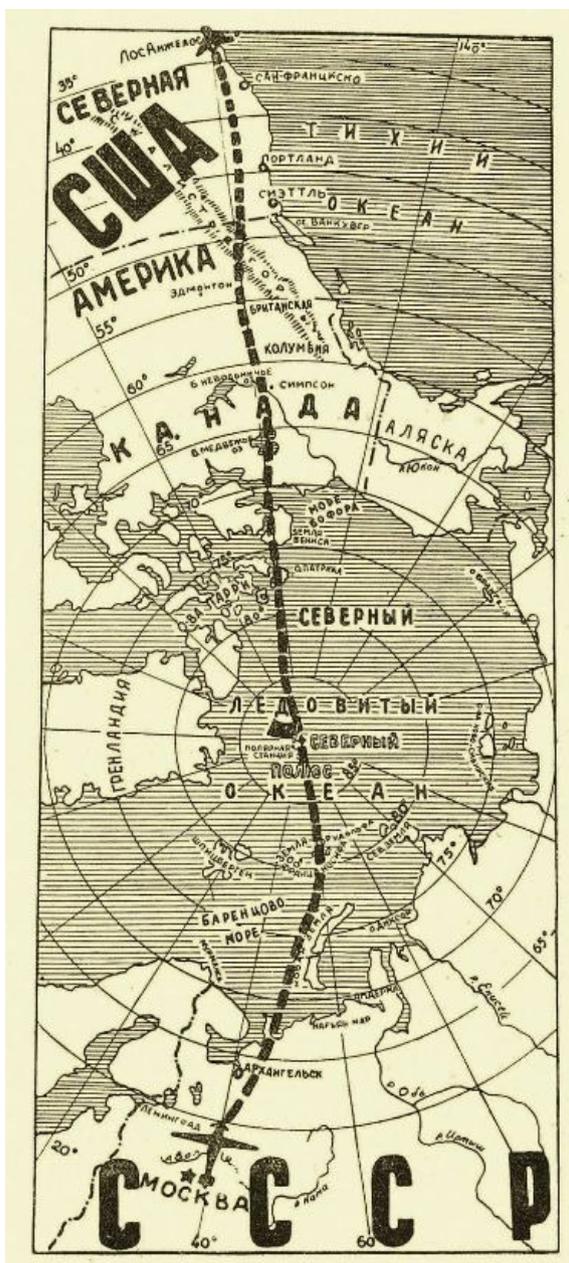

Рис. 4. Схема авиaperелета Москва – Северный полюс – Америка.
М. Ильин. Сегодня и вчера. 1937

скую карту наряду с рельефом и глубинами, климатом и растениями [Котельникова 1989, 18] или на карту природных зон [Эрдели 1939, 105]. Учебная карта земных полушарий 1937 г. включает полярные маршруты в число «путей исторических путешествий» [Там же, 51]. В атласе 1938 г. сведения об освоении полярных территорий оказались продублированы на нескольких картах [Эрдели 1939, 119].

Еще одним элементом риторики освоения становится идея о полной изученности планеты: «Разверните карту мира. Вот она лежит перед вами. Какая простота, какая законченность! Хорошо известные формы Земли изображены на ней точно и аккуратно» [Барков 1939, 48]; «Человечество узнало земной шар. Настала пора его переделать» [Там же]. Эти броские пассажи из переведенной с английского книги «Как открывали земной шар» [Аусвейт 1939] рецензент приводит полностью, хотя саму книгу оценивает довольно критически. Автор рецензии на географический ежегодник «Глобус» формулирует эту идею почти в виде лозунга: «Географическая карта мира — вот как выглядит акт на владение планетой» [Агапов 1938, 9].

Категория освоенности территории по-разному осмысливается в краеведческом и централизирующем подходах. В одной из краеведческих статей 1926 г. автор приводит курьезный случай «потерянного поселка» (в 1924 г. в Сибири обнаружен поселок, о существовании которого никто не подозревал), аргументируя тем самым свой тезис о недостаточной изученности даже центральных регионов, необходимости изучать край начиная с самых маленьких населенных пунктов, о важности децентрализации культуры [Дорогутин 1926]. Недоизученность территорий как одна из проблем, заявленных в рамках краеведческого подхода, противопоставляется идее законченности изменений и «полного освоения»: «...в стране возникли десятки новых городов, сотни культурных селений там, где не ступала нога человека. Старая Россия, страна сплошной глуши и невежества, стала страной, полностью заселенной и культурной. И абсолютно правильно утверждение М. Ильина, что у нас теперь нет глухих мест» [Книга о двух мирах 1938, 17]. Это утверждение подразумевало не только и не столько транспорт или культуру, оно транслировало представление о тотальном «учете» страны: все теперь находится на виду, в том числе и благодаря картам.

Один из апологетов краеведческого направления, обосновывая избирательность и локальность своего подхода, пишет: «мы даем характеристики районов, характерных... для центральных областей РСФСР. <...> Нельзя охватить необъятного» [Радченко 1928, 3–4].

Напротив, географическая установка 1930-х гг. состоит именно в том, чтобы с помощью картографирования «объять необъятное», охватывать то, что недостижимо: «От зрителя требовалось увидеть то, чего на карте не было, но что могло быть выведено из тени невидимого на основе имеющихся знаний и при умелом посредничестве карты» [Орлова 2008, 99]. Характерно, что в этот период для рядового гражданина значительно ограничивается возможность к свободному перемещению по стране. Так карта становится инструментом обзора и контроля, способом «наблюдения» за территорией, которую невозможно контролировать физическим присутствием. Лоррейн Дастон сопоставляет эту прагматику карт с таким устройством государства, которое она называет «империей наблюдения», и в котором надзор как практика контроля становится повсеместным [Daston 2010].

Пользователь карты оказывается символическим образом обездвижен, взамен ему предписывается совершение «воображаемых экскурсий» [Эрдели 1939, 62] и «воображаемых путешествий» [Там же, 115], которые направлены на конструирование представления о стране, и во время которых, по мнению методистов, «учащиеся переживают такие же чувства, какие испытывают люди при настоящих открытиях» [Там же, 114].

Границы и иерархия

Тотальный учет «всех углов» соотносится и с категорией границы, которая также претерпевает трансформации. Раннесоветская картина мира допускала идею интернациональности: граница «своего» располагалась прежде всего в социальном пространстве, а не в географическом — предполагалось, что и в других странах есть единомышленники социалистического проекта [Паперный 2007, 75]. Эта идея реализовывалась, например, в ряде детских страноведческих изданий о путешествиях за границу: «Русский пионер в Америке» (1925) Т. Милевского, «Путешествие Васьки-пионера в Англию» (1926) Н. Каринцева, «Среди германских товарищей» В. Зорина, «54 дня среди пионеров Запада» и др.

В процессе поворота к централизующему подходу проявляются обратные тенденции к символической делимитации советского мира: путешествие в капиталистические страны становится возможным только «виртуально»: «...8824 московских пионера отправились изучать капиталистические страны. Необычайность их путешествия заключалась в том, что ребята ездили по свету в сво-

ем воображении, „изучая выбранную страну по книгам, газетам, по картам“. „Вернувшись“, они „привезли“ с собой многочисленные отчеты о „необычайном путешествии“» [Севрук 1933, 8]. Количество кавычек в первом абзаце рецензии не позволяет ни на минуту забыть об условности этого путешествия.

Идея усиления роли границ и необходимость противопоставить СССР остальному миру проявились в ряде визуальных приемов оформления карт. Основной частью книги-плаката «Как вооружены капиталисты» [Жуков, 1931] является карта-схема, демонстрирующая с помощью символов состав вооружений крупнейших стран Европы и САСШ. При этом на территории СССР располагаются только значки коровы, снопа и завода, визуализирующие мирный сельскохозяйственный и промышленный потенциал, а на протяжении всей внешней стороны границы размещены значки вражеских солдат, направляющих оружие в сторону СССР. На политической карте мира 1937 г. [Мир 1937] значимость разного рода границ акцентирована в легенде, включающей целых 8 обозначений в отличие, например, от карт 1929 г., где для типологии границ использовано от 1 до 4 обозначений [Силищенский 1929]. Еще одним приемом стало дифференцирование цвета значков: «...чтобы подчеркнуть детям коренное отличие нашего социалистического государства от всего остального капиталистического мира, для обозначения столиц и городов капиталистических государств дать пунсоны совершенно иного цвета» [Эрдели 1939, 111].

Важной особенностью централизующего подхода является использование иерархизации как инструмента упорядочивания: «главное на карте должно было быть выделено, а второстепенное — завуалировано. Пунсоны населенных пунктов, внешние и внутренние границы, дороги, рельеф, объекты особой символической важности — все должно было быть изображено „в порядке значимости“» [Орлова 2008, 97]. В легендах политических карт иерархизация проявляется в расстановке обозначений стран: отдельную верхнюю строку занимает значок территории СССР, а остальные страны располагаются строками ниже — для них особо указаны доминионы, колонии и протектораты, мандатные территории [Мир 1937]. Смысл этой иерархии в том, чтобы подчеркнуть, что «владения сильнейших капиталистических государств... — в противоположность СССР — не представляют собой единой территории, а разбросаны в разных местах земного шара» [Эрдели 1939, 117]. Промежуточное положение между СССР и капстранами могли занимать значки Монгольской и Тувинской

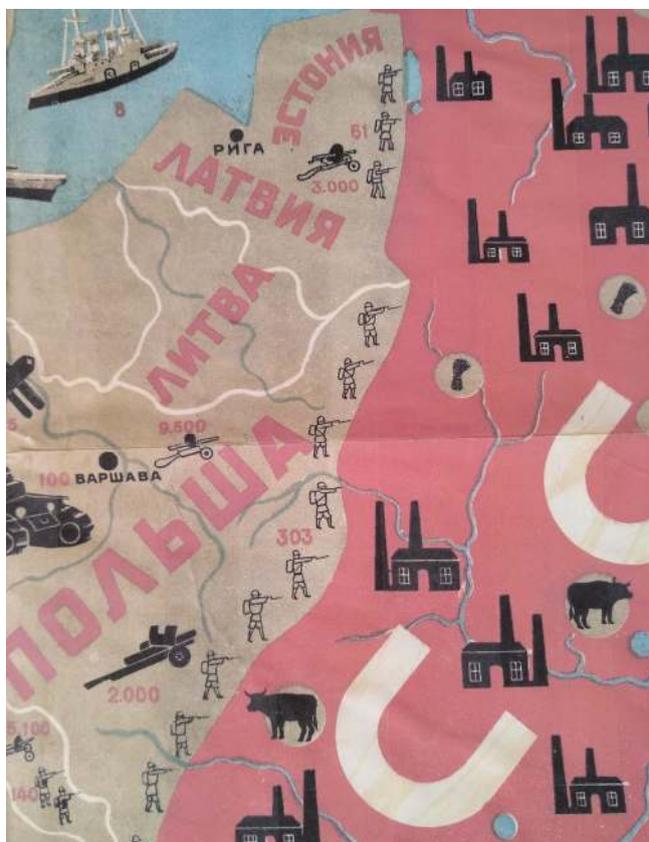

Рис. 5. Жуков Б. С. Как вооружены капиталисты. 1931. Фрагмент

республик как особых государств, где «заложены основы для перехода их на путь некапиталистического развития» [Там же]. При помощи перечисленных приемов происходит усиление идеологической роли карты: методисты-картографы предлагают школьнику усвоить смыслы визуального языка карты, не прибегая к открытым агитационным методам.

Иерархизация проявляется и в разном статусе территорий СССР. Приведенная выше цитата «мы даем характеристики районов, характерных... для центральных областей РСФСР. <...> Нельзя охватить необъятного» [Радченко 1928, 3–4], с одной стороны, демонстрирует идею локализации, свойственную краеведческому

подходу, а с другой — приоритизацию изучения центральных областей РСФСР. О существовании оппозиции «центр-периферия» свидетельствует использование термина «национальные окраины», который включает и удаленные регионы РСФСР, и национальные республики [Штейнберг 1933].

Заключение

Современные критические исследования картографии оперируют терминами «карта маршрута» и «карта границы» [Иванов 2023], которые отражают аспекты существования любой карты в зависимости от контекста. Первый термин используется, когда «карта может быть представлена как попытка создать пространство чтения всех возможных путешествий» [Там же, 136]. Карта в этом случае интерпретируется как попытка создать с помощью графического языка пространство, в котором могут быть артикулированы все варианты путешествий — как реальные, так и виртуальные. Второй термин обозначает карту как реализацию «фискальной» функции — контроля и учета.

В рамках этой концепции можно предположить, что в 1920-е гг. более значим аспект карты маршрута, а в следующем десятилетии актуализируется аспект карты границы. Краеведческое направление задействует географические нарративы изучения и «одомашнивания» территории. Характерные для него карты регионов — это масштабы, предназначенные для индивида, «для ориентации на местности и обживания» [Иванов 2023а, 4], такие карты служат как «аппарат открытости, проницаемости и познания» [Там же, 29]. В централизирующем подходе 1930-х гг. идея разграничения преобладает, хотя аспект карты маршрута в ней тоже реализовывался, — например, в виде фиксации этапов освоения Арктики, а также в формате географических экскурсий. Созданные в этот период карты с функциями контроля и наблюдения очень точно отвечают характеристике карты границы: это «одновременно инструмент и фундамент нечеловекообразных акторов вроде государств и военных блоков, стимулятор распаленного геополитического воображения, нациестроительства, присвоения и пересборки общностей» [Там же, 29]. Функция создания и укрепления общности была особенно актуальна для предвоенного периода, карта способствовала ассоциированию с территориями и геополитической индоктринации.

Хотя потенциал географической литературы и картографических пособий был задействован государством в формировании образа территории на протяжении первых советских десятилетий, он по-разному воплощался в условиях разнонаправленных географических подходов. Краеведческий подход приоритизировал изучение территорий, сомасштабных человеку, при этом карты служили инструментом построения локальной идентичности, а пользователь наделялся проактивными качествами. Изменение баланса подходов повлекло за собой изменение прагматики карт и роли их пользователя. Тенденции к централизации и иерархизации определили идеологический поворот в географии и трансформацию способов взаимодействия с картами. Централизующий подход превратил школьника в «наблюдателя за страной», символически приобщенного к общегосударственным процессам, а карты — в инструмент геополитической пропаганды.

Литература

Источники

Агапов 1938 — Агапов Б. Хорошее начинание: [рецензия] // Детская литература: критико-библиографический двухнедельник ЦК ВЛКСМ. 1938. № 15–16. С. 9–12. Рец. на кн: «Глобус»: Географический ежегодник для детей. М.; Л.: Детиздат, 1938. 372 с.

Атлас 1936 — Мир. Советский географический учебный атлас. М.: НКВД ГУГСК, 1936.

Аусвейт 1939 — Аусвейт Л. Как открывали земной шар / пер. с англ. Д. Л. Арманд. М.; Л.: Детиздат, 1939.

Барков 1939 — Барков А. Как исчезали белые пятна на карте: [рецензия] // Детская литература: ежемесячный литературно-критический и библиографический журнал ЦК ВЛКСМ. 1939. № 9. С. 48–49. Рец. на кн.: Аусвейт Л. Как открывали земной шар. М.; Л.: Детиздат, 1939. 288 с.

Белопольский 1925 — Белопольский И. Р. Вокруг света по пятиконечной звезде: (Правила и объяснения): Новая географическая игра. Л.: Начатки знаний, 1925.

Бем 1930 — Бем Н. Как составлена экономическая карта Европейской части СССР с подвижными диаграммами и как ею пользоваться. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930.

Бем 1930а — Экономическая карта Европейской части СССР с подвижными диаграммами / сост. Н. А. Бем. 1 : 3 000 000, 30 км в 1 см. М.; Л.: ГИЗ, 1930.

- Бобин 1923* — Бобин С. П. Родиноведение: тетрадь-атлас для практических работ по начальному курсу географии. М.; Пг.: Гос. изд., 1923.
- Бобин 1924* — Бобин С. П. Земной шар: тетрадь-атлас для практических работ по начальному курсу географии. Л.: Начатки знаний, 1924.
- Бобин 1930* — Бобин С. П., Гаврилов В. А. Тетрадь-атлас по географии капиталистического мира. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930.
- Вопросы географии 1926* — Вопросы географии в новой школе: сб. ст. / под ред. проф. В. П. Буданова и И. С. Симонова. Л.: Брокгауз-Ефрон, 1926.
- География в школе 1925* — География в школе: сб. ст. / под ред. Я. И. Руднева, С. П. Бобина. М.; Л.: Моск. акц. изд. о-во, 1925.
- Дзенс-Литовский 1925* — Дзенс-Литовский А. И. География в прежней и современной школе // География в школе: сб. ст. / под ред. Я. И. Руднева, С. П. Бобина. М.; Л.: Московское акционерное издательское общество, 1925. С. 42–50.
- Дорогутин 1926* — Дорогутин Н. А. Краеведение, его современное значение и роль любителей в деле изучения страны // Первые шаги краеведа: сб. ст. / под ред. Н. А. Дорогутина, М. В. Муратова. Иваново-Вознесенск: Основа, 1926. С. 5–22.
- Ермаков 1929* — Ермаков В. В. Зоогеографическая наглядная учебная карта СССР / сост. В. В. Ермаков; рис. Н. М. Бучумов. М.: Геокартпром, 1929.
- Жуков 1931* — Жуков Б. С. Как вооружены капиталисты. М.: Огиз — Молодая гвардия, 1931.
- Ильин 1937* — Ильин М. Сегодня и вчера: рассказы о родине. М., Л.: Издательство детской литературы, 1937.
- К итогам 1930* — Н. К итогам всероссийской конференции по краеведению // Краевед массовик. 1930. № 2. С. 2.
- Карта СССР 1924* — Карта Союза Советских Социалистических Республик. Путешествие на аэроплане по СССР: географическая игра. Л.: Начатки знаний; Государственная картография Научно-технического отдела ВСНХ, [1924].
- Книга о двух мирах 1938* — К. С. Книга о двух мирах: [рецензия] // Детская литература: критико-библиографический двухнедельник ЦК ВЛКСМ. 1938. № 5. С. 14–18. Рец. на кн.: Ильин М. Сегодня и вчера. М.; Л.: Детиздат, 1937. 350 с.
- Коган 1937* — Коган Э. «Лицо страны меняется»: [рецензия] // Детская литература: критико-библиографический двухнедельник ЦК ВЛКСМ. 1937. № 13. С. 5–8. Рец. на кн.: Михайлов Н. Лицо страны меняется. Новая география СССР. М.; Л. Детиздат, 1937. 144 с.
- Коновалова 1930* — Коновалова К. На новом этапе // Краевед массовик. 1930. № 4. С. 2.

Константинов 1934 — Константинов Н. Карта рассказывает. Л.: ОГИЗ, 1934.

Конференция 1930 — IV Всероссийская конференция по краеведению. 22–24 марта 1930: Резолюции 8 пленума ЦБК, IV конференции и совещаний при конференции: 1) школьного, 2) студенческого, 3) библиографического. [М.]: Работник просвещения, 1930.

Краеведение 1930 — Краеведение на новые пути! // Краевед массовик. 1930. № 2. 1930. С. 1–2.

Мир 1937 — Мир. Политическая карта мира / отв. за выпуск И. В. Гуревич, ред. Ф. Ф. Арнольд. Л.: ГУГСК, 1937.

Москва 1936 — Москва — порт пяти морей: сост. по ориентировочным проектировкам Госплана СССР на вторую и последующие пятилетки. [1 : 3 600 000, 36 км в 1 см]. М.: Изостат ЦУНХУ Госплана СССР, 1936.

Покровская 1934 — Покровская А. К. Материк без людей // Детская и юношеская литература: критико-библиографический бюллетень. 1934. № 10. С. 19–22.

Прозоров 1938 — Прозоров Е. «Страна советов»: [рецензия] // Детская литература: критико-библиографический двухнедельник ЦК ВЛКСМ. 1938. № 5. С. 20–23. Рец. на кн.: Фрейдин И. Страна советов: Краткий экономико-географический очерк СССР. М.; Л.: Молодая гвардия, [1937]. 355 с.

Рабочая тетрадь 1926 — Рабочая тетрадь по краеведению Пензенской губернии: для 5-го года обучения. Вып. 1: Природа и население Пензенского края / Методическое бюро Пензенского ГУБОНО; под ред. П. Иллюстрова, 1926.

Радченко 1928 — Радченко А. И. Краеведение в политпросветработе. М.: тип. «Красная Пресня» (3-я «Мосполиграф») [и] 14-я тип. «Мосполиграф», 1928.

Рахтанов 1939 — Рахтанов И. Карта и компас: [рецензия] // Детская литература: ежемесячный литературно-критический и библиографический журнал ЦК ВЛКСМ. 1939. № 9. С. 50–51. Рец. на кн.: Аусвейт Л. Как открывали земной шар. М.; Л.: Детиздат, 1939. 288 с.

Роскин 1935 — Роскин А. [Рецензия] // Детская литература: издание научно-исследовательского критико-библиографического института. 1935. № 1. С. 9–11. Рец. на кн.: Урнис С. Кара-Кум. Рассказ о пробеге. М.: Детгиз, 1934. 80 с.

Севрук 1933 — Севрук Ю. Интересный опыт: [рецензия] // Детская и юношеская литература: критико-библиографический бюллетень. 1933. № 5. С. 8–9. Рец. на кн.: Необычайное путешествие пионеров Поля, Ольшанского, Восканьяна. М.: ОГИЗ; Молодая гвардия, 1933. 190 с.

Семенов-Тянь-Шанский 1925 — Семенов-Тянь-Шанский В. П. География и искусство // География в школе: сборник статей / под ред. Я. И. Руднева, С. П. Бобина. М.; Л.: Московское акционерное издательское общество, 1925. С. 5–25.

Силищенский 1929 — Силищенский М. И. Географический атлас. М.: акц. о-во «Советская энциклопедия», 1929.

Старостин 1932 — Старостин И. И. Карта Московской области для лабораторных работ: Объяснительный текст. М.; Л.: Огиз; Изогиз, 1932.

Старцев 1933 — Старцев И. И. Детская литература: библиография 1918–1931. [М.]: ОГИЗ — Молодая гвардия, 1933.

Фомин 1927 — Схематическая учебная карта Орловской губернии / сост. лесовод П. Н. Фомин; под ред. Методической секции Соцвосо и Губбюро краеведения. Орел: Губоно, 1927.

Штейнберг 1933 — Штейнберг Е. Национальная окраина в детской литературе // Детская и юношеская литература: критико-библиографический бюллетень. 1933. № 5. С. 11–15.

Эрдели 1939 — Эрдели В. Г. Руководство к работе с географическим атласом для 3 и 4 классов начальной школы. М.: Редбюро ГУГК при СНК СССР, 1939.

Исследования

Берг 2023 — Берг Т. Театр мира: история картографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023.

Виноградова 2019 — Картографический агитпроп (1917–1940): альбом карт / сост. е. В. Виноградова. М.: Пашков дом, 2019.

Гавриленко 2023 — Гавриленко С. Мир на поверхности: «Послы» и земной глобус Ганса Гольбейна Младшего // Логос. 2023. Т. 33, № 1. С. 157–186. DOI: 10.17323/0869-5377-2023-1-157-185.

Драницына — Драницына Е. С. Наследие отечественной учебной картографии XVIII–XXI вв. // Российская национальная библиотека: Виртуальные выставки: [сайт].

URL: <https://expositions.nlr.ru/ve/RA5992/Russkaya-uchebnaya-kartografiya>.

Иванов 2023 — Иванов К. Неочевидность достоверности: наброски к семиологии картографических изображений // Логос. 2023. Т. 33, № 1. С. 131–156. DOI: 10.17323/0869-5377-2023-1-131-155.

Иванов 2023a — Иванов К., Писарев А., Гавриленко С. На изнанке карт: критические исследования картографии // Логос. 2023. Т. 33, № 1. С. 1–32. DOI: 10.17323/0869-5377-2023-1-1-31.

Котельникова 1989 — Советские учебные карты и атласы (1917–1940): каталог / сост. Н. Е. Котельникова и др. М.: Гос. библиотека СССР им. Ленина, 1989.

Лаптев 2018 — Лаптев В. В. Русская инфографика. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018.

Орлова 2006 — Орлова Г. А. Картографический поворот: школьная география и визуальная политика в эпоху больших утопий // Вопросы образования. 2006. Вып. 3. С. 81–101.

Орлова 2008 — Орлова Г. Советская картография в сталинскую эпоху: детская версия // Неприкосновенный запас. 2008. № 2, 30 апр. С. 85–101.

Орлова 2016 — Орлова Г. А. Хозяйство полярного письма: медиализация челюскинской робинзонады // Новое литературное обозрение. 2016. Т. 139, № 3. С. 205–227.

Паперный 2007 — Паперный В. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Хлебосолова 2023 — Хлебосолова О. А. Становление национальных приоритетов российского школьного географического образования в XX веке // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2023. Т. 12, № 4 (45). С. 16–24. DOI: 10.12737/2306-1731-2023-12-4-16-24.

Baron 2024 — Baron N. Visualizing Stalinist Space: The 1951 Geographical Atlas of the USSR for Secondary Schools // Rethinking Socialist Space in the Twentieth Century / eds. M. Colla, P. Betts, P. Cham: Palgrave Macmillan, 2024. P. 23–57. DOI: 10.1007/978-3-031-54581-8_2.

Daston 2011 — Daston L. The Empire of Observation, 1600–1800 // Histories of Scientific Observation / eds. L. Daston, E. Lunback. Chicago: University of Chicago Press, 2011. P. 81–115.

Frank 2010 — Frank S. City of the Sun on Ice: The Soviet (Conter-) Discourse of the Arctic in the 1930s // Arctic Discourses / eds. A. Ryall, J. Schimanski, H. Wærp. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholar Publishing, 2010. P. 106–132.

Horensma 1991 — Horensma P. The Soviet Arctic. London; New York: Routledge, 1991.

McCannon 1998 — McCannon J. Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union (1932–1939). New York; Oxford: Oxford University Press, 1998.

Wood 2010 — Wood D. Rethinking the Power of Map. New York: The Guilford Press, 2010.

References

- Baron 2024* — Baron, N. (2024). Visualizing Stalinist Space: The 1951 Geographical Atlas of the USSR for Secondary Schools. In Colla, M., Betts, P. (Eds.), *Rethinking Socialist Space in the Twentieth Century* (pp. 23–57). Cham: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-031-54581-8_2.
- Berg 2023* — Berg, T. (2023). *Teatr mira: istorija kartografii Moskva* [Theater of the World: The Maps that Made History]. Moscow: Ad Marginem Press, 2023. (In Russian).
- Daston 2011* — Daston, L. (2011). The Empire of Observation, 1600–1800. In L. Daston, E. Lunback (Eds.), *Histories of Scientific Observation* (pp. 81–115). Chicago: University of Chicago Press.
- Dranicyna* — Dranicyna, E. S. *Nasledie otechestvennoj uchebnoj kartografii XVIII–XXI vv.* [The legacy of domestic educational cartography of the 18th–21st centuries]. Rossijskaja nacional'naja biblioteka: Virtual'nye vystavki. <https://expositions.nlr.ru/ve/RA5992/Russkaya-uchebnaya-kartografiya>.
- Frank 2010* — Frank, S. (2010). City of the Sun on Ice: The Soviet (Conter-) Discourse of the Arctic in the 1930s. In A. Ryall, J. Schimanski, H. Wærp (Eds.), *Arctic Discourses* (pp. 106–132). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholar Publishing.
- Gavrilenko 2023* — Gavrilenko, S. (2023). Mir na poverhnosti: “Posly” i zemnoj globus Gansa Gol’bejna Mladshego [The World on the Surface: The Ambassadors and the Globe of Hans Holbein the Younger]. *Logos*, 33, 1, 157–186. DOI: 10.17323/0869-5377-2023-1-157-185.
- Horensma 1991* — Horensma, P. (1991). *The Soviet Arctic*. London and New York: Routledge.
- Ivanov 2023* — Ivanov, K. (2023). Neочеvidnost' dostovernosti: nabroski k semiologii kartograficheskikh izobrazhenij [Nonobviousness of believability: an outline for the semiology of cartographic images]. *Logos*, 33, 1, 131–156. DOI: 10.17323/0869-5377-2023-1-131-155.
- Ivanov 2023a* — Ivanov, K., Pisarev, A., Gavrilenko, S. (2023). Na iznanke kart: kriticheskie issledovanija kartografii [On the inside of maps: critical cartography]. *Logos*, 33, 1, 1–32. DOI: 10.17323/0869-5377-2023-1-1-31.
- Kotel'nikova 1989* — Kotel'nikova, N. E. (Ed.). (1989). *Sovetskie uchebnye karty i atlasy (1917–1940): Katalog* [Soviet educational maps and atlases (1917–1940): Catalog]. Moscow: Gos. biblioteka SSSR im. Lenina.
- Khlebosolova 2023* — Khlebosolova, O. A. (2023). Stanovlenie nacional'nyh prioritetov rossijskogo shkol'nogo geograficheskogo obrazovanija v XX veke [Formation of national priorities of Russian school geographical education in the XX century]. *Nauchnye issledovanija i razrabotki. Social'no-gumanitarnye*

issledovanija i tehnologii, 12, 4 (45), 16–24. DOI: 10.12737/2306-1731-2023-12-4-16-24.

Lapteva 2018 — Laptev, V. V. (2018). Russkaja infografika [Russian infographics]. Saint-Petersburg: Izd-vo Politehn. un-ta.

McCannon 1998 — McCannon, J. (1998). Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union (1932–1939). New York; Oxford: Oxford University Press.

Orlova 2006 — Orlova, G. A. (2006). Kartograficeskij povorot: shkol'naja geografija i vizual'naja politika v jepohu bol'shij utopij [The Cartographic Turn: School Geography and Visual Politics in the Age of Great Utopias]. Voprosy obrazovanija, 3, 81–101.

Orlova 2008 — Orlova, G. (2008). Sovetskaja kartografija v stalinskuju jepohu: detskaja versija [Soviet Cartography in the Stalin Era: A Children's Version]. Neprikosnovennyj zasap, 2, 30 April, 85–101.

Orlova 2016 — Orlova, G. A. (2016). Hozjajstvo poljarnogo pis'ma: medializacija cheljuskinskoj robinzonady [The Economy of Polar Writing: Medialization of Chelyuskin's Robinsonade]. Novoe literaturnoe obozrenie, 139, 3, 205–227.

Papernyj 2007 — Papernyj, V. (2007). Kul'tura Dva [Culture Two]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Vinogradova 2019 — Vinogradova, E. V. (Ed.). (2019). Kartograficeskij agitprop (1917–1940): al'bom kart [Cartographic agitprop (1917–1940): map album]. Moscow: Pashkov dom.

Wood 2010 — Wood, D. (2010). Rethinking the Power of Map. New York: The Guilford Press.

Elena Kazakova

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0003-4600-4050

**SURROUNDING AND DELIMITING: IDEOLOGICAL APPROACHES
IN SOVIET CHILDREN'S GEOGRAPHICAL LITERATURE AND
EDUCATIONAL CARTOGRAPHY OF THE 1920S AND 30S**

The article examines Soviet children's popular science literature on geography and educational geographical maps of the 1920s and 1930s, considering the map as an instrument of state influence, through which students form an understanding of the country's territory and the world. The author identifies two opposite approaches to teaching geography. The first, local approach is based on the idea of the country as a collection of equal regions, emphasizing the localization of geography and prioritizing the study of the home region. The second, centralizing approach, is characterized by an increase in the significance of territorial expansion, an emphasis on the role of borders and the construction of hierarchies. These approaches coexisted, manifesting throughout both decades, but the local history approach, which manifested itself most clearly in the 1920s, eventually gave way to the antagonistic centralizing approach, whose influence grew in the 1930s due to consistent reforms in geographical education. Cartography under the local approach is characterized by the function of representing reality and the promoting active interaction between students and study guides, while maps in the centralizing approach function to construct geographical reality, positioning the student as an observer who, through these maps, becomes familiar with the country's history. These considerations are conceptualized using the concepts of "route map" and "border map" from modern critical cartography studies. The article summarizes the differentiated role of maps: in the local approach, maps primarily aim to foster a local identity in students, while in the centralizing approach, their role gravitates toward serving an instrument of political indoctrination.

Keywords: geography, map, cartography, educational cartography, children's geographical literature, children's popular science literature, local studies

Ольга Илюха

ЛАНДШАФТ СОВЕТСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1930-Х ГОДОВ¹

Автор статьи обращается к советскому опыту создания образа страны-крепости с неприступными границами, рассматривая его сквозь призму детской литературы. Корпус текстов на эту тему обширен, в него входят произведения разнообразных жанров. Выстраивание литературного канона репрезентации советских границ началось в конце 1920-х гг. одновременно с появлением идеологемы «граница на замке» и осуществлялось на протяжении 1930-х гг. В статье художественные изображения границы исследуются с точки зрения ландшафта на основе историко-антропологического анализа. Показано, что природный ландшафт, пространственные образы имеют функциональный характер, они подчинены решению задачи раскрытия отношений и иерархий внутри локального социума. Триада «пограничник-шпион-ребенок» является несущей конструкцией сюжета, через нее определяется социокультурный ландшафт советского пограничья, в который фигура шпиона, пришедшего из-за рубежа, из анти-пространства, вносит временный диссонанс. Граница предстает как важнейшая часть территории государства, как фронт мирного времени, место героического самовыражения людей. Тема границы давала благодатную основу для производства текстов, в которых ребенку в образной и доступной форме предлагалась смысловая схема пространства мира, ярко раскрывались образы своих и чужих.

Ключевые слова: государственная граница, детская литература, образы пространства, ландшафт, «граница на замке», образ врага

В русле развития междисциплинарного направления по изучению государственных границ и их влияния на жизнь людей (border studies) в последнее десятилетие специалисты, работающие в самых разных отраслях гуманитарных наук, стали уделять внимание

Ольга Павловна Илюха, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, ilyukha.olga@mail.ru

проблеме восприятия границы детьми [Borderland 2017; Halicka, 2017; Kaisto, Brednikova, 2019; Sandberg, 2016]. В частности, ставятся задачи получения знаний о том, как в представлениях детей живут символические и реальные границы, выяснения роли различных акторов, (де)конструирующих образы границы. Подчеркивается значение политико-идеологического и социального контекста, образовательно-воспитательных институтов в формировании образа государственной границы [Дюллен 2019; Пюкха, 2019; Venken, Kaisto, Brambilla, 2021]. В этой связи безусловный интерес представляет советская детская литература о рубежах родины. Художественные тексты оказывают влияние на выстраивание детьми собственных представлений о границе, которые складываются в результате синтеза личного опыта и информации, полученной из различных источников.

В статье представлены результаты анализа литературных произведений различных жанров о советской границе, созданных в 1930-е гг. для детей школьного возраста. Задача автора — показать особенности изображения пространства пограничья как части страны; на основе историко-антропологического анализа выявить, как в литературе такого рода соотносятся природный ландшафт и ландшафт социокультурный, понимаемый как пространство, населенное людьми и освоенное утилитарно, ценностно и символически [Каганский 2011, 28], где разворачиваются социальные отношения и складываются иерархии. Предпринята попытка выявления особенностей изображения пограничного ландшафта и круга основных образов, создававшихся профессиональными писателями в идеологической парадигме «граница на замке». Взгляд на художественные тексты сквозь призму репрезентации пограничного ландшафта позволяет высветить одну из несущих конструкций пространственной картины мира, которую взрослые предлагали детям.

География и физиология советских границ. Формирование канона репрезентации

С первых лет советской власти в средствах пропаганды звучал мотив надежной охраны Красной армией государственной границы, которую пытаются нарушить многочисленные враги, чтобы ослабить, а затем и уничтожить молодую советскую республику. Параллельно формулировалась идея о том, что коммунизм сокрушит границы в результате неизбежной мировой революции. Оформление единого нарратива о границе началось с конца 1920-х гг., когда

в партийных верхах возобладали теория построения социализма в отдельно взятой стране и появилась метафора «граница на замке», определявшая в дальнейшем подходы к построению литературных сюжетов². Становление советского канона репрезентации государственной границы как священного рубежа и советского пограничья как особой территории происходило на протяжении всего предвоенного десятилетия. Критики неотступно следили за качеством и характером раскрытия темы в литературе для детей. В конце 1930-х гг. на страницах журнала «Детская литература» признавалось, что «острый дефицит» произведений о границе устранен, указывалось на вклад в решение этой проблемы детских журналов, отвечавших «интересам детей к вопросу обороны страны». В то же время автор статьи сетовал, что «бесчисленное» количество рассказов³ созданы в «погоне авторов за авантурными сюжетами», «по установившейся схеме, с некоторыми несущественными вариациями... о том, как пограничник задерживает диверсантов» [Красноставский 1939, 14].

Детские периодические издания, решая задачу создания «оборонной литературы», охотно предоставляли свои страницы авторам, освещавшим тему охраны советских границ. Показательна история стихотворения «Песня о пограничнике», написанного Львом Ошаниным в 1936 г. Сначала «Песня» была опубликована без нотного сопровождения в июньском номере «Мурзилки»⁴ [Ошанин 1936, 9], а уже в следующем месяце журнал «Затейник» напечатал ее основательно переработанную версию с нотами мелодии А. Хачатуряна [Ошанин 1936а, 3]. Более объемные прозаические произведения, будь то рассказы или повести, также зачастую печатались сначала в периодических изданиях, получали оценку читателей и критиков, а затем выходили в виде книг. Например, повесть Рувима Фраермана вышла под заголовком «Приключение на границе» в журнале «Пионер» в самом начале 1937 г., а затем под названием «Шпион» в виде книги ее дважды в довоенное время выпустил Детиздат ЦК ВЛКСМ (в 1937 и 1938 гг.). Повесть Раисы Торбан «Снежный человек» была опубликована в «Пионерской правде» весной 1938 г. и в том же году выпущена Детиздатом отдельной книгой. Эти две повести выбраны для анализа в качестве основного материала, поскольку создавались практически в одно и то же время и, несомненно, несут общий идеологический заряд; обе написаны в приключенческом плане, а их главными героями являются советские пограничники и школьники. Важным основанием обращения к этим текстам является то, что в каждой из повестей действие разворачивается в *таежном* ландшафте советского по-

границы: в одном случае западном, в другом — восточном. Если Р. Торбан рассказывает о жизни на границе с Финляндией, в северной части Карелии, то Р. Фраерман повествует о районах Приморья, сопредельных по суше с Кореей и Китаем, а по морю — с Японией. При этом важно учитывать, что в географическом и временном определении советского пространства ось Запад-Восток является наиболее значимой [Шкайдерова 2007, 21].

Географические координаты границ в советских газетных колонках новостей, включая детскую периодическую печать, обычно размыты: «на западных границах», «на южных рубежах», «на восточном пограничье», «на N-ской заставе». Географическая условность описываемых событий на границе сродни эпической модели репрезентации пространства: «в некотором царстве, в некотором государстве». Скупы в отношении координат местности публицистические тексты о подвигах пограничников. В них географическая привязка осуществляется за счёт историко-культурных маркеров, часто имеющих негативные коннотации: столкновения на границах с самураями, шляхтичами, лахтарями. Информация о границах советского отечества контролировалась цензурой во избежание разглашения государственной тайны⁵, что являлось причиной географической нечеткости в описаниях событий и служило их мифологизации [Илюха 2018].

В отличие от газетной новостной информации, в художественной литературе встречаются более конкретные географические ориентиры. Наряду с обозначением широкой пограничной области (дальневосточная граница, граница с Финляндией, с Польшей и т. д.) можно увидеть название поселка и деревни, заставы и колхоза. В поле зрения читателей повести Р. Фраермана оказываются расположенные на берегу Японского моря поселения Малый и Большой Тазгоу, мыс Находка. В повести Р. Торбан действие также вписано в реальную поселенческую сеть: неподалеку от заставы находится родная деревня главного героя пограничника Онни Лумимизеи⁶ — Камень-озеро, и поселок Ухта — родина предателя Кондия Ярвямяки. В литературе встречается и новая, советская топография — вымышленная или реальная, но всегда символичная: «Неусыпно свой несет дозор / Наша пограничная застава / У советской станции „Отпор“» [Жаров 1936, 4].

В художественных текстах о границе представлены различные отрезки ее протяженного периметра, проходящие через белорусские леса и карельскую тайгу, дальневосточное Приморье, среднеазиатские степи и пустыни, Закавказье, воды Черного моря и

льды Арктики. Эти дискретные части символически связывает Москва, куда с застав летят донесения, рапорты, откуда поступают приказы и награды. Москва требует, настаивает и наставляет, спешит на помощь. Одна из основных линий связи со столицей выражена в виде заботы о раненых при задержании врага: либо их доставляют в столичные больницы («теперь его лечат в Москве доктора» [Маршак 1938, 27]), либо лучшие московские доктора, вызванные «по прямому проводу» прилетают на заставу, как это происходит в повести Р. Торбан. Москва — сердце родины — связана с пограничной периферией через «кровеносную систему» электропроводов, «нервную систему» радиосвязи: на всех заставах страны бойцы «внимательно слушали у радиоприемника первомайский гул далекой Москвы» [Рыклин 1937, 45]. Пульс границы четко следует политическому ритму столицы. Граница одушевлена, она «живая» — зовет, призывает, слышит.

Эти «физиологические» характеристики границы служат дополнительным аргументом в пользу определения советской довоенной культуры как «культуры воспаленных границ» [Добренко 2007, 482]. Физиология границы выражена в литературе через обостренные реакции и напряжение органов чувств живущих здесь людей: зоркость, остроту обоняния и слуха. Как пограничники, так и местные колхозники и пионеры — хорошие нюхачи, слухачи и умелые следопыты. «Быть зорким», «не страдать близорукостью», — эти призывы с конца 1920-х гг. мелькают на страницах детской периодической печати, они актуальны для всей страны, призванной бороться с классово-беспечностью, чтобы «видеть и понимать, кто наш враг».

В литературе о пограничье все персонажи «начеку». Живущие здесь люди обладают «собачьим чутьем», а опытные пограничники наделены еще и «большевистским нюхом» или «большевистской ноздрей», они умеют безошибочно распознавать врага. Бинокль, усиливающий видимость, и собака с ее острым обонянием и слухом, быстротой реакции и выносливостью расширяют физические и физиологические возможности пограничника. Всматривание, замирение, принюхивание, прислушивание, прикладывание уха к земле — необходимые как пограничникам, так и местным жителям и привычные для них техники выявления «непрощенных гостей», требующие мобилизации всех систем восприятия организма человека. С другой стороны, у этих людей предельно развит самоконтроль, они должны «держат язык за зубами», ведь враг совсем близко.

Природный ландшафт пограничья

Общая черта в описании границы, вне зависимости от географических координат — особая, напряженная тишина, делающая объемными любые звуки. Всенародно известное, песенное: «На границе тучи ходят хмуро, / Край суровый тишиной объят»⁷, — характеризуюя и военную угрозу, и состояние бдительности, имеет множество образных параллелей. «Океан тишины», «напряженное безмолвие» границы — внесезонный фактор, который с особой силой проявляется зимой, когда тишина становится «ледяной», «могучей». Выражение «глухая тайга» используется не только для характеристики непроходимой чащи, но и для передачи «оглушающего безмолвия». Звуки леса едва уловимы, они сливаются в «шепот тайги». Шелест листвы, шуршанье песка, хруст валежника — здесь не легкие и расслабляющие, а настораживающие и подозрительные шумы, оттенки которых нужно различать, поскольку их источником может быть не природа, а человек, враг. Борис Лебедев прямолинеен в своих предупреждениях: «Крадутся к границам ее на разведку / Шпион, диверсант и бандит... / Вот шорох раздался... вот хрустнула ветка... / Гляди, пограничник, гляди!» [Лебедев 1936, 2].

Настораживают шорохи и маленьких жителей пограничья, героев повести Рувима Фраермана, в описаниях которого тишина дает возможность услышать даже то, «как шагает туман по кустам, как шуршит он, как трясет листьями», а безмолвие тайги обманчиво: «Лесная тишина вышла на дорогу, и только справа раздавался еле уловимый шорох: может быть, это бурундук обходил муравейник или просто выпрямлялись и потягивались ветки, собираясь поудобней заснуть. А может быть, кто-то шел тут рядом?» [Фраерман 1937а, 11]. Тишина — «зоркая как птица», она требует концентрации чувств, их слияния.

Природный ландшафт в текстах о границе порой не представлен вовсе, обозначаются лишь его единичные элементы. Г. Рыклин, например, в широко тиражировавшихся «Рассказах о пограничниках» указывает на образующие ландшафт объекты. В сюжете о конфликте на границе с Манчжурией у него фигурирует сопка, в описании инцидентов с Финляндией — «леса и болота, болота и леса», с Польшей — «польский берег» реки. Герой рассказа «Комсомольский билет» прибывает служить на Дальний Восток и читателю сообщается лишь, что здесь «места новые, интересные» [Рыклин 1937, 44].

Жанр произведения, несомненно, влиял на объем представленной в нем информации о пограничном ландшафте. Относительно развернутое описание пейзажа дает М. Слонимский в повести «Подвиг Андрея Коробицына», сравнивая граничащие с Финляндией пределы советской страны с типичными сельскими картинами: «...граница мало чем различалась от тех деревенских просторов, из которых прибыло большинство бойцов. Коробицын не увидел здесь ни заборов, ни стен. Только пограничные столбики расставлены были вдоль границы на большом расстоянии друг от друга, да вилась колючая проволока. Леса и поля здесь были поярче и поцветистей, чем в родной деревне Коробицына, но всё же это были с детства знакомые лесные дебри, с детства любимая и понятная, рождающая хлеб земля. Деревья одеты были в снежные одежды. Ослепительно бело вокруг. И ледяная могучая тишина не нарушалась даже стуком топора. Вот, значит, какова граница зимой!» [Слонимский 1938, 9]. Писатель оживляет характер летнего ландшафта с помощью образа ветра, с которым в окна погранзаставы «врывались запахи трав, цветов, смолы, птичий гомон, человечьи звонкие голоса» [Слонимский 1938, 34]. Эти признаки жизни растворяют пограничный пейзаж в усредненной картине российской периферии, на мгновение объединяют его с сельскими просторами страны, решая авторскую задачу — показать цельность и единство страны-государства, неоспоримую монолитность его территории. Лишь наличие редко стоящих пограничных столбиков и вьющейся колючей проволоки выдавало особый характер местности и показывало, что сила границы и надежность защиты страны не столько в мощи оборонительных сооружений, сколько в руках преданных бойцов.

Формирующие ландшафт природные объекты — овраги, ущелья, деревья, кусты — представлены как препятствия на пути нарушителя и как укрытия для пограничников. То есть сама природа — «наша», она на стороне положительных героев. Ландшафтообразующие растения на границах СССР в Карелии и на Дальнем Востоке — ели. В изображениях этих отрезков советского порубежья ели представлены широко. Они присутствуют в литературных и публицистических текстах, в кинофильмах, на картинах и рисунках, в мелкой пластике, орнаментах, что обусловлено ролью ели как в повседневности жителей таежной зоны, так и в символической. Кроме того, ель — дерево-убежище, способное укрыть человека под своими ветвями и от непогоды, и от врага, сделав его невидимым⁸. Под таким деревом пограничник в одном из рассказов Ю. Германа

создает особенное место — секрет: «Пришел пограничник к елке, раскопал немного снег и устроился поудобнее. Так устроился, что совершенно не видно его. Снег белый и пограничник белый. И будто не человек под елкой притаился, а просто намело такой сугроб — горкой. Тепло, удобно» [Герман 1938, 25]. Маскирующие свойства этого дерева давали поэтам повод для метафорического объединения образа елей и часовых: «в шинелях защитных тонконогие ели сбегают в овраг» [Богатырев 1938, 10]. В поисках новой эстетики советские писатели находили гармонию островерхой ели и с будёновкой пограничника, и со штыком его винтовки. Вместе с тем деревья с густой кроной требовали повышенного внимания и пограничников, и местных жителей, поскольку враг тоже мог использовать дерево как укрытие. В повести Р. Фраермана пограничник докладывает о замеченном на высоком дереве шпионе: «Скрыт от дозора верхушкой елового леса» [Фраерман 1937а, 22].

Лес обитаем, в нем словно растворились невидимые пограничники. Опасность для жизни человека в пограничной тайге, горах или степи исходит не столько от диких животных, сколько от человека-зверя — нарушителя, шпиона. Поэтому животный мир, в реальности наполняющий и оживляющий таежный ландшафт, почти не представлен; в повествованиях о границе он иногда присутствует метафорически. Летучая мышь — хтоническое животное и символ ночных сил тьмы передает отношение автора к «заграничью»: «Крыльями / Большой летучей мыши / Показались сопки вдалеке» — так поэт описывает открывающуюся взору пограничника вражескую сторону [Жаров 1936, 4].

Земля за линией границы молодому призывнику Андрею Корибицыну видится в ином, чем своя земля цвете, и сам воздух кажется враждебным: «Лесами закрыта земля, и хотя похожи они на родные, как везде, дебри, но есть в них вот там, недалеко, черта, словно другой цвет начинается. Там — чужие леса, чужая жизнь...» [Слонимский 1938, 22]; «Каждый боец знал и чувствовал, что воздух сопредельных стран враждебен ему и несет смерть» [Слонимский 1938, 28]. Мифологизация пограничья проявляется не только в характеристике соседней страны как анти-мира и анти-пространства, но и в символике элементов «своего» ландшафта, отмеченного присутствием врага, например, перекрестка как средоточия темных сил: «на перекрестке двух дорог им повстречался враг» [Михалков 1938].

Художественная литература усиливала созданное государственной границей ощущение разрыва пространства, деля, казалось бы,

неделимое: «Бурлит море у берегов Кронштадта. Здесь, в Финском заливе, проходит граница между СССР и Финляндией. Границу заливают волнами. Вот наша советская волна укатила за границу. А вот чужая, финская волна прибежала к нам, перебравшись через морской рубеж» [Рыклин, 1938, 26]; «Совсем близко граница. Вот та разлапистая ель на пригорке уже не советская, а заграничная. И снег тот уже не советский» [Герман 1938, 26]. Даже эфемерные морская волна и снег могут быть маркированы знаком государственно-идеологической принадлежности, они под сенью государства и, вне всякого сомнения, на его стороне.

Социокультурный ландшафт пограничья

Государственная граница размежевывает пространство на свое и чужое, она — хребет ландшафта, политический барьер и медиатор [Замятин 2003, 109]. Советское пограничье, смыкающееся с враждебным миром — фронт мирного времени, место подвига.

Одна из самых высоких точек ландшафта, освоенного человеком, — пограничная вышка. У Фраермана открывающийся с высоты живописный вид тайги, интересен трем людям, рассматривающим ее с разных точек зрения. С пограничной вышки школьник Ти Суеви любит, пограничник Сизов наблюдает, в то время как шпион, поднявшись на рослое дерево, наносит чертеж местности на бумагу. Пейзаж, видимый из поднебесья — вместилище социальных связей и отношений:

Ти Суеви тоже огляделся вокруг с любопытством. Он увидел леса, с земли он никогда их не видел такими. Они клубились по сопкам как тучи, они качались будто туман. Но воздух был прозрачен над ними. Океан поднимался вверх, к горизонту, и край его казался выше гор. Ти Суеви отвел глаза. Теперь перед ним был весь Тазгоу. Вот школа, вот поле, вот пять высоких скал. Где же тут Натка? Ти Суеви повернул голову в другую сторону. Теперь он увидел дорогу. Она выбегала из лесу и падала в море, как река. Из глубины тайги вышли на дорогу два красноармейца. Они несли кого-то на руках. По дороге скакал всадник [Фраерман 1937а, 20].

Присутствие в пейзаже военных людей наполняет безмятежный вид тайги тревожностью. Дороги и тропы, стягивающие пространство приграничья, замыкаются на заставе: к ней спешат пионеры и колхозники, заметившие незнакомого человека, именно туда доставляют задержанного врага. Это политическая доминанта ланд-

шафта, средоточие властных отношений (приказ начальника заставы выполняют не только бойцы, но и мирные жители), значимость которой выше административного центра местности (поселкового или сельского совета), где сконцентрированы в большей мере хозяйственные функции⁹.

Пограничник, будь это начальник заставы или рядовой, находится на вершине иерархии локального социума; это исключительно положительный персонаж, образец для подражания. Юрий Герман в своих рассказах порой не дает главному герою имени, называя его просто пограничником и подчеркивая тем самым высокий социальный статус этой военной профессии. У Германа характеристика пограничника приобретает каноническую формульность: «...высокий, сильный, красивый и очень смелый человек. И очень умный. Никто его не мог перехитрить, и ни один враг не перешел нашу границу — невозможно было обмануть товарища Авдеева» [Герман 1938, 13–14]. Неслучайно этот текст в дальнейшем был включен в учебник для обучения чтению школьников Карелии [Герман 1952]. Местный природный ландшафт пограничник освоил досконально, это его стихия, привычная среда: «Он знал лес так хорошо, как каждый из нас знает свою комнату. Вот тут сломанная сосна. А тут большой пенёк. А дальше овражек. А дальше две одинаковые елки. Точь-в-точь как в комнате: тут стул, тут маленький столик, тут кровать...» [Герман 1938, 24]. Зеленая фуражка и зеленый велосипед летом, белый маскировочный халат зимой, бесшумное перемещение — все это делает пограничника неотделимой частью природного ландшафта. Это человек-функция, все тело которого «насторожено чутко к каждому предмету и звуку» [Фраерман 1937а, 22].

Качества пограничника как сверхчеловека особенно ярко проявляются в ходе преследования и задержания нарушителя: «Сизов бежал без малейшего звука. Сапоги его не скользили. Ружье не стучало; как живые существа расступались перед ним кусты» [Фраерман 1937а, 22]. Образ пограничника близок к образу былинного героя, что особенно четко проявилось в новинах — фольклорных стилизациях, которые широко публиковались, предназначались и для взрослой, и для детской аудитории. Пограничник, как и былинный богатырь, обычно узнаёт о появлении врага в лесу (в поле) по следу, разглядывает далекого неприятеля в бинокль (богатырь — «в трубку серебряную»), тот и другой принимают бой «ночью темною» [Илюха 2018]. Спутником пограничника является собака, которая нередко наделяется субъектностью, становится активно

действующим агентом, но при этом остается в полном подчинении своего проводника — «властелина собачьей души» [Торбан 1938, 23]. Произведения разных жанров, где собака является героем наравне с пограничником, составляют значительную часть детской литературы, в которой особым успехом у читателей пользовались «Рассказы о пограничнике Карацупе и его собаке Индусе» (в изданиях после приезда Неру в СССР собаку переименовали в Ингуса) [Ронен 2000, 975].

Взрослые жители пограничья в его социокультурном ландшафте почти не видны, они на периферии повествования, поскольку заняты своими обычными делами: ловят рыбу, валят лес, возделывают колхозные поля, пасут стада. Это немногословные, добрые в отношении своих и суровые в отношении врагов люди. Их фигуры проявляются масштабно в момент угрозы и встречи с врагом. Поймавшие шпиона «Красноармейцы, рыбаки, часовые стояли вокруг молча. Взгляды их были суровы, зубы стиснуты крепко» [Фраерман 1937а, 23]. В часы преследования и поимки нарушителя мирные жители действуют наравне с пограничниками. Все вместе они образуют сплошную цепь, которую невозможно разорвать врагу: «Из Тазгоу, как красноармейцы, цепью бежали по берегу рыбаки. Они только что вернулись с моря. Их тяжелая обувь из резины блестела на песке. Бежал учитель Василий Васильевич Ни, бежал председатель колхоза Пак, легко толкая вперед свое старое тело. Изза прикрытий выбегали часовые». Именно в эти часы природный ландшафт наполняется жизнью: «И край этот, черный от хвойных лесов, прежде казавшийся Ти Суеви пустынным, вдруг ожил. Ти Суеви остановился, задыхаясь. „Как много их!“ — с изумлением подумал он, глядя на людей, цепью окружавших лес. А Ти Суевито казалось, что он один стережет и любит его» [Фраерман 1937а, 22]. Мотив социальной сплоченности и идейной монолитности советского общества на всех уровнях и в пространствах даже самых далеких от центра частей страны звучит здесь отчетливо.

В социокультурном ландшафте пограничья дети составляют одну из опор устойчивого треугольника «пограничник-шпион-ребенок», образующего каркас литературного сюжета. В систему общественных связей могут быть включены руководители различных ведомств и рангов: начальник заставы, директор школы, директор лесопункта, председатель сельсовета или колхоза, но в центре сюжета — дети и пограничники, которых объединяет общая мечта — задержать шпиона. Молодой боец Андрей Коробицын сокрушается: «Вот уже несколько месяцев он на границе, его товарищи

уже имеют задержания, — а он? Он живет без подвига» [Слонимский 1938, 36]. Самый маленький герой повести Р. Торбан хотя и боится шпионов, но тоже втайне мечтает встретить одного из них и получить шанс стать взрослым: «А вдруг сюда, к нам забежит какой-нибудь! — со страхом и тайной надеждой сказал Юрики...» [Торбан 1938, 79].

Образ пограничника, ратный труд которого престижен, Юрики воспроизводит в игре с соответствующим милитарным антуражем: «На голове у него красовался старый шлем с новой красной звездой, вырезанной из бумаги, за плечами — деревянная винтовка, и у пояса — из того же самого материала револьвер и бомба. Юрики вел или, вернее, тащил на веревочке своего щенка... Пел и важно шагал по улице Юрики... Ребята окружили вооруженного до зубов Юрики и с открытым восхищением осматривали его со всех сторон» [Торбан 1938, 44]. Еще большее восхищение со стороны не только детей, но и взрослых, вызывают подростки, на деле участвовавшие в задержании врага. Облик девочек, совершивших подвиг, удостоен писательского сравнения с родным ландшафтом, его элементами. В повести Фраермана глаза Натки «...стали снова блестеть как два влажных камешка», какими усыпано близкое и хорошо знакомое ей побережье океана [Фраерман 1937а, 23]. В повести Торбан «Бойцы и лесорубы смотрели на Анни так, как будто до этого они никогда не видели эту маленькую девочку с длинными косами, голубыми, как ламбушки глазами и твердой, как их каменистая земля, волей...». Глаза Анни сравнивает с карельскими озерами и враг: «в глубоких, синих, как озера Карелии, глазах Анни он [диверсант] уловил торжество...» [Торбан 1938, 150]. Здесь твердость характеров сродни граниту, а душевная чистота подобна незамутненности карельских озер. Красота родной земля предстает и как эстетический эталон, с которым может быть сравнима внешность только лучших людей, и как источник патриотизма, силы и мужества.

Образ чужого в системе социокультурных координат пограничья

Пограничнику противостоит антигерой — нарушитель границы: шпион, диверсант, бандит. Из этих возможных вариантов, уточняющих недобрые намерения врага, в детской литературе чаще других используется статус шпиона, который стремится выведать тайну Великой страны. Судьба нарушителя, как и судьба пограничника, предопределена: «Бандиту конец, пограничнику слава» [Маршак 1938, 27]. Поверженный враг ничтожен — это и в его име-

ни (у Фраермана шпион — майор Исикава Санджи Маленький), и в его облике («лицо майора, крошечное, плоское») [Фраерман 1937а, 23].

Шпион в социокультурном ландшафте пограничья — субъект, как правило, временный, он стремится проникнуть вглубь страны. Реже в детской литературе встречается типаж законспирированного врага: обычно он «из бывших», побывал за рубежом, вернулся на родину и теперь скрывается под маской «своего», как герой повести Р. Торбан Кондий Ярвимики, имевший до революции лавки в Финляндии. Он избегает общения, живет обособленно в лесной избушке. Фигура шпиона, еще не разоблаченного, уже вносит диссонанс, искажает советское пространство, населенное коллективистами, сильными и красивыми людьми. Хромой, сутулый, рыжебородый, кражистый, верзила или коротышка — далеко не полный перечень представленных в художественных текстах приметных физических особенностей, которые выделяют шпиона. Бабка, дед, седой незнакомец — типичные социовозрастные характеристики чужака в произведениях для детей. Политико-идеологическая дистанция поколений определялась сменой систем ценностей, а люди, несущие в себе следы царского прошлого, были подозрительны.

За внешней оболочкой, иногда даже за красноармейской формой советские дети должны были суметь разглядеть врага. Писатели как будто старались помочь в этом своим юным читателям, акцентировали внимание на не всегда очевидных деталях. Чужака могут выдать бегающий и злобный взгляд, вкрадчивый голос, искусственная речь («слишком правильная», выученная); неестественный смех (чтобы быть похожим на советского человека, шпион громко смеется, так как наслышан, что на советской стороне людям жить весело), натянутая улыбка («жесткая», «кривая»), неуместная одежда (нехарактерные для сельской или лесной местности элегантный плащ, шляпа); детали костюма, например, штанов, которые сшиты «не по-русски» [Долматовский 1939] и даже качество ткани: «...странная рубашка, / Заграничный шелк-сырец / На японский образец» [Дилакторская 1939, 8].

Шпион в детской литературе в целом — недочеловек или не человек вовсе. Это четко формулирует Женька, героиня повести А. Гайдара «Тимур и его команда», когда говорит напавшей на нее собаке: «Ты лови разбойников или шпионов, а я... — человек» [Гайдар 1940]. Внешность шпиона, пришедшего из зарубежья, другого мира, нередко соотносится с образами пресмыкающихся — мифологических посредников между мирами. Зооморфные харак-

теристики касаются прежде всего глаз, взгляда (коварно-змеиного; хитрого, как у лисы или злого, как у волка), способного выдать сущность врага. В повести Р. Фраермана взгляд замаскировавшегося шпиона вызывает смятение чувств советского мальчика, поскольку «то был взгляд маленькой гадюки» [Фраерман 1937, 56]. Смерть ему уготована соответствующая: «Рыбаки, огромные в своей одежде... подошли. Их тяжелая обувь, казалось, раздавит сейчас человека, растянувшегося на камнях как змея. Они молчали, но гнев качал их как океан» [Фраерман 1937а, 23].

Чужеродная для советского социокультурного ландшафта фигура шпиона маркирована чертами оборотня. В изображении Ю. Германа он «...роста огромного, лицо злое, от страха бледное, глаза светятся как у волка, — вот-вот зарычит» [Герман 1938, 17]. Схожий портрет человека-зверя рисует Р. Торбан: «Небольшого роста, кряжистый, с лицом, заросшим волосами, он легко, по-звериному, двигался по избе в своих мягких, подшитых кожей сапогах с острыми носами. Сходство со зверем дополнялось черными точками маленьких злобных глаз и короткой шеей. Рассеченная посередине губа обнажала ряд крепких желтоватых зубов» [Торбан 1938, 38]. Помещение оборотня в пространство границы соответствует мифологической традиции, согласно которой стык миров (освоенного и неосвоенного, своего и чужого) является локусом, где наиболее часто совершаются перевоплощения. В повести Р. Торбан сюжет развивается во временном отрезке, непосредственно предшествующем и затем совпадающем с празднованием Нового года, с новогодней елкой в школе. В пространстве возрожденного в середине 1930-х гг. праздника елки¹⁰ маскарадные маски могут скрывать сущности персонажей. Здесь ярко высвечивается конвертируемость оппозиционных образов пограничника и нарушителя, так же как шпиона и разведчика.

Нарушитель границы, пришедший «с той стороны» проявляет повышенный интерес к ландшафту. Карта, план местности, схема размещения оборонных коммуникаций составляют предмет вожаемой мечты шпиона, становятся уликой и средством идентификации врага. В повести Р. Фраермана шпион разоблачен как раз во время съемки местности, нанесения ландшафта на бумагу. В стихотворении Е. Долматовского враг опознан не только по оторванной пуговке и фасону брюк, но и по содержимому карманов: «А в глубине кармана патроны от нагана / И карта укреплений советской стороны» [Долматовский 1939]. Сверхвысокая ценность карты подчеркивается тем, что ее уничтожают, съедая. В повести

Фраермана это делает шпион, а улику добывает пограничник: «Он разжал ему зубы, засунул пальцы в рот и вынул куски еще не разжеванной прочной и тончайшей японской бумаги» [Фраерман 1937а, 23]. Героиня повести Р. Тобран пионерка Анни извлекает капсулу «с документом государственной важности» из куска капустного пирога, куда ее спрятал шпион.

Инцидент — столкновение с нарушителем границы — кульминационный момент сюжета, нередко происходит ночью, поскольку враг действует «под покровом темноты». Образ ночи, изначально враждебной человеку, широко использован с целью демонизации чужака. С семиотическим полем этого времени суток, отмеченным тишиной и темнотой, оказывается тесно связанной семантика тайны [Тихомирова 2010, 11–12]. Это и время предательских теней: «Слышен шорох осторожный... / Тень скользит в овраг» [Ошанин 1936а, 3]. «Манчжурская выюга» [Маршак 1938, 27], «мгла и пурга», «туманом дымится глухая тайга» [Ошанин, 1936, 9], — все природные явления, затрудняющее и без того плохую ночную видимость, присутствуют в описаниях границы.

Выслеживание и поимка нарушителя границы разворачиваются по модели охоты, специфика которой в конкретной местности зависит от особенностей природного ландшафта. При этом охота на зверя, тысячелетняя практика выживания человека в тайге, в детской литературе о границе представлена периферийно, поскольку официально она ограничена: «Тикка знал, что охота на лося запрещена советской властью. Но он и не хотел убивать его. Старому охотнику хотелось только подкараулить, подсмотреть такого редкого зверя» [Торбан 1938, 100]. Охотничье оружие используется в противоборстве людей, скрывающих свои истинные намерения. С охотничьим ножом приходит на советскую сторону японский шпион («короткий и широкий нож, каким манчжурские гольды убивают оленей» [Фраерман 1937а, 23]), финский нож — часть экипировки шпиона и диверсанта в Карелии. Но советские люди не боятся врагов и готовы им противостоять. Советский ребенок «с пленок» дозорный, а став октябренок, он, как и предписывает литература, мечтает охранять страну на дальних границах: «И хоть с кухонным ножом / Караулить самурая / За японским рубежом» [Борисова 1938]. В пограничье в ходу понятие облава — коллективные поиски нарушителя границы, поимка которого оценивается как добыча «крупного зверя» или «редкой птицы». Дети в этой традиционной схеме охоты выступают как вестники (сообщают о враге пограничникам), манщики (заманивают врага-зверя на заставу) или гонцы (пока бабушка пе-

чет хлеб для незваного гостя, ребенок мчится за пограничником). Герой стихотворения Х. Левиной, которое в переводе с еврейского было опубликовано в 1938 г. в журнале «Мурзилка», видит себя в роли вестника и спешит сообщить о своих намерениях Сталину: «Ты спокоен будь в Кремле, — / Лягу ухом я к земле; / Если шорох вдруг раздастся, / Значит хочет враг подкрасться; / Я трубу свою возьму, / Разбужу сигналом тьму. / Загремит труба на славу: / „Эй, товарищи, в облаву!“» [Левина 1938]. Здесь выразительно представлена значимость пограничной периферии, бдительности больших и маленьких граждан для символического центра страны, его безопасности и спокойствия. Ситуация преследования, погони за врагом вносит динамику в жизнь тихого пограничья и придает повествованию приключенческий характер.

Если пришедшие из-за границы враги обречены, то оказавшиеся на советской территории крестьянские дети «с той стороны», хотя формально и являются нарушителями, тем не менее получают помощь от пограничников, поскольку они социально близки. В произведениях с подобным сюжетом представлен, хотя и пунктирно, социокультурный ландшафт по другую сторону границы с характерным для него неравенством людей, угнетением, безрадостной жизнью, который выгодно подчеркивает достижения советской страны и счастливую жизнь рожденных в ней детей. Юрий Герман в свою книгу «Часовые», состоящую из рассказов пограничников дальневосточной заставы, адресованных сыну одного из них, включил историю о китайском мальчике [Герман 1938, 47–55]. Восьмилетний Ю-Лин пришел через границу тайком «с другого берега». В родной деревне у него никого не осталось — японцы убили родителей и сестру и теперь ему нечего есть, а захватчик, японский офицер, развлекаясь, бьет его хлыстом. На советской заставе Ю-Лина накормили, помыли, и, когда он стал «чистый, как стеклышко», надели костюм маленького сына пограничника, символически обратив его «в своего». Мальчик очень хотел остаться жить на заставе и стать красным пограничником, но его уговорили поехать в детский дом, где «еще лучше» и «есть даже педальные автомобили».

Мотив перехода границы ребенком также звучит в рассказе Николая Вирты «Иностранка», впервые опубликованном в 1937 г. в виде небольшой книжки и выдержавшем до войны несколько изданий. В зоне советско-польского порубежья выработался ритуал решения пограничных инцидентов: Жизнь на границе полна большими и маленькими происшествиями. То корова перейдет границу, и надо ее вернуть хо-

зяину, то ребята заблудятся и, сами того не зная, очутятся в чужой стране, то случится еще что-нибудь. Тогда командиры советского и чужого пограничных участков сходятся в условленное место и разрешают накопившиеся за несколько дней дела [Вирта 1938, 7].

Когда маленькая дочь польского крестьянина Ася переходит ручей и оказывается в СССР, она слышит незнакомое слово «колхоз», видит, что при сходстве своей и чужой местности в советской стране все иначе: здесь поле обрабатывают машины, здесь вежливые военные, которые совсем не похожи на злых польских офицеров, дежуривших на пограничном мосту, и есть детские ясли, куда Асю взяли на ночлег и где чисто, уютно и сытно. Когда Ася с подарками возвращалась от новых друзей домой, за ручей, «опять в нужду, в грязь», то «часто оборачивалась назад, плечи ее вздрагивали: она плакала» [Вирта 1938, 11]. Иностранка как дочь крестьянина-бедняка классово «своя», это, главным образом, и определяет отношение к ней советских людей.

Ю. Герман и Н. Вирта представили контактную функцию границы, которая могла реализоваться в хорошо обжитых пространствах с относительно плотной сетью поселений. Советское пограничье в рассказах этих авторов показано как доступная взглядам зарубежных соседей часть притягательной страны-мечты, а открывающаяся взору советского человека территория их государств — это анти-пространство, лишенное перспективы, — и географической, и временной. Совпадающее с линией границы русло реки или ручья — природный и символический барьер, размежевывающий территорию на свою и чужую. Эти природные объекты могут утратить свою барьерную функцию, как это показано в переработанном («исправленном и дополненном») издании «Иностранки» 1939 г. Николай Вирта внес в книгу новые штрихи и изменил ее финал после того, как в сентябре в пределы Польши вошли части Красной Армии, а затем советское правительство объявило о присоединении Западной Белоруссии к СССР¹¹. В новой версии книги няня из советского детского дома объясняет Асе, что ее семья больше не будет бедствовать, ведь теперь «Возьмут землю у панов и отдадут всем бедным». Девочка осознает, что она перестала быть иностранкой, а земля за ручьем (она смотрит на границу со стороны детского дома) «насовсем» стала советской, проволочное ограждение исчезло. Радуюсь, Ася говорит няне: «Это очень хорошо, что Сталин велел вам идти за ручей, а то тут очень плохо, а у вас хорошо. Теперь нам вместе лучше будет» [Вирта 1939, 15]. Незыблемость совет-

ских границ здесь оказывается условной, они могут расширяться ради того, чтобы обеспечить соседям лучшую жизнь и уверенность в своем будущем.

Заключение

Рассмотрение детской литературы сквозь призму репрезентации ландшафта позволяет высветить базовые конструкции, использовавшиеся при создании мифа о советских границах, показывает приоритет социокультурного ландшафта, локальных социальных иерархий и отношений и подчиненность им ландшафта природного. Отчасти это определяется культурной и политической природой самой государственной границы.

К концу 1930-х гг. лекала описания советского пограничья были четко выверены. В литературе о границе повседневность представлена в той мере, в какой она поддерживает идею охраны страны. При этом авторы давали понять, что именно в пространстве пограничья происходит «настоящая жизнь», здесь в мирное время есть возможность совершить подвиг. Пограничник, ребенок и шпион в литературе для детей — главные фигуры социокультурного ландшафта, в котором на вершине иерархии находится пограничник, а шпион — фигура временная, искажающая советское пространство, его гармонию. Исход схватки сверхчеловека пограничника с недочеловеком врагом, шпионом предопределен, тем более что на помощь пограничнику всегда приходят и дети, и взрослые. Если образ врага определяют его зооморфные черты, то положительные герои наделяются внешними и внутренними качествами, сопоставимыми с ландшафтом родной земли. Метафорика ландшафта и его элементов используется для характеристик людей и их отношений, отражая определенные культурные стереотипы.

Характер изображения природного пейзажа поддерживает настроение тревожности, отвечающее задаче мобилизации общества в условиях подготовки к грядущей войне. На фоне растущей шпиономании второй половины 1930-х гг. детская литература формировала подозрительный взгляд ребенка на незнакомца, настраивала на повышение бдительности. Ночь или праздник — время особой активности врага, стремящегося застать советских людей врасплох, в совокупности с описанием природы приграничной территории образуют пространственно-временной континуум пограничного сюжета. Природный ландшафт влияет на характер преследования и задержания нарушителя границы, его декорации становятся важным

фактором развертывания приключенческой составляющей книг для детей. Советская граница оказывается с одной стороны крепостной стеной, с другой — витриной достижений для соседей, при этом земля по другую сторону государственного рубежа наделяется чертами анти-пространства.

Примечания

- ¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Карельского научного центра РАН.
- ² Метафора «граница на замке» вошла в широкий обиход в середине 1930-х гг., вслед за тем, как в 1934 г. ее неоднократно употребил в своих выступлениях командующий Особой Дальневосточной армией В. К. Блюхер. Однако ее рождение произошло раньше, в ходе осмысления конфликта на КВЖД в 1929 г. Так, 7 ноября 1929 г. «Пионерская правда» опубликовала заметку «Граница на замке» о надежной охране завоеваний Октябрьской революции и прочности восточных рубежей СССР, в частности, границы с Манчжурией. Годом позже под тем же названием вышла книга для детей и подростков Н. К. Костарева — боевого товарища В. К. Блюхера — «Граница на замке» (1930).
- ³ Количество произведений о границе исчислялось многими десятками. Более точная оценка требует проведения специальных изысканий.
- ⁴ Публикация вызвала резкую реакцию критиков, обвинявших автора в слабом владении рифмой, а редакцию журнала в том, что она «слабо борется за качество стихов» [Белахова 1936].
- ⁵ На протяжении 1920–1930-х гг. происходило усиление контроля над печатью, в том числе относительно недопущения распространения информации о военной тайне, включающей сведения о дислокации войск вдоль государственной границы. В частности, в сентябре 1933 г. был создан институт Уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати, объединявший всех начальников Главлитов союзных республик. См. подробнее: [Зеленов 2012].
- ⁶ Лумимиези в переводе с карельского — снежный человек.
- ⁷ Из песни «Три танкиста» (1939). Слова Б. Ласкина, музыка братьев Покрасс.
- ⁸ Кроме того, ель имеет амбивалентную символику, связанную в народной традиции с порубежьем, границей миров, включая такие универсалии, как жизнь и смерть и переход между ними, что до сих пор сохраняется в представлениях людей. См.: [Ершов 2017].
- ⁹ Эта субординация выразительно представлена в повести Раисы Торбан, где Ухта — административный центр, фактически подчинена пограничной заставе.
- ¹⁰ Вплоть до середины 1930-х гг. Новый год официально не был праздником, против дореволюционной традиции украшения елки, ассоцииро-

вавшейся с Рождеством, была организована идеологическая кампания. В ходе нее звучал, в частности, мотив вытеснения отжившего ритуала и сценария за пределы страны: «Лучше мысль о елках навсегда оставь, / Елки пусть растут за линией застав...», — писал журнал «Затейник» в 1931 г. Отправной точкой для возрождения елочной традиции уже на советской идеологической основе стала статья П. Постышева «Давайте организуем к Новому году детям хорошую елку» (Правда. 1935, 28 декабря).

- ¹¹ 2 ноября 1939 г. внеочередная V сессия Верховного Совета СССР приняла закон «О включении Западной Белоруссии в состав Союза ССР с воссоединением ее с Белорусской ССР», ссылаясь на ходатайство «Полномочной комиссии Народного собрания Западной Белоруссии».

Литература

Источники

- Белахова 1936* — Белахова М. Журнал «Мурзилка» // Детская литература. 1936. № 12. С. 26–27.
- Богатырев 1938* — Богатырев В. Песня о стороже // Затейник. 1938. № 3. С. 9–10.
- Борисова 1939* — Борисова Н. Мечта // Карелия: литературно-художественный журнал Союза советских писателей Карельской АССР. 1939. № 3. С. 92.
- Вирта 1938* — Вирта Н. Иностранка. 2-е изд. М.: Детиздат, 1938.
- Вирта 1939* — Вирта Н. Иностранка. 3-е изд. М.; Л.: Детиздат, 1939.
- Гайдар 1940* — Гайдар А. Тимур и его команда // Пионерская правда. 1940. № 117, 7 сент. С. 4.
- Герман 1938* — Герман Ю. Часовые. М.; Л.: Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1938.
- Герман 1952* — Герман Ю. Рассказ пограничника // Беляев И. С. Книга для чтения во втором классе карело-финской школы. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1952. С. 116–119.
- Дилакторская 1939* — Дилакторская Н. Две кастрюли, три котла // Чиж. 1939. № 7–8. С. 7–9.
- Долматовский 1939* — Долматовский Е. Пуговка. М.; Л.: Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1939.
- Красноставский 1939* — Красноставский М. Литература о Красной армии // Детская литература. 1939. № 2. С. 9–16.
- Лебедев 1936* — Лебедев Б. На чеку // Мурзилка. 1936. № 7. С. 2.
- Левина 1938* — Левина Х. Тише, тише... / пер. с еврейского Т. Спендиаровой // Мурзилка. 1938. № 4. С. 14.

- Маршак 1938* — Маршак С. Мы военные. М.; Л.: Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1938.
- Михалков 1938* — Михалков С. Граница. М.: Изд. и фабрика детской книги Детиздата, 1938.
- Ошанин 1936* — Ошанин Л. Песня о пограничнике // Мурзилка. 1936. № 6. С. 9.
- Ошанин 1936а* — Ошанин Л., Хачатурян А. Песня о пограничнике // Затеяник. 1936. № 7. С. 3.
- Рыклин 1937* — Рыклин Г. Рассказы о мужестве и находчивости // Пионер. 1937. № 5. С. 43–51.
- Рыклин 1938* — Рыклин Г. Рассказы о пограничниках. М.; Л.: Детиздат, 1938.
- Торбан 1938* — Торбан Р. Снежный человек. М.; Л.: Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1938.
- Слонимский 1938* — Слонимский М. Подвиг Андрея Коробицына. М.: Детиздат, 1938.
- Фраерман 1937* — Фраерман Р. Приключение на границе // Пионер. 1937. № 1. С. 54–68.
- Фраерман 1937а* — Фраерман Р. Приключение на границе // Пионер. 1937. № 2. С. 10–25.

Исследования

- Добренко 2007* — Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- Дюллен 2019* — Дюллен С. Уплотнение границ: к истокам советской политики, 1920–1940-е / пер. с франц. Э. Кустовой. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
- Ершов 2017* — Ершов В. П. Вечнозеленые — вечноживущие. Ель — дерево предков. Петрозаводск, 2017.
- Замятин 2003* — Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003.
- Зеленов 2012* — Зеленов М. В. Военная и государственная тайна в РСФСР и СССР и их правовое обеспечение (1917–1991 гг.) // Ленинградский юридический журнал. 2012. Вып 1. С. 143–159.
- Илюха 2018* — Илюха О. П. Руна о задержании шпиона: государственная граница в советском фольклоре и пропагандистском дискурсе 1930-х годов // Альманах североевропейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2018. Вып. 3. С. 123–142.

Каганский 2011 — Каганский В. Л. Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты // *Международный журнал исследований культуры*. 2011. № 4 (5). С. 26–40.

Ронен 2000 — Ронен О. Детская литература и социалистический реализм // *Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко*. СПб.: Академический проект, 2000. С. 969–979.

Тихомирова 2010 — Тихомирова Л. Н. «Ночная» поэзия в русской романтической традиции: генезис, онтология, поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2010.

Шкайдерова 2007 — Шкайдерова Т. В. Советская идеологическая языковая картина мира: субъекты, время, пространство (на материале заголовков газеты «Правда» 30–40-х гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск: Омский государственный университет, 2007.

Borderland 2017 — *Borderland studies meets child studies: A European encounter* / eds. M. Venken, K. Pereplys. Peter Lang, 2017.

Halicka 2017 — Halicka B. The everyday life of children in Polish-German borderlands during the early postwar period // *Borderland studies meets child studies: A European encounter* / eds. M. Venken, K. Pereplys. Peter Lang, 2017. P. 116–137.

Ilyukha 2019 — Ilyukha O. Soviet and post-Soviet borders in texts for children and as perceived by children: Symbolic figures, images, meanings // *Borders and Memories: Conflicts and co-operation in European border regions* / ed. K. Stokloza. LIT Verlag, 2019. P. 31–50.

Kaisto, Brednikova 2019 — Kaisto V., Brednikova O. Lakes, presidents and shopping on mental maps: Children's perceptions of the Finnish-Russian border and the borderland // *Fennia — International Journal of Geography*. 2019. Vol. 197, no. 1. P. 58–76. DOI: 10.11143/fennia.73208.

Sandberg 2016 — Sandberg M. Restructuring locality: Practice, identity and place-making on the German-Polish border // *Identities*. 2016. Vol. 23(1). P. 66–83. DOI: 10.1080/1070289X.2015.1016523.

Venken, Kaisto, Brambilla 2021 — Venken M., Kaisto V., Brambilla Ch. Children, Young People and Borders: A Multidisciplinary Outlook // *Journal of Borderlands Studies*. 2021. Vol. 36(2). P. 149–158. DOI: 10.1080/08865655.2021.1898447.

References

Borderland 2017 — Venken, M., Pereplys, K. (Eds.). (2017). *Borderland studies meets child studies: A European encounter*: Peter Lang.

Dobrenko 2007 — Dobrenko, E. (2007). *Politekonomiya socrealizma* [The political economy of social realism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Dullin 2019 — Dyullen, S. (2019). Uplotnenie granits: K istokam sovetskoi politiki. 1920–1940-e [La frontière épaisse]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Ershov 2017 — Ershov, V. P. (2017). Vechnozelenye — vechnozshivushchie. El' — derevo predkov [Evergreens — ever-living. Spruce — the tree of ancestors]. Petrozavodsk.

Halicka 2017 — Halicka, B. (2017). The everyday life of children in Polish-German borderlands during the early postwar period. In M. Venken, K. Pereplys, (Eds.), *Borderland Studies meets child studies: A European encounter* (pp. 116–137). Peter Lang.

Ilyukha 2018 — Ilyukha, O. P. (2018). Runa o zaderzhanii shpiona: gosudarstvennaya granitsa v sovetskom fol'klore i propagandistskom diskurse 1930-h godov [The Rune about the detention of a Spy: the State Border in Soviet Folklore and Propaganda Discourse of the 1930s]. *Al'manah severoevropejskikh i baltijskikh issledovanij* (Nordic and Baltic Studies Review), 3, 123–142.

Ilyukha 2019 — Ilyukha, O. (2019). Soviet and post-Soviet borders in texts for children and as perceived by children: Symbolic figures, images, meanings. In K. Stokloza, (Ed.), *Borders and Memories: Conflicts and co-operation in European border regions* (pp. 31–50). LIT Verlag.

Kaganskij 2011 — Issledovanie rossijskogo kul'turnogo landshafta kak celogo i nekotorye ego rezul'taty [A holistic investigation of the Russian cultural landscape]. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury*, 4 (5), 26–40.

Kaisto, Brednikova 2019 — Kaisto, V., & Brednikova, O. (2019). Lakes, presidents and shopping on mental maps: Children's perceptions of the Finnish-Russian border and the borderland. *Fennia — International Journal of Geography*, 1, 58–76. DOI: 10.11143/fennia.73208.

Ronen 2000 — Ronen, O. (2000). Detskaya literatura i socialisticheskij realizm [Children's literature and Socialist realism]. In H. Gyuntera, E. Dobrenko (Eds.), *Socrealisticheskij kanon: Sbornik statej [Socialist realist canon]* (pp. 969–979). Saint Petersburg: Akademicheskij proekt.

Sandberg 2016 — Sandberg, M. (2016). Restructuring Locality: Practice, Identity and Place-Making on the German-Polish Border. *Identities*, 23(1), 66–83. DOI: 10.1080/1070289X.2015.1016523.

Shkajderova 2007 — Shkajderova, T. V. (2007). Sovetskaya ideologicheskaya yazykovaya kartina mira sub'ekty, vremya, prostranstvo (na materiale zagolovkov gazety "Pravda" 30–40-h gg.) [The Soviet ideological linguistic picture of the world: subjects, time, space (based on the headlines of the Pravda newspaper of the 30-40s)] (doctoral dissertation). Omsk State University, Omsk.

Tihomirova 2010 — Tihomirova, L. (2010). "Nochnaya" poeziya v russkoj romanticheskoi tradicii: genezis, ontologiya, poetika ["Night" poetry in the

Russian Romantic tradition: genesis, ontology, poetics] (doctoral dissertation) Ural State University, Ekaterinburg.

Zamyatin 2003 — Zamyatin, D. N. (2003). Gumanitarnaya geografiya: prostanstvo i yazyk geograficheskikh obrazov [Humanitarian geography: the space and language of geographical images]. Saint Petersburg: Aletejya.

Venken, Kaisto, Brambilla 2021 — Venken, M., Kaisto, V., Brambilla, Ch. (2021). Children, young people and borders: A multidisciplinary outlook. *Journal of Borderlands Studies*, 36(2), 149–158.
DOI: 10.1080/08865655.2021.1898447.

Zelenov 2012 — Zelenov, M. V. (2012). Voennaya i gosudarstvennaya tayna v RSFSR i SSSR i ikh pravovoe obespechenie (1917–1991 gg.) [Military and state secrets in the RSFSR and the USSR and their legal support (1917–1991)]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*, 1, 143–159.

Oiga Ilyukha

Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research
Center of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia;
ORCID: 0000-0002-1672-5925

LANDSCAPE OF THE SOVIET BORDERLAND IN CHILDREN'S LITERATURE OF THE 1930S

The author of the article explores the Soviet experience of creating the image of a fortress-country with impregnable borders, examining it through the prism of children's literature. The corpus of texts on this topic is vast, including works of various genres. The construction of the literary canon of representation of the Soviet borders began in the late 1920s simultaneously with the emergence of the ideologeme "the border is locked" and continued throughout the 1930s. In the article artistic representations of the border are studied from the perspective of landscape, based on historical and anthropological analysis. It demonstrates that the natural landscape and spatial images have a functional character, they are subordinated to the solution of the task of revealing relations and hierarchies within local society. The triad "border guard – spy – child" forms the structural basis of the plot, through it the socio-cultural landscape of the Soviet borderland is defined, in which the figure of the spy, coming from abroad or from anti-space, introduces a temporary dissonance. The border portrayed as the most important part of the state's territory, as a peacetime front and a site of heroic self-expression for the people. The theme of the border provided fertile ground for producing texts that presented children with an imaginative and accessible semantic scheme of the world's space, vividly portraying the images of their familiar and strangers.

Keywords: state border, children's literature, images of space, landscape, "border on lock", image of the enemy

Наталья Черняева

ОТ РИТОРИКИ ПРОСВЕЩЕНИЯ К ПРАГМАТИКЕ ОСВОЕНИЯ: ОБРАЗЫ ЭТНИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В СЕРИИ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ КНИГ ДЛЯ ДЕТЕЙ (1927–1929)

В статье проанализирован образ территории вновь созданного советского государства в серии популярных книг для детей, выходявших с 1927 по 1929 г. под общим подзаголовком «Как живут и чем промышленяют», посвященных народам СССР и местностям, в которых они проживали. Будучи рекомендованной к изучению в общеобразовательных школах, серия книг вносила значительный вклад в формирование географического воображаемого школьников поколения 1920-х гг. Рассмотрены принципы, на которых строился образ географии новой советской страны, его отличие от модели территории Российской империи в аналогичной популярной литературе до 1917 г., а также анализ специфически советского единства между территориальным и национальным. Конструируемая книгами модель географического устройства распадалась на центральную часть, которая не была этнически маркирована, и территории национальных окраин — иерархическая конструкция, в которой привилегия видения и рассказывания принадлежит субъекту, находящемуся в смысловом и географическом центре. В статье рассмотрена характерная для изданий сложная диалектика этнографического и прагматического взглядов на территории: неизбежное развитие народов от архаики к социализму превращало места проживания этносов в пространства индустриальной модерности, экономический ресурс государства.

Ключевые слова: воображаемая география, география СССР, популярная этнография, научно-популярная детская литература 1920-х, Н. И. Леонов

Образы природного и географического пространства родной страны играли заметную роль в детской литературе и особенно учебных изданиях для школьников в России, начиная примерно с середины XIX столетия, являясь важным ресурсом для национальной и культурной идентификации подрастающего поколения [Лескинен 2012]. После революции 1917 г. и в ходе создания нового государственного территориального образования, Союза Советских Социалистических Республик, эти образы предсказуемо претерпели значительные изменения. 1920-е гг., по выражению О. Горбачева, были периодом «ментального открытия советского пространства властью и гражданами новой страны», чему способствовали дискуссии в правительстве и в прессе о «районировании», то есть новом территориальном устройстве страны [Хирш 2022], расцвет краеведения и другие факторы [Горбачев 2018, 158]. В это десятилетие авторы детской литературы обращаются к теме новой советской географии. В статье рассматривается пример создания обобщенного образа географического пространства Советского Союза в цикле книг для внеклассного чтения, выходявших с 1927 по 1929 гг. в издательстве «Работник просвещения». Пятнадцать книг были посвящены народам СССР и территориям, на которых они проживают. Книги имели единый подзаголовок «Как живут и чем промышленяют» (например: «У теплого моря: как живут и чем промышленяют крымские татары» [Байсутов 1928]); они издавались тиражами от 5000 до 10000 экземпляров, и многие переиздавались по три-четыре раза. Практически все издания были созданы одним автором¹ — географом, этнографом Николаем Ивановичем Леоновым (1894–1971), писавшем также под псевдонимами Н. Амельский, Н. Байсутов, В. Пелка и Д. Чибизянов. Учитывая статус изданий, подробнее о котором будет сказано ниже, эти книги вносили значительный вклад в формирование «географического воображаемого» школьников, создавая у юных читателей представления о территории страны, разнообразии ее ландшафтов, природных условий, а также о жизни и территориях проживания населяющих ее народов. Целью работы является рассмотрение принципов, на которых строился образ географии новой советской страны, его отличие от образа территории Российской империи в аналогичной литературе до 1917 г. с помощью сравнительного анализа цикла книг Леонова с серией книг по этнографии народов России со схожим названием, «Где на Руси живут и чем промышленяют», известного популяризатора науки Н. А. Александрова. Автор статьи уже обращался к нескольким изданиям цикла «Как живут и чем промышленяют».

ляют» в работе, посвященной образам коренных народов севера в детской литературе 1920-х — 1930-х гг. [Черняева 2024]. Однако как целостное высказывание об этно-территориальном устройстве СССР этот цикл прежде не рассматривался. В данной статье анализируются книги, которые не обсуждались в прежних работах.

Автор книг и статус изданий

Анализируемые нами книги выходили в довольно обширной серии «Читальня советской школы», издававшейся с 1926 по 1930 гг. и знакомящей читателя с устройством природного мира («Как живут пчелы», «Как устроено и работает тело коровы»), промышленными технологиями («Стекло, его производство и применение»), дальними странами и территориями («В джунглях Индии»), мировой историей («Сам и Дик: Эпизод из эпохи гражданской войны Северо-Американских штатов»). Чтение книг должно было, по замыслу создателей, носить систематический характер: каждая книга содержала не только возрастные рекомендации, но и была пронумерована, чтобы читать их в определенной последовательности. В пояснении от издательства, обычно размещаемого в конце каждой книги, отмечалось, что содержание выпусков серии «построено так, чтобы они могли служить подсобными книжками при проработке программ трудовой школы» и что выпуск книг утвержден руководящим органом Народного Комиссариата Просвещения — Государственным ученым советом. Как отмечали историки советской педагогики, в 1920-е гг. в школах акцент делался именно на «книгах для чтения» вместо традиционных учебников. Так, А. А. Сенькина отмечает, что «в середине 1920-х гг. наряду с введением „рабочих книг“ в качестве основной формы учебника обсуждалась необходимость создания в каждой школе рабочей библиотечки» [Сенькина 2012, 71]. Вполне возможно, что книги «Как живут и чем промышляют», знакомящие с географией и народонаселением СССР, могли использоваться в ряде школ в учебном процессе как дополнительное или даже основное чтение по предметам естественного цикла.

Автором четырнадцати книг был географ и этнограф Н. И. Леонов, чьи научные интересы причудливо разделились между территориями и народами Крайнего Севера и Центральной Азии. Леонов родился в Минусинске, провел там детские годы, а также период с 1919 по 1922 гг. Выпускник исторического факультета МГУ в 1918 г., он увлекался литературой и пробовал себя как поэт, про-

заик и драматург. С 1924 по 1930 гг. Леонов был сотрудником и членом расширенного президиума Комитета содействия народностям северных окраин (Комитета Севера) при Президиуме ВЦИК, курируя там вопросы школьного строительства и образования. Когда в 1927 г. созданный Комитетом Севера так называемый Северный факультет перешел под эгиду Ленинградского института живых восточных языков, именно Леонову была поручена экспертиза учебных программ факультета [Неруш 2021]. В 1930 г. Леонов переехал из Москвы в Узбекистан, возможно, на фоне усиливающихся репрессий в отношении старых сотрудников Комитета Севера. В 1930–31 гг. его научные и популярные работы несколько раз подвергались разгромной критике в журнале «Советский север» (подробнее об этом см. [Черняева 2024]), в результате чего он прекратил работу над темами северных народов. В 1930 г. Леонов возглавил кафедру географии Ферганского педагогического института, где проработал более 30 лет [Костецкий 2008, 212]. Научные публикации по темам геотектогенеза и археологии Леонов сочетал с работой в любимом им жанре научно-популярной литературы, выпуская выходившие массовыми тиражами книги о великих астрономах, мыслителях Средней Азии и археологических находках.

Заголовок книжной серии отсылает нас к серии изданий по народоведению Н. А. Александрова (1841–1907) «Где на Руси какой народ живет и чем промышляет», выходившей с 1870-х по 1906 гг. в издательстве Л. Панафидина и имевшей подзаголовок «Чтения для народа». Издания по этнографии народов России, рассчитанные на массового читателя, стали популярны в последней трети XIX в. [Токарев 1966, 430], о чем свидетельствуют значительные объемы выпускаемой литературы, часто выходившей как серийные издания, а также широкий круг авторов, специализировавшихся на «этнографической беллетристике»². Серия книг Александрова была самой обширной: она включала 24 выпуска, рассказывавших о 40 народах. Судя по всему, Леонов был знаком с книгами Александрова: он дает своему циклу схожее название и, кроме того, между книгами Леонова и Александрова обнаруживаются некоторые текстуральные переклички. В то же время номенклатура народностей и территорий, рассматриваемых в книгах Леонова, лишь частично совпадала с теми, к которым обращалась серия Александрова. Даваемые авторами характеристики природных и климатических условий, территорий проживания народов, их жизненного уклада, нравов и хозяйственных практик значительно отличаются.

Народы и территории: взгляд из центра на периферию

В обеих сериях территория страны представляла как населенная тунгусами, алеутами, чукчами, якутами, бурятами, башкирами, дагестанцами, чеченцами и другими народами. Однако в Российской Империи административные границы и границы, отделяющие территории проживания отдельных этносов, не совпадали. Поэтому в книгах Александра сведения о территориях и населяющих их народах создавали довольно хаотичную картину. В книгах Леонова связь между этносом и территорией — прямая и однозначная. Каждый из регионов, которым посвящены его книги, будь то Камчатка, Крым, Алтай или Дагестан, представляли как территория проживания одного этноса. Идея исторической связи народа и территории лежала в основе советских практик национального строительства. Как показал Ю. Слезкин, большевистская идеология наций опиралась на понимание этнических границ как территориальных и поэтому объективных [Слезкин 2001, 335]. Советское определение нации предполагало общность языка, территории, экономических связей и психического склада. В своей фундаментальной работе «Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза» Франсин Хирш показывает, каким образом практики создания новых, «национальных» территорий (так называемые практики «районирования») способствовали массовому появлению национального самосознания у жителей, прежде отождествлявших себя по роду, вероисповеданию и месту рождения. «Национальность стала фундаментальным маркером идентичности, определив не только административно-территориальное деление Советского Союза, но и представления людей о себе и других» [Хирш 2022, 205]. Книги цикла «Где живут и чем промышленяют», создававшиеся в конце 1920-х гг., во многом отражали эту новую национально-территориальную идеологию и административное устройство, при котором народ и географическое пространство, им занимаемое, образуют непротиворечивое квазинатуральное единство.

В серии книг Александра география России была представлена в таких ее частях как Европейская Россия, Урал, Сибирь, Дальний Восток и Северный Кавказ. Европейские территории Российской империи включали Бессарабию, территории Балтики, Поволжье, Прикамье и Московскую губернию. В цикл не вошли территории Туркестана, как тогда называли Среднеазиатские владения России, возможно потому, что их присоединение к России

было довольно недавним событием — всего 10 лет до даты выпуска первой книги в серии Александрова.

В книгах Леонова выбранные им для описания территории находились на севере и востоке страны (Карелия, территория Коми, Алтай, Якутия, Чукотка, Камчатка) или на юге (Крым, Туркмения, Узбекистан, Казахстан, Северный Кавказ). Слепым пятном для автора цикла здесь оказывается не Средняя Азия, а центральная часть России. Лишь одна книга посвящена районам, которые находились в центре страны, — «Как живут и чем промышляют люди в лесной полосе СССР» [Пелка 1927] — и рассказывает о «лесях Заволжья». В названии книги нет указания на национальность обитателей лесов, которые фигурируют в тексте просто как «люди», в отличие от персонажей всех других книг, определяемых через этнические характеристики: «чукчи», «алеуты», «гольды», «башкиры», «туркмены» и т. д. Почти полное отсутствие описания центральных районов страны определялось целевой аудиторией изданий: это русскоязычные читатели, проживающие в Европейской части страны. Именно им, а не школьникам из Дагестана, Туркмении, Якутии, Чукотки и т. д. адресованы рассказы о дальних уголках страны и проживающих там народах. Потенциальные читатели книг принадлежали общему с автором культурно-языковому полю, в котором собственная идентичность и территория проживания не воспринимались как этнически маркированные. Таким образом, в цикле книг Леонова территория страны предстает как территория проживания народов, и это — территория окраин, периферии. Отсутствие необходимости репрезентации центральных районов, из которых и осуществляется взгляд на этнизированные окраины, создавали иерархическую структуру, в которой привилегия видения и рассказывания принадлежит субъекту, находящемуся в смысловом и географическом центре.

Мажорная география

Термин «мажорная география» был введен Г. Орловой для фиксации кардинального различия в описании природных и климатических условий России, преобладавших в географических текстах до революции и после. По мнению Орловой, большинство учебников географии, изданных до 1917 г., отличала «риторика дефективности»: «природа страны рассматривалась как сплошной географический изъян и сумма неудобств» [Орлова 2004, 176]. Исследователь утверждает, что в 1930-е–1950-е гг. в географических учебни-

ках формируется новая стратегия описания природных реалий — «позитивно-героическая» или «мажорная». «Природа оказывалась пространством героического творчества, а потому описания сурового климата... соседствовали в учебниках с рассказами о том, как снимают урожай дынь на Сахалине и выращивают цитрусовые на Чукотке» [Там же]. Если речь шла об ограничениях, налагаемых природными условиями, то они описывались как временные преодолеваемые трудности.

Рассказы о природных условиях цикла Леонова, созданного в 1927–1929 гг., демонстрируют многие черты позитивной или мажорной географии, отмеченные Орловой, и составляют разительный контраст с описаниями природы и климата в цикле Александрова. Дореволюционные издания выбирали для рассказа о естественных климатических явлениях «катастрофический» дискурс. Любая природная зона была чревата неблагоприятными для человека воздействиями, которые, в свою очередь, грозили перерасти в природные катастрофы. К примеру, книга Александрова «Степь: башкиры» открывается описанием зимних буранов, характерных для башкирской степи: «Кто не видал их, тот не может себе представить этого адского зрелища... Все слилось, все смешалось: земля, воздух, небо превратились в пучину кипящего снежного праха, который слепит глаза, захватывает дыхание, ревет, свистит, воеет, стонет... Человек теряет память, присутствие духа, безумеет... вот причина гибели многих несчастных жертв» [Александров 1900, 3–6]. Книга Леонова о башкирах «В стране светлых лесов и степей: как живут и чем промышляют башкиры» тоже начинается с описания окружающего ландшафта, но так как путешествие героя-повествователя происходит летом, то язык хоррора заменяется на язык пасторали: «Дорогу обступают березы, осины, дубы. Травы пестреют яркими душистыми цветами. Слышится звон и стрекотание насекомых. Разливаются звонкоголосые птицы» [Амьельский 1929, 3].

Неблагоприятные погодные условия если и упоминаются в советских изданиях, то почти всегда — в разделах, посвященных прежнему, уходящему образу жизни народа. Так, в книге «В степных просторах: как и чем промышляют киргизы (казахи)», с зимними буранами или джутом (гололедом) сталкиваются казахи, не желающие перехода от кочевого образа жизни к оседлому. Понимательной для читателей должна была стать история Джарубая, зимовавшего в юрте поодаль от людей и отправившего во время большой метели семью на поиски разбредшегося стада, в то время

как его маленькие дети насмерть замерзли в юрте, когда ветром сорвало один из войлоков. Переход же к оседлости и заготовка достаточного количества кормов на зиму мог бы избавить казахов от опасностей зимней непогоды [Леонов 1927а, 41–42].

Если описываемая территория состояла из нескольких климатических зон, то выбор в советских изданиях делался в пользу зон, наиболее благоприятных для проживания, дающих автору возможность максимально ярких и радостных описаний. Так, территория Крыма в книге «У теплого моря: как живут и чем промышляют крымские татары» предстает через описание ландшафта южного берега: «С левой стороны громоздятся желтоватые горы, а впереди за барьером шоссе — пропасть. Заглянешь в эту пропасть и видишь на дне ее зелень садов, рощ, а еще ниже, там, за зеленью садов, начинается голубое. Это — море. Чем дальше, тем больше море ширится, растет и сливается в дымке с небом. Никогда ничего более красивого Ленька не видел. Он весь под впечатлением дивной картины» [Байсутов 1928, 13]. Александров в книге «Крым (Таврический полуостров)» делает акцент на степных районах Крыма с их характерными летними засухами. Картина такой засухи в дореволюционной книге предстает откровенно зловещей:

Тут, куда ни посмотришь, повсюду иссохшая, выжженная трава, растрескавшаяся глинистая почва... Явится саранча, зажужжат мухи и осы, закричат сотни глодающих птиц, запестреют у дороги, точно стада овец, тяжеловесные дрохфы, а по камням, как разбойники в засаде, сидят одни горбатые ястреба, пустельга, копчики; в воздухе же плавают шулики, жадно высматривающие степных мышей, а выше их, далеко в небе, зоркий глаз увидит парящих черных орлов; и все вокруг в вышине и в необозримой степной глади полно одними этими хищниками [Александров 1898, 6–7].

Такая концентрация описания хищных птиц в одной картине создает ощущение опасности, резко контрастирующее с «дивной картиной» Крымского пейзажа из книги Леонова. Иными словами, образы природных и климатических условий, характерные для различных территорий страны, претерпели значительную трансформацию между изданиями рубежа XIX–XX вв. и конца 1920-х гг. Природа еще не превратилась в пространство героического творчества, какой она стала, по мнению Орловой, в учебниках по географии 1930-х–1950-х гг. Тем не менее уже в конце 1920-х гг. природа различных территорий предстает как в целом благоприятная для жизни человека. Предвосхищая известную формулу

1930-х гг., природа в ее репрезентациях в популярной литературе для детей стала «лучше и веселее».

Подходы к этничности: между экзотизацией и нормализацией

Наряду с описаниями природы каждая из книг содержала очерк жизни народа: традиционной экономики, особенностей жилища, одежды, еды, семейного уклада, обрядов и ритуалов, включая календарные праздники и свадьбы. Большинство книг рассказывали о верованиях и мифологии, цитировали аутентичный или стилизованный фольклор, якобы рассказанный повествователю во время встречи с местными жителями. Последовательность расположения материала в книгах напоминала классический этнографический очерк. Однако учитывая детскую аудиторию изданий, авторы избегали наукообразных описаний и специальной терминологии. Чтобы облегчить восприятие материала, Леонов почти во всех книгах использовал беллетризованный нарратив путешествия: повествователь (автор) или вымышленный персонаж отправляется в путешествие в дальний край, и повествование строится в форме его путевых заметок или воспоминаний. В роли вымышленного персонажа, глазами которого читатель воспринимает реальность, часто выступал мальчик-подросток: школьник Ленька («У теплого моря»), сын повествователя Бориска («В горных аулах»), сирота Мишук, отправляющийся из Ленинграда к поморам («По берегам северных морей»). Во время путешествия герой знакомится со сверстниками из местного населения, живет в доме «туземцев», ест привычные для местных блюда и таким образом узнает жизнь народа изнутри.

Как уже отмечалось выше, повествователь разделяет с читателями общее культурное поле, используя местоимения «мы», «нас», «нашему» для обозначения привычных и понятных форм жизни. Все описываемые формы проявления этничности, будь то внешность людей, жилище или язык тела, неизменно характеризуются как особые, экзотические, «не наши»:

Все пленяет Леньку своей новизной. И море, и кипарисы, и буйволы. А какие здесь люди? На южном берегу не увидишь бородатого крестьянина! В деревне, через которую пришлось проходить, Ленька видел стройных людей, с черными жгучими глазами, в кругленьких барашковых плосковерхих шапочках. Сидят эти люди не на стульях, не на скамейках, а прямо на полу, подогнув под себя ноги. Вместо деревянных бревенчатых изб Ленька видит сложенные из дикого

камня хибарки с маленькими четырехугольными отверстиями вместо окон [Байсутов 1928, 15].

Схожее описание этнического мира, тотально отличающегося от мира, привычного читателю, встречаем в книге «В горных аулах», посвященной Дагестану:

По обеим сторонам улицы белые домики с галерейками. Изредка на домиках вывески, покрытые арабскими буквами. <...> Навстречу идут люди в папахах, в черкесках, с кинжалами за поясами. Ручки украшены резной костью, насечками, шагов почти не слышно. Мягко ступают чуваки. Тем слышнее нерусский, чуждый нашему уху разговор [Пелка 1928, 49].

Использование арабской вязи в письменности — один из наиболее ярких, по мнению автора, маркеров инаковости, экзотизма. Повествователю кажется, что русскоязычный читатель не может не удивиться, узнав, что многие народы используют буквы арабского алфавита для письма, и в книге «В ущельях Кавказа» о Чеченской Автономной области он обращается к воображаемым читателям: «Видали ли вы когда-нибудь арабские буквы? Нет? <...> Разве в СССР живут арабы?» [Пелка 1928а, 4]. Таким образом, этничность оказывается равна экзотике, странности, новизне.

Визуальное оформление обложек книг усиливало экзотизацию народов, о которых шла речь в текстах. Обложки были выполнены в едином стиле: в рамке был помещен рисунок, изображающий представителя народа, о котором шла речь в книге, на фоне «типичного» национального ландшафта: гор, виноградников, юрт и т. д. (Рис. 1). Экзотизации изображений способствовал отбор атрибутов материальной культуры, максимально помешающих персонажей в этнический контекст. Это могли быть традиционная национальная одежда и головной убор (Рис. 2), используемые в хозяйстве животные (ишак, конь), поза (блюдо с фруктами, которое наездник держит на голове) (Рис. 3). Там, где лицо персонажа дано крупным планом, этническая принадлежность могла быть подчеркнута через стереотипные черты, такие как узкие глаза, выступающие скулы (Рис. 4).

В то же время в книгах отражается подход к этничности в духе академической этнографии, при котором особенности быта, хозяйствования, ритуальных практик находят объяснение исходя из особенностей природной среды и целостного контекста культуры. Описывая отдельные элементы повседневности как непри-

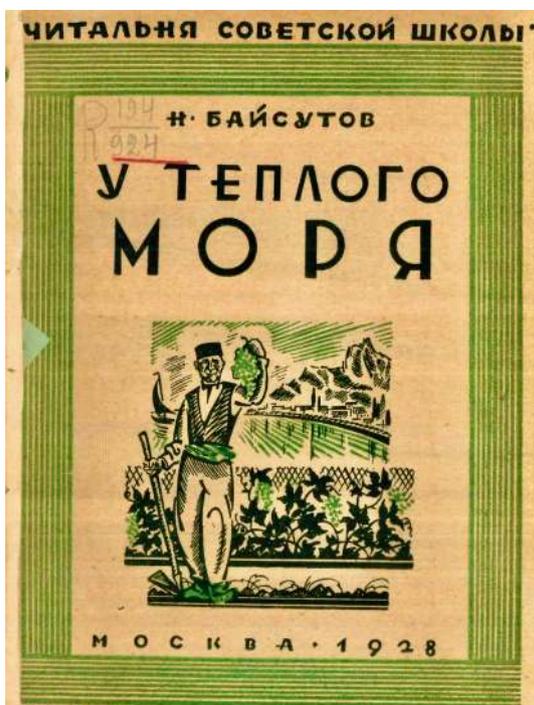

Рис. 1. Обложка книги. Байсутов Н. У теплого моря: Как живут и чем промышляют крымские татары. М.: Работник просвещения, 1928

вычные, автор объясняет их смысл. Маленькие домики с плоской крышей и крошечными окнами, в которых живут крымские татары, идеально спасают от зноя летом. Чеченские сакли упираются своей задней стеной в скалу, чтобы быть устойчивее и освободить максимальную площадь земли под пашню. У каждого народа — свои бытовые привычки и ритуалы, но в большинстве своем они разумны, так как порождены особенностями природных условий, в которых проживает народ. Автор подчеркивает, что обычаи других народов при близком знакомстве с ними оказываются удобны и дают больший комфорт и безопасность, чем привычные читателям практики. Так, и у башкиров, на нарах, покрытых войлоком, удобно спать, во всяком случае, «удобнее, чем на грязном полу или на узких лавках в наших деревнях» [Амельский 1929, 11]. Обычай

Рис. 2. Обложка книги. Байсутов Н. В песчаных степях: Как живут и чем промышляют туркмены. М.: Работник просвещения, 1927

омовения рук перед едой, практикуемый на Кавказе, характеризуется как «очень хороший» [Пелка 1928а, 9]. Даже описания ритуалов, которые большевистская пропаганда в эти годы характеризовала как «отсталые» и нуждающиеся в искоренении, например уплата калыма за невесту, практикуемая у народов Средней Азии и Кавказа, даны максимально смягченно, в духе культурного релятивизма. Рассказывая в книге «В степных просторах» о готовящейся свадьбе казахов, автор подчеркивает, что хотя отцы молодых сговорились об их браке, когда невеста и жених были еще детьми, совершающийся брак — по любви. «Джумарт обещает Айше, что она будет его единственной женой. Обещает он также Айше, что станет помогать ей в домашних хлопотах. Хороший парень Джумарт, оттого еще веселей поет Айше» [Леонов 1927а, 43]. Понимая,

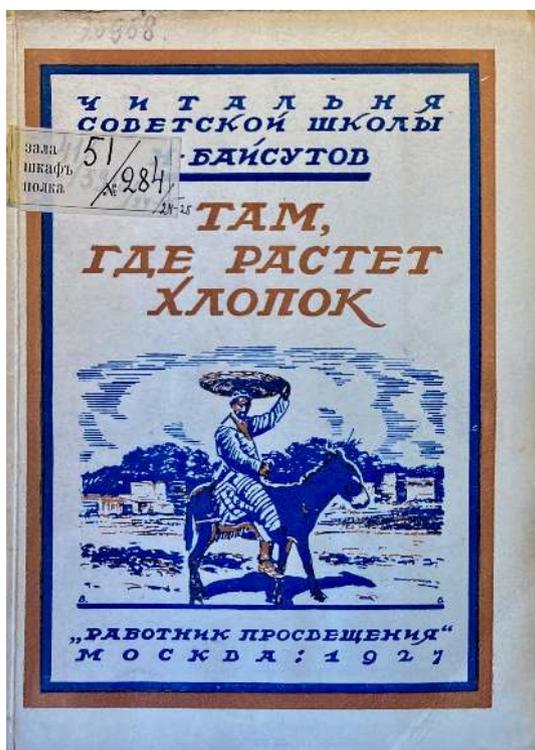

Рис. 3. Обложка книги. Байсутов Н. Там, где растет хлопок: Как живут и чем промышленяют узбеки. М.: Работник просвещения, 1927

что в оценке феномена калыма этнографический подход вступает в конфликт с советскими идеологическими установками, автор всеми силами избегает выражения личной позиции, прибегая в описании свадьбы к сказовому слову. Рассказ идет от лица условного наблюдателя из местных, облеченного опытом и мудростью. «Теперь, говорят, выкуп за невесту — калым — отменяют. Разве можно торговать людьми? А в прежнее время продавали своих дочерей за калым. Джумарт, сын Саваныра, уже заплатил его, назад не возьмешь. Да разве жаль Джумарту отдать за веселую Айшу двадцать пять лошадей?» [Там же, 43].

Представление об этничности, при котором повседневная жизнь народа, привычки и обычаи находят объяснение в особенностях природной среды и глубинных культурных установках, составляло

Рис. 4. Обложка книги. Леонов Н. В степных просторах: Как живут и чем промышляют киргизы (казаки). М.: Работник просвещения, 1927

контраст с евроцентризмом дореволюционных изданий. В книгах Александрова все нерусскоязычные народы характеризовались как недостаточно цивилизованные и значительно уступавшие русским в части гигиены, моральных качеств и умственного развития. Сравнение описания башкир в книге Александрова «Степь: башкиры» и Леонова «В стране светлых лесов и степей» может служить примером такого контраста, так как оба автора пользуются одним источником — мемуарами С. Т. Аксакова «Семейная хроника». История покупки дедом автора С. Багровым земель в Бугурусланском уезде, традиционной территории проживания башкир, дает толчок двум разительно отличающимся нарративам. Александров использует воспоминания Аксакова о потенциальной возможности под-

поить башкирских старшин и за бесценок получить во владение башкирские земли (возможность, которой дед Багров не воспользовался), как доказательство низких моральных качеств башкир, их склонности к лени и туеядству. Башкиры в книге Александра живут в бедности, голодают, продают земли за бесценок, и в целом вымирают «за недостатком умственного развития» [Александров 1900, 35]. В книге Леонова история покупки земель русским землевладельцем использовалась как пример российской колонизации, повлекшей обеднение местного населения и, в конечном счете, его радикализацию. От несправедливого захвата земель русскими эксплуататорами в XIX в. прямая линия вела к вспышкам башкирского национализма в XX в., которые были преодолены советской властью, гарантировавшей народу самоуправление в рамках автономии. В книге Леонова башкиры предстают как уникальный самобытный народ, отличающийся трудолюбием, гостеприимством, заботой о детях, стремлением к красоте одежды и жилища.

От традиционных ремесел к индустриальной модерности

Особенности хозяйствования, традиционных занятий и ремесел играли большую роль в описании народов в цикле, что соответствовало подзаголовку изданий — «как живут и чем промышляют». В книге «В песчаных степях» подробно рассказывается о мастерстве туркменских женщин, ткущих прочные и очень красивые ковры, «которые могут быть в употреблении десятки и даже сотни лет, не теряя своей прочности и красоты» [Байсутов 1927, 20–21]. Целый раздел книги «В горных аулах» рассказывает об уникальных мастерах села Кубачи в Дагестане, известных выделкой оружия, медной посуды и металлических украшений. Иллюстрации в книге включают фотографии мастерских, зарисовки различных типов инструментов, а также используемых в гравировке видов орнамента [Пелка 1928, 12–16].

Подробно описаны опыт и умения декхан в Узбекистане в рытье арыков, позволивших народу «отвоевать у пустыни землю для посева» [Байсутов 1927а, 32]. Несмотря на восторженные характеристики традиционных практик, автор почти всегда подчеркивает их обреченность перед лицом новых технологий массового производства товаров. «Это ремесло в Кубачах умирает. Слишком мало возможностей у кустика-литейщика соперничать с фабричным товаром», — комментирует рассказчик свое знакомство с ремесленниками Дагестана [Пелка 1928, 24]. Невозможность приспособить

традиционные технологии к реалиям массового потребления проявляется и в производстве туркменских ковров: «Качество туркменских ковров стало заметно ухудшаться с того времени, когда появилась возможность продавать их» [Байсутов 1927, 24]. Таким образом, автор делает вывод о том, что традиционные технологии хозяйствования обречены уйти в прошлое вместе с традиционным укладом жизни.

В советской идеологии траектория развития народов мыслилась как переход от феодального или даже родового общества к социализму, минуя промежуточные стадии. Ф. Хирш определила эту идеологию как «государственный эволюционизм», основанный на марксистской теории стадийного общественного развития [Хирш 2022]. Поэтому единственной возможной перспективой сохранения народных промыслов являлось их вхождение в большую экономику советской страны, превращение местного экономического ресурса в ресурс государства. В завершающих главах книг автор описывал начавшиеся преобразования в экономике, позволяющие этническим территориям стать частью универсальной социалистической модерности. К примеру, узбекский хлопок, собираемый вручную, обеспечивает производительность «фабрик Союза»: «Все мы с вами носим белье и рубашки из ситца, бязи и бумажного полотна. Все мы к этому так привыкли, что нередко забываем, что у нас не было бы этих необходимейших вещей, если бы где-то, в жарких странах нашего Союза республик, узбекские декхане не разводили на своих полях хлопчатник. <...> Много миллионов рабочих рук в нашем Союзе осталось бы без заработка, если бы узбекский декханин перестал сеять хлопок» [Байсутов 1927а, 50–51]. Крымские виноград и табак поставляются «в Москву, в Ленинград и в другие города» [Байсутов 1928, 26–27].

Рамка модерности, возникающая в финале каждой из книг, чревата дискурсивной унификацией: культуры, чей самобытный уклад был описан в книгах с большой заинтересованностью, подробностями и пониманием, демонстрируют в последних главах книг похожие, повторяющиеся черты. Так, отдельные регионы предстают не как места проживания национальностей, а как кладовые ресурсов. К примеру, казахи на местном сходе рассуждают о «богатствах» своей земли, которые — не только в «овечьих стадах, добрых скакунах и тучных пастбищах», но и в том, что скрывается в недрах земли. Это — «золото, серебро, свинец, уголь и нефть» [Леонов 1927а, 54]. Триумфом экономики нового Дагестана объявляется стекольный завод «Дагестанские огни», работающий на прежде не использо-

ванных подземных газах на побережье. «Газ ныне взят в чугунные трубы. Подземные газы дают заводу даровое топливо. <...> Для приготовления стекла из материалов нужны: кварц, известь, мел, сода, глина. Все это имеется вблизи завода» [Пелка 1928, 53].

Следуя идеологии «государственного эволюционизма», требовавшей показа развития экономик «отсталых» народов в сторону социализма, автор в финале работ фактически отказывается от этнографического взгляда на территории, что оборачивается дискурсивным дефицитом. Автору довольно сложно сказать что-то определенное о новой жизни древних территорий и он ограничивается стереотипными фразами, например: «Растет новое поколение узбеков. Растет Узбекистан — страна узбеков» [Байсутов 1927а, 63]. Или: «Пройдет еще ряд лет, и старина отступит еще глубже перед лицом трактора, заводской трубы и яркого света от водяных электростанций. Строится новый Дагестан» [Пелка 1928, 56]. Тем самым издания, призванные знакомить читателей с разнообразием национального состава страны, культивируя этнографическую «чувствительность», в финале делали выбор в пользу безразличной и универсальной модерности.

Заключение

Формирование в начале 1920-х гг. нового политического и территориального образования — Союза Советских Социалистических Республик — происходило не только на фронтах войны и в кабинетах политиков, но и в пространстве коллективного воображаемого, по мере того как образы новой советской территории, создаваемые картографами, географами, а также писателями, кинематографистами, журналистами и т. д. овладевали массовым сознанием. В статье проанализирован пример создания воображаемой советской географии в серии изданий для детей 1920-х гг., посвященных народам СССР и территориям, на которых они проживали. СССР в серии книг Н. И. Леонова представал как страна, населенная различными народами, которые были исторически связаны с территориями, на которых они проживали. Модель географического устройства распалась на центральную часть, которая не была этнически маркирована и к которой территориально принадлежали повествователь и предполагаемые читатели текста, и территории национальных окраин — иерархическая конструкция, в которой привилегия видения и рассказывания принадлежит субъекту, находящемуся в смысловом и географическом центре.

Сравнение книг цикла с дореволюционными изданиями по народоведению Н. А. Александрова «Где на Руси какой народ живет и чем промышляет», на который опирался Леонов, показало, что образы природных и климатических условий, характерные для различных территорий страны, претерпели значительную трансформацию между текстами рубежа XIX–XX вв. и конца 1920-х гг. Если в изданиях до 1917 г. природа страны представляла как враждебная человеку и чреватая катастрофами, то в книгах 1927–1929 гг. природные условия описаны как в целом благоприятные для жизни и хозяйствования.

Структура повествования в книгах отражала сложную диалектику этнизации и нормализации, чужого и своего. С одной стороны, описываемые народы характеризовались как другие, экзотические, «не наши». В то же время элементы чужой культуры описывались в их глубокой укорененности в природных и климатических условиях, истории народа и потому разумные и объяснимые. Траектория развития народов мыслилась как переход от архаических и потому самобытных способов хозяйствования к универсальной советской модерности. Однако наступление индустриальной модерности неизбежно изменяло значение территорий: из мест проживания народов они превращались в ресурсы для экономики государства. В финале всех книг этнографический взгляд на территории уступает прагматическому, при котором акцент делается на ресурсный потенциал региона в большой экономике страны.

Примечания

- ¹ Одну из книг, входящую в серию, «Маленькая Кэть: как живут вогулы» (1928), написала детская писательница Надежда Сергеевна Шер (1890–1876). Тема народоведения увлекала ее в 1920-е гг., результатом чего стало несколько детских книг, использующих этнографические образы. В последующие годы Шер в своем творчестве специализировалась на биографиях русских писателей и русских художников.
- ² Термин «этнографическая беллетристика» используется историками российской этнографии для обозначения народоведческой литературы, созданной вне академического канона и часто предназначенной для массового читателя. См., например: [Терюков 2011, 160].

*Литература**Источники*

Александров 1898 — Александров Н. А. Крым (Таврический полуостров). [9]. / сост. по исслед. Ф. Каница и др. позднейшим источникам Н. А. Александровым. М.: А. Я. Панафидин, 1898. (Где на Руси какой народ живет и чем промышляет: чтение для народа).

Александров 1900 — Александров Н. А. Степи: башкиры. [13] / сост. по исслед. Ф. Каница и др. позднейшим источникам Н. А. Александровым. М.: А. Я. Панафидин, 1900. (Где на Руси какой народ живет и чем промышляет: чтение для народа).

Амыльский 1929 — Амыльский Н. [Леонов Н. И.] В стране светлых лесов и степей: Как живут и чем промышляют башкиры. М.: Работник просвещения, 1929. (Читальня советской школы. 3-й год издания; № 38).

Байсутов 1927 — Байсутов Н. И. [Леонов Н. И.] В песчаных степях: Как живут и чем промышляют туркмены. М.: Работник просвещения, 1927. (Читальня советской школы; № 18–19).

Байсутов 1927a — Байсутов Н. И. [Леонов Н. И.] Там, где растет хлопок: Как живут и чем промышляют узбеки. М.: Работник просвещения, 1927. (Читальня советской школы; № 24–25).

Байсутов 1928 — Байсутов Н. И. [Леонов Н. И.] У теплого моря: Как живут и чем промышляют крымские татары. М.: Работник просвещения, 1928. (Читальня советской школы. 2-й год издания; № 1–2).

Леонов 1927 — Леонов Н. И. По берегам северных морей: Как живут и чем промышляют поморы. М.: Работник просвещения, 1927. (Читальня советской школы; № 4–5).

Леонов 1927a — Леонов Н. И. В степных просторах: Как живут и чем промышляют киргизы (казаки). М.: Работник просвещения, 1927. (Читальня советской школы; № 7–8).

Пелка 1927 — Пелка В. [Леонов Н. И.] В лесах Заволжья: Как живут и чем промышляют люди в лесной полосе СССР. М.: Работник просвещения, 1927. (Читальня советской школы; № 36–37).

Пелка 1928 — Пелка В. [Леонов Н. И.] В горных аулах: Как живут и чем промышляют жители Дагестана. М.: Работник просвещения, 1928. (Читальня советской школы. 2-й год изд.; № 48).

Пелка 1928a — Пелка В. [Леонов Н. И.] В ущельях Кавказа. М.: Работник просвещения, 1928. (Читальня советской школы. 2-й год изд.; № 46).

Шер 1928 — Шер Н. С. Маленькая Кэть: как живут вогулы. М.: Работник просвещения, 1928. (Читальня советской школы. 2-й год издания; № 22–23).

Исследования

Горбачев 2018 — Горбачев О. В. Концепция советского пространства: от материальности к мифу // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сборник статей / отв. ред О. В. Горбачев. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 151–164.

Костецкий 2008 — Костецкий В. А. Средняя Азия — вторая родина Н. И. Леонова // Россияне в Узбекистане / авт.-сост. В. А. Костецкий. Ташкент: Нихол, 2008. С. 212–214.

Лескинен 2012 — Лескинен М. В. Образы страны и народов Российской империи в учебниках для начальной школы второй половины XIX века: Формы репрезентации этничности // Отечественная и зарубежная педагогика. 2012. № 2. С. 92–117.

Неруш 2021 — Неруш В. О. Учебные планы для «северян»: об одном межведомственном конфликте в Ленинграде в 1925–1930 гг. // Гуманитарный акцент. 2021. № 1. С. 70–78.

Орлова 2004 — Орлова Г. А. Овладеть пространством: физическая география в советской школе (1930-е–1960-е гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 4. С. 163–185.

Сенькина 2012 — Сенькина А. А. Последний авангардный проект советской школы: журналы-учебники 1930–1932 гг. // Отечественная и зарубежная педагогика. 2012. № 4 (7). С. 60–91.

Слезкин 2001 — Слезкин Ю. СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этическую обособленность // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: антология / сост. М. Девид-Фокс. Самара: СГУ, 2001. С. 329–374.

Терюков 2011 — Терюков А. И. История этнографического изучения народов коми. СПб.: Кунсткамера, 2011.

Токарев 1966 — Токарев С. А. История русской этнографии (Дюктябрьский период). М.: Наука, 1966.

Хирш 2022 — Хирш Ф. Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза / пер. с англ. Р. Ибатуллин. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

Черняева 2024 — Черняева Н. А. «Как живут и чем промышляют» северные народы: стратегии репрезентации коренных народов Севера и Сибири в изданиях для детей 1920–1930-х гг. // Сибирские исторические исследования. 2024. № 2. С. 15–45.

References

Chernyaeva 2024 — Chernyaeva, N. A. (2024). “Kak zhivut i chem promyshliayut” severnye narody: strategii reprezentatsii korennykh narodov Severa I Sibiri v izdaniyakh dlia detei 1920–1930 gg. [How Northern peoples live and what they do: Representation strategies of indigenous peoples of the North and Siberia in children’s literature, 1920s–1930s]. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia*, 2, 15–45.

Gorbachev 2018 — Gorbachev, O. V. (2018). Kontsepsiia sovetskogo prostranstva: ot materialnosti k mifu [The Concept of Soviet space: From materiality to myth. In O. V. Gorbachev (Ed.), *Sovetskiy proekt. 1917–1930-e gg.: etapy i mekhanizmy realizatsii* [The Soviet Project. 1917–1930s: Stages and Mechanisms of Implementation] (pp. 151–164). Yekaterinburg: Izd-vo Uralskogo un-ta.

Hirsch 2022 — Hirsch, F. (2022). Imperiia natsiy: Etnograficheskoe znanie i formirovaniie Sovetskogo Souiza. [Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Kostetskii 2008 — Kostetskii, V. A. (2008). Sredniaia Aziia — vtoraiia rodina N. I. Leonova [Central Asia — second homeland of N. I. Leonova]. In V. A. Kostetskii (Ed.), *Rossiiane v Uzbekistane* [Russians in Uzbekistan] (pp. 212–214). Tashkent: Nikhol.

Leskinen 2012 — Leskinen, M. V. (2012). Obrazy i strany narodov Rossiiskoi imperii v uchebnikakh dlia nachalnoi shkoly vtoroi poloviny 19 veka: Formy reprezentatsii etnichnosti [Images of the Country and Peoples of the Russian Empire in Primary School Textbooks of the Second Half of the 19th Century: Forms of Representation of Ethnicity]. *Otechestvennaia i zarubezhnaia pedagogika*, 2, 92–117.

Nerush 2021 — Nerush, V. O. (2021). Uchebnye plany dlia “severian”: Ob odnom vzhvedomstvennom konflikte v Leningrade v 1925–1930 [Curricula for “northerners”: on one interdepartmental conflict in Leningrad in 1925–1930]. *Gumanitarnyi aktsent*, 1, 70–78.

Orlova 2004 — Orlova, G. A. (2004). Ovladet’ prostranstvom: fizicheskaia geografiia v sovetskoi shkole (1930-e–1960-e) [Mastering Space: Physical Geography in the Soviet School (1930s–1960s)]. *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, 4, 163–185.

Sen’kina 2012 — Sen’kina, A. A. (2012). Poslednii avangardnyi proekt sovetskoi shkoly: zhurnaly-uchebniki 1930 — 1932 gg. [The last avant-garde project of the Soviet school: journals-textbooks of 1930– 1932]. *Otechestvennaia i zarubezhnaia pedagogika*, 4(7), 60–91.

Slezkine 2001 — Slezkine, Yu. L. (2001). SSSR kak kommunal’naia kvartira, ili Kakim obrazom sotsialisticheskoe gosudarstvo pooshchrialo etnicheskuiu

obosoblenost [The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism]. In M. David-Fox (Ed.), *Amerikanskaia russia: Vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskii period: Antologiiia* [American Russian Studies: Milestones of Historiography in Recent Years. The Soviet Period: An Anthology] (pp. 329–374). Samara: Samara University Publishing House.

Teriukov 2011 — Teriukov, A. I. (2011). *Istoriia etnograficheskogo izucheniia narodov komi* [History of ethnographic study of the Komi peoples]. St. Petersburg: Kunstkamera.

Tokarev 1966 — Tokarev, S. A. (1966). *Istoriia russkoi etnografii (Dooktiabr'skii period)* [History of Russian ethnography (The pre-October period)]. Moscow: Nauka.

Natalia Chernyaeva

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (the Kunstkamera); ORCID: 0000-0002-8631-454X

FROM ENLIGHTENMENT RHETORIC TO PRAGMATIC
EXPLORATION: DEPICTIONS OF ETHNIC TERRITORIES IN A
SERIES OF POPULAR SCIENCE BOOKS FOR CHILDREN
(1927–1929)

The article analyzes the portrayal of the newly established Soviet state's territory in a series of popular children's books published from 1927 to 1929 under the general subtitle "How They Live and What They Do," dedicated to the peoples of the USSR and their respective territories. Recommended for general schools' study, this series of books contributed to geographical imagination of schoolchildren in the 1920s. The paper examines the principles on which the image of the geography of the new Soviet country was built, contrasting it with the representation of the Russian Empire's territory in similar pre-1917 literature, and analyzing the specifically Soviet unity between the territory and the ethnicity. The model of geographical structure constructed by the books divided into the central, ethnically unmarked part and the national peripheries, a hierarchical construction in which the privilege of seeing and speaking belongs to the subject in a semantic and geographical center. The article explores the complex dialectics of ethnographic and pragmatic perspectives on territories characteristic of the book series: from the sites of ethnic ways of life to spaces of industrial modernity and the economic resource for the state.

Keywords: imaginary geography, geography of the USSR, popular ethnography, educational children's literature of the 1920s, Nikolai I. Leonov

Юлия Подлубнова

«НАМ НЕ НУЖЕН ВЫМЫСЕЛ»: КОНЦЕПЦИЯ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕРИИ «УРАЛЬСКАЯ БИБЛИОТЕКА ЗАНИМАТЕЛЬНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ» (1936–1939)

Статья посвящена издательской серии «Уральская библиотека занимательного краеведения», организованной бывшим редактором журналов «Всемирный следопыт» и «Уральский следопыт» В. А. Поповым в Свердловске в 1936 г. Уточняется политическая и культурная ситуация второй половины 1930-х гг., в рамках которой стала возможной культуртрегерская работа В. А. Попова на Урале. Детально рассматривается концептуальная основа серии и отмечается трансформация следопытства, ключевого концепта журнала «Уральский следопыт» (предшественника серии), в занимательное краеведение, предназначенное для самого широкого читателя и особенно детской аудитории. Констатируется, что серия, состоящая из тематических сборников, содержащих научно-популярные очерки, публицистические статьи и рассказы, объединяла интерес потенциальных читателей к открытию новых пространств с советской установкой знать и любить родину. Она сочетала авантюризм первооткрывателей, ринувшихся в поход, с мобилизационными практиками развивающейся промышленности в условиях первых Пятилеток и пыталась свести воедино региональную идентичность и советский цивилизаторский проект. Приводятся примеры того, как на страницах сборников взаимодействовали публицистические лозунги, научная информация и художественные стратегии. Отмечается, что прямое влияние серии на детскую и юношескую аудиторию не поддается оценке, но, без сомнения, проект В. А. Попова внес определенный вклад в формирование географического мышления на Урале.

Ключевые слова: Урал, советская география, В. А. Попов, серия «Уральская библиотека занимательного краеведения», журнал «Уральский следопыт»

Серия тематических сборников «Уральская библиотека занимательного краеведения», организованная в Свердловске в 1936 г. на базе УралОГИЗа, до сих пор не получила достаточного внимания исследователей. Ее роль в культурном пространстве региона второй половины 1930-х гг. совершенно не проявлена, особенно на фоне не сохранившихся (или пока не обнаруженных) архивных материалов, напрямую связанных с ней. Между тем в ситуации, когда огромный Уральский регион после прекращения работы журнала «Штурм» в 1936 г. остался без «толстого» журнала, продолжающиеся проекты, то есть альманахи и серии, а также в целом издания областных отделений ОГИЗа принимали на себя функции витрины региональной литературы. И «Уральская библиотека занимательного краеведения», вопреки ее узкоспециальной направленности, заявленной в названии, собрала многое из того, что было наиболее знаковым в уральской очеркистике и прозе того времени.

Эта серия совмещала детское и взрослое, научное и художественное, политическое/идеологическое и то, что намеренно уходило от политики и идеологии, — в итоге это в совокупности обеспечивало выживаемость серии, ее адаптивность к требованиям времени и одновременно к запросам самых разных групп читателей, в том числе подрастающих поколений Страны Советов, издания для которых, как отмечает М. А. Литовская, транслировали идею сделать «жизнь интересной и общественно значимой, учебу увлекательной и эффективной» [Литовская 2016, 304]. Серия предлагала полюбить географию, оценить обширные богатства региона, научиться пользоваться ими во благо промышленности, а также пропагандировала профессии геолога, шахтера, инженера, электрика, металлурга, строителя, охотника, а также разнообразные и потенциально полезные хобби.

Важно подчеркнуть, что серия появилась в ситуации перестраивающегося административного, политического и литературного пространства второй половины 1930-х гг. Несмотря на то что Уральская область в 1934 г. была разделена на Свердловскую, Челябинскую и Обско-Иртышскую и писательский актив двух последних уже не зависел от прежнего административного центра, серия продолжала интеграционную политику предшествующего десятилетия, собирая авторов со всего Урала, вне зависимости от места их проживания и принадлежности к той или иной областной писательской организации, а также подключая тех, кто бывал в регионе проездом. Составители серии целенаправленно работали на созда-

ние образа единого, большого Урала, и обозначали по-прежнему центральное место Свердловска в его географии.

Внутриполитический контекст, в рамках которого оказался возможным выпуск серии в 1936–1939 гг., был обусловлен реализацией программ Второй и Третьей пятилеток. В частности, период великих строек Первой пятилетки закончился, и, хотя в СССР строить заводы и фабрики не перестали, внимание государства все более сдвигалось на обеспечение их непрерывной работы, на ресурсную базу. Большие производства требовали больших ресурсов. Не случайно одной из задач Второй пятилетки стало создание Урала-Кузбасса, мощного металлургического центра (заводы + шахты), могущего составить конкуренцию более развитому Донбассу, а в программе Третьей пятилетки было обозначено создание «второго Баку», то есть разработка нефтедобычи в пространстве между Волгой и Уралом. Ресурсный потенциал региона оценивался как невероятно большой. О природных богатствах, ресурсах Урала говорили в официальных речах лидеры государств [Бугров 2022, 77–78]. В регионе велась обширная научная работа по изучению недр, работали специализированные учебные заведения, развивалась инфраструктура для добычи и переработки полезных ресурсов [Филатов 2017].

Внутриполитическая прагматика второй половины 1930-х гг., сформировала содержание серии. Так, в 1936 г., предвзяя выпуск сборников, УралОГИЗ опубликовал брошюру-проспект, где были прописаны установки «Уральской библиотеки занимательного краеведения». Проспект в духе времени начинался с перепечатки передовицы газеты «Правда» от 24 июля 1935 г. с названием «Знать прекрасную нашу страну». В ней была сформулирована цель воспитать «ресурсный» патриотизм в широких массах: «В нашей необъятной стране, где идет невиданное социалистическое строительство, изучение природных богатств немислимо без привлечения широких народных масс... Неисчерпаемы недра советской земли... <...> Весь трудовой народ нашей родины кровно заинтересован в том, чтобы быстрее отвоевать у природы великие богатства, которые она скрывает» [Уральская библиотека 1936, 3–4]. И наконец: «Необходима разнообразная детская и юношеская литература, где бы в яркой, увлекательной форме были показаны природные богатства, культура, быт различных районов Советского Союза» [Там же, 4].

Создатели нового регионального издательского проекта демонстративно (почти дословно) подхватывали требования «Правды»,

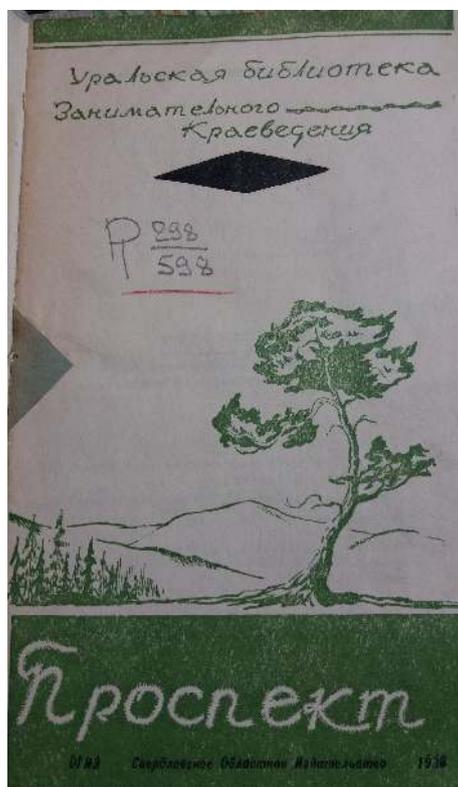

Рис. 1. Проспект: Серия тематических сборников «Уральская библиотека занимательного краеведения» (1936). Обложка

заявляя, что серия «ставит своей задачей в яркой, увлекательной форме показать уральский край, рассказать о богатствах его недр, изумительной природе, незабываемой и волнующей прелести его пейзажей» [Там же, 5]. При этом, как пишет Г. Орлова, характеризуя политику формирования «сталинской» географии, вместо: «По сути, речь шла о включении географии в эпистемологический минимум советского человека и установлении связи между „советским“ и „географическим“». Неудивительно, что в годы первых пятилеток география была опознана в качестве „базы всей нашей производственной пропаганды“ и стала ресурсом для конструирования советской картины мира» [Орлова 2009, 272]. Фактически

уральская серия вписывалась именно в эту тенденцию и предумышленно заявляла о себе как о региональном проекте, рассчитанном на выполнение государственного заказа. В уральских контекстах ее можно даже рассматривать как в некотором роде альтернативу литературно-издательскому проекту «История фабрик и заводов»¹ (несколько забуксовавшему в регионе), но со ставкой на географическое мышление, изображение современности и обращенность к более юным читателям и туристам-энтузиастам. В предисловии к одному из сборников серии — «Горючему камню», посвященному каменному углю, — отмечалось, что основная задача книги — «заинтересовать читателя этой основной энергетической проблемой Урала, раскрыть перед ним угольные ресурсы края, подчеркнуть важность поисков новых угольных месторождений силами местных краеведов, туристов, — словом, вызвать самодеятельность масс в этом направлении в помощь специалистам — геолого-разведчикам» [Горючий камень 1936, 2].

Кто мог задумать и осуществить большой литературный и издательский проект, учитывая ряд дезорганизующих конфликтов в Свердловской писательской организации, развернувшихся в течение 1930-х гг. [Журавлева 2014]? Московский писатель, журналист и редактор Владимир Алексеевич Попов-Штарк, не связанный до 1935 г. с уральской региональной писательской организацией.

Не будем останавливаться на обширной творческой биографии В. А. Попова, подчеркнем лишь его многолетнюю работу со скрупулами и отметим тот факт, что начиная с 1908 г. он несколько лет работал редактором журнала «Вокруг света» и восстановил его в советском формате в 1927 г. Он же несколько лет редактировал журнал «Всемирный следопыт», благодаря опыту работы в котором при поддержке областного отделения СП и ОГИЗа в 1935 г. организовал журнал «Уральский следопыт» (вышло 9 номеров) [Екатеринбург литературный 2017, 286–287].

Мы довольно подробно рассматривали историю уральского журнала и его концепт следопытства (следопыт как советский человек, оснащенный научным аппаратом, связующий географию, мир природы и государство), а также «ресурсную логику», которую исповедовал журнал, утверждающий ценность природы и краевых ресурсов и одновременно оперирующий столь характерной риторикой подчинения природы человеку, ее технократического преобразования [Подлубнова 2016]. После закрытия журнала осенью 1935 г. В. А. Попов не собирался отказываться от разработанной

концептуальной базы, именно она стала определять содержание новой серии.

К примеру, в установочной статье журнала, как и в проспекте серии, ставка делалась на исследование недр, ресурсы, которые необходимы для работы производства: «На огромной территории Урала от Обдорска-Вишеры до Магнитогорска... <...> Огромные природные богатства края взяты на службу социализму. <...> В условиях социалистической стройки приобретает необычайно важное значение познание своего края» [К читателям 1935, 1]. Или еще один момент: в «Уральском следопыте» В. А. Попов соотносил фигуры следопыта и краеведа:

Каков же тип истинного уральского краеведа, следопыта нашего времени? Следопыт, по выражению К. Паустовского, автора книг «Кара-Бугаз», «Великан на Каме» и др., сродни охотнику. Он одинаково восторгается залежами гипса и зарослями малины в уральских лесах. <...> Он находит в чаще истлевший вашгерд (ящик для промывки золотого песка) и узнает, что здесь некогда мыли золото. Молодые краеведы-следопыты — ученые и поэты одновременно. Они пропитаны запахом болот хвой, ветра, кизеловского дыма, едких химических паров и смазочных масел. Объем их исследований очень обширен, а энтузиазм может заразить даже самого скучного человека. Широкое развертывание следопыто-краеведческого движения на Урале может дать большие практические результаты для строительства социализма [Там же, 1–2].

Для сравнения в проспекте серии сообщалось, что «инженеры и писатели, ученые и краеведы, следопыты и охотники расскажут о крае великой социалистической индустрии и неисследованных таежных углах, могучих реках и колоссальных электростанциях, объединенных высоковольтным кольцом проводов, — о крае охот на редкого зверя и баснословных запасах полезных ископаемых» [Уральская библиотека 1936, 5].

В своем новом издательском проекте В. А. Попов не отказывался от работы со следопытами (кого он таковыми считал), но все же расставлял иные акценты, чем в 1935 г. Следопытство, как бы В. А. Попов ни пытался его адаптировать к советской реальности сначала в «Всемирном следопыте», а затем в уральском журнале, так или иначе подразумевало субъектный волонтаризм и ставку на авантюристность. В 1930-е гг. эти качества, вполне востребованные в предыдущие эпохи, выглядели довольно опасно. По воспоминаниям писателя и топографа С. М. Голицына, «Всемирный следопыт» был закрыт в 1934 г. именно из-за убеждения

М. Горького, что «юным пролетариям приключенческая литература вредна» [Голицын 1990, 438]. Напомним, что и С. Я. Маршак со сцены Всесоюзного съезда советских писателей возвещал:

...советская литература для детей еще молода, еще мало у нас книг, открывающих детям ворота в серьезную и ответственную жизнь. Но уже стало ясно, что легковесной полунаучной, полубульварной литературе, в которой нельзя отличить геолога-разведчика от частного сыщика, нет места в советской стране. Недаром хиреют у нас всякие «Всемирные следопыты» и другие журналы, пытающиеся возродить воскресную литературу «сильных ощущений» [Содоклад 1934, 30].

Перенос акценты со следопытства на краеведение (что проявилось уже в названии нового проекта), делая ставку на производственную и воспитательную прагматику проекта, В. А. Попов пытался замаскировать авантюрное начало, так или иначе проявляющееся в материалах серии. Кроме того, спад уральского краеведения после 1929 г., ликвидация краеведческих обществ, фактически разгром школы уральского краеведения в 1937–1938 гг. [Тагильцева 1993], а также репрессии против ученых-историков [Камынин 2019] освобождали культурное пространство региона для альтернативных проектов. И здесь ключевым маркером, призванным обезопасить серию, стала «занимательность», утверждающая краеведение не всерьез, краеведение для широких масс, краеведение для детей. Как бы ни развивалось научное краеведение, чем бы ни жило в текущий момент, составители серии декларировали, что берут от него лишь то, что подходит под ее концепцию и их понимание советской внутренней политики. «Очерки эти написаны частью научными исследователями, частью местными краеведами-следопытами, частью любознательными туристами, по возможности в живой и увлекательной форме» [Голубые артерии 1936, 4], — указывалось, например, в предуведомлении к сборнику «Голубые артерии», подчеркивающим коллективность авторского вклада. В. А. Попов, дистанцируясь от уральской школы краеведения, в проспекте серии заявлял:

Редакции «Библиотеки» необходимы динамичные и сюжетные очерки и рассказы, короткие сообщения о том или другом интересном факте, поданном в занимательной форме. Нужны отдельные сообщения о результатах экспедиций и разведок, промыслах и охотах, интересных геологических и археологических находках, о чудесах уральской природы (пещеры, водопады, явления выветривания, метеорологические феномены и т. п. [Уральская библиотека 1936, 5].

В проспекте серии, призванном продемонстрировать следование государственному заказу, был представлен и издательский план на ближайшие несколько лет. В нем сообщалось, что готовятся к печати 10 сборников (объемом 200 печатных листов), давалась краткая характеристика их содержания. Так, были анонсированы сборники «С ружьем и капканом» (охота и промыслы), «Горючий камень» (рассказы о каменном угле), «Урал медный» (очерки и рассказы о меди), «Голубые артерии» (очерки и рассказы о реках и озерах Урала), «Урал электрический» (очерки и рассказы об уральской электросети), «Рассказы о народах Урала» (рассказы и очерки о манси, хантах, коми-пермяках и др.), «С удочкой и сетью» (рассказы о рыболовстве и рыбозаповедении), «Край лесов» (рассказы и очерки о лесных богатствах Урала и жизни леса), «Урал железный» (очерки и рассказы об уральских железных рудах), «Рассказы об уральских камнях» (о самоцветах, цветных и поделочных) [Уральская библиотека 1936, 7].

По заявленным планам видно, что В. А. Попов оставлял в приоритете тематику «Уральского следопыта»: уральская география и природные богатства с акцентом на недра, охота и рыбалка (перекочевавшие в серию и «Уральский следопыт» из «Уральского охотника»), обычаи и быт коренных народов (особенно народов Севера Урала?), фабрики и заводы края, их история и современное состояние (см. об «Уральском следопыте»: [Подлубнова 2016]). Производственная составляющая в серии была заметно усилена: «В этом материале перед глазами читателя проходит вереница людей меди в их борьбе за раскрытие медных богатств Урала...» [Урал медный 1936, 4]. Покорение человеком природы и цивилизаторство (приравняемое к советизации окраин) также стали важными содержательными элементами серии.

За четыре года существования «Уральской библиотеки занимательного краеведения» план был не просто выполнен, но расширен. В 1936 г. увидели свет сборники «Голубые артерии», «Горючий камень», «С ружьем и капканом», «С удочкой и сетью», «Урал медный», в 1937 — «Голубая жемчужина», «Рассказы о золоте», «Край лесов», «Народы Северного Урала», «Огненная цепь» (об электричестве и электрификации Урала), «Самоцветы Урала», «Урал железный», в 1938 — «Светлое озеро», в 1939 — «Горы и люди», «В тайге и степи» (фактически вышел в 1940 г.). Общий объем опубликованных в сборниках материалов превышал запланированные 200 листов.

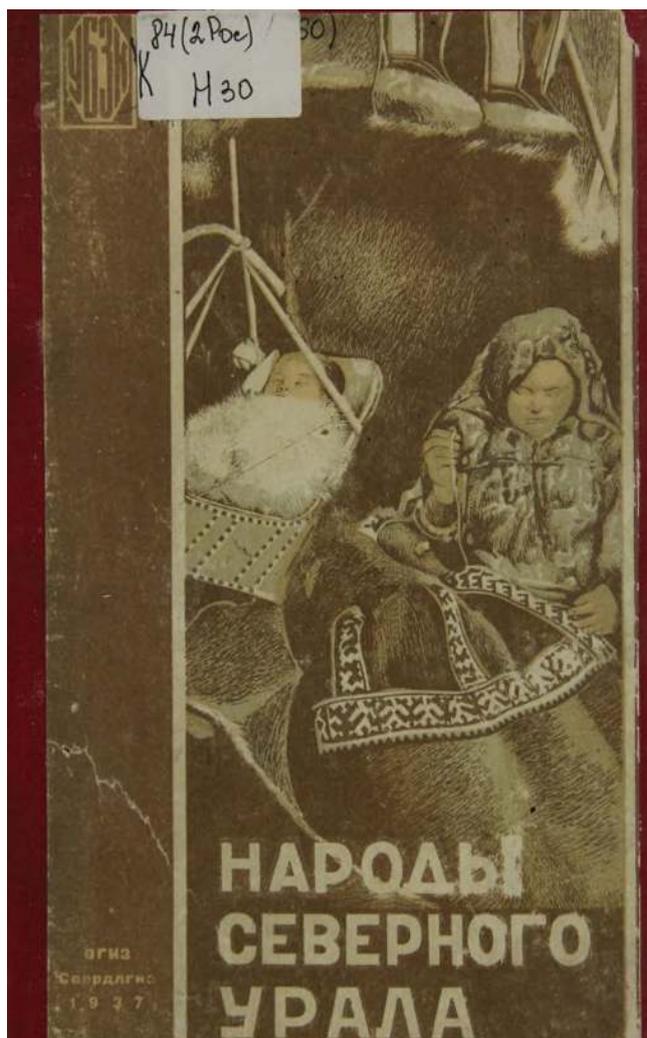

Рис. 2. Народы Северного Урала: Очерки и рассказы (1937).
Обложка

И здесь стоит остановиться еще на одном моменте, сыгравшем важную роль в появлении серии и ее существовании на протяжении нескольких лет. Как бы мы ни настаивали на исключительном авторстве «всемирного следопыта» В. А. Попова, серия вряд ли бы стала возможной без поддержки редактора детской литературы СвердловОГИЗа К. В. Рождественской. Так, например, именно по ее инициативе и под ее редакторством в 1933 г. в Свердловске вышел сборник «В степях и горной тайге», который концептуально мог бы вписаться в рамки «Уральской библиотеки занимательного краеведения» (на обороте титульного листа сборника «В степях и горной тайге» тоже стояло: «Для детей старшего возраста и юношества» [В степях 1933]). Или, по крайней мере, примкнуть к охотничьему блоку серии, поскольку в сборник 1933 г., разделенный на две части — «Птичьи пути» и «Звериные тайны», был полностью посвящен охоте. В него вошли очерки и рассказы Н. А. Зворыкина, Н. В. Пинегина, В. П. Правдухина, М. М. Пришвина и других авторов этого тематического направления. Не все тексты в сборнике были оснащены прямыми или косвенными географическими указаниями, однако обозначенные в названии книги ландшафты и некоторые пейзажи внутри нее наводили на мысль о географии Урала. В любом случае, мы можем констатировать, что именно К. В. Рождественская нашла формат, который положил начало будущей серии 1936–1939 гг.

В сравнении со сборником «В степях и горной тайге» становится очевиднее и содержательная рамка «Уральской библиотеки занимательного краеведения», которую сформировал В. А. Попов, придавший сборникам политическое и практическое значение, чего не было у книги-предшественницы 1933 г.

Например, В. А. Попову более отчетливо, чем К. В. Рождественской в 1933 г., удалось объединить советский цивилизаторский проект с конструированием идентичности региона. Взяв один обширный регион, В. А. Попов продемонстрировал экспансию советского проекта из центра на окраины. Где бы ни находились и какой бы деятельностью ни занимались герои сборников, люди Урала строили заводы, тянули линии электропередач, осушали озера, работали в забое, искали самоцветы, мыли золото, рубили лес, пасли оленей, охотились — их объединяли не столько пространство и его ландшафты, сколько причастность к процессам, идущим в стране, на которых держалась «советская версия внутренней колонизации» [Эткинд 2013, 47]. Пространственная модель Большого Урала в этой логике являлась частью пространственной модели Союза

и воспроизводила ее жесткую централизацию, сшивающую ландшафтно и культурно разное пространство. За героизацией геолого-разведчиков или энтузиастов-цивилизаторов, идущих к народам Севера, стояла идея контроля советского пространства от центра до окраин, устранения серых зон, не вовлеченных в политические и экономические процессы, инициированные властью.

Отсюда особое внимание как «Уральского следопыта», так и «Уральской библиотеки занимательного краеведения», к Северу. «Прежняя оторванность манси, ненцев, хантэ от культурного мира исчезла — вдоль всего Севера, так же, как и через Северный Урал, проходит Великий северный морской путь, являющийся одним из могучих стимулов развития народов Севера. И мы знаем примеры, когда в отдаленные зимовки к случайному больному призывают на помощь врача, консультирующего по радио и, в случае необходимости, вылетающего на самолете» [Народы 1937, 10], — утверждалось в тематическом, «северном», сборнике серии, демонстрирующей пространственную транспарентность региона, подчиненность природы человеку и одновременно слаженную жизнь большой семьи народов СССР.

При этом В. А. Попов во многом интуитивно сопрягал элементы советского цивилизаторского проекта с тем, что уже существовало в региональной культуре, подбирая разного рода соответствия и рифмы. Изображая Урал как форпост индустриализации — край заводов и гигантских строек — он, без сомнения, апеллировал к горнозаводской матрице, сложившейся ранее в региональной культуре, для которой, как формулирует А. В. Иванов, «горный завод — главная структурная единица», да и сам «культурный комплекс горнозаводского Урала — эталон индустриализма» [Иванов 2014, 15–16]. Выдвигая на первый план фигуру геологоразведчика (особенно привлекательную для юного читателя), В. А. Попов соотносил ее с традиционными для края фигурами старателя и первопроходца. Новые герои эпохи, ударники вольно или невольно рифмовались с мастерами — и хотя это не было изобретением В. А. Попова [Литовская 2006], но в целом работало на его сложносоставный проект. Обращение к фольклору (легендам, преданиям) и уральской классике — перепечатки некоторых текстов Д. Н. Мамина-Сибиряка, Ф. М. Решетникова и П. И. Заякина-Уральского, экскурсии в историю Урала также вписывались в общую рамку «Уральской библиотеки занимательного краеведения». Наконец, выделяя приоритетные темы для сборников, редактор последовательно высвечивал геофизические, этнографические и промышленные особенно-

сти региона, обозначал его типы и формировал представление о буднях героев. Персонажи очерков, рассказов, мемуарных зарисовок и разного рода исторических повествований отважно спускались в шахты («В подземном лабиринте», «Сбойка не сошлась!» В. Занадворова, «Первая врубовая» Г. Юза), добывали и обрабатывали самоцветы («История одного мастера» В. Василевского, «Заповедник камней» Г. Гродненского, «Изумруды» С. Дмитриева), искали золото («В поселке Арамилль» С. Лялицкой, «У шахтеров и драгеров» Л. Поповой, «Сюрприз» Ф. Тарханеева, «Богатая земля» В. Яркова), находили руды и работали с железом («Гора Качканар» Г. Михайлова, «Там, где рождается сталь» Б. Рябинына, «Охотники за магнетитом» В. Штарка (В. А. Попова)) и с медью («Чудские копи» А. Бармина, «Путь медной руды» С. Дмитриева, «Под знаком „синего тумана“» П. П. Бажова, «Пять пальцев Карабаша» В. Старикова), исследовали работу электричества («Ток» Н. Добычина, «Памятники» С. Королькова, «Электрическая разведка» Г. Юза), бродили среди рек и озер («Приключение на Тургояке» Н. Куштума, «Древними речными путями (Кама — Вишера)» А. Маленького, «Путешествие по реке Ылыч» Л. Первухиной, «Целебное озеро» К. Рождественской, «Озера Зауралья» В. Старцева, «Голубая жемчужина» А. Шубина), заходили в уральские леса («Лаборатория чудес» И. Ликстанова, «На нижнеисетских холмах» С. Лялицкой, «Золотое время» К. Паустовского, «Лесной пыж» А. Предеина), истово мечтали о советизации Севера («Ядро из рода Сегоев» А. Климова, «Праздник „хозяина леса“» С. Морозова-Уральского, «Город в лесу» И. Панова). Впрочем, стоит заметить, что лишь в редких случаях речь шла об очерках и рассказах, специально заказанных для серии. В. А. Попов собирал сборники большей частью из опубликованных ранее произведений. Материалы серии неизменно дополнялись живописными фотографиями Б. Рябинына, которого В. А. Попов фактически открыл как писателя и фотографа.

Занимательность серии и ее привлекательность для юных читателей обеспечивал сплав научно-популярного повествования, приемов публицистики и художественной литературы. «Сухое длинное описание того, что есть на Урале, читатель найдет в других книгах, а живое изложение наиболее интересного и главного — вот что должен он встретить в сборниках „Библиотеки“» [Уральская библиотека 1936, 6], — сообщалось в проспекте, а кроме того, делался акцент на реалистической направленности художественных текстов и общей установке на документализм: «Нам не нужен

вымысел. ...действительность оказывается богаче воображения» [Там же, 6].

На деле это выглядело примерно так. За сокращенной версией остросюжетного рассказа Н. Добычина «Ток» в сборнике «Огненная цепь» шла статья «Четвертая в мире», начинающаяся словами: «Одним из центральных вопросов социалистического хозяйства является энергетика...» [Огненная цепь 1937, 26]. После очерка «Цветные металлы» А. Бармина в «Урале медном» был помещен сказ «Хозяйка Медной горы» П. Бажова и затем следовал рассказ «Проклятое наследство» Ф. Тарханеева (про китайских рабочих и пожар на руднике). Финал сборника «Урал медный» сочетал прагматику научного отчета и призыв к молодежи:

Кроме медных руд в габбро, порфиридах, змеевиках, диабазов, следопыты должны сделать поход и на самородную медь в кабаковских амфиболитах. Такой поход обещает дать весьма интересные и ценные данные.

Действительно. Если бы следопытам удалось найти мощное залегание амфиболитов с самородной медью, это явилось бы прекрасным подарком нашей великой родине.

Итак, молодые разведчики Кабаковска, — ваше дело найти коренное залегание еловских амфиболитов! Разведчики Николо-Павдинского района, Баранчи, Лаи, Нижнего Тагила, Верхнего Тагила, Билимая, Первоуральска, Ревды, Полевского завода, Уфалея, Нязепетровска, Кыштыма, Златоуста, Миаса и прочих районов, — идите в поход на поиски медоносных пород! [Урал медный 1936, 183].

Или, к примеру, в целом живописное путешествие на гору Магнитную академик А. Е. Ферсман снабдил научной справкой: «Кое-где видны блестки колчедана. Зеленые потеки говорят о следах меди. <...> И понемногу начинаешь понимать, как образовалась эта масса в 325 миллионов тонн в расплавленных магмах глубин, как ворвалась она в древние известняки Урала и, смешавшись с ними, положила начало одному из самых замечательным в мире железных рудников» [Урал железный 1937, 108]. Яркие описания и образы в сборниках сопровождала полезная информация, в свою очередь, научная информация расцвечивалась художественными образами и публицистическими призывами. И это, без сомнения, не могло не привлекать читателей, особенно молодых.

Что примечательно, повести и рассказы, попавшие в сборники, не всегда предназначались именно для детей или подростков. Среди их героев преобладали взрослые персонажи, дети появлялись

лишь в случайных эпизодах или на случайных фотографиях (см. фото юных старателей в сборнике «Рассказы о золоте», с. 53). Самые юные герои были здесь почти взрослыми, как, например, семнадцатилетний Ванька из рассказа «На зауральском озере» Э. Сенкевича (сборник «Голубая жемчужина»). Ванька решил раздобыть гусиные яйца, заблудился в камышах и был вынужден пережить не самые приятные ночевки на озере: «С трудом сообразил очнувшийся на минуту Ванька, что он уже спасен и едет домой. И, сообразив, улегся поудобнее. Скоро только ровный глубокий храп его раздавался из лодки, быстро рассекавшей стеклянную гладь огромного озера» [Голубая жемчужина 1937, 22]. Детскую аудиторию редакторы серии привлекали именно большим количеством познавательной и увлекательной информации, изложенной в простой, зачастую художественной форме, обещанием приобщения к тайнам природы. По крайней мере, приобщение к страшному и иррациональному в духе отвергнутой в Стране Советов авантюрной литературы сулили заголовки материалов: «Тайна Ежовского рудника», «Проклятое наследство», «Черная язва», «Подземная война», «Чудские копии», «Хозяйка Медной горы. Тайный сказ» (сборник «Урал медный»), «Пропавший рудник», «Тайна булата», «Охотники за магнетитом» («Урал железный»), «Пропавший пласт», «В подземном лабиринте», «На черном озере» («Горючий камень») и т. д.

Форма многих материалов, предполагающая упрощенный энциклопедизм и сюжет путешествия (открытия новой территории и ее богатств), сама по себе подразумевала двойную читательскую адресацию. В этом плане серия, без сомнения, работала на «расширение географического и политического кругозора подростка», которое, как пишет С. Г. Маслинская, с конца 1920-х гг. поддерживалось «всем разнообразием жанровых форм воплощения этого типа знания: от научно-познавательной беллетристики до приключенческих саг» [Маслинская 2021, 88].

Судя по проспекту, проект серии изначально был распланирован на два года: 1936–1937. Вплоть до конца 1937 г. редактором и составителем сборников выступал В. А. Попов. С конца 1937 г. и сборника «Огненная цепь» редактором проекта стал А. А. Облонский, а в 1938 г. — П. П. Бажов, подготовивший к выходу сборники «В тайге и степи» и «Горы и люди» (один был составлен И. Ф. Антипиным, другой — А. А. Облонским). У нас нет сведений, каким образом В. А. Попов был отстранен от уральских проектов и почему серию возглавил П. П. Бажов, в любом случае очевидно, что без В. А. Попова она довольно быстро выдохлась и прекратила

существование. Энтузиазма ее экс-редактора хватило на выпуск в 1938 г. в Челябинске сборника «Тайна Уральских гор», куда вошли рассказы об исследованиях, путешествиях, поиске полезных ископаемых на Южном Урале, и только потом он переключился на иную географию, в том числе полярную. Что показательно, в «Тайне Уральских гор» В. А. Попов, уже не ограниченный рамками свердловской серии, уделил больше внимания авантюрной составляющей. И хотя в преамбуле обозначалось, что сборник «посвящен путешествиям с исследовательской целью: поискам полезных ископаемых южноуральских недр, изучению пещер с их подземными реками, озерами и т. п.», там же подчеркивалось, что «путешествия такого рода неизбежно связаны со многими приключениями и с необычайными эпизодами. Об этих интересных приключениях рассказывает сборник» [Тайна 1938, 2].

Вклад В. А. Попова и его проектов в региональную культуру 1930-х был весомым. С одной стороны, они вписывали горнозаводской Урал в советскую культурную матрицу. Литература региона, шагающая под знаменами Пятилеток, наполнилась духом колониального авантюризма (экспансия на Север) и обратилась к тематике покорения природы. Именно на такой политически заряженной географии росли юные читатели серии. С другой стороны, серия «Уральская библиотека занимательного краеведения» развивала географическое мышление в целом, предлагая ценить и любить свой край (свою страну) и его (ее) разнообразные ландшафты. Фактически она предвосхитила и патриотический фокус уральского эпоса П. П. Бажова, и оптику знакового для региона пионерского сборника «Урал — земля золотая» (1944), собранного А. М. Климовым, который сотрудничал с В. А. Поповым со времен «Уральского следопыта», и, по сути, проблематику геологоразведочной прозы Урала и Сибири более позднего времени, когда уже другие люди возродят журнал «Уральский следопыт» и наполнят его обновленным содержанием.

Вырастила ли серия того читателя, о котором мечтал ее создатель, сказать сложно — тиражи сборников варьировались от 5000 до 10 000 экз. и не являлись по советским меркам большими. Но мы можем утверждать, что свою роль в инсталляции географического мышления в среде уральских юных читателей она сыграла, а практические результаты стали достоянием уже следующей эпохи, грезящей романтикой дорог и песнями у костра.

Примечания

- ¹ Литературно-издательский проект, запущенный А. М. Горьким в 1931 г., предполагавший серию сборников об истории заводов СССР, созданных на основе воспоминаний рабочих. Воспоминания собирались и обрабатывались советскими писателями.

Литература

Источники

В степях 1933 — В степях и горной тайге. Свердловск; М.: УралГИЗ, 1933.

Голубая жемчужина 1937 — Голубая жемчужина: Сборник рассказов об Уральских озерах / сост. Вл. А. Попов. Челябинск: Челябингиз, 1937.

Голубые артерии 1936 — Попов В. А. Голубые артерии: Очерки о реках и озерах Урала / сост. Вл. А. Попов. Свердловск: СвердловГИЗ, 1936.

Горючий камень 1936 — Горючий камень: Очерки и рассказы / сост. Вл. А. Попов. Свердловск: СвердловГИЗ, 1936.

К читателям 1935 — К читателям нашего журнала // Уральский следопыт. 1935. № 1. С. 1–2.

Народы 1937 — Народы Северного Урала: Очерки и рассказы / А. Климов, А. Маленький, К. Носилов, И. Панов, В. Пиньжаков, В. Чернецов и др.; сост. Вл. А. Попов. Свердловск: СвердловГИЗ, 1937.

Огненная цепь 1937 — Огненная цепь: Очерки и рассказы / сост. А. А. Облонский. Свердловск: СвердловГИЗ, 1937.

Содоклад 1934 — Содоклад С. Я. Маршака о детской литературе // Всесоюзный съезд советских писателей. Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934: Стенографический отчет. М.: Гослитиздат, 1934. С. 20–38.

Тайна 1938 — Тайна Уральских гор: Сборник рассказов / сост. Вл. А. Попов. Челябинск: ЧелябинГИЗ, 1938.

Урал медный 1936 — Урал медный: Очерки и рассказы / П. Бажов, А. Бармин, И. Белаковский и др.; сост. Вл. А. Попов. Свердловск: СвердловГИЗ, 1936.

Урал железный 1937 — Урал железный: Очерки и рассказы / сост. Вл. А. Попов. Свердловск: СвердловГИЗ, 1937.

Уральская библиотека 1936 — Проспект: Серия тематических сборников «Уральская библиотека занимательного краеведения». Свердловск: СвердловГИЗ, 1936.

Исследования

Бугров 2022 — Бугров К. Д. Становление опорного края: индустриальный Урал в мобилизационной культуре 1930–1940-х гг. / К. Д. Бугров, М. А. Киселев, Л. В. Маштакова. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2022.

Голицын 1990 — Голицын С. М. Записки уцелевшего. М.: Орбита, 1990.

Екатеринбург литературный 2017 — Екатеринбург литературный: энциклопедический словарь / [под ред. Е. К. Созиной]. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017.

Журавлева 2014 — Журавлева Н. «Литературные забавы» уральских литераторов в 1930-е годы // Вопросы литературы. 2014. № 2. С. 136–144.

Иванов 2014 — Иванов А. Горнозаводская цивилизация. М.: АСТ, 2014.

Камынин 2019 — Камынин В. Д., Лазарева Е. В. «Историческая политика» на Урале в 1930-е гг.: современный взгляд // История и современное мировоззрение. 2019. Т. 1, № 2. С. 90–97.

Литовская 2016 — Литовская М. А. Детский журнал «Делай все сам» (1928–1931) и приоритеты советской индустриализации // Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему» / под ред. Е. К. Созиной, Т. А. Снигиревой. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 300–311.

Литовская 2006 — Литовская М. А. Проблема формирования региональной мифологии: проект П. П. Бажова // Михаил Осоргин: Художник и журналист: [статьи и доклады конференции «Вторые Осоргинские чтения» (Пермь, ноябрь 2003 г.) / ред.-сост. В. В. Абашев; ред. Е. Г. Власова]. Пермь: Мобиле, 2006. С. 188–196.

Маслинская 2021 — Маслинская С. Г. Что я видел: ребенок-наблюдатель в советской детской литературе // Вестник ПСТГУ. Сер. IV. Педагогика. Психология. 2021. Вып. 63. С. 85–94. DOI: 10.15382/sturIV202163.85-94.

Орлова 2009 — Орлова Г. «Заочное путешествие»: управление географическим воображением в сталинскую эпоху // Новое литературное обозрение. 2009. № 6. С. 266–285.

Подлубнова 2016 — Подлубнова Ю. С. От «Уральского охотника» к «Уральскому следопыту»: природоведческие аспекты в журнальных изданиях 1920–1930-х гг. // Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему» / под ред. Е. К. Созиной, Т. А. Снигиревой. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 279–299.

Тагильцева 2017 — Тагильцева Н. И. История краеведческого движения на Урале в 1920–1930-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Институт Российской истории РАН, 1993.

Филатов 2017 — Филатов В. В. Геофизические исследования на Урале в 20–30-е годы XX века // Известия Уральского государственного горного университета. 2017. Вып. 1 (45). С. 100–103.

Эткинд 2013 — Эткинд А., Уфельман Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Политическая концептология. 2013. № 2. С. 31–56.

References

Bugrov 2022 — Bugrov, K. D., Kiselev, M. A., Mashtakova, L. V. (Eds.). (2022). Stanovlenie opornogo kraja: Industrial'nyj Ural v mobilizacionnoj kul'ture 1930–1940-h gg. [Formation of the supporting edge: Industrial Urals in the mobilization culture of the 1930s–1940s]. Ekaterinburg: The Ural University Publ.

Ekaterinburg literaturnyj 2017 — Sozina, E. K. (Ed.). (2017). Ekaterinburg literaturnyj: ensiklopedicheskiy slovar' [Ekaterinburg literary: encyclopaedic dictionary]. Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj.

Filatov 2017 — Filatov, V. V. (2017). Geofizicheskie issledovaniya na Urale v 20–30-e gody XX veka [Geophysical research in the Urals in the 20-30s of the twentieth century]. Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo gornogo universiteta, 1 (45), 100–103.

Golicyn 1990 — Golicyn, S. M. (1990). Zapiski ucelevshego [Notes of a survivor]. Moscow: Orbita.

Ivanov 2014 — Ivanov, A. (2014). Gornozavodskaja civilizacija [Mining civilization]. Moscow: AST.

Jetkind 2013 — Jetkind, A., Ufel'man, D., Kukulin, I. (2013). Vnutrennjaja kolonizacija Rossii: mezhdru praktikoj i voobrazheniem [Internal colonization of Russia: between practice and imagination]. Politicheskaja konceptologija, 2, 31–56.

Kamynin 2019 — Kamynin, V. D., Lazareva, E. V. (2019). "Istoricheskaja politika" na Urale v 1930-e gg.: sovremennyj vzgljad ["Historical politics" in the Urals in the 1930s: a modern view]. Istorija i sovremennoe mirovozzrenie, 1(2), 90–97.

Litovskaja 2016 — Litovskaja, M. A. (2016). Detskij zhurnal "Delaj vse sam" (1928–1931) i priority sovetskoj industrializacii [Children's magazine "Do everything yourself" (1928–1931) and the priorities of Soviet industrialization]. In E. K. Sozina, T. A. Snigireva (Eds.), Literaturnyj process v regional'noj periodicheskoj pečati 1830–1930-h gg.: ot "Zavolzhsogo murav'ja" k "Ural'skomu rabochemu" [Literary process in the regional periodical press of the 1830–1930s: from "The Trans-Volga Ant" to "The Ural Worker"] (pp. 300–311). Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj.

Litovskaja 2006 — Litovskaja, M. A. (2006). Problema formirovanija regional'noj mifologii: proekt P. P. Bazhova [The problem of the formation of regional mythology: the project of P. P. Bazhov]. In Mihail Osorgin: Hudozhnik i zhurnalist [Mikhail Osorgin: Artist and journalist] (pp. 188–196). Perm': Mobile.

Maslinskaya 2021 — Maslinskaya, S. G. (2021). Chto ja videl: rebenok-nabljudatel' v sovetskoj detskoj literature [What I saw: a child observer in Soviet children's literature]. Vestnik PSTGU, IV, 63, 85–94. DOI: 10.15382/sturIV202163.85-94

Orlova 2009 — Orlova, G. (2009). “Zaochnoe puteshestvie”: upravlenie geograficheskim voobrazheniem v stalinskuju jepohu [“Correspondence travel”: managing the geographical imagination in the Stalin era]. Novoe literaturnoe obozrenie, 6, 266–285.

Podlubnova 2016 — Podlubnova, Y. S. (2016). Ot “Ural'skogo ohotnika” k “Ural'skomu sledopytu”: prirodovedcheskie aspekty v zhurnal'nyh izdaniyah 1920–1930-h gg. [From “The Ural Hunter” to “The Ural Pathfinder”: natural history aspects in magazine publications of the 1920–1930s]. In E. K. Sozina, T. A. Snigireva (Eds.), Literaturnyj process v regional'noj periodicheskoj pechati 1830–1930-h gg.: ot “Zavolzhskego murav'ja” k “Ural'skomu rabochemu”. [Literary process in the regional periodical press of the 1830–1930s: from “The Trans-Volga Ant” to “The Ural Worker”] (pp. 279–299). Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj.

Tagil'ceva 2017 — Tagil'ceva, N. I. (1993). Istorija kraevedcheskogo dvizhenija na Urale v 1920–1930-e gody [History of the local history movement in the Urals in the 1920-1930s] (doctoral dissertation). Institute of Russian History RAS, Moscow.

Zhuravleva 2014 — Zhuravleva, N. (2014). “Literaturnye zabavy” ural'skih literatorov v 1930-e gody [“Literary amusements” of Ural writers in the 1930s]. Voprosy literatury, 2, 136–144.

Yulia Podlubnova

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;
ORCID: 0000-0001-5210-0861

“WE DON’T NEED FICTION”: CONCEPT AND CONTENT
FEATURES OF THE BOOK SERIES “THE URAL LIBRARY OF
ENTERTAINING REGIONAL STUDIES” (1936–1939)

The article examines the book series “The Ural Library of Entertaining Regional Studies”, organized by the former editor of the magazines *The World Pathfinder* and *The Ural Pathfinder* Vladimir Popov in Sverdlovsk in 1936. It clarifies the political and cultural situation of the second half of the 1930s, within the framework of which the book series appeared, and how Vladimir Popov’s cultural work in the Urals became possible. We examine in detail the conceptual basis of the series and note the transformation of pathfinding — the key concept of *The Ural Pathfinder* magazine (the predecessor of the series), into entertaining regional studies intended for the widest readership, especially children’s audiences. We state that the series consisting of thematic collections containing popular science essays, journalistic articles and stories united the interest of potential readers in the discovery of new spaces with the Soviet attitude to know and love the homeland. It combined the adventurism of the pioneers who rushed into the campaign with the mobilization practices of the industry developing under the Five-Year Plans and tried to bring together regional identity and the Soviet colonial project. We give the examples journalistic slogans, scientific information and artistic strategies on the pages of the collections. It notes that while the direct influence of the series on children’s and youth audience is difficult to assess, Vladimir Popov’s project undoubtedly contributed to the formation of geographical thinking in the Urals.

Keywords: Ural, Soviet geography, Vladimir Popov, the book series “The Ural Library of Entertaining Regional Studies”, the magazine “The Ural Pathfinder”

Нина Барковская

НОВЫЙ ПОДХОД К ИЗОБРАЖЕНИЮ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Материалом для анализа послужили произведения для детей, воссоздающие образ некоторых регионов Дальнего Востока: «Выходите, оленята» М. Яснова (переводы стихов поэтов Сибири и Крайнего Севера), книги серии «Сказки Дальнего Востока», повесть «Пожиратель ищет Белую сову» Е. Рудашевского. Задача статьи — исследование изменений в авторских установках и способах репрезентации территории, причисляемой традиционно к национальным окраинам. Особое внимание уделяется произведениям о Чукотке, эскимосское население которой практически исчезло в XX в. Динамика изменений прослеживается на фоне произведений советского периода, посвященных Чукотке (В. Воскобойников, Ю. Рытхэу). Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о наметившейся общей тенденции к преодолению экзотизации в конструировании образа жизни малых народов, отставанию их права на самобытность. Характерный для произведений советского периода взгляд со стороны, глазами ребенка, приехавшего на время из центральных областей России, сменяется образом мира с точки зрения коренных жителей. Вместе с тем заметна существенная разница в воссоздании образа того или иного региона в зависимости от возраста потенциального читателя. В переводах М. Яснова воссоздан счастливый мир раннего детства, когда ребенок в семье среди родной природы. По мере взросления читателя и, соответственно, героя, глазами которого показан северный мир, усложняется проблематика, поднимаются проблемы экологии, этнического самоопределения и ответственности человека и общества.

Ключевые слова: географическое пространство России, колонизация, этнический стереотип, эскимосы, Чукотка, Е. Рудашевский, М. Яснов

В 2023 г. в издательстве «КомпасГид» вышла новая повесть «Пожиратель ищет Белую сову» популярного современного автора Евгения Рудашевского, лауреата премий «Книгиру», им. В. П. Крапивина, «Золотой Дельви́г». Герои книги — эскимосы, люди племени аглюхтугмит, практически исчезнувшего народа, жившего век назад на Чукотке. Появление этой повести вписывается в наметившуюся тенденцию обращения к истории и мифологии малых народов. Задача этой статьи — рассмотреть на современном материале способы создания образа дальневосточных регионов в современной русской детской и подростковой литературе.

В современных книгах о Дальнем Востоке характеризуются географические и этнографические особенности: климат (долгая зима и полярная ночь), моря и горы, тундра, животный и растительный мир, а также описание жилищ, одежды, еды и ремесел местных жителей, обычаи, топонимы, имена, упоминаются знаковые артефакты (Китовая аллея, например) — всё, что создает «местный колорит». Но истолковывается это по-разному, в зависимости от двух очевидных факторов. Первый — возрастная категория читателей, на которых рассчитана книга. Вторым фактором является социокультурная обстановка в стране, идеологическая позиция автора. Рассмотрим влияние обоих факторов на принципы и приемы конструирования образа того или иного дальневосточного региона в литературе, рассчитанной на детей разного возраста. Особое внимание уделим книгам о Чукотке, потому что для эскимосов события истории XX в. оказались особенно драматичными, и именно повесть Рудашевского наиболее рельефно демонстрирует новый подход к изображению жизни малых народов.

Сказки для малышей

Для читателей младшего возраста Михаил Яснов перевел на русский язык стихи поэтов Сибири и Крайнего Севера [Яснов 2018]. Книга «Выходите, оленията!» большого формата, с яркими иллюстрациями художника Геннадия Кузова. Герои стихов — маленькие дети, ровесники тех, кому предназначена книга. Здесь упоминаются характерные приметы времен года, особенно — долгожданной для северян весны, родители, олени и собаки, перелетные птицы. Перед подборками стихов М. Яснов приводит краткие сведения о том, где расположены Ямал или Якутия, где живут юкагиры, а где — ненцы, дает справку об авторе — национальном поэте. В конце сборника стихотворений приведен «Маленький словарь для внимательных

читателей», объясняющий слова, неизвестные русскоязычным читателям: *авка, аргиш, ерник, маут, ровдуга* и другие. В целом стихотворения рисуют счастливый мир детства, в них много света и простора. Маленький ребенок — в семье, в привычной обстановке, родная тундра радует его, о чем говорится, например, в стихотворении ненецкого поэта Леонида Лапсуя: «Тут Едэйко все знакомо — / В тундре с детства он как дома» [Яснов 2018, 20]. Повседневная жизнь маленького северянина, показанная в его восприятии, близка и понятна любому русскоязычному ребенку.

На читателей младшего и среднего школьного возраста рассчитана книжная серия «Сказки Дальнего Востока», которая знакомит с малоизвестными и не издававшимися ранее сказками дальневосточных народов. Автор проекта и редактор-составитель — Александра Агафонова, художник — Ксения Воронова. В предисловии к каждой книге серии сообщается о том, как собирался материал, от кого записаны сказки¹. Особенностью серии является то, что некоторые сказки продублированы на чукотском или эскимосском языках. Аудиозаписи, которые доступны по QR-коду, дают возможность послушать сказки на языке оригинала².

В каждой книге серии есть «рамочный текст» — обрамление, написанное от лица современного ребенка, которому кто-то рассказывает сказки. В «Сказочной Чукотке» [Агафонова, Асадова 2019] мальчик 7–8 лет и его младшая сестренка открывают для себя Чукотку, потому что их папа-орнитолог в свою полугодовую командировку отправился вместе с семьей. Сюжет обрамления выстраивается как травелог, а детский взгляд обеспечивает ostranenie непривычного мира, например, дома на сваях в Анадыре [Агафонова, Асадова 2019, 34].

Подобный композиционный прием — взгляд героя-путешественника — достаточно традиционен для литературы о дальних окраинах, сошлемся на книгу 1977 г. «С добрым утром, Чукотка!», написанную В. Воскобойниковым и оформленную художником М. Беломлинским. Мальчик Вася из Ленинграда приехал в Уэлен вместе с родителями-метеорологами, работавшими на полярной станции. Уже самый зачин повествования определяет стороннюю точку зрения: «Если ты посмотришь на карту нашей страны, то на самом северо-восточном краю увидишь Чукотскую землю. Ее так и назвали когда-то — северной окраиной» [Воскобойников, Беломлинский 1977, 3]. Книжка сообщает сведения о том, сколько времени летит самолет из Ленинграда до Анадыря, сколько часов разница во времени (Вася звонит своему другу, но тот еще спит),

на чем добираются дети до интерната (на оленях, на собаках, на вездеходе), чем занимаются местные жители — оленеводы, камнерезы и охотники, что представляет из себя кухлянка и т. п. Экзотизация поддерживается и рассказом о купании в термальном источнике при окружающей температуре воздуха -40 . М. Беломлинский и в цветных, и в черно-белых иллюстрациях показал особенности внешности северян, изобразил представителей фауны, примеры национального промысла — резьбы по моржовой кости. Вася узнает в школе, чем занимается местный отряд тимуровцев (ребята привозят уголь и пресный лед пожилым людям). С особой гордостью местные жители рассказывают о строительстве самого красивого здания в Анадыре — Дворца пионеров. Пионеры всего Советского Союза объявили операцию «Чукотка»: «Школьники Москвы и Ленинграда собирали макулатуру, узбекские дети — убирали хлопок, деревенские ребята — помогали в колхозе. А заработанные деньги все посылали по одинаковому адресу: „Чукотка. Дворец пионеров“» [Воскобойников, Беломлинский 1977, 19–20]. Строить помогали архитекторы из Москвы, художники из Эстонии, сибирские рабочие и дальневосточные моряки — так конструируется представление об интернациональной дружбе в СССР. На этом рассказ о Чукотке заканчивается, Вася улетает обратно в Ленинград.

В отличие от советских писателей, современные авторы основным содержанием делают мифологические представления коренного населения. В предисловии к книге «Сказочный Сахалин» автор проекта говорит, что отбирались самые необычные и фантастические сказки: «Те, что будят фантазию, а не страх» [Агафонова 2021, 4], эти слова справедливы для всей серии. Например, глава 4 в книге «Сказочная Чукотка» включает сказку о злых духах (кэльэт), которые порождаются «черными мыслями» самого человека, а также сказку о том, почему нельзя злословить о другом человеке, сказку, объясняющую, почему нельзя сор после себя оставлять: злой дух находит по мусору от яранги всю семью [Агафонова, Асадова 2019, 33]. А вот доброта, трудолюбие, щедрость всегда заслуживают награды, о чем повествует, например, сказка «Богатство Чемкаль». Мастерница обучала других женщин стойбища шить красивую одежду, при этом у нее самой никакого богатства не скопилось: «Мое богатство — это мои односельчане в такой красивой одежде, что о ней будут слагать легенды. А наследство, которое я после себя оставлю, — это умелые руки моих землячек. Это самое большое мое богатство» [Агафонова, Асадова 2019, 43].

Сказки знакомят с обычаями жителей Чукотки, например, как устраивается национальное празднество Мнэгыргын — осенний обряд благодарения природе за ее дары. Многие тексты основаны на мифологических представлениях о сотворении мира, животных, птиц, людей из «первородной тьмы»: «Как звери и люди языки получили» [Агафонова, Асадова 2019, 14], «Как рыбы появились» [Там же, 54], «Почему ворон одет в черное» [Там же, 72], «Откуда появились комары» [Там же, 99]. Слова, непонятные детям, но конструирующие национальный колорит повествования (камлание, Апайпайек, хоркать, киягнук и мн. др.), объясняются в круговых врезках на страницах книги.

Языковой сдвиг у жителей Чукотки описывается в радужных тонах: когда родители собирали вещи перед отъездом, дочка спросила, на каком языке на Чукотке люди говорят, папа ответил: «Чукотка — это самый северо-восточный краешек нашей страны. Так что можешь смело говорить на русском! А если захочешь — начнешь учить чукотский и эскимосский» [Там же, 12]. С одной стороны, в реплике отца проявляется готовность принять «чужое», которое, скорее, является просто «другим», ведь местные жители просто говорят на другом языке, но они тоже «наши». Но с другой — утверждается титульный статус русского языка. Как видим, остается определенная дистанция между приезжими из центральных областей России и жителями окраин, экзотизация дальневосточного сказывается именно в наличии композиционного приема обрамления сказок событиями и деталями из «сегодняшнего дня» приехавшего на время ребенка.

Мифы для подростков

В книге «Сказочный Сахалин» рамочный текст организован с точки зрения подростка. Здесь нет доверчивости и открытости всему новому, как у малышей; Макара раздражают родители, он недоволен намерением отправиться на Сахалин: «В этом году попасть за границу не удалось. Остались недостижимыми и Альпы, и Пиренеи, но отец взял билеты на Сахалин» [Агафонова 2021, 6]. В самолете Макару скучно, книги он не любил читать, ничего интересного не ждал и от горнолыжного курорта, куда скоро должен был попасть. Однако на трассе сноуборда его поджидало волшебство — к нему чуть не прицепился злой дух. Потом он познакомился с экскурсоводом Иваном Александровичем, а в Краеведческом музее Южно-Сахалинска он, как попаданцы из фэнтези, перенесся

в мифическое время и оказался на суде, где Кит судил странных существ — злых духов за то, что они причиняли вред людям. О каждом из духов рассказана сказка. Однако оказалось, что люди сами во всем виноваты: они легкомысленны, много болтают, не выполняют обещаний, превращают остров в свалку, не берегут реки и леса, не уважают традиции предков. Обвинение дошло и до Макара, он начал оправдываться, дескать, папа охотиться перестал, в школе они мусор за собой убирают... Но Кит простил Макара, сказав, что хотя человек нарушает хрупкое равновесие в природе, но природа выживет без человека, а вот человек без природы — нет, и раз человек это осознал, то он не безнадежен и научится беречь природный мир [Там же, 80]. Как видим, тут уже более сложная тематика, чем в сказках Чукотки, адресованных более младшим детям: экологические проблемы, необходимость не только пользоваться и брать, но и отдавать, заботиться, помогать. Экзотизирующий взгляд «извне» остается, но симптоматично, что Макар оказывается на мифологическом судилище, и его осуждают так же, как и остальных за вред, наносимый природе, впрочем, так же и прощают. В этой книге другая точка зрения на дальневосточный регион и его проблемы: не «они» тоже «наши», а «мы» — такие же, как «они».

Повесть Е. Рудашевского «Пожиратель ищет Белую сову» имеет возрастную маркировку 12+. Сюжет разворачивается в стойбище Нунавк (прототипом, скорее всего, является ликвидированный в 1958 г. поселок Наукан на мысе Дежнёва; топоним Рудашевский заимствовал из повести Ю. Рытхэу «Нунавк», заменив одну букву). Жизнь эскимосского племени аглюхтугмит показана изнутри, глазами 12-летней девочки Анипы, на первом плане оказывается не экзотика, а трагедия вымирающего племени. «Пожиратели» — русские, построившие поселок за Черной горой, в самом сердце Пустого места. Автора интересует не география сама по себе (и пейзаж не занимает большого места в повести) и не мифология как таковая, а история — социальные, экономические и политические проблемы. Наступающая цивилизация уничтожает древний уклад малого народа. Е. Рудашевский говорил в интервью, что его волновала тема права малого народа на самобытность [Скорондаева 2023].

Повести предпосланы два эпиграфа. Один — из книги «Снежный странник» канадского писателя и биолога Фарли Моуэта. Рудашевский пишет, что именно Моуэт заинтересовал его эскимосами. Второй — из повести Юрия Рытхэу «Нунавк», где говорится о «тропе предков», ведущей к селению. Отсылка к повести Рытхэу не только свидетельствует о традиции, но и о внутренней полемике

Рудашевского с предшественником. Кроме того, косвенно заявлена позиция писателя: нет жесткой границы между детской и взрослой литературой.

Предварительно нужно хотя бы бегло осветить исторические обстоятельства. Эскимосы (сейчас принято говорить *инуиты*) населяют Гренландию, север Канады, часть Аляски и побережье Чукотки, так называемую циркумполярную зону, с субэкстремальными условиями проживания. Когда-то эскимосы Чукотки более тесно сотрудничали с американскими скупщиками пушнины, чем с российской администрацией, казаками и православной миссией [Опарин 2017]. В 1920-х гг. на Чукотке устанавливается Советская власть, затем туда пришла коллективизация. Долгое время (до 1948 г.) эскимосы Чукотки общались с родственниками, живущими на острове Святого Лаврентия (США) и на Аляске. В период «холодной войны» общение было прервано, Чукотка оказалась пограничной и «закрытой» зоной³. В 1989 г. контакты родственников возобновились. Но в 1990-е гг. экономическое положение Чукотки было очень тяжелым, две трети населения уехало. Сейчас в России численность эскимосов 1700 человек, причем многие родились уже от смешанных браков (в поселках Новое Чаплино, Сиреники, Уэлен, в районном центре Провидения живут вместе эскимосы и чукчи). Кое-кто перебрался в Анадырь, Владивосток, центральную Россию и в Канаду.

История чукотских народов освещалась в литературе в соответствии с политическими установками в стране. Большое впечатление в свое время произвел на зрителей фильм «Алитет уходит в горы», снятый в 1949 г. режиссером Марком Донским по повести Тихона Сёмушкина (премьера в 1950 г.). Согласно фильму, советская власть избавляет простых тружеников от эксплуатации американскими торговцами, с которым в сговоре шаман, и помогает наладить свободную жизнь.

Повесть Юрия Рытхэу «Нунивак» (1963) продолжала эту линию, но более гибко. Старик Таю, одним из первых получивший партийный билет, искренне любит родной Нунивак, но с горечью понимает, что жизнь идет дальше, молодые не хотят возвращаться в родной дом-землянку, предпочитают жить и работать в колхозе «Ленинский путь». Так поступает и дочь старика, нашедшая в колхозе не только работу, но и свое семейное счастье. В конце концов все жители Нунивака перебираются на новое место, в новые дома. Таю — мастер народной песни, и в финале он находит слова для песен новых, вполне в духе соцреализма. Выбор в каче-

стве центрального героя пожилого человека позволил Рытхэу дать историческую ретроспективу. Таю вспоминает, что в двадцатые годы молодое Советское государство, зная о бедственном положении чукотских и эскимосских охотников, разрешало продолжать бизнес с американским торговцам (у которых, отмечает Таю, желание обмануть — национальная черта), но цены контролировались советской властью. В 1930-е гг. началась коллективизация, запомнившаяся Таю как время светлое и радостное, когда эскимос стал хозяином своей судьбы. В годы Великой Отечественной войны Таю рвался на фронт, но государство берегло малые народности, спасенные Октябрьской революцией от вымирания, пришлось героически трудиться в далеком тылу, в своем колхозе. В послевоенные годы приехал новый председатель, не умевший отличить китовый гарпун от моржового, путал нерпу с лахтаком, но строго придерживался партийной дисциплины. За попытки Таю высказать свои критические замечания этот новый чиновник подвел его под суд: Таю был арестован за то, что его брат Таграк — американец (когда-то он перебрался на остров Инэтлин, принадлежащий США). Таю пять лет провел в лагере под Благовещенском, был освобожден по амнистии.

Рудашевский пишет свою повесть совсем в другое время и по-другому, противопоставляя древний уклад Нунавака всему новому, что несло с собой освоение северных земель советской властью.

Географические и этнографические особенности широко представлены в повести. Имена Анипа (белая сова), Матыхлюк (черный ворон) встречались и на страницах книги «Сказочная Чукотка». Сказки о хитрой лисице и глупом медведе, которые Анипа рассказывает брату, восходят к сюжетам чукотского фольклора. Стойбище расположено на холме, с которого видно море (аглухтугмит — «береговые люди», охотники на морского зверя). Топонимы свои, «домашние»: Мутная речка, Звонкий ручей, Каменистый ручей, Скала Вороний клюв, Скала, похожая на живот, Поминальный холм, Тихий дол, Черная гора. Подробно представлены травы и кустарники («дикоросы»), растущие в тундре, потому что это один из немногих продуктов питания в голодную пору. Время движется по природному календарю: месяц блуждающих льдов, месяц ухода из гнезд молодых кайр, месяц береговых лежбищ морского зайца. Характерны одежда и скудная еда, счет ведется по пальцам, так, в начале повести население стойбища 11 человек: столько, сколько у Анипы пальцев на руках и еще один, а раньше, по словам старика Айвыхака, было столько аглухтугмит, что не хватило бы пальцев на руках и ногах, чтобы их всех сосчитать [Рудашевский 2023, 11].

Сюжет повести начинается с критического момента в существовании небольшого племени: второй год подряд удача отвернулась от охотников, люди голодают. Большой ревматизмом дед Кавита просит лишить его жизни — он уйдет в посмертную жизнь, в «Зеленые сполохи неба», избавится от постоянной боли, и соплеменники выполняют его просьбу. В холоде и темноте, переселившись все в землянку семьи Анипы, вспоминают они счастливое, мифологически-далекое прошлое. Старик Айвыхак рассказывает о чудесном острове Непяхут, летом зеленым от разнотравья, звонким от речек чистой воды [Там же, 145]. Людей охранял Окаменевший череп древнего китёнка, для которого устроили святилище. Аглухтумит, а за ними и люди других племен жили в довольстве, зверь словно сам шел в руки, и даже зимой не бедствовали: пели, плясали, били в бубен, состязались в силе. Именно тогда и была сооружена у святилища столбы из нижних китовых челюстей и черепов, напоминающих крабов с могучими клешнями. И сейчас Анипа, сидя в землянке родителей, представляет, что она находится в чреве китовом, ведь опоры для стен сделаны из китовых позвонков, по форме помещения землянки напоминают очертания кита.

Счастье кончилось, когда на остров пришли тугныгаки-пожиратели, осквернили святилище, великий китовый ход прекратился, аглухтумит сбежали обратно на землю [Там же, 196]. Пожиратели разорвали стойбища, летали на орлах по небу, оседлав косатку, мчались по морю, на волках мчались по тундре, распугивая все живое [Там же, 51]. Их боялся даже белый медведь. Теперь охота стала плохая, пожиратели отпугивают нерп и моржей от берега [Там же, 78], зверь не шел, люди начали голодать [Там же, 85]. Им пришлось уйти от берега моря в тундру, хотя они и не были оленными людьми — слишком близко к старому стойбищу были чужаки.

Насколько справедливы упреки в адрес русских, пришедших на эти суровые берега? Брат матери Анипы, ее любимый дядя Амкауна пропал два года назад. Он не погиб, стал жить в поселке новых людей, и эта жизнь ему очень нравится. Видя, как бедствуют родные, он несколько раз приходил в Нунавак, звал в новую жизнь, просил отдать ему хотя бы детей, чтобы они не умирали от голода, несколько раз приносил мясо — но аглухтумит твердо держались старых обычаев, а детям наговорили страшных сказок про пожирателей. Муж Анипы Илютак, человек из другого племени, тоже когда-то пришел к новым людям в поселок, чтобы они вылечили его дочку. Ее вылечили, но она потеряла свою душу, превратившись в «червеца», и отец убил ее. Обезумевший от горя Илютак бежал

в тундру, где его, едва живого, нашел отец Анипы, привел в свое стойбище, но взял с Илютака слово молчать о том, что он видел за Черной горой, и Илютак отрезал себе язык. Теперь о прошлом он рассказывает только узорами и картинками, который вырезает на моржовом клыке. Голод и близость пришельцев гонят аглух-тугмит с насиженного места. Племя готовится покинуть Нунавак, отправиться далеко, в Белый простор, на поиски иной свободной жизни.

Ближе к финалу повести Амкауна снова приезжает в Нунавак, забирает брата Анипы, везет в поселок. На санях Амкауна оказывается и Анипа, планировавшая убить в дороге Амкауна. Замысел не удалось осуществить. Но Анипа слышит слова, которые говорил Амкауна ее брату: в поселке нет голода, есть теплые дома и электричество, техника помогает людям. Амкауна с гордостью говорит, что теперь он стал другим: «Я советский эскимос...» [Там же, 226]. Когда эскимосы еще ходили по тундре дикарями, говорит Амкауна, в советской стране уже шла коллективизация, молодежь сама просилась в школу, потому что стыдно быть диким, жить в землянке и ничего не знать об Октябрьской революции [Там же, 228]. Амкауна говорит о дяде Акиве, которого во время охоты отнесло на льдине к берегам Америки: там тоже эскимосы живут, только им тяжелее, чем нам, советским. Анипа слышит эти слова, но они не трогают ее: «Голос Амкауна изменялся, чужел и будто изливался из того кровотокающего места, где когда-то жила душа Амкауна, без остатка съеденная тугныгаками» [Там же, 228].

Анипа незаметно соскользнула с саней Амкауна и через пургу, ночную тундру побежала домой, к стойбищу Нунавак — пока родные еще не ушли окончательно. Она готовится уйти с остатками своего племени далеко, в Белый простор. В конце повести Анипа погружается в видения, перевоплощаясь в Белую сову (тотем племени), в которой ожили воспоминания многих Белых сов, открыв прошлое — и печальное будущее. Она видит, как море наступает на берег, рушит скалы, исчезают последние киты, моржи дерутся насмерть за клочок суши. Мясо животных вонючее, сгнившее еще при жизни, рыба вся измучена червями, птицы редко возвращаются после зимы, а вернувшись, не могут отыскать старых гнезд. Погода делается непредсказуемой, береговые люди больше не чувствуют ее [Там же, 234]. Людей переселяют с места на место, сгоняют в поселки, детей отправляют в дальние интернаты, и там они забывают себя. Да и сами люди стали другими. Путь к Зеленым сполохам оборвался, больше души умерших не вернутся к земной жизни

[Там же]. Анипа все это знала, но не грустила, потому что рано или поздно начнется обновление, везде ляжет Белый простор, история аглухтугмит повторится снова. Эту идею вечного возвращения проговаривает старик Айвыхак в финале повести: «Всё взаимосвязано, ничто не пропадает. Произнесенное слово, добытый зверь, сорванный цветок и брошенный камень. Они возвращаются. Мы уже стояли здесь, я уже произносил эти слова. Когда придет время, произнесу их вновь. И так будет всегда» [Там же, 237]. Мифологическая картина мира поглощает историческую. Анипа уподобляется шаманам: «Она вдохнет дым, зажмурится, услышит, как плещутся белоснежные воды, а в следующее мгновение откроет глаза и проснется к новой жизни» [Там же, 238].

Однако однонаправленное историческое время опровергает мифологическую модель мира. К повести Рудашевского приложено послесловие, написанное историком, антропологом Дмитрием Опариным. Он рассказывает о территории, где жили эскимосы, их языке, занятиях, истории. Подробнее представлена история эскимосов XX в., а также взаимоотношения с аляскинскими эскимосами в советский и позднесоветский период. Неутешительный результат показывает приведенная статистика: если в 1926 г. коренные народы Чукотки составляли 96 % населения, то к 1989 г. — менее 10 % [Рудашевский 2023, 252].

Повесть Рудашевского, вдохновленная идеей права малых народов на самостоятельность, не дает однозначного ответа на вопрос: можно ли избежать губительных последствий развития цивилизации? Политика «внутренней колонизации», для которой характерны политическое доминирование, экономическая эксплуатация, культурное отличие от «центра» [Эткинд 2013], не щадила природных ресурсов, что привело к экологическим катастрофам. Резкий слом традиционного общества оказался губительным, что окончательно стало ясно в постсоветский период. В Канаде, пишут антропологи, эскимосы живут так называемым традиционно-контактным обществом: ведут прежний образ жизни охотников на морского зверя, но и пользуются благами электричества, интернета, здравоохранения [Опарин 2017].

Колонизация и связанный с ней процесс глобализации показан как неизбежный процесс. По определению социолога Л. Гудкова, глобализация — это «формирование транснациональных акторов (компаний, информационных сетей), появление международных политических и финансовых институтов, свободное движение капиталов и труда, резкое расширение сферы массовой информации,

унификация новых и более высоких требований к качеству образования, здравоохранения, защите окружающей среды, ослабление традиционных государственных барьеров...» [Гудков 2004, 770]. Глобализация приводит к нивелировке национальных различий. В. Л. Каганский, пользуясь понятием культурный ландшафт, который вмещает природные и культурные компоненты «нераздельно и неслиянно» и покрывает поверхность Земли сплошным покровом, считает, что империя свертывает культурно-ландшафтное разнообразие: «Независимо от целей такая стандартизация приводит к конфликту новой антропогенной среды и остатков прежнего ландшафта и его природной основы» [Каганский 2013, 7]. Исследователь приходит к выводу: «Культурный ландшафт России — яркое и явное наложение форм государства на четкую природную основу. Ландшафт России, прежде всего, ландшафт не собственно культурный и даже не природно-культурный — это ландшафт природно-государственный, природно-имперский» [Там же, 13]. Политическая власть действует против культурно-природной автономии.

История знает много примеров этносов, подвергшихся вытеснению на периферию социальной жизни в результате политических катаклизмов, войн, революций. В 1757 г. разворачивается действие романа Дж. Ф. Купера «Последний из могикан». В этот год началась «Семилетняя война», когда колониальные войска метрополий, Франции и Англии, вели свои территориальные войны в Америке, привлекая индейцев. Гибель последнего вождя из могикан показана Купером как трагическое событие. А. Фадеев в незаконченной эпопее «Последний из удэге», начатой в 1920-е гг., приветствует уход последнего сторонника родового строя. Но и в этом случае причиной событий послужила Гражданская война в Приморье.

Будучи в тесной связи с природным круговоротом, эскимосы жили вне «исторического времени» советского государства, зная только мифологическое время предков и веря в переселение их душ в ныне живущих и будущих людей и животных. В романе Рытхэу «Нунивак» есть эпизод, когда лодка Таю встречается в море с эскимосами, приплывшими со стороны Аляски. Люди радушно поделились водой и припасами, по-родственному поговорили, и Таю думает: как странно — вот море, волны, а где-то тут государственная граница. Чукчи и эскимосы, размышляет старик, жили своей, трудной жизнью, в постоянной борьбе за выживание, и им не было дела до каких-то других государств, настолько они занимали периферийное положение по отношению к ним.

Государственные границы, являясь проекцией политики, не считаются ни с географией, ни с судьбами отдельных людей. В книге «Сказочный Сахалин» есть сказка «Предание о реке Найбуци». В примечании указано, что она «написана по мотивам последнего установленного фольклористами айнского предания, созданного на Сахалине» [Агафонова 2021, 92]. Не будем оспаривать это утверждение, однако в начале книги среди источников, положенных в основу сказок, названы труды этнографа Бронислава Пилсудского по фольклору нивхов и айнов [Агафонова 2021, 4]. И взрослый читатель, разумеется, не только вспомнит «Остров Сахалин» Чехова и Веркина, но и судьбу Пилсудского. Соратник Александра Ульянова, Бронислав, старший брат Юзефа Пилсудского, был сослан на 15 лет на Сахалин, где изучал язык айнов, записывал их обычаи, помогал им вести хозяйство. После 10 лет отказался от амнистии, оставшись среди нивхов и айнов. Как пишет современный исследователь, для него это «единственное на всем острове общество, не испорченное морально, выгодно отличающееся от остального унылого окружения» [Ковальчик 2019]. Около 1903 г. Бронислав женится на красавице Чухсамме, родственнице старосты в поселке Ай. Свадьбу играли по айнскому обычаю. У них родился сын, потом дочка, которую отец так и не увидел. Началась война с Японией, Пилсудский вынужден был уехать с Сахалина, но жена, согласно айнским обычаям, осталась. Существует легенда, что Чухсамма всю жизнь ждала любимого мужа, безумно тосковала по нему, плакала и даже ослепла от горя и слез. На самом деле впоследствии она вторично вышла замуж, родила еще двоих детей. У Пилсудского в Польше также был гражданский брак, но в 42 года его жена умерла от рака. В состоянии депрессии Пилсудский бросился в Сену и утонул [Прокофьев 2008; Соколов, Беляева-Сачук 2019, 26]. В книге «Сказочный Сахалин» сохранена более легендарная версия: в богатом селении Ай была дочь старосты, красавица, добрая и трудолюбивая. Однажды отправилась она за водой на реку Найбуци и встретила незнакомца. Он был «высокий, светловолосый и голубоглазый» [Агафонова 2021, 91]. Молодые люди полюбили друг друга. Но началась война, любимый должен был уехать. Много времени прошло, но жених все не возвращался. Красавица так долго сидела на берегу реки и плакала, что в конце концов превратилась в духа реки. И до сих пор она ищет своего возлюбленного, поэтому каждого мужчину, который входит в реку, тянет на дно: смотрит, не он ли [Там же, 92]. Но и сказочный сюжет сохранил реальную причину разлуки: начавшаяся война.

Заключение

Мы сосредоточились на нескольких произведениях современной детско-юношеской литературы, изображающих дальневосточные регионы. Подходы к изображению реального географического пространства варьируются в зависимости от возраста читателя. Для самых маленьких М. Яснов перевел стихотворения народов Крайнего Севера. Героем избран ребенок, живущий в семье. Игрушки, развлечения, домашние питомцы, изменения природы по сезонам у маленьких северян свои (аргиш, катание на нартах, олени и собаки, полярная ночь и полярный день) — это такой другой мир, который близок и понятен. В данном случае предполагается первое знакомство с отдаленным краем. Для детей более старшего возраста предназначена книга «Сказочная Чукотка»: прием путешествия, на котором строится рамочный текст, обрамляющий чукотские сказки, позволяет показать экзотику дальнего края, здесь гораздо больше топонимов, характеристики животного мира, природных зон. Книга «Сказочный Сахалин» рассчитана на 10–14 лет, в рамочном тексте присутствует фантастический элемент. Задача книги — не только познакомить с легендами и сказками айнов и нивхов, но и пробудить саморефлексию. Снобистски настроенный в начале повествования мальчик постепенно начинает думать о других людях, преодолевает эгоцентризм. Эти две книги из серии «Сказки Дальнего Востока» показывают чужую (иную) природу и культуру со стороны: на время приехавший ребенок не только узнает Другого, но начинает и сам меняться в диалоге с Другим. Повесть Рудашевского, посвященная исчезнувшему эскимосскому племени, показывает мир Чукотки изнутри, здесь на первом плане не экзотика, а сложная дилемма: Анипа и ее родные должны выбрать между старым укладом, обрекающим их на голодную смерть, и новой жизнью в советском поселке, где неизбежно забудутся все заветы предков. Повесть имеет антиколониальную направленность и не предлагает однозначного решения проблемы.

Во всех выбранных нами книгах сочетаются научно-познавательный и беллетристический компоненты, хотя и в разных пропорциях. Книги снабжены сведениями о том, где были записаны сказки, названы имена историков и этнографов, в предисловии или послесловии помещены географические и исторические комментарии. Сказки и мифы обрамлены вполне реалистическим изображением природного и культурного ландшафта. Однако по мере взросления потенциального читателя авторы книг показывают, как

природное и мифологическое начинают входить в противоречие с историческим, меняющимся, идеологическим. «Белый простор» (моря, покрытые льдами разных морей, скалистые берега и материковая тундра) не размечены для автохтонного населения государственными границами, это общие места для охоты на морского зверя и выпаса оленей, «береговые люди» и «люди оленные», то есть эскимосы и чукчи, не делят территорию. Наступление цивилизации в эти отдаленные места связано с установлением государственных границ, а значит — отделением от чужого и чуждого, враждебного. Насильственное перекраивание культурного ландшафта приводит к деградации природы и вымиранию целых народностей. Повесть Рудашевского заостряет проблему: без движения, без изменений не может быть жизни, но возможны ли условия, при которых новое не будет полностью уничтожать старое, проверенное веками, не будет приносить природное в жертву техническому прогрессу, а этническую самобытность — государственному патернализму?

Примечания

¹ За сведения о Чукотке автор книжного проекта благодарит сотрудников Музейного Центра «Наследие Чукотки» — директора О. Б. Расторгуева и старшего научного сотрудника Е. П. Отке. Сказки собирал анадырский педагог и литератор И. В. Поломошнов (1930–1999), на русский эти сказки перевела А. С. Гыргольгина. Эскимосские сказки взяты из трудов Г. А. Меновщикова, доктора филологических наук, исследователя фольклора чаплинских и науканских эскимосов. Часть сказок записаны от чукотской писательницы Самиры Асадовой.

² Тексты озвучены Н. П. Радунович.

³ Не случайно в документальном фильме о заповеднике «Берингия» есть виды местности, животных и растений, а из людей показаны только специалисты заповедника и иностранные туристы, но не коренные обитатели.

Литература

Источники

Агафонова 2019 — Агафонова А., Асадова С. Сказочная Чукотка. М.: PressPass, 2019.

Агафонова 2021 — Агафонова А. Сказочный Сахалин. М.: PressPass, 2021.

Воскобойников 1977 — Воскобойников В. С добрым утром, Чукотка! / рис. М. Беломлинского. Л.: Детская литература Ленинградское отд-ние, 1977.

Рудашевский 2023 — Рудашевский Е. Пожиратель ищет Белую сову. М.: КомпасГид, 2023.

Рытхэу 1963 — Рытхэу Ю. Нунивак. М.: Молодая гвардия, 1963.

Яснов 2018 — Яснов М. Выходите, олениа: стихи поэтов Сибири и Крайнего севера для детей / в переводах М. Яснова. СПб.: Дом Детской Книги, 2018.

Исследования

Гудков 2004 — Гудков Л. Негативная идентичность: Статьи 1997–2002 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

Каганский 2013 — Каганский В. Л. Ландшафт. Империя. Россия // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 2 (11). С. 5–15.

Ковальчик 2019 — Ковальчик Я. Бронислав Пилсудский — с фонографом к айнам // Culture.Pl: [Электронный ресурс]. 2019. 18 янв. <https://culture.pl/ru/article/bronislav-pilsudskiy-s-fonografom-k-aynam>.

Опарин 2017 — Опарин Д. Эскимосы: дружба через океан / интервью И. Елисеева // EastRussia: [Электронный ресурс]. 2017. 19 апр. <https://www.eastrussia.ru/material/eskimosy-druzhba-cherez-okean/>.

Прокофьев 2008 — Прокофьев М. М. Айнская семья Бронислава Пилсудского: правда и вымысел // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. 2008. № 12. С. 114–124.

Соколов, Беляева-Сачук 2019 — Соколов А. М., Беляева-Сачук В. А. Бронислав Осипович Пилсудский — выдающийся польский исследователь культур коренных народов Дальнего Востока: Мир айнов глазами Бронислава Пилсудского. СПб.: Кунсткамера, 2019.

Рудашевский 2023 — Рудашевский Е. Эскимосские сказки и право на самобытность: зачем писатель Евгений Рудашевский голодает и отключает отопление / интервью записала А. Скорондаева // Российская газета. 2023. <https://rg.ru/2023/01/17/letopisec-kapitana-blada.html>.

Эткинд 2013 — Эткинд А. М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

References

Etkind 2013 — Etkind, A. M. (2013). Vnutrenniaia kolonizatsiia. Imperskii opyt Rossii [Internal colonization. Imperial experience of Russia] (transl. by V. Makarov). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Gudkov 2004 — Gudkov, L. (2004) Negativnaia identichnost'. Stat'i 1997–2002 godov [Negative identity. Articles 1997–2002]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Kaganskiy 2013 — Kaganskiy, V. L. (2013). Landshaft. Imperiia. Rossiia [The Russian Cultural Landscape as an Empire Landscape]. In *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniia kul'tury* [International Journal of Cultural Research], 2 (11), 5–15.

Kowalczyk 2019 — Kowalczyk, J. (2019). Bronislav Pilsudskii — s fonografom k ainam [Bronislaw Piłsudski — with a phonograph to the Ainu]. *Culture.PL* (online edition), 2019.18.01. Retrieved from: <https://culture.pl/ru/article/bronislav-pilsudskiy-s-fonografom-k-ainam>. (In Russian).

Oparin 2017 — Oparin, D. (2017). Eskimosy: druzhba cherez okean [Eskimos: friendship across the ocean] (interview conducted by I. Eliseev), *EastRussia* (online edition), 2017.19.04. Retrieved from: <https://www.eastrussia.ru/material/eskimosy-druzhba-cherez-okean/>.

Prokof'ev 2008 — Prokof'ev, M. M. (2008). Ainskaia sem'ia Bronislava Pilsudskogo: pravda i vymysel. [The Ain family of Bronislaw Piłsudski: truth and fiction]. *Izvestiia Instituta nasledii Bronislava Pilsudskogo*, 12, 114–124.

Rudashevsky 2023 — Rudashevsky, E. (2023). Eskimoskie skazki i pravo na samobytnost': zachem pisatel' Evgenii Rudashevskii golodaet i otkliuchaet otoplenie [Eskimo fairy tales and the right to identity: why writer Evgeny Rudashevsky is starving and turns off the heating] (interview conducted by A. Skorondaeva), *Rossiyskaya gazeta*. Retrieved from: <https://rg.ru/2023/01/17/letopisec-kapitana-blada.html>.

Sokolov, Beliaeva-Sachuk 2019 — Sokolov, A. M., Beliaeva-Sachuk, V. A. (2019). Bronislav Osipovich Pilsudskii — vydaiushchiisia pol'skii issledovatel' kul'tur korennykh narodov Dal'nego Vostoka: Mir ainov glazami Bronislava Pilsudskogo [Bronislaw Osipovich Piłsudski — an outstanding Polish researcher of the cultures of the indigenous peoples of the Far East: The world of the Ain through the eyes of Bronislaw Piłsudski]. Saint Petersburg: Kunstkamera.

Nina Barkovskaya

Ural State Pedagogical University; ORCID: 0000-0001-9131-5937

A NEW APPROACH TO DEPICTING THE FAR EASTERN REGIONS
IN MODERN CHILDREN'S LITERATURE

This article examines the relationship between the age category of readers and the ways in which geographical space is represented in children's and adolescent literature. The selected materials are books from contemporary Russian literature that focus on Chukotka, an extremely remote and exotic border region often portrayed as a frontier. These works reflect the natural-geographical substrate through the use of toponyms, descriptions of flora and fauna, and the occupations of residents. However, myths and fairy tales are central to the narrative. The combination of scientific, educational, and artistic components varies depending on the readers' age group. In the "Tales of the Far East" series, Chukotka is depicted from the perspective of a child from central Russia, with fairy tales framed by the modern world, conveyed through travelogue or fantasy models. Sources include works by historians, ethnographers, and folklorists. In Rudashevsky's story, the artistic element predominates, using adventure genre techniques, as suggested by the title "The Eater is Looking for a White Owl." The author reconstructs the life of a now-extinct Inuit tribe, with the narrative supplemented by historical information from anthropologist Dmitry Oparin. The story portrays the tragic clash between the mythological worldview, the ancient lifestyle of sea animal hunters, and advancing civilization, leading to environmental disasters and the extinction or assimilation of indigenous peoples. Thus, the cultural landscape of Chukotka is constructed through the historical dynamics of these books.

Keywords: geographical space of Russia, colonization, ethnic stereotype, Inuits, Chukotka, Evgeniy Rudashevsky, Mikhail Yasnov

Елена Корвацкая

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ КАРТЫ В ЕЖЕГОДНИКЕ «ГЛОБУС» (1930–1980-Е ГОДЫ)¹

Исследование посвящено анализу географического ежегодника для детей и подростков «Глобус» издательства «Детгиз» (затем «Детская литература»), выходявшего с 1938 по 1990 гг. «Глобус» является примером иллюстрированного серийного научно-популярного издания для подростков и юношества. Впервые дан краткий анализ художественного оформления ежегодника. Внешний вид «Глобуса» отражает ключевые этапы развития иллюстрированной научно-популярной книги в СССР в 1930–1980-х гг., а именно, общую тенденцию к упрощению информации, адаптацию материалов к детскому возрасту, использование вместо картографической синтактики пиктограмм, сохраняющих первичную символику изображаемого объекта; включение обобщенных и стилизованных изображений поверх очерченной территории и др. В ежегоднике основным инструментом визуальной коммуникации являлась географическая карта. Она использовалась не только как отдельный графический лист с целью передачи информации о пространственном устройстве мира, но и служила для передачи политических интерпретаций географических сведений (расширение границ, достижения экономики и сельского хозяйства). За шесть десятилетий в ежегоднике «Глобус» карта, изначально передающая информацию и пространственное представление об изучаемой территории, стала картой-иллюстрацией, обладающей законченным художественным образом, произошел последовательный отказ от карт в пользу кадрового восприятия действительности (авторский рисунок и фотография).

Ключевые слова: «Глобус», научно-популярное издание, ежегодник, географическая карта, детская литература

«Глобус» — ежегодное периодическое научно-популярное издание для детей среднего и старшего возраста, выпускавшееся в СССР в издательстве «Детгиз» (затем «Детская литература»)

Елена Сергеевна Корвацкая, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, sun3109@yandex.ru

с 1938 по 1990 гг. Первоначально местом издания ежегодника была объединенная редакция Детгиза (1938, 1940 и 1949 гг.). После 1957 г. «Глобусом» занималось исключительно Ленинградское отделение издательства. Издание прерывалось несколько раз: между 1938 и 1960 гг. вышло три номера (в 1940, 1949 и 1957 гг.)². После 1960 г. издание выходило ежегодно, кроме 1972 г., менялся тип издания³. Всего вышло 30 томов.

Цель статьи — проследить трансформацию визуального решения изданий научно-популярной литературы для детей и подростков советского периода на примере ежегодника «Глобус» на протяжении длительной истории его выхода. В оформлении ежегодника «Глобус» использовались карты, фотографии, авторские иллюстрации и репринтные изображения, реже таблицы и схемы. В истории книжного искусства проблема художественного оформления изданий научно-популярного жанра разработана мало⁴. Интересно проследить эволюцию средств визуальной коммуникации в ежегоднике «Глобус»: как одновременно решались задачи передачи достоверности и точности информации, логичности изложения и создания художественной иллюстрации. Исходя из тематики ежегодника обратим внимание на карту как на основной способ моделирования информации о пространственной организации мира.

Появление «Глобуса» связано с реформой начала 1930-х гг. в начальной и средней школе, когда география как отдельная дисциплина была возвращена в школьную программу [см. Орлова 2006]. Тематика ежегодника отвечала общей тенденции развития научно-популярной литературы второй половины XX в. в Советской Союзе. С первого номера были определены разделы: «По родной стране», «Страны народной демократии», «Наши замечательные путешественники», «По всему свету», «Географический календарь» и др. — впрочем, их названия впоследствии менялись и устоялись только к 1960-м гг.

Первый номер был подготовлен к печати в конце 1937 г. и вышел тиражом 25 000 экз. в 1938 г. Он открывался титульным листом «Наша родина» и небольшим фото с изображением памятника «Рабочий и колхозница», установленным в год подготовки выхода издания в павильоне СССР на международной выставке в Париже. Далее следовала статья «Посмотрите на карту СССР» без указания авторства, симметрично иллюстрированная фотографиями памятника Ленину на Финляндском вокзале в Ленинграде и фотографией Сталина. В статье шла речь о географических особенностях Советского Союза, утверждалась исключительность страны

в политическом и экономическом отношении. Значительная часть статей передавала информацию, основываясь на чертежах, рисунках и картах (статьи «Великие советские перелеты», «По Сталинскому маршруту», «Канал Москва — Волга», «Золотая Колыма»).

В основном статьи первого ежегодника были посвящены географическим изменениям границ страны. Вступительная статья «Страна-герой» об исключительной роли Советского Союза дополнена картой «Новые западные области СССР». Сообщалось, что «География Советского Союза (да, впрочем, и остальной Европы) вступила в полосу скорых и существенных изменений» [Глобус 1938, 4–5]. Далее авторы говорили о работе над томом, когда они не успевали за географическими изменениями на «старой польской границе», указывалось на быстрое устаревание данных о населении страны: «В тот момент, когда эти корректуры читались, население СССР составляло 170 миллионов человек, а две недели спустя оно выросло сразу на тринадцать миллионов свободных и счастливых граждан» [Глобус 1938, 4]. В первых выпусках принимали участие крупные специалисты С. Обручев, П. Померанцев, Я. Перельман, Л. Успенский и др.

В главном советском методическом журнале «География в школе» «Глобус» упоминался в перечнях новых изданий по географии за 1938 и 1949 гг. В рецензии на первый том «Глобуса» его называли замечательным, отметили талант составителей, чрезвычайную широту и разнообразие содержания, но автор статьи, укрывшийся под криптонимом *Н. Б.*, поставил под сомнение возрастную адресацию, не видя «ничего специфически детского в книге» и рекомендует «Глобус» педагогам для организации кружков по географии [Н. Б. 1938, 103–104]. Схожие комментарии были у Н. Фрадкина: «упрек в чрезмерно „справочном“ характере изложения», недостатки в оформлении из-за плохого качества печати рисунков, «карт надо было поместить больше и лучшего качества, особенно если учесть, что книга дорогая (32 руб.)» [Фрадкин 1949, 70–71]. В методических статьях материалы о «Глобусе» не встречались.

Два первых выпуска вышли под редакцией Ю. М. Шокальского (1856–1940) — выдающегося советского географа, океанографа, картографа, председателя Русского географического общества (1917–1931). Долгое время составителем выпусков была автор научно-популярных произведений для детей, редактор Ленинградского отделения издательства «Детская литература» Лидия Алексеевна Джалалбекова. Редактором был Григорий Павлович Гроденский (1904–1978).

Судя по сохранившимся протоколам совещаний редакции, сроки выхода выпусков в послевоенные годы неоднократно переносились. Следующий том после 1949 г. планировали издать в 1951 г. Подготовительной работе было посвящено совещание редакторов ленинградского отделения Детгиза совместно со специалистами в области географии и общественных наук «по улучшению ежегодника», как было сказано в протоколе [Стенограмма совещания 1950], 25 октября 1950 г., но номер не вышел. На совещании был представлен подробный доклад редактора Гроденского о пересмотре политики «Глобуса», необходимости выработать «центральный „стержень“ ежегодника» — «как советский народ и советские ученые перестраивают природу нашей родины», то есть «план великого преобразования природы» [Стенограмма совещания 1950, 3–4], «преобразование нашей природы на пути к коммунизму» [Стенограмма совещания 1950, 27]. Он отмечал чрезвычайную громоздкость материала, адресованного не юным читателям, а географам и педагогам. Участники совещания критиковали материалы ежегодника за повторы и однотипность. Гроденский отмечал, что экспедиции, по итогам которых составляются статьи для «Глобуса», заканчиваются, как правило, в сентябре-ноябре, и для подготовки ежегодника остаётся один-два месяца. Поэтому целесообразно выпускать ежегодник в начале года, а не в конце. С этим отчасти и была связана нерегулярность выхода «Глобуса».

Художественное оформление

Три первых номера 1938, 1940, 1949 гг. вышли в одинаковом оформлении: коленкорový переплет с конгревным тиснением (сохранились выпуски с разными цветами коленкора). В центре передней сторонки обложки помещено изображение глобуса с контурной обводкой, а симметрично от него — вдавленные силуэты самолетов, полярной станции и развивающиеся над ними флаги. В третьем выпуске за 1949 г. указано, что над оформлением работал известный художник Владимир Александрович Тамби (1906–1955). Можно предположить, что переплеты за 1938 и 1940 гг. также принадлежат его авторству.

Оформление переплета в дальнейшем менялось в соответствии со стилистическими и полиграфическими особенностями времени, но главная идея оставалась прежней — изображение глобуса, дополненное шрифтовой графикой. Ближе к 1960-м гг. использо-

вался тканевый переплет в бумажной суперобложке (1957, 1960 и 1961). На ней изображена планета Земля в две краски. С 1974 г. было принято новое типовое оформление издания: переплет ледерин (материал для переплётков на тканевой или бумажной основе, имитирующий кожу), увеличенный формат 7Б.

С 1957 г. появился главный художник-оформитель издания. Им были в разные годы:

1957, 1960, 1965, 1967–1971 — Борис Генрихович Крейцер (1905–1979)⁵.

1970 — Б. Г. Крейцер совместно с Михаилом Самуиловичем Беломлинским (1934–2020) и Олегом Алексеевичем Зуевым (1937–1997).

1961–1964 — Юрий Вячеславович Смольников (1926–1989).

1964 — Ю. В. Смольников в соавторстве с художниками Борисом Матвеевичем Калаушиным (1929–1999) и Вячеславом Францевичем Стримайтисом (1929–1983).

1974–1985 — Валерий Васильевич Бабанов (род. 1942).

1986 — В. В. Бабанов совместно с Олегом Владимировичем Горсуновым (род. 1957).

1987–1989 — О. В. Горсунов.

1990 — Александр Фёдорович Кабанин (род. 1954), макет О. В. Горсунова.

В 1965 г. Б. Г. Крейцер ввел постоянного персонажа издания — мальчика-подростка в очках, с головой в виде глобуса. Этот герой изображался во врезках в текстовом блоке с характерными атрибутами, знакомившими с содержанием статьи. В 1970-е гг. стали публиковаться постраничные иллюстрации и рисунки-заставки с этим героем.

В 1960-е гг. велась открытая полемика о том, как должен выглядеть ежегодник, для какой целевой аудитории он предназначен. На заседаниях художественного совета Ленинградского отделения «Детской литературы» обсуждали проблемы оформления «Глобуса». На заседании 6 марта 1963 г. художник Б. М. Калаушин назвал фотографические материалы «Глобуса» «страшно скучными для детей» [Протоколы и стенографические отчеты 1963, 44]. Харкевич⁶ поддержал: «по внутреннему содержанию, так и по внешнему оформлению, все это сделано неинтересно и сухо», сравнивая

с изданием «К другим планетам» [Протоколы и стенографические отчеты 1963, 45].

На следующем совете 5 апреля 1963 г. Б. Г. Крейцер отметил главный недостаток ежегодника: «В „Глобусе“ идет „сползание“ к взрослому читателю. Это взрослая книга, детского здесь ничего нет. <...> Правда, обложка уже стала интереснее, есть некоторый сдвиг, а вот что касается внутреннего оформления, оформления страниц, то это уместно в любом географическом, геологическом справочнике для взрослых. Здесь нет элементов детскости, занимательности. Правда, раньше этот журнал был еще хуже. Но можно сделать гораздо интереснее, монтаж фотографий сделать интереснее. Здесь все однообразно, все страницы на один манер» [Протоколы и стенографические отчеты 1963, 77]. Художница Т. В. Шишмарева (1904–1994) назвала рисунки ежегодника «неважными» и неоправданными по размеру и тематике в сравнении с работами художника Н. Ф. Лапшина, долгое время оформлявшего научно-популярную книгу [Протоколы и стенографические отчеты 1963, 76]. Художник Н. М. Кочергин (1897–1974) назвал общее оформление сборника и его рисунки скучными, отметил несоответствие цели иллюстрации и техники ее исполнения: «Фотографии хороши, когда нужно подчеркнуть документальность, а когда надо показать характер зверя... такая фотография никуда не годится» [Протоколы и стенографические отчеты 1963, 76]. Эти обсуждения показали процесс формирования отдельных требований к оформлению научно-познавательной книги для детей в советском книгоиздании.

Тетрадный блок сопровождался вклейками на плотном картоне. Они включали постраничные иллюстрации, линейные рисунки-врезки, фотографии. Графические иллюстрации в текстовом блоке публиковались в черно-белом варианте до 1974 г., затем был введен второй цвет, а в последнем номере 1990 г. репродуцировались только цветные иллюстрации. Отметим постепенный отказ от авторских рисунков и использование преимущественно фотографий. Особое место занимали различного вида карты, они использовались в качестве иллюстрации-вставки, для оформления форзацев, в виде карты-вклейки и в виде отдельного вложенного листа — вкладки. Каждый выпуск «Глобуса» имел несколько цветных двухсторонних вкладок, а позднее, со второй половины 1960-х гг., — вклеек с изображением карт. С 1957 г. указывался их художник, а с 1960 г. также составитель карт.

Карты-вклейки

В первых трех номерах ежегодника карты на вклейках являлись единственными цветными иллюстрациями. В оформлении карт использовалась профессиональная картографическая синтактика (правила построения картографических знаковых систем и работы с ними, их структурные свойства). Хотя карты-вклейки создавались к конкретному очерку, их визуальная обособленность от текста осталась неизменной вплоть до последних номеров «Глобуса».

В первом трех томах были размещены карты под редакцией географа и картографа Павла Петровича Померанцева (1899–1979), общая научная редакция — почетного академика Ю. М. Шокальского. Картографические работы в издании за 1938 г. были произведены бригадой граверов-картографов под руководством П. И. Топорикова, перечислялись авторы карт, место и техника их репродуцирования. В справочном разделе 1938 г. была вклеена в разворот «Карта Союза С. С. Р.» с тремя сгибами, показывающая границы республик и областей в соответствии со Сталинской конституцией 1936 г.

Центральной картой 1949 г. стала большая карта-вклейка в четыре разворота. В ней средствами инфографики рассказывалось о важнейших стройках третьей пятилетки, а также о фабриках, заводах, производстве, лесозаводах, комбинатах, отдельно был указан Московский метрополитен как достижение десятилетия.

В 1957 г. картографический метод изображения (плоскостность, соответствие выбранным масштабам и указание масштаба, стремление передать точность отображения объектов) сохранялся, но карты сделали красочными, ввели объемные объекты-знаки («Карта советских полярных дрейфующих станций», «Целинные земли», худ. Е. Войшвилло и С. Барабошина). Авторами цветных карт на вклейках с 1957 г. стали художники Евгений Валерианович Войшвилло (1907–1993), Юрий Вячеславович Смольников (1926–1989), Борис Петрович Свешников (1927–1998), Б. Г. Крейцер и др.

В начале 1960-х гг. произошла смена визуального языка. Местоположение объектов в виде географических координат и топологии (пространственных взаимоотношений между смежными и близлежащими объектами) не учитывались, то есть координата или пиктограмма географической точки указывалась без учета реального нахождения объекта в географическом пространстве. Художники отказались от картографических условных обозначений (легенд),

необходимых при передаче точной и повторяющейся информации. Свойства карт упростились. Геопространственные данные (информация, привязанная к конкретному месту) не использовались. По периметру карта дополнялась изображениями — натуралистическими рисунками местности. Художник Б. Г. Крейцер в картах-вклейках прибегал к цветовым контрастам и насыщенной штриховке для структурирования информации и расстановки акцентов (см. «Материки и страны» (1961)). Для карты-вклейки «Река Амазонка» (к статье А. Муратова «Амазонка — величайшая река мира», составитель А. Муратов, 1961) художник Юрий Николаевич Киселев (1910–1976) использовал силуэт карты местности. На него он поместил изображение жителей страны в национальных костюмах, характерные примеры флоры и фауны, современные транспортные средства.

Изменение семиотического языка карт-вклеек хорошо заметно в решении легенд. Идеограммы (абстрактные геометрические знаки, информация о координате указывалась отдельно) повсеместно заменялись пиктограммами (наглядный знак, специфика его изображения уже указывает на характеристику географической координаты). В 1961 г. на карте-вклейке «Основные стройки семилетки» (художник Е. В. Войшвилло) сооружения показаны панорамной застройкой, на «Карте-схеме размещения основных сельскохозяйственных культур в СССР» (художник Ю. В. Смольников) даны изображения культур (подсолнух, сахарная свекла, кукуруза и т. д.) с голубой обводкой и производимые из них продукты.

В выпуске 1962 г. были помещены только односторонние и двухсторонние карты-вклейки. Наиболее интересная из них — карта «Страны Латинской Америки» — была нарисована известным художником Б. М. Калаушиным (составитель А. Д. Дридзо), работавшим преимущественно с художественной литературой. На ней было больше инфографики, чем обычно. На фоне охристого силуэта части американского материка художник разместил многочисленные изображения флагов стран-государств, фигуры людей в национальных костюмах, занимающихся традиционной работой конкретного региона. Калаушин поместил легенду с условными изображениями, но принцип коллажа оставил основным. Эта карта не была прикреплена к какой-то конкретной статье, она была дополнительной вклейкой в разделе «По всему свету», посвященному в этом томе странам Латинской Америки.

С 1960-х гг. карты все чаще становились формообразующим элементом сюжетной композиции. Карта теряла свои изобрази-

тельные свойства, например: «Конго — река рабства и свободы» (художник Е. Войшвилло (1967)), «Схематическая карта Казахской ССР» (художник Т. Слущкая (1978)), «Социалистическая республика Вьетнам» (художник Е. Гриценко (1979)) и др. В этот период почти каждая карта в оглавлении обозначалась как «схематичная карта». На первый план вышла знаковая система изображения информации, строго не привязанная к графической системе карты, использовались приёмы инфографики и коллажный принцип организации композиции разворота книги.

С каждым годом карта-вклейка с изображением усложнялась в деталях. Она становилась самостоятельным элементом ежегодника, а не только дополнением очерка. Характерными примерами являются работы художника Е. В. Войшвилло (например, «Камбоджа» (1971) и «Советская Арктика» (1980)). В целом, издания 1970-х гг. отличаются большим количеством цветных вклеек в каждом номере, состоящих из иллюстраций, фотографий и иллюстрированных карт.

В 1980-е гг. карты продолжали размещать на цветных вклейках, но намного реже. Вокруг них группировали большое количество фотографий, и карта становилась лишь фоном, а не основным средством передачи информации (например, карты к очерку А. Кондратова «„Кругосветка“ Ильича» (художник О. Кондратьев (1980)), к очерку И. Труфанова «Страна тысячи долин» (художник А. Дризин (1980)). Художники изображали только силуэт карты, или она являлась фоном для постраничной иллюстрации (авторские рисунки А. Муранова «Кругосветное плавание Эль-Кано» к статье «Первый кругосветный мореплаватель» (1987)).

Карты-вкладыши

В ежегодник «Глобус» включали также карты-вкладыши. Одна из первых таких карт — «Охота на зверя в СССР» в виде большой цветной карты СССР (71x52 см), составленной писателем В. В. Бианки и нарисованной художником И. И. Ризничем, — была размещена в выпуске 1940 г. Перенасыщенная в деталях и количестве цветов карта состояла из изображений животных, характерных для региона, а также технических атрибутов — самолета и рыболовецких кораблей. В двух иконках показана ловля китов и морских котиков.

Карты-вкладыши использовались в качестве заданий для читающих ежегодник «Карта-загадка „Знаешь ли ты архитектуру

мира?«» (1961). Карта центральной Европы была дополнением к изображению самых известных архитектурных сооружений континента.

Выпуск 1962 г. содержал обширное приложение из сложенных в несколько раз отдельных карт, соединенных бумажной лентой. Они напечатаны на плотном картоне и выполнены несколькими художниками в разных графических манерах и композиционных решениях. К статье «Люди нашей планеты» прилагалась «Схематическая карта расселения народов до европейской колонизации (XVI век)» (составитель И. И. Гохман, художник Ю. В. Смольников). Подпись к карте — «Показаны наиболее характерные представители трех больших рас» — иллюстрирует колониальную политику европейских стран и США. Она дополнена цветными изображениями парусных кораблей американского флота, обитателей местных морей, птиц, силуэтами традиционных построек, известными архитектурными памятниками, портретами представителей разных национальностей.

Еще одна карта-вкладыш 1962 г. представляла собой схематический рисунок наиболее крупных заповедников СССР (статья «По нашим заповедникам»; составлена по материалам Л. К. Шапошникова, художник Ю. В. Смольников). Карта с порядковыми номерами, обозначающими географические точки, дана отдельно от живописных зарисовок с характерной флорой и фауной каждого из упомянутых заповедников. Все изображения отделены друг от друга серыми полосами, созданными в акварельной технике «по мокрому». Схематичным и образным решением выделяется карта-вкладыш, изображающая Крым (1963), художник — Виктор Михайлович Свешников (1907–1993). На карте обозначены крупные населенные пункты с небольшими подробными цветными рисунками главных исторических достопримечательностей, зерноуборочной техники в степной части полуострова и оборудования по добыче нефти. Особенности природного ландшафта обозначены силуэтами гор. Сложная изобразительная система дополнена небольшими многокрасочными натуралистичными рисунками, не схожими с общей стилистикой карты. Водная часть дополнена изображением обитателей моря и различными транспортными средствами и изображением самолёта.

Работы разных художников над картами-вкладышами не способствовали созданию единого облика издания. Они, как и карты на отдельных листах, существенным образом отличались своей стилистикой, красочностью от изображений в текстовом блоке.

Карты как иллюстрации

В первом номере «Глобуса» в книжный блок было включено большое количество карт и картографических чертежей. Тематика статей выделяла карту как инструмент для изучения географии: «Удивительные очертания», разделы «Географические задачи» и «Справочный отдел» сопровождаются небольшими объясняющими рисунками-врезками.

В выпуске 1940 г. в статье о легендарной экспедиции папанинцев «Широта 90 градусов!» на каждой странице представлены иллюстрации. На черно-белой иллюстрации «Героический дрейф» показан путь от Мурманска к Северному полюсу красным цветом. Им же символически обозначены корабли и самолеты. Карта украшена виньеткой с портретами членов экспедиции и подписана: «С честью выполнила отважная группа героев-папанинцев сталинское задание. Мировая наука обогащена исследованиями величайшей ценности. Четверо Депутатов Верховного Совета СССР показаны всему миру, на что способны советские люди. Папанинцы открыли новую страницу в изучении и покорении Арктики» [Глобус 1938, 148]. Кроме того, дана схематическая карта перелета Москва — Северный полюс. Раздел об экспедициях продолжается картами: «Карта предполагаемой Земли Санникова» (статья «Земля Санникова»), «Карта Антарктики с обозначением обследованных областей разных экспедиций и перелетом Элсуорта» (статья «Перелет Элсуорта через Антарктику»).

В первых выпусках иллюстрации-карты включались в текстовый блок с целью демонстрации успехов советского общества в строительстве, расширении границ и формировании новой географии страны. Большие линейные рисунки карт с гербом советских республик помещены перед каждым разделом большой статьи «На просторах Родины» (1949). В послевоенных номерах карт все меньше. На их месте преимущественно размещались фотографии и авторские рисунки.

Смена типа иллюстративного материала в «Глобусе» также связана с изменениями в методике преподавания географии в школе. Г. Орлова отмечает, что в 1930–1950-е гг. «за картой признавалось исключительное право на полноту и истинность репрезентаций географических знаний, она рассматривалась как квинтэссенция географической специфики и оставалась фундаментом географического образования» [Орлова 2006, 99]. Активное развитие туризма и краеведения привело к потере монополии карт в географическом

образовании. В 1965 г. впервые карты в книжном блоке отсутствовали и полностью исчезли к 1970-м гг. В последних выпусках «Глобуса» карты помещены в качестве заставки к статье «Одиссею на зависть» (художник М. Дроздова, 1989) или иллюстрации-врезки (В. Коломинов «Путешествие гардемарина Римского-Корсакова», художник А. Кабанин и Н. Комиссаров, 1990).

Заключение

За годы издания внешний вид «Глобуса» претерпел значительные изменения. Они были связаны со сменой художников-оформителей, особенностями полиграфии и стилистическими поисками времени. В ежегоднике карта вплоть до середины 1970-х гг. оставалась основным элементом визуальной коммуникации, который трансформировался: от сугубо политических и географических карт, носящих справочное назначение, к картам-иллюстрациям («схематичные карты»), на которых очертание местности являлось только фоном для создания художественного образа интересующей территории. Причиной этого перехода стали смена картографической синтактики от сложных для юного читателя научных знаков к пиктограммам, сохраняющих первичную символику изображаемого объекта; желание авторов ежегодника адаптировать материалы к возрасту читателя; включение обобщенных и стилизованных изображений поверх очерченной территории и др.

Для первых выпусков «Глобуса» характерно сходство с реальной картой и элементами определения пространства: координатами, профессиональной картографической синтактикой, идеограммами и т. д. Начиная с 1960-х гг. произошел последовательный отказ в пользу покадрового конструирования пространства через авторский рисунок и фотографию, которая полностью заменила собой карту с ее условными знаками и проекциями. Можно предположить, что выявленные процессы свидетельствуют об изменении в понимании географии как школьного предмета для детей, переставшего восприниматься только как идеологический инструмент. И в то же время эволюция художественного оформления «Глобуса» отразила ключевые этапы развития научно-популярной книги в стране в 1930–1980-е гг.

Примечания

- ¹ Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена.
- ² Главный редактор послевоенных номеров Г. П. Гроденский утверждал, что нерегулярность выхода номеров связана с отсутствием отдельной редакции, большим объемом работы, отсутствием кадров [Стенограмма совещания 1950, 4].
- ³ В 1938–1949 и 1960–1973 гг. — Географический ежегодник для детей. Для среднего и старшего возраста; 1957 — Географический ежегодник для детей. Для старшего возраста; 1974–1982 — Географический ежегодник для детей. Для среднего и старшего возраста; 1983–1985, 1987–1988, 1990 — Географический научно-художественный сборник для среднего и старшего возраста; 1986 — Географический научно-художественный сборник; 1989 — Географический научно-популярный сборник для среднего и старшего школьного возраста.
- ⁴ На сегодняшний момент отечественные исследования научно-популярной литературы затрагивают отдельные стороны этого явления: классификация жанров [Баринаева 2009; Баринаева 2012; Баринаева 2012а] особенностей организации повествования [Казакова 2021; Казакова 2023], отдельные отраслевые виды и формы изданий [Кузьмин 2019]. В контексте массовой культуры и просвещения советского периода популяризация науки изучена на примере журнала «Техника — молодежи», «Наука и жизнь» [Вяльцева 2017; Силантьев 2020].
- ⁵ В издании 1972 г. оформитель не указан, но по стилю переплета мы отнесем его к работе Б. Г. Крейцера.
- ⁶ Возможно, Харкевич-Храповицкий Иван Иванович (1913–2007), график, иллюстратор, плакатист.

Литература

Источники

Глобус — Глобус: географический ежегодник для детей. 1938–1990: [для среднего и старшего возраста] / [общ. науч. ред. акад. Ю. М. Шокальского]. М.: Детиздат; Ленинград: Детиздат; Детская литература, 1938–1990.

Н. Б. 1938 — Библиография Н. Б. // География в школе. М.: Учпедгиз, 1938. С. 103–104.

Обзор экспериментальной работы 1973–1974 — Обзор экспериментальной работы с книгами ленинградских авторов, проведенный в школах и детских садах в 1973–1974 уч. г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-64 (Ленинградское отделение издательства «Детская литература»). Оп. 5–2. Д. 174. 01.01.1973–31.12.1974.

Протоколы и стенографические отчеты 1963 — Протоколы и стенографические отчеты заседаний Художественного совета за 1963 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-64. Ленинградское отделение издательства «Детская литература». Оп. 1–1. Д. 168. 06.02.1963–27.11.1963.

Стенограмма совещания 1950 — Стенограмма совещания при Главном редакторе издательства по обсуждению плана ежегодника «Глобус» на 1951 г.: [раздел описи 1950 г.] // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-64 (Ленинградское отделение издательства «Детская литература»). Оп. 4. Д. 13. 25.10.1950.

Стенограмма совещания 1954 — Стенограмма совещания об иллюстрировании научно-популярных и научно-художественных книг для детей // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-64 (Ленинградское отделение издательства «Детская литература»). Оп. 5–1. Д. 47. 12.03.1954.

Фрадкин 1949 — Фрадкин Н. Библиография // География в школе. М.: Учпедгиз, 1949. С. 70–71.

Исследования

Баринаева 2009 — Баринаева Е. Е. Жанр загадки в детской научно-популярной литературе // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 4. С. 43–47.

Баринаева 2012 — Баринаева Е. Е. Жанр научно-популярной литературы: историография и новые концепции исследования // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. № 2(102). С. 46–52.

Баринаева 2012a — Баринаева Е. Е. Научно-популярная литература в классификации жанров (теоретический и исторический аспекты) // Сибирский филологический журнал. 2012. № 3. С. 120–128.

Водопьян 2019 — Водопьян В. Г. Визуальные коммуникации как дискурс антропогенной среды // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2. С. 13–18.

Вяльцева 2017 — Вяльцева Д. Н. Журнал «Наука и жизнь» в 1960–1970-е гг.: историко-типологический анализ // История отечественных СМИ. 2017. № 2(4). С. 77–85.

Казакова 2021 — Казакова Е. О. Новая научно-популярная книга 1920-х гг.: о чем и как? // Детские чтения. 2021. № 2(20). С. 281–307. DOI: 10.31860/2304-5817-2021-2-20-281-307.

Казакова 2023 — Казакова Е. О. Герой — просветитель и меняющиеся модели передачи знания в советской детской нонфикшен-литературе 1920-х годов // Детские чтения. 2023. № 2(24). С. 408–427. DOI: 10.31860/2304-5817-2023-2-24-408-427.

Кузьмин 2019 — Кузьмин В. Л. Детские художественные и научно-популярные произведения: опыт популяризации географических знаний // Комплексные исследования детства. 2019. Т. 1, № 3. С. 246–254. DOI: 10.33910/2687-0223-2019-1-3-246-254.

Орлова 2006 — Орлова Г. А. Картографический поворот: школьная география и визуальная политика в эпоху больших утопий // Вопросы образования. 2006. № 3. С. 81–102.

Силантьев 2020 — Силантьев И. В. Научно-популярная тематика советского журнала «Техника-молодежи» в идеологическом аспекте // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 441–448.

References

Barinova 2009 — Barinova, E. E. (2009). Zhanr zagadki v detskoj nauchno-populjarnoj literature [The riddle genre in children's popular science literature]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 4, 43–47.

Barinova 2012 — Barinova, E. E. (2012). Zhanr nauchno-populjarnoj literatury: istoriografija i novye koncepcii issledovanija [The genre of popular science literature: historiography and new research concepts]. *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 2: Gumanitarnye nauki*, 2(102), 46–52.

Barinova 2012a — Barinova, E. E. (2012). Nauchno-populjarnaja literatura v klassifikacii zhanrov (teoreticheskij i istoricheskij aspekty) [Barinova E. E. Popular science literature in the classification of genres (theoretical and historical aspects)]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*, 3, 120–128.

Kazakova 2021 — Kazakova, E. O. (2021). Novaja nauchno-populjarnaja kniga 1920-h gg.: o chem i kak? [A new popular science book of the 1920s: about what and how?]. *Detskie chtenia*, 2(20), 281–307. DOI: 10.31860/2304-5817-2021-2-20-281-307.

Kazakova 2023 — Kazakova, E. O. (2023). Geroi — prosvetitel' i menjajushiesja modeli peredachi znaniya v sovetskoj detskoj nonfikshen literature 1920-h godov [The enlightening hero and changing models of knowledge transfer in Soviet children's nonfiction literature of the 1920s]. *Detskie chtenia*, 2(24), 408–427. DOI: 10.31860/2304-5817-2023-2-24-408-427.

Kuz'min 2019 — Kuz'min, V. L. (2019). Detskie hudozhestvennye i nauchno-populjarnye proizvedenija: opyt populjarizacii geograficheskikh znaniy [Children's Fiction and Popular Science Works: Experience of Popularizing Geographical Knowledge]. *Kompleksnye issledovanija detstva*, 1–3, 246–254. DOI: 10.33910/2687-0223-2019-1-3-246-254.

Orlova 2006 — Orlova, G. A. (2006). Kartograficheskij povорот: shkol'naja geografija i vizual'naja politika v jepohu bol'shih utopij [Cartographic turn: school geography and visual policy in the era of great utopias]. *Voprosy obrazovanija*, 3, 81–102.

Silant'ev 2020 — Silant'ev, I. V. (2020). Nauchno-populjarnaja tematika sovet-skogo zhurnala “Tekhnika–molodezhi” v ideologicheskom aspekte [Popular science topics of the Soviet magazine “Tekhnika–molodezhi” in the ideological aspect]. *Kritika i semiotika*, 2, 441–448.

Vodop'jan 2019 — Vodop'jan, V. G. (2019). Vizual'nye kommunikacii kak diskurs antropogennoj sredy [Visual communications as a discourse of the anthropogenic environment]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2, 13–18.

Vjal'ceva 2017 — Vjal'ceva, D. N. (2017). Zhurnal “Nauka i zhizn” v 1960-1970-e gg.: istoriko–tipologicheskij analiz [Magazine “Science and Life” in the 1960–1970s: historical and typological analysis]. *Istorija otechestvennyh SMI*, 2(4), 77–85.

Elena Korvackaya

The Herzen State Pedagogical University of Russia;

ORCID: 0000-0003-2502-8643

GEOGRAPHICAL MAPS IN THE YEARBOOK 'GLOBUS'
(1930–1980S)

This study analyzes the geographic yearbook for children and teenagers, "Globus", published by "Detgiz" ("Children's Literature") from 1938 to 1990. "Globus" represented a unique phenomenon in Soviet publishing as an illustrated serial popular science book for adolescents and youth. For the first time, a brief analysis of the artistic design of the yearbook is provided. The visual appearance of "Globus" reflects key stages in the development of illustrated popular science books in the Soviet Union from the 1930s to the 1980s, alongside shifts in cultural eras and artistic directions. This includes the general trend towards simplifying information, adapting materials to specific age groups, replacing cartographic syntax with pictograms that maintain the primary symbolism of the depicted object, and incorporating generalized and stylized images over mapped territories. In the yearbook, the main tool of visual communication was the geographic map. It was used not only as a standalone graphic sheet to convey information about the spatial organization of the world but also as a symbol for conveying the cultural identity of the country and showcasing societal achievements such as territorial expansion, economic, and agricultural advancements. Additionally, it served as a formal element in the composition of artistic illustrations. Over six decades, the maps in "Globus", which originally conveyed spatial information about the studied territory, evolved into map-illustrations with a complete artistic image. There was a gradual shift from maps to a frame-by-frame perception of reality through author's drawings and photographs.

Keywords: "Globus", publishing house, Children's Literature, popular science publication, maps, children's maps, yearbook, Detgiz, children's literature

Ирина Савкина

ХОРОШЕЕ МЕСТО ДЛЯ ЖИЗНИ: ОБЫДЕННЫЕ И НЕ СОВСЕМ ОБЫЧНЫЕ ПРОСТРАНСТВА В ПРОЗЕ Н. НОСОВА 1940–1950-Х ГОДОВ

В статье рассматриваются рассказы и повести советского детского писателя Николая Носова (1908–1976), написанные в основном в 1940–1950-е гг. Главным фокусом исследовательского интереса являются изображенные в этих текстах обыденные пространства: такие как школа, дом, двор, дача, пионерский лагерь, которые в рамках подходов «культурной географии» понимаются не только как места действия, конкретные материальный объекты, но и как объекты идеологические, символически нагруженные. Предпринятый в статье анализ ключевых, знаковых мест прозы Носова 1940–1950-х гг. приводит к выводу, что в его книгах происходит процесс нормализации представления о советской школе и советском детстве. Мир, в котором живут герои Носова, изображен как нормальное, желаемое, «правильное» пространство жизни *здесь и сейчас*, без постоянной оглядки на революционную перестройку в прошлом или желания скорее переселиться в утопию грядущего. Можно утверждать, что Н. Носов внес свой вклад в создание иллюзорного и идеологически маркированного образа советской школы (двора, пионерлагеря) и советской страны как лучшего места для жизни — по крайней мере детской.

Ключевые слова: детская литература, школьная повесть, приключение, культурная география, реально-воображаемые пространства, топос, советская школа, советское детство, Н. Н. Носов

О Н. Н. Носове и задачах данной статьи

Николай Николаевич Носов (1908–1976) — один из любимых писателей моего детства. Витю Малеева, Толю Клюквина, «затейника» Мишку и, конечно, Незнайку со всеми его пятнадцатью друзьями с улицы Колокольчиков я, как и большинство моих собратьев и «сосестер» по советскому детству, знала, можно сказать, в лицо. Любопытно, что такие же признания в Интернете можно услышать и от читателей, чье детство пришлось на постсоветские годы, и даже от современных детей.

Носов начал писать веселые рассказы для детей еще до войны, а в 1945, 1946, 1947 гг. один за другим вышли сборники его произведений для школьников¹. За повесть «Витя Малеев в школе и дома» (1951) писатель получил в 1952 г. Сталинскую премию третьей степени. В 1954 г. Носов закончил работу над первой частью своей знаменитой трилогии про приключения Незнайки его друзей. (Вторая часть трилогии «Незнайка в солнечном городе» написана в 1958 г., третья — «Незнайка на Луне» в 1964–1965 гг.).

В сборнике критических статей и рецензий на тексты Носова, вышедшем в 1985 г. [Миримский 1985], авторы один за другим повторяют, что главными достоинствами его произведений являются знание детской психологии, простота, юмор и отсутствие угрюмой назидательности, учительского тона, особо подчеркивая, что все перечисленное было не слишком характерно для современной Носову детской литературы (особенно в первой половине 1950-х гг.). В центре внимания исследователей — анализ героев носовских текстов, их характеров и взаимоотношений, а также приемов, создающих юмористический эффект.

В данной статье мне хочется посмотреть на тексты Носова конца 1930-х — начала 1950-х гг. под другим углом зрения — через призму анализа пространства, изображенного в этих непритязательных, на первый взгляд, историях о советских школьниках и сказочных малышах и малышках.

Цель статьи состоит не только и не столько в том, чтобы найти и перечислить топоры, встречающиеся в рассказах и повестях, — это сделать несложно: местом развития событий чаще всего является улица (не так уж существенно, называется ли она улицей Колокольчиков или Третьим Каширским переулком), дом, двор, школа/класс, дача. Но более важно, на мой взгляд, понять, что эти изображенные локации при всей их узнаваемости являются «реально-воображаемыми» местами, несущими символическую на-

грузку, идет ли речь о сказочном Цветочном городе или об обычной советской школе. Анализ пространства с использованием подходов культурной географии, на мой взгляд, поможет дать ответ на вопросы, где, как и для чего живут герои Носова и куда писатель хочет привести своих читателей — какой мир предлагается им как нормальный; как желаемое, «правильное» пространство жизни.

Пространство как объект научного анализа

За последние тридцать с лишним лет подходы к изучению пространства заметным образом изменились. Пространство перестало быть только географическим понятием, а стало интерпретироваться как культурно нагруженная категория, как носитель социальных и символических значений. В российской научной традиции к такому пониманию пространства уже ранее подходили Михаил Бахтин с его идеей хронотопа [Бахтин 1975] и Юрий Лотман, в чьих работах по культурной семиотике через анализ пространственных моделей обсуждалось конструирование/деконструирование непространственных иерархий [Лотман 1996].

В работах ученых начала XXI в. понимание пространства (и особенно изображенного пространства) как социального конструкта, в котором материальные параметры неотделимы от ментальных, стало «общим местом». Возникло научное направление «гуманитарной или культурной географии», в рамках которого ученые из разных дисциплин (философы, географы, урбанисты, культурологи) понимают пространство не только как конкретный материальный объект, но и как объект идеологический, символически нагруженный. Важным способом идеологического производства пространства является его репрезентация в искусстве: литературе, живописи, фотографии, кино и других видах медиа. Наше представление о реальных местах всегда имеет некий имагинальный компонент, опирающийся не только на наш собственный физический опыт, но и на «навязанные» нам культурные интерпретации. «Именно в этом смысле, — пишут Биргит Нойман и Ян Рупп, — мы должны понимать тезис Эдварда Соджи о реальных-и-воображаемых пространствах [Soja 1996, 11]. Эта концепция отсылает к динамичным, многоуровневым отношениям, которые существуют между физическими пространствами и вымышленной образностью культуры, то есть к совокупностям знаний норм и ценностей в том виде, в котором они проявляются в разных культурных средах» [Нойман, Рупп 2015, 34]².

В исследованиях детской литературы подобный подход используется не очень активно. Однако нельзя не назвать сборник «Maps and Mapping in Children's Literature. Landscapes, Seascapes and Cityscapes» («Карты и картографирование в детской литературе. Изображения/пейзажи земель, морей и стран»). Авторы вошедших в его состав статей пытаются исследовать феномены, возникающие на пересечении понятий *детство, литература и география/карта/картографирование*. Составители и редакторы сборника Нина Гога и Беттина Кюммерлинг-Майбауер замечают в предисловии, что новые методологические подходы «...можно перенести на исследование карт в детской литературе, касается ли это исторических изменений в изображении карт в детских книгах от эпохи Просвещения до наших дней, различий между разными типами карт, когнитивных способностей, необходимых ребенку-читателю для полного понимания смысла карт, многообразных функций карт в разных жанрах или тесной связи между картами, идеологией и властными отношениями» [Goga, Kümmerling-Meibauer 2017, 4]. Авторы статей сборника делают основной упор на исследование функций географических карт реальных, и — особенно — вымышленных, фантастических мест, в интересе к которым проявляется стремление ребенка познавать и создавать (с помощью фантазии) неизведанное, экзотическое. Однако в предисловии к сборнику составители пишут и о применимости к детской литературе подходов гуманитарной географии. Эта методология, как уже было отмечено, настаивает на том, что не только вымышленные, но и существующие в реальности пространства и места всегда в большой степени воображаемы — в том смысле, что их описание, их репрезентация как в художественной литературе, так и в свидетельствах обычных людей никогда не бывает «нейтральна»: это всегда некая сознательная или бессознательная идеологическая конструкция, возникающая в контексте важных, доминантных для автора дискурсов и символических значений. Большинство ученых анализирует с подобных позиций город и городское пространство: исследует то, как символические представления о городе влияют на реальное городское пространство и на его восприятие, и наоборот.

Но ведь то же самое мы можем сказать и о таком топосе, как школа. Что мы имеем в виду, когда употребляем, например, понятие «советская школа»? Насколько советская школа — это воображаемое пространство, вычитанное в книгах, увиденное в кино и пропетое в песнях, а насколько — реальное? В статье Евгения Добренко отмечается, что образ советской школы в литературе —

программная конструкция, имеющая мало общего с реальной школой [Добренко, 2013]. Это безусловно так. Однако откуда мы берем сведения о «реальной школе» прошлых лет? Если мы пытаемся сравнивать литературный образ школы с реальной школой, опираясь на свидетельства очевидцев — воспоминания или дневники (в том числе собственные), то со всей очевидностью обнаруживаем, что описания школы, сделанные в школьные годы или позже, во-первых, чрезвычайно различны, а во-вторых, — что еще важнее — в высшей степени не свободны от влияния тех идеологических конструктов, которые «запрограммированы» в литературе³, и в тех случаях, когда авторы эготекстов их одобряют, и тогда, когда полемизируют с ними. Вера Лебедева-Каплан, одна из участниц обсуждения статьи «Школьный вальс» известного британского культуролога Катрионы Келли, отмечает, например, что критический пафос воспоминаний респондентов Келли о своем школьном опыте времен оттепели во многом определяется тем, что они соотносят его «с тем образом школы, который сформировался в исследуемый период литературой, театром и особенно кинематографией» [Лебедева-Каплан 2006, 38].

Таким образом, исходя из обозначенных выше представлений о пространстве и способах его репрезентации, мы можем с уверенностью предположить, что анализ пространственных образов в литературных текстах позволяет не только понять, *где* происходит действие, но и ответить на вопрос — какие идеи, концепции, представления о норме транслируются через изображение таких «говорящих» мест. В детской литературе, одна из целей которой — передать юному читателю представления о норме и аномалии, своем/чужом, прекрасном/чудовищном и т. п., изображенное пространство не может быть идеологически нейтральным «по определению».

Школьная повесть 1930–1950-х годов

Исследователь советской школьной повести времен «зрелого» сталинизма Евгений Добренко отмечает, что задачу создать детскую повесть, рассказывающую советским детям о современной «моральной, здоровой и веселой» школе озвучил в своем выступлении на первом совещании, посвященном детской литературе, состоявшемся в ЦК ВЛКСМ в 1936 г. С. Я. Маршак, предложивший и термин «школьная повесть» [Добренко 2013, 193–194].

В отличие от таких исследователей, как Светлана Бурдина и Ольга Шумилова, которые считают, что советские школьные повести 1930-х гг. рассказывали в основном про беспризорников и их социализацию, расцвет школьной повести пришелся на 1960–1980-е гг., а 1950-е гг. были своего рода лакуной в развитии жанра [Бурдина, Шумилова 2016], Е. Добренко убедительно показывает, что именно в 1940–1950-е гг. произошло и изобретение жанра советской школьной повести, и его шаблонизация в текстах М. Полежаевой, И. Карнауховой, А. Алексина, В. Осеевой, Ф. Вигдоровой, А. Мусатова, Н. Носова и др. Главной задачей книг о «буднях школы» по Добренко было приобщение ребенка «к коллективному духу: через это чтение ребенок оказывается в сети знаков и значений, из которой нет выхода. В них он легко обнаруживается, идентифицируется и в конечном счете контролируется и нормализуется» [Добренко 2013, 195]. Деформализуя дисциплинарный институт — школу, изображая учебу как радость и удовольствие, школьная повесть таким образом камуфлирует, «упаковывает» насилие, делая его невидимым, — к такому выводу приходит Добренко. «Занятая постоянным „утеплением“ и обустройством повседневности, она настойчиво описывала несуществующий уют, в котором якобы живут взрослые и дети» [Добренко 2013, 202]. Главным инструментом воздействия послевоенной школьной повести на читателя, по мысли исследователя, была стиливая патетика, а неповторимую атмосферу жанра составляла смесь эпоса и быта [Добренко 2013, 203].

Мария Майофис в статье «Как надо читать „Витю Малеева в школе и дома“», рассматривая повесть Носова в идеологическом контексте своего времени, показывает, что автор, создавая текст, прямо выполнял политический и социальный заказ. Главной проблемой советской школы конца 1940-х — начала 1950-х гг. была катастрофическая неуспеваемость, так как очень многие школьники не справлялись со школьной программой. «Чтобы исправить эту ситуацию, в феврале 1949 года Министерство просвещения РСФСР и Отдел школ ЦК ВКП(б) сформулировали вполне четкий заказ советским детским писателям: создать произведения в жанре школьной повести, в которых были бы изображены случаи успешного преодоления этих проблем» [Майофис 2017]. Майофис показывает, как в своей повести Носов пытается следовать инструкциям Министерства просвещения, изображая способы борьбы за успеваемость и методы превращения двоечника в отличника с помощью самодисциплины и принципа коллективной ответственности.

Социальный, политический и жанровый контекст, в котором существуют тексты Носова, к анализу которых мы теперь собираемся обратиться, несомненно, очень важен. Но, выбрав для пристального рассмотрения лишь одного писателя и сосредоточившись только на одном аспекте его произведений, а именно на репрезентации пространства, мы будем стремиться продемонстрировать и то, что сближает Носова с авторами-современниками, и то, что выделяет избранного автора в ряду других и делает его тексты не только показательным для своего времени феноменом, но и любимыми книгами нескольких поколений детей.

В школе и дома

В повести Носова «Витя Малеев в школе и дома» (1951), как и в любом произведении, относящемся к жанру школьной повести, школа и класс — естественное и непереносимое место действия. В названии повести есть, казалось бы, некое противопоставление школы и дома, но в самом тексте эти два топоса отнюдь не контрастны. Уже на самой первой странице школа сравнивается с домом, где тебя ждут, где тебе всегда рады, куда хочется и нужно возвращаться:

Я был рад, что снова увижу свой пионерский отряд, всех ребят-пионеров из нашего класса и нашего вожатого Володю, который работал с нами в прошлом году. Мне казалось, будто я путешественник, который когда-то давно уехал в далекое путешествие, а теперь *возвращается обратно домой* (курсив мой — И. С.) и вот-вот скоро уже увидит родные берега и знакомые лица родных и друзей. <...> Еще издали я увидел над входом в школу большой красный плакат. Он был увит со всех сторон гирляндами из цветов, а на нем было написано большими белыми буквами: «Добро пожаловать!» Я вспомнил, что такой же плакат висел в этот день здесь и в прошлом году, и в позапрошлом, и в тот день, когда я совсем еще маленьким пришел первый раз в школу. <...> Все это вспомнилось мне, и какая-то радость встрепенулась у меня в груди, будто случилось что-то хорошее-хорошее! Ноги мои сами собой зашагали быстрее, и я еле удержался, чтоб не пуститься бегом [Носов 2006, 4–5]⁴.

Школа — пространство понятное, родное и желанное. Где-то существуют другие города — такие, например, как далекая Москва, где навсегда «исчезает» переживший туда Витин друг. Где-то есть Крым и море, о котором, как ни силится, не может ничего внятно рассказать одноклассник Глеб Скамейкин, повторяя только, что

море большое и воды в нем много: «Вот как много воды, ребята! Одним словом, одна вода!» [7]. Но вся эта экзотика — для взрослых, таких как вожатый Володя, путешествовавший летом с товарищами на резиновой лодке. Освоение чужих пространств, о которых только начинают рассказывать на уроках нового для Вити предмета — географии, — это мечта и дело далекого будущего, весьма еще гипотетического: «А вдруг, когда я вырасту (курсив мой — И. С.) и сделаюсь знаменитым путешественником или летчиком (я уже давно решил стать знаменитым летчиком или путешественником), вдруг тогда кто-нибудь увидит эту старую газету и скажет: „Братцы, да ведь он в школе получал двойки!“» [45].

Но *здесь и сейчас* герои пребывают в своем, безопасном, комфортабельном, несмотря на небольшие конфликты вокруг стенгазеты и успеваемости, школьном пространстве. Школа светла, чиста, неизменна, в ней тебя ждут братья-одноклассники и «вторые родители»: мягкая понимающая учительница и строгий, но справедливый директор. Школа — это место творчества и отдыха. Она вмещает в себя и двор, пространство игры и развлечений. Футбольное поле, где ребята проводят все вечера, находится позади школы, фактически примыкая к ней, а баскетбольная площадка оборудована в школьном зале.

Подобное изображение школы весьма характерно для текстов того времени. Как пишет Инна Сергиенко: «Школа в предвоенной и послевоенной прозе для детей — это светлый и радостный мир, своего рода Дом, в силу своей государственной природы, может быть, даже более значимый, чем дом родительский. Школа описывается в теплых, мажорных тонах: лучи солнца, освещающие класс, ветки деревьев, стучащиеся в школьные окна (золотые — осенью, покрытые первой листвой — весной), трель звонка, шум перемены, капель за окном. Устойчивые эпитеты „светлый“ и „просторный“, характеризующие школьные помещения, становятся неизменными атрибутами и своеобразными клише школьной прозы и создают вполне определенный образ» [Сергиенко 2005, 60].

Однако если сравнить описание школы в произведении Носова с повестями Марии Полежаевой «С тобой товарищи» (1949) или с трилогией Валентины Осеевой «Васек Трубачев и его товарищи» (1947–1951), то заметна и существенная разница. У Осеевой и еще в большей степени у Полежаевой школа — это место светлое и чистое, но строгое; перешагнув школьный порог, попадаешь в мир дисциплины и иерархии. Это место испытания на «правильность», место, где постоянно происходят собрания и разбирательства, борь-

ба за лидерство. У Носова же пространство школы прежде всего дружеское и безопасное.

Родительский дом изображен в повести Носова как пространство, можно сказать, менее уютное, чем школа. У Вити Малеева полная семья: отец, мать и сестренка, но все они дома трудятся. Мать и сестра шьют и штопают, а для отца дом — продолжение цеха: «Мой папа работает на сталелитейном заводе модельщиком. <...> Когда папа приходит с работы, он всегда сначала отдохнет немного, а потом садится за чертежи для своего прибора или читает книжки, чтоб узнать, как что нужно сделать, потому что это не такая простая вещь — самому придумывать шлифовальный прибор» [22].

Если школа — второй дом, то дом Вити Малеева — это своего рода вторая школа, точнее второе рабочее место для него и родителей: «Папа поужинал и засел за свои чертежи, а я засел делать уроки» [22].

Для друга Вити, Кости Шишкина, дом — гораздо менее привлекательное место, чем школа. «За лето нашу школу отремонтировали. Стены в классах заново побелили, и были они такие чистенькие, свежие, без единого пятнышка, просто любо посмотреть. Все было как новенькое. Приятно все-таки заниматься в таком классе! И светлей кажется, и привольней, и даже, как бы это сказать, на душе веселей» [25], — так описана школа.

Иначе описан деревянный старый домишко, где живут Шишкины: «Мы вошли в парадное, поднялись по скрипучей деревянной лестнице с щербатыми перилами, и Шишкин постучал в дверь, обитую черной клеенкой, из-под которой в некоторых местах виднелись клочья рыжего войлока» [30]. Отец Кости погиб на войне, мать и тетя почти все время на работе, и Шишкин дома одинок и предоставлен себе, проводит время в обществе белых мышей или подобранной им на улице собаки Лобзика. Нельзя сказать, что Костя или тем более Витя не любимы в семье, но все-таки лучше всего им живется в школе. Родители любят своих детей, но работа для них важнее: «Если бы я стал решать задачу сам, то мама увидела бы, что я до сих пор не сделал уроки, и стала бы упрекать меня, что я откладываю уроки на ночь, папа взялся бы объяснять мне задачу, а зачем мне отрывать его от работы! Пусть лучше чертит чертежи для своего шлифовального прибора или обдумывает, как лучше сделать какую-нибудь модель. Для него ведь все это очень важно» [35], — так размышляет Витя, с одной стороны, констатируя факт, а, с другой, находя в этом удобное оправдание собственной лени.

Когда Шишкин, боясь получить плохие оценки, перестает ходить в школу, он становится бродягой, который шатается по отдаленным, холодным, даже враждебным улицам (ему кажется, что все прохожие смотрят на него с подозрением) и заходит погреться в чужие незнакомые магазины. Вечером он возвращается к матери и тете, в свою квартиру, но без школы чувствует себя бездомным: «Все ребята как ребята: утром встанут — в школу идут, а я как бездомный шенок таскаюсь по всему городу, а в голове мысли разные» [146].

Школа изображается не только как место учебы, а именно как дом: светлый, теплый, где все стремятся поддержать друг друга. С этого родного порога ребенок уйдет только когда придет время повзрослеть. Но, как показано в повести, во взрослой жизни у героя повести (и ее читателя) будет другой «дом»: советская страна, государство, где у повзрослевшего человека больше возможностей и обязанностей, но воспроизводятся те же отношения, что в школе-доме: тебя окружают добрые и строгие учителя и верные друзья-помощники. Такой концепт государства-дома, который, конечно, перекликается со сталинским мифом о великой семье [см. Кларк 1992], возникает в главах повести, рассказывающих о праздновании годовщины Октябрьской революции, в которых день рождения государства описывается как семейный, домашний праздник, а Витя, выглянув из окна, видит мысленным взором всю страну, и описывается это воображаемое пространство практически теми же словами, которыми описана любимая школа:

Я проснулся рано-рано и сразу подбежал к окошку, чтобы взглянуть на улицу. Солнышко еще не взошло, но уже было совсем светло. Небо было чистое, голубое. На всех домах развевались красные флаги. На душе у меня стало радостно, будто снова наступила весна. Почему-то так светло, так замечательно на душе в этот праздник! Почему-то вспоминается все самое хорошее и приятное. Мечтаешь о чем-то чудесном, и хочется поскорей вырасти, стать сильным и смелым, совершать разные подвиги и геройства: пробираться сквозь глухую тайгу, карабкаться по неприступным скалам, мчаться на самолете по голубым небесам, опускаться под землю, добывать железо и уголь, строить каналы и орошать пустыни, сажать леса или работать на заводе и делать какие-нибудь новые замечательные машины [67–68].

Здесь географическое пространство (тайга, скалы, пустыни, леса) срастается с пространством социального действия: сквозь тайгу надо пробираться, на неприступные скалы восходить, пустыни оро-

шать, леса сажать, а также строить каналы и работать на заводе. Страна — это дом, это место, где светло, чисто и весело (как и в школе) и где «все принадлежит народу. Значит, мне тоже принадлежит все, потому что я тоже народ» [69]. Страна принадлежит тебе, но и ты принадлежишь стране.

Повесть о Вите Малееве — веселая, неназидательная, герои ее обаятельны и не похожи на образцовых мальчиков, но, анализируя пространство, мы можем увидеть, насколько оно нагружено идеологическими смыслами и создает образ советской школы и советской страны как единственно возможного нормального, *своего* пространства, не менее родного и необходимого, чем родительский дом.

Не в школе и не дома: пространства приключения

Кроме Виты Малеева и Кости Шишкина в творчестве Носова есть и другие ключевые герои. Несколько популярных (по крайней мере в свое время) рассказов посвящены жизни и приключениям озорника Мишки и его друга, от лица которого ведется повествование. Это «Мишкина каша» (1938), «Бенгальские огни» (1938), «Автомобиль» (1939), «Тук-тук-тук», (1944), «Огородники» (1945), «Наш каток» (1946), «Телефон» (1946), «Дружок» (1947). Действие большинства из них происходит не в школе и даже не дома, хотя тот и другой топос появляются в нескольких рассказах. Самые важные и интересные приключения случаются в деревне, на даче, в пионерском лагере, в поле и в лесу.

Замечательно нам с Мишкой жилось на даче! Вот где было раздолье! Делай что хочешь, иди куда хочешь. Можешь в лес за грибами ходить или за ягодами или купаться в реке, а не хочешь купаться — так лови рыбу, и никто тебе слова не скажет. Когда у мамы кончился отпуск и нужно было собираться обратно в город, мы даже загрустили с Мишкой. Тётя Наташа заметила, что мы оба ходим как в воду опущенные, и стала уговаривать маму, чтоб мы с Мишкой остались ещё пожить. Мама согласилась и договорилась с тётёй Наташей, чтоб она нас кормила и всякое такое, а сама уехала [Носов 2018, 13]⁵,

— так начинается рассказ «Дружок».

Там же, на дачном приволье, происходит действие рассказа «Мишкина каша». В ту же деревню Горелкино, где жили летом у тети Наташи, друзья отправляются 31 декабря за елкой в «Бенгальских огнях». Деревня или точнее «загород» в этих рассказах,

в отличие от школы и дома Вити Малеева, — пространство природное, незамкнутое, свободное, «раздольное», в прямом и переносном смысле «безграничное». В этих загородных пространствах взрослых практически нет, точнее они появляются лишь спорадически, чтобы уехать, как мама, или помочь и уйти, как тетя Наташа. Загородное приволье — это пространство приключения. Да и поезд, в котором начинаются приключения, едет не в экзотические «дальние страны», а в места вполне обычные и достижимые.

Здесь мы можем указать на существенное отличие названных рассказов Носова от тех произведений, которые Добренко в своей статье определяет термином «каникулярная повесть», считая ее поджанром повести школьной. Во всех этих книгах школьники так или иначе оказываются в сельской местности (едут на каникулы к бабушкам, тетям и дядям и т. д.), где они помогают взрослым и открывают «большой мир забот тружеников земли», приобщаясь к «настоящему труду». Е. Добренко называет повести С. Георгиевской «Бабушкино море» (1949), И. Дика «Огненный ручей» (1950), Н. Дубова «Огни на реке» (1952), в которых показано, как приобщение к реальной трудовой жизни изменяет наивные представления городских подростков [Добренко 2013, 211]. В перечисленных исследователем «каникулярных повестях», к которым можно присоединить еще и текст Анатолия Алексина «Тридцать один день» (1952), важно то, что в них школьники едут куда-то далеко: поездка на поезде или пароходе описывается как большое приключение, как путешествие в новое, неизведанное. С другой стороны, почти во всех названных выше текстах самостоятельность детей очень относительна: в пространствах каникулярных приключений дети подконтрольны — там всегда есть надзирающие взрослые: бабушки, родственники, вожатые, которые ограничивают и направляют самостоятельную энергию в нужное русло. У Носова же, как уже отмечалось, «каникулярные» пространства совсем не маркируются как экзотические, но зато тот факт, что существовать там приходится самостоятельно и практически бесконтрольно, делает их местом эксперимента и испытания. В этом смысле можно найти нечто общее в изображении «загорода» у Носова и функции дачного топоса в повести Аркадия Гайдара «Тимур и его команда» (1940), написанной примерно в то же в то же время, что и некоторые из носовских рассказов. Дачный поселок или деревня, где взрослые снимают дом на лето, для детей превращается в пространство воображаемое, пространство игры в жизнь без взрослых. Но стоит отметить, что у Носова, в отличие от Гайдара, в описании этого пространства

детской свободы и самостоятельности отсутствуют милитаристские оттенки.

Если посмотреть на события, описанные в вышеназванных рассказах Носова современным взглядом, то можно вполне обоснованно предположить, что происходящее с героями реально опасно и даже страшновато: младшие школьники остаются без надзора, рыбачат и купаются в реке, топят печь и самостоятельно варят еду, одни ездят на поездах, ночуют в пустом лагере без взрослых, ходят по ночам на огород или, как в наиболее «экстремальном» с этой точки зрения рассказе «Бенгальские огни», с разрешения родителей и лесничего, взяв топор, отправляются в зимний лес рубить новогоднюю елку и в какой-то момент понимают, что заблудились.

— Может, мы не в ту сторону идём — говорит Мишка. Пошли мы в другую сторону. Шли, шли — всё лес да лес! Тут и темнеть начало. Мы давай сворачивать то в одну сторону, то в другую. Запутались совсем.

— Вот видишь, — говорю, — что ты наделал!

— Что же я наделал? Я ведь не виноват, что так скоро наступил вечер.

— А сколько ты ёлку выбирал? А дома сколько возился? Вот придётся из-за тебя в лесу ночевать!

— Что ты! — испугался Мишка. — Ведь ребята сегодня придут. Надо искать дорогу.

Скоро стемнело совсем. На небе засверкала луна. Чёрные стволы деревьев стояли, как великаны, вокруг. За каждым деревом нам чудились волки. Мы остановились и боялись идти вперёд [46].

Далее ситуация только усугубляется, так как Мишка падает, подворачивает ногу, и другу-рассказчику приходится тащить его, посадив на срубленную елку. Но счастливо выбравшись из леса, друзья на поезде, полном сочувствующими им пассажирами, добираются до дома и успевают весело встретить Новый год в компании приятелей (при этом родители уходят встречать Новый год к соседям, опять оставляя детей одних).

Как мы видим, лес в этом рассказе изображается как довольно пугающее и неприветливое место, но ощущение ужаса не нагнетается — напротив, пространство, в котором происходят события, изображено не как смертельно опасный сказочный лес триллера, а скорее как пространство игры, приключения, испытания, в котором надо проявить находчивость и солидарность. Если ты оказался в незнакомом и пугающем месте, ищи дорогу, иди по ней вперед,

не бросая друга, и ты непременно придешь к свету, станции, где тебя ждет поезд, который привезет к уютному дому, — к такому выводу должны прийти читатели.

Но если лес все же изображается как немного пугающее пространство, из которого надо выбираться, то дача, деревня, пионерский лагерь — это места, соединяющие противоположные свойства: они одновременно свободные, отчасти чужие, взывающее к освоению, но одновременно и свои, «присвоенные», безопасные и надежные. Это можно видеть и в повести «Дневник Коли Синицына» (1950), которая из всех «летних» текстов Носова более всего соотносится с жанром «каникулярной повести» — в ней автор дневника Коля вместе с пионерами своего звена по предложению звеньевского решают летом не гулять и отдыхать, а заниматься общепольным трудом — разведением пчел. Но все же и в этой повести каникулярное пространство детства индивидуализировано, а приобщение к общепольному и коллективному труду изображается как увлекательное дело, а не обучение тому, как становиться правильно работающей деталью государственной машины. И как всегда у Носова, даже этот текст (исключая заключительный эпизод с чтением письма сельских школьников) лишен патетики.

Таким образом, анализируя пространство повестей Носова, где действие происходит «загородом», можно вслед за Добренко говорить о той тенденции «утепления» (в том числе и с помощью юмора) изображения действительности, которая помогает «упаковывать» и нормализовывать, делать невидимыми те принципы насилия и принуждения, которые пронизывают советское общество. Однако, с другой стороны, можно увидеть в этих повестях Носова и попытку создать такое реально-воображаемое пространство, которое стало бы моделью нормального, человеческого, нетравматического детства, где опасных, полностью враждебных и абсолютно чужих пространств нет и быть не может.

Последнее мы видим и в рассказе о Толе Клюквине, приключения которого происходят не «загородом», а в городе. Начало повествования не предвещает никаких сюрпризов. Толя находится в пространстве, хорошо организованном, абсолютно освоенном и безопасном — об этом свидетельствует очень точная и конкретная топография. «Ученик четвертого класса школы № 36 Толя Клюквин вышел из дома № 10 на Демьяновской улице и, свернув в Третий Каширский переулок, зашагал к своему приятелю Славе Огонькову, который жил на Ломоносовской улице в доме № 14» [Носов 2022, 5]⁶.

Перешедшая дорогу кошка заставляет Толю свернуть с протоптанного маршрута, а упав с велосипеда и ударившись головой об стенку мусорного ящика, Толя обнаруживает себя в незнакомом дворе:

Здесь было гораздо красивее, чем там, откуда явился Толя. Посреди двора возвышалась огромная круглая клумба с цветущими астрами, георгинами и яркими, как огоньки, настурциями. Недалеко от клумбы была куча песка, обнесенная с четырех сторон голубым деревянным заборчиком. Какие-то красивые тихие дети сидели вокруг кучи и лепили из песка пирожки. Они были в ярких, цветастых платьицах и костюмчиках. Издали их тоже можно было принять за цветы. По обеим сторонам песочной кучи были разбиты газоны с аккуратно подстриженной зеленой травкой. Вдоль газонов стояли удобные лавочки, на которых сидели мамы детей. Они мирно беседовали между собой, читали книжки и следили, чтоб детишки хорошо вели себя и не запорошили друг другу песочком глаза. Позади лавочек была волейбольная площадка с протянутой поперек нее веревочной сеткой. Несколько мальчиков и девочек постарше играли в волейбол.

Двор был большой, широкий, окруженный со всех четырех сторон стенами домов с балконами. На многих балконах пестрели цветы, высаженные в длинных деревянных ящиках. Толя невольно остановился и залюбовался открывшейся перед ним картиной. Все это было удивительно: и цветы, и газоны с травой, и дети, и большой кожаный мяч, плавно взлетающий над волейбольной сеткой [13–14].

В этом на первый взгляд непритязательном и очень реалистическом рассказе исподволь появляются сказочные элементы: серая кошка, сбивающая с пути, мусорный ящик, из которого, как из чудесного шкафа в «Хрониках Нарнии» К. С. Льюиса, попадаешь в какой-то другой мир, кажется, только похожий на обычный городской двор. В этом реально-сказочном пространстве с Толей начинают происходить приключения: злая старуха с коричневой бородавкой и черной сумкой, «разъяренная фурия» [27], как называет ее прохожий, грозит оторвать мальчику голову и тащит в «преисподнюю» домоуправления («в комнате дым стоял столбом» [16]). Потом Толя еще раз оказывается в ситуации между жизнью и смертью, чуть не попав под машину, но тут появляется женщина в белом (врач скорой помощи) и увозит в спасительный «рай» больницы, где доктор «весь белый: в чистом белом халате, в белом колпаке на голове, с белыми седыми бровями» [30], а медсестру зовут *Серафима* Андреевна. Отвечая на вопросы последней, Толя,

сам не понимая почему, называется Славой Огоньковым — в этом приключенческом полусказочном пространстве он выбирает себе другое имя, как бы становясь другим.

Но сказочный сюжет только очень осторожно, тонко просвечивает сквозь реальную историю. Заколдовывая обычные пространства жизни советского школьника, почти незаметно «отстраняя» их, Носов в то же время постоянно их и расколдовывает, показывая, что полусказочный мир, в который заносит Толя Клюквина, — это в то же время безопасный и понятный *наш*, привычный мир, где всему найдется рациональное объяснение и где в конце концов возобладает долг, который «велит мне идти домой обедать, потому что мама уж давно ждет меня и, наверное, волнуется» [43].

Если в «Приключениях Толи Клюквина» реальность побеждает сказку, то в знаменитой трилогии о Незнайке и его друзьях читателю сразу сообщают, что действие происходит «в одном сказочном городе». Пространство приволья, где можно жить без взрослого контроля, здесь полностью легитимизировано. Из полусказочного двора, обсаженного цветами, куда попадает Толя Клюквин, исчезают мирно беседующие между собой мамы детей, а сами дети превращаются в коротышек, живущих в мире, где нет времени, по крайней мере нет времени взросления — дети всегда остаются детьми, хотя и осваивают взрослые профессии. Как пишет культуролог Марина Загидуллина: «Это страна вечных детей, которые никогда не вырастут из своего (примерно) восьми-девятилетнего возраста. Жизнь в этой стране налажена раз и навсегда. Проблемы, возникающие перед героями, разрешаются с помощью освоения пространства, но не времени. Категория времени в стране носовских героев вообще отсутствует: колокольчики на улице Колокольчиков никогда не вянут, огурцы на берегах Огурцовой реки не знают зимы» [Загидуллина 2008, 206].

Время в «Приключениях Незнайки» вытеснено пространством — чтоб хоть как-то измениться и хотя бы ментально повзрослеть, надо улететь на воздушном шаре «в далекие края». Впрочем, не так уж и далеки эти края, если Знайка перед началом путешествия обещает через неделю вернуться обратно. В чужом Зеленом городе, куда малыши попадают после катастрофы с воздушным шаром и где живут одни малышки, то есть в «другом», не своем месте Незнайка, как и Толя Клюквин, пытается быть *другим*, выдавая себя за Знайку. Марина Загидуллина, анализируя трилогию о Незнайке, находит спрятанный в ее первой части сюжет «Ревизора», пронизательно считая, что ситуация самозванства тесно связана с дис-

курсом путешествия: «Универсальный сюжет романа-путешествия может быть вкратце описан так. Герой, покинувший „ойкумену“ привычного существования, где ему были назначены готовые культурные статусы, выразившие степень его реализации в разных сферах, попадает в „чужое“ пространство, лишенное знания об этих статусах. Таким образом, путешественник неожиданно для себя самого оказывается демиургом своей собственной судьбы, характера, положения» [Загидуллина 2008, 207]. Но, как и в рассказе о Толе, все кончается разоблачением и счастливым возвращением в свой мир, в уютный Цветочный город в последней главе, которая так и названа «Возвращение»: «много дней Знайка и его товарищи пробирались по полям и лесам и наконец вернулись в родные края. Они остановились на холме, а впереди был виден Цветочный город во всей своей красе» [Носов 2019, 220]. Путешествие из Цветочного города в Зеленый и обратно нужно для того, чтобы, пройдя испытания и искушения, вернуться в пространство, где ты свой и можешь быть самим собой, пытаясь одновременно (как Незнайка) становиться лучше.

Марина Загидуллина в указанной статье обращает внимание еще и на то, что и Цветочный, и Зеленый город, и мальчиковый город Змеевка в первой части приключений Незнайки изображены как своего рода одноуровневые периферийные пространства — они отличаются в деталях, но лишены какой-то иерархии. Передвижение из одного в другой — это движение «по горизонтали» (даже если летишь на воздушном шаре!). Во второй части «Незнайка в Солнечном городе», как замечает Загидуллина, отношения между Цветочным и Солнечным городом напоминают отношения «провинция – столица» [см. Загидуллина 2008, 215–217]. Но одновременно или даже еще в большей степени Солнечный город может быть понят как воплощенная техническая утопия, город желаемого (и достижимого!) будущего, в то время как в третьей части — «Незнайка на Луне» — в определенном смысле изображено путешествие в пространство дистопии. В первой же повести трилогии о Незнайке, изображая сказочную страну малышей и малышей, Носов рисует нормальное, удобное пространство детской жизни — это, если можно так сказать, своего рода *бонтопия* — хорошее и вполне себе представимое место для детской жизни, недаром экзотика Цветочного города вполне себе относительная: малыши и малышки живут не в далекой и невообразимой сказочной стране; их, кажется, можно обнаружить на цветочной клумбе или в дачном огороде у бабушки, стоит только заглянуть под самый большой лопух.

Повести и рассказы Носова, о которых шла речь в этой статье, написаны в пору догматического соцреализма и, как и другие школьные повести того времени, не могут не наследовать соцреалистической традиции изображения нового советского человека, его «выделки» в процессе школьного воспитания. Но, как уже отмечалось Евгением Добренко, послевоенная школьная повесть, стремясь закамуфлировать дисциплинирующее насилие, заменяет перековку перевоспитанием, бесконфликтной перековкой, перековкой без насилия [Добренко 2013, 228]. Анализ пространства наглядно показывает существенное отличие произведений Носова от аналогичных текстов о школе и жизни школьников в 1920–1930-х гг., для которых был характерен именно пафос переделки, строительства новых мест, новых социальных практик и нового человека.

В знаменитых школьных повестях 1920-х гг. — таких, например, как «Республика ШКИД» Григория Белых и Алексея Пантелеева (1926) или «Педагогическая поэма» Семена Макаренко (1928, издана в 1935 г.) — бывшие беспризорники обретают новый дом на развалинах старого. Первые воспитанники школы имени Достоевского вселяются в облупившееся здание бывшего коммерческого училища: «Ветер и дождь попеременно лизали каменные стены опустевшего училища, выкрашенные в чахоточный серовато-желтый цвет. Холод проникал в здание и вместе с сыростью и плесенью расплзался по притихшим классам, оседая на партах каплями застывшей воды. Так и стоял посеревший дом со слезящимися окнами» [Белых, Пантелеев 1927, 5].

В этом старом здании возникает новая школа — школа-общежитие, где воспитанники и спят, и едят, и учатся, и творят вместе и в одном и том же месте. Комфорт этих пространств новой коллективности весьма относителен:

Клубов у шкидцев было два — верхняя и нижняя уборные. Но в верхней было лучше. Она была обширная, достаточно светлая и более или менее чистая. <...> В уборных всегда было оживленно и как-то по-семейному уютно. Клубился дым на отсвете угольной лампочки. Велись возбужденные разговоры, и было подозрительно тепло. На запах шкидцы не обращали внимания [Белых Пантелеев, 1927, 80].

«Семейный уют» уборных ШКИДы или казарменный порядок колонии Макаренко не очень похожи ни на дом, ни на обычную школу — это коллективное убежище для подростков, уже прошедших школу войны и школу жизни и устремляющихся в будущее.

Лозунг «Время, вперед!» не оставлял возможности уютно угнездиться в пространстве. Советская правозащитница Раиса Орлова, вспоминая о своей юности в 1930-е гг., писала в мемуарах:

Я была непоколебимо уверена: здесь, в этих старых стенах, лишь подготовка к жизни. А сама жизнь начнется в новом, сверкающем доме; там я буду по утрам делать зарядку, там будет идеальный порядок, там начнутся героические свершения. Большинство моих сверстников — в палатках ли, в землянках, в коммуналках или в хороших по тем понятиям отдельных квартирах — все равно жили начерно, временно, наспех. Скорее, скорее к великой цели, а там все начнется по-настоящему [Орлова 1993, 36–38].

Заключение

В рассказах и повестях Носова, написанных в 1940–1950-е гг., мало подобного пафоса революционной перестройки и устремленности к героическим свершениям. Его персонажи, конечно, иногда мечтают о будущем, но живут в настоящем: их места обитания — не временки общежитий. Места, где живут и действуют герои Носова, — это нормальные, не травматические пространства. Коллективность не экстремальна, не требуется спать в одной комнате и ходить строем, чтоб чувствовать себя в школе как в коллективе друзей, в большой семье. Реальность дружелюбна, она дает место и самостоятельности, и приключению, но одновременно предлагает для жизни *свое*, защищенное пространство. Не надо бежать в дальние страны, чтоб попробовать стать другим или собой лучшим, — этот опыт можно пережить, очутившись в соседнем дворе. Советская школа, советская улица, советский город — места, где жить можно хорошо, весело, творчески и дружно.

Здесь, мне кажется, важно вспомнить, что тексты, о которых идет речь, обращены были к читателям — детям и подросткам, которые родились до войны и пережили ее. Можно с уверенностью сказать, что обстоятельства их раннего детства были далеко не безоблачными, и чтение написанных с мягким юмором текстов, где не идеальные, но симпатичные, благополучные ребята живут в нормальных и защищенных пространствах, имело, вероятно, своего рода терапевтический эффект.

Анализ ключевых, знаковых мест прозы Носова 1940–1950-х гг. приводит к выводу, что в его книгах происходит процесс нормализации представления о советской школе и советском детстве. Детство — это не подготовка к жизни и подвигу, а интересное время

учебы, дружбы, забавных приключений и творчества, которое тоже вполне «одомашнено»: герои Носова дрессируют собаку, выводят цыплят в самодельном инкубаторе, играют в шахматы, разводят пчел, выращивают огурцы, играют в самодельном театре. Даже если в текстах появляется волшебное, то и оно в общем вполне себе обыкновенно.

В этом смысле более поздние, оттепельные и послеоттепельные повести и рассказы о школе, с одной стороны, продолжают традицию изображения мест советского детства (школа, двор, пионерский лагерь) как уютных, *своих*, с другой стороны, уходят от этой носовской «нормальности» к более сложным вариантам изображения школы. С одной стороны, школа изображается как пространство драматических конфликтов [см. Бурдина, Шумилова 2016, 130–131], с другой, — несколько романтизируется. Последняя тенденция, пожалуй, более заметна не в жанре школьной повести, а в жанре «школьной песни». В популярных песнях 1940–1950-х гг., таких как «Школьный вальс» (1950 г., автор слов М. Матусовский) или «Школьные годы» (1956 г., автор слов Е. Долматовский) школа изображается как место взросления — куда приходят ребяташками, а становятся пионерами, комсомольцами, а затем моряками и летчиками, патриотами Родины (недаром ключевыми в песнях являются слова *Родина, Красная площадь, красный галстук, комсомол*, и даже в развеселой «Школьной Польке» (1947 г., автор слов Л. Ошанин) появляются *огни Кремля*). В песнях же 1960–1970-х гг. — совсем иные метафоры, описывающие школу. В песенных текстах Константина Ибряева школа сравнивается с «кораблем, бегущим вдаль», школьная парта — со звездолетом на старте, в тихом шелесте страниц учебников слышится гул далеких новостроек. В песне «Камчатка» (1965, авторы слов С. Гребенников и Н. Добролюбов) все мальчишки с последней школьной парты-«камчатки» сразу же отправляются в дальнее плаванье. Эти песни были очень популярны и несомненно влияли на изображение школы в прозаических жанрах. Позже, в конце 1970-х–1980-е гг., как отмечает Инна Сергиенко, происходит (по крайней мере в литературе) возвращение к дореволюционному концепту школы-тюрьмы: «в описании начинает преобладать серый цвет („серое здание“, „серые классы“, „серые дни“), дополнением ему служат коричневый и черный — цвета школьной формы, за окном, как правило, льет дождь и качаются голые ветки» [Сергиенко 2005, 62].

Являются ли реально-воображаемые пространства советского детства в текстах Н. Носова 1940-х–1950-х гг. идеологически на-

груженными? Несомненно. Советская школа, двор, улица, да и вся советская страна, мягко говоря, далеко не всегда были такими уютными, родными и хорошо приспособленными для замечательной жизни местами. Изображая эти пространства как правильные и прекрасные, Носов безусловно внес свой вклад в создание иллюзорного и идеологически маркированного образа советской школы (двора, пионерлагеря) и советской страны как лучшего места для жизни — по крайней мере детской. Однако именно умение писателя показать, что такие обычные и «общие» места советского детства, как, например, школа, пионерлагерь или двор могут быть «присвоенными» детьми, могут стать пространством детства не коллективно-советского, но индивидуального, увлекательного и дружелюбного, как нам кажется, выделяет тексты Носова среди послевоенных школьных и каникулярных повестей и объясняет, почему они были (и в определенной степени остаются) популярными и любимыми.

Примечания

- ¹ Хотя часть рассказов написана в конце 1930-х — начале 1940-х гг., известность и популярность им принесла публикация в послевоенных сборниках. Интересно отметить, что примет времени, позволивших бы отличить тексты 1930-х гг. от написанных в военное время и позже, в произведениях найти невозможно.
- ² Краткий обзор новых представлений о пространстве в гуманитарных науках см.: [Розенхольм, Савкина, 2015].
- ³ Это демонстрирует, например, анализ автором данной статьи собственного дневника школьных лет [Савкина, 2009] или чтение дневников подростков оттепели, где многие записи посвящены описанию школьных будней, часто напоминающих сюжеты школьных повестей и киноповестей см.: [Савкина, Николаева, 2023].
- ⁴ Далее повесть цитируется по этому источнику с указанием страницы цитаты в квадратных скобках.
- ⁵ Далее тексты рассказов цитируются по этому источнику с указанием страницы в квадратных скобках.
- ⁶ Далее текст цитируется по этому источнику с указанием страницы цитаты в квадратных скобках.

Литература

Источники

Белых, Пантелеев 1927 — Белых Г., Пантелеев Л. Республика ШКИД. М.: Госиздат, 1927.

Носов 2006 — Носов Н. Витя Малеев в школе и дома. М.: Эксмо, 2006.

Носов 2018 — Носов Н. Веселая семейка: повесть и рассказы. М.: Эксмо, 2018.

Носов 2019 — Носов Н. Приключения Незнайки и его друзей. М.: Эксмо, 2019.

Носов 2022 — Носов Н. Приключения Толи Клюквина: рассказы. М.: Эксмо, 2022.

Исследования

Бахтин 1975 — Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.

Бурдина, Шумилова 2016 — Бурдина С. В., Шумилова О. А. Эволюция жанра школьной повести в русской литературе XX века // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 2 (34). С. 128–134. DOI: 10.17072/2037-6681-2016-2-128-134.

Загидуллина 2008 — Загидуллина М. Время колокольчиков, или «Ревизор» в «Незнайке» // Веселые человечки: культурные герои советского детства / сост. и ред. И. Кукулин, М. Липовецкий, М. Майофис. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 204–223.

Добренко 2013 — Добренко Е. А. «...Весь реальный детский мир» (школьная повесть и «наше счастливое детство») // «Убить Чарскую...»: Парадоксы советской литературы для детей 1920-е — 1930-е гг. / ред. М. Р. Балина, В. Ю. Вьюгин. СПб.: Алетей, 2013. С. 189–230.

Кларк 1992 — Кларк К. Сталинский миф о «великой семье» // Вопросы литературы. 1992. № 1. С. 72–96.

Лебедева-Капкан 2006 — Лебедева-Капкан В. Заметки о статье Катрионы Келли «Школьный вальс»: повседневная жизнь советской школы в после-сталинское время // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 34–39.

Лотман 1996 — Лотман Ю. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1996.

Майофис 2017 — Майофис М. Как читать «Витю Малеева в школе и дома» // *Arzamas*: журнал. 2017. <https://arzamas.academy/mag/436-nosov?ysclid=m0c81zpv8z873571087>.

Миримский 1985 — Жизнь и творчество Н. Носова / сост. С. Миримский. М.: Детская литература, 1985.

Нойман, Рупп 2015 — Нойман Б, Рупп Я. Формирование культурных топографий и динамика сериальности: дело Шерлока Холмса // *Топографии популярной культуры: Сб. статей / сост. и ред. А. Розенхольм, И. Савкина*. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 33–63.

Орлова 1993 — Орлова Р. Воспоминания о непрошедшем времени. М.: Ex libris, 1993.

Розенхольм, Савкина 2015 — Розенхольм А., Савкина И. Картографируя популярное // *Топографии популярной культуры / сост. и ред. А. Розенхольм, И. Савкина*. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 5–29.

Савкина 2009 — Савкина И. Дневник советской девушки (1968–1970): Приватное и идеологическое // *Cahiers du monde russe*. 2009. № 50/1. Janvier-mars. P. 153–167. DOI: 10.4000/monderusse.9158/.

Савкина, Николаева 2023 — «Хочется жить во всю силу...»: дневники подростков оттепели / сост. и ред. И. Савкина, С. Николаева. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2023.

Сергиенко 2005 — Сергиенко И. А. Школьный мир на страницах школьной повести 1920–1980-х годов // *Литературные явления и культурные контексты: материалы коллоквиума молодых ученых-гуманитариев Санкт-Петербурга и Даугавпилса / ред. М. Л. Лурье*. СПб.: СПбГУКИ, 2005. С. 59–67.

Goga, Kümmerling-Meibauer 2017 — Goga N., Kümmerling-Meibauer B. Introduction // *Maps and Mapping in Children's Literature: Landscapes, Seascapes and Cityscapes / eds. N. Goga, B. Kümmerling-Meibauer*. Amsterdam: John Benjamin, 2017. P. 1–14.

Soja 1996 — Soja E. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real and Imagined Places. Oxford: Blackwell, 1996.

References

Bakhtin 1975 — Bakhtin, M. (1975). *Formy vremeni i hronotopa v romane: ocherki po istoricheskoy pojetike* [Forms of Time and of the Chronotope in the Novel: Notes toward a Historical Poetics]. In Bakhtin M., *Voprosy pojetiki i jestetiki. Issledovanija raznyh let* [Questions of Literature and Aesthetics. Studies of different years] (pp. 234–407). Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Burdina, Shumilova 2016 — Burdina, S. V., Shumilova, O. A. (2016). *Jevoljucija zhanra shkol'noj povesti v ruskoj literature XX veka* [Evolution of the

genre of school stories in Russian literature of the 20th century]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubeznaja filologija*, 2(34), 128–134. DOI: 10.17072/2037-6681-2016-2-128-134.

Clark 1992 — Clark, K. (1992). Stalinskij mif o “velikoj sem’e” [The Stalinist Myth of the “Great Family”]. *Voprosy literatury*, 1, 72–96.

Dobrenko 2013 — Dobrenko, E. A. (2013). “...Ves’ real’nyj detskij mir” (shkol’naja povest’ i “nashe schastlivoe detstvo”) [“...The Whole Real Children’s World” (School Narrative and “Our Happy Childhood”)]. In M. R. Balina, V. Ju. V’jugin (Eds.), “Ubit’ Charskuju...”: Paradoksy sovetskoj literatury dlja detej 1920-e–1930-e gg. [“To Kill Charskaya...”: Paradoxes of Soviet Literature for Children 1920s–1930s] (pp. 189–230). Saint Petersburg: Aletejja.

Goga, Kümmerling-Meibauer 2017 — Goga, N., Kümmerling-Meibauer, B. (2017). Introduction. In N. Goga & B. Kümmerling-Meibauer (Eds.), *Maps and Mapping in Children’s Literature: Landscapes, Seascapes and Cityscapes* (pp. 1–14). Amsterdam: John Benjamins.

Lebedeva-Kaplan 2006 — Lebedeva-Kaplan, V. (2006). Zametki o stat’e Katriony Kelli “Shkol’nyj val’s”: povsednevnaja zhizn’ sovetskoj shkoly v poslestatinskoe vremja [Notes on Catriona Kelly’s article ‘School Waltz’: Everyday Life in a Soviet School in the Post-Stalin Era]. *Antropologicheskij forum*, 4, 34–39.

Lotman 1996 — Lotman, Ju. (1996). Vnutri mysljashhij mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istorija [Universe of the Mind. A Semiotic Theory of Culture]. Moscow: Jazyki russkoj kul’tury.

Majofis 2017 — Majofis M. Kak chitat’ “Vitju Maleeva v shkole i doma” [How to read ‘Vitya Maleev at school and at home’]. *Arzamas* (online edition), 2017.19.06. Retrieved from: <https://arzamas.academy/mag/436-nosov?ysclid=m0c81znv8z873571087>.

Mirinskij 1985 — Mirinskij, S. (Ed.). (1985). Zhizn’ i tvorcestvo Nikolaya Nosova [Life and works of Nikolaya Nosov]. Moscow: Detskaja literatura.

Neumann, Rupp 2015 — Neumann, B. & Rupp, J. (2015). Formirovanie kul’turnyh topografij i dinamika serial’nosti: Delo Sherloka Holmsa [The Cases of Sherlock Holmes and the Formation of Cultural Topographies]. In A. Rosenholm & I. Savkina (Eds.), *Topografii populjarnoj kul’tury* [Topographies of popular culture] (pp. 33–63). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Orlova 1993 — Orlova, R. (1993). Vospominanija o neproshedshej vremeni [Memoirs]. Moscow: Ex libris.

Rozenkhol’m, Savkina 2015 — Rozenkhol’m, A. & Savkina, I. (2015). Kartografirujaja populjarnoe [Mapping the popular]. In A. Rosenholm & I. Savkina (Eds.), *Topografii populjarnoj kul’tury* [Topographies of popular culture] (pp. 5–29). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Savkina 2009 — Savkina, I. (2009). Dnevnik sovetskoj devushki (1968–1970): privatnoe i ideologicheskoe [Diary of a Soviet girl (1968–1970): Private and

ideological]. *Cahiers du monde russe*, 50/1, janvier-mars, 153–167. DOI: 10.4000/monderusse.9158.

Savkina, Nikolaeva 2023 — Savkina, I. & Nikolaeva, S. (Eds.). (2023) “Hochetsja zhit’ vo vsju silu...”: dnevniki podrostkov ottepeli [“I want to live to the fullest...”: diaries of teenagers of the thaw]. Saint Petersburg: Evropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge.

Sergienko 2005 — Sergienko, I. A. (2005). Shkol’nyj mir na stranicah shkol’noj povesti 1920–1980-h godov [School world on the pages of the school story of 1920–1980s]. In M. L. Lur’e (Ed.), *Literaturnye javlenija i kul’turnye konteksty: materialy kollokviuma molodyh uchenyh-gumanitarijev Sankt-Peterburga i Daugavpilsa* [Literary phenomena and cultural contexts: materials of the colloquium of young scientists-humanitarians of St. Petersburg and Daugavpils] (pp. 59–67). Saint Petersburg: SPbGUKI.

Soja 1996 — Soja, E. (1996). *Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real and Imagined Places*. Oxford: Blackwell.

Zagidullina 2008 — Zagidullina, M. (2008). Vremja kolokol’chikov, ili “Revizor” v “Neznajke” [A time of little bells, or The Government Inspektor in Dunno’s Adventures]. In I. Kukulin, M. Lipoveckij, M. Majofis (Eds.), *Veselye chelovechki: kul’turnye geroi sovetskogo detstva* [Merry little Folks: cultural heroes of Soviet childhood] (pp. 204–223). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Irina Savkina

Independent researcher; ORCID: 0000-0003-1860-0963

A GOOD PLACE TO LIVE: ORDINARY AND NOT QUITE
ORDINARY SPACES IN NIKOLAI NOSOV'S PROSE OF THE
1940S–1950S

The article examines the short stories and novels of the Soviet children's writer Nikolai Nosov (1908–1976), primarily written in the 1940s–1950s. The main focus of the research interest is the everyday spaces depicted in these texts, such as the school, house, yard, dacha, and pioneer camp. In the framework of the method of “cultural geography”, these toposes are understood not only as concrete material objects but also as ideological and symbolic spaces. The analysis of key, iconic locations in Nosov's prose of the 1940s–1950s leads to the conclusion that his books normalise the representation of the Soviet school and Soviet childhood. The topoi of the world in which Nosov's characters live are portrayed as the normal, desirable, “correct” space of life here and now, without constant looking back at the revolutionary perestroika in the past or the desire to move to a utopian future. It can be argued that Nosov contributed to creating an illusory and ideologically laden image of the Soviet school (yard, pioneer camp) and the Soviet country as the best place for life — at least for children.

Keywords: Nikolai Nosov, children's literature, school story, adventure, cultural geography, real-and-imagined places, topos, Soviet school, Soviet childhood

Дина Шулятьева

**«РАСХОДЯЩИЕСЯ ТРОПКИ»
КАК ПРОСТРАНСТВЕННАЯ И
КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ
В ИНТЕРАКТИВНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ
ДЕТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ СЕРИИ КНИГ-ИГР
«ВЫБЕРИ СЕБЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ»)**

«Выбери себе приключение» (Choose your own adventure) — продолжающаяся серия детских книг-игр издательства Bantam Books. Стандарт серии был разработан Э. Паккардом в конце 1970-х гг., затем к созданию книг подключились десятки авторов (Р. А. Монтгомери, Т. Кольтиц и др.). Такие книги позволили читателям влиять на развитие сюжета, достраивать и завершать историю, «включаться» в нее на правах главного героя. Но специфично и взаимодействие читателя с нарративным пространством. Благодаря интерактивности повествования читатель оказывается сразу в двух пространственных измерениях и включается как в «приключения» героя, так и в «приключения» самого чтения, нелинейно продвигаясь по тексту, каждый раз выбирая «тропу», по которой хочет пройти. Читатель может возвращаться к уже прежде принятому решению — а значит, заново осваивать то пространство, которое казалось уже освоенным и пройденным. Организация пространства в серии позволяет управлять читательскими эмоциями: моделировать как саспенс (интерес к будущим событиям), так и метасаспенс (интерес к конструированию истории). Имеет значение и то, что интерактивные нарративы представлены в виде бумажной книги (а не в цифровой среде), потому иллюзия безграничного выбора сталкивается у читателя с большим осознанием ограниченности «приключений» чтения: количество вариантов сюжета всегда конечно (как ограничен и объем книги), тогда как пространства, предлагаемые историей, в воображении читателя поддаются достраиванию и освоению.

Ключевые слова: интерактивная литература, нарративные эмоции, моделирование пространства, метафизикальность, книги-игры, метасаспенс, саспенс, читательский опыт

Моделирование пространства — одна из ключевых проблем для детской литературы. Она представляется актуальной не только для классических повествований, но и для новых повествовательных форм, получающих распространение на рубеже XX и XXI вв. Среди них — интерактивные повествования, которые оказываются востребованными как в доцифровой, так и в цифровой литературе. Они предлагают иной способ коммуникации с читателем; иначе, чем это было в неинтерактивных нарративах, моделируют читательский опыт. При этом они опираются на некоторые из конвенций (например, жанровые), разработанных неинтерактивными нарративами, включаются в диалог с ними. Интерактивные повествования интересны тем, что предлагают совмещать нарративную логику с логикой игровой — тем самым мыслят читателя как «игрока», наделенного игровой агентностью и иными возможностями. Они потому и предлагают иначе осваивать те вымышленные пространства, которые создаются нарративами, и иначе, как следствие, задействуют читательское воображение.

Проблема пространства в таких нарративах может быть рассмотрена как с точки зрения репрезентации, так и в иной перспективе, предполагающей, что читатель сам моделирует и достраивает пространство повествовательного мира в процессе взаимодействия с рассказываемой ему историей. Ни один повествовательный мир — как показывают исследователи (например, Л. Долежел [Dolezel 1998]), — не может быть описан в тексте во всей его полноте, потому всегда предполагает соучастную читательскую активность. Она становится более очевидной в случае с интерактивными нарративами, в которых читателю предлагается участие в развитии событий, совершении непосредственного выбора, достраивании сюжета, но вместе с тем и участие в моделировании пространства в этом нарративном мире.

Неслучайно поэтому, как показывают нарратологи-энактивисты [Caracciolo, Kukkonen 2021, 24–26], для описания читательского опыта так часто задействуются пространственные метафоры: транспортиция (Р. Герриг), погружение (М.-Л. Райан), присутствие (Х. У. Гумбрехт) — все они указывают на пространственное измерение читательского опыта; все они подчеркивают значимость воображаемого моделирования и достраивания того пространства, в которое читателю благодаря повествованию предлагается погрузиться.

Интерактивные нарративы с этой точки зрения как будто бы противопоставляют себя традиционным: на эту их особенность ука-

зывает М.-Л. Райан, когда выделяет два (главных) способа взаимодействия с повествованием [Ryan 2015]. Первый — иммерсивный («текст как мир») — предлагает читателю иллюзию отсутствия опосредования, предлагает ему такое погружение в нарративный мир, при котором читатель не ощущал бы его границ, при котором все его внимание и переживание было бы обращено к тому вымышленному пространству, которое открывается в повествовании. Второй — интерактивный («текст как игра») — мыслит коммуникацию с читателем иначе. Он прочерчивает границы между диегетическим и недиегетическим миром, демонстрирует, как эти границы могут нарушаться, переключает внимание читателя с погружения в вымышленный мир на то, как это взаимодействие производится. Интерактивный способ коммуникации с читателем предполагает осознанное внимание сразу к двум пространствам: к диегетическому (вымышленному и воссозданному в повествовании) и к метадиегетическому (к тому, в котором находится сам читатель в процессе чтения), к взаимодействию этих двух пространств.

Два режима взаимодействия читателя с повествованием, рассмотренные Райан, могут комбинироваться, предлагая читателю возможность как погружаться в вымышленное пространство, так и сохранять игровую дистанцию по отношению к нему. Более значимыми в таком контексте оказываются механизмы, задействованные в первом и во втором случае, и способы сочетания этих двух режимов, в целом и составляющих опыт читателя.

Среди интерактивной доцифровой литературы для детей особое место занимает серия книг-игр «Выбери себе приключение» (далее ВСП) («Choose Your Own Adventure»). Задуманная Э. Паккардом и вдохновленная его дочерью¹, она выходила в свет с 1979 по 1998 гг. в издательстве Bantam Books, получила распространение среди читателей раньше, чем это сделали видеоигры, предвосхитила более позднюю популярность разветвленных нарративов в литературе и в кино (таких, как, например, фильм Т. Тыквера «Беги, Лола, беги» (1998) или роман П. Остера «4321» (2017)). Но и сама опиралась на литературные эксперименты 1950–1960-х гг. (Р. Кено, М. Сапорта, Б. С. Джонсон, Ж. Перек, И. Кальвино и др.), которые проводились эргодической, комбинаторной литературой, тоже активно включавшей читателя в процесс достраивания сюжета.

Серия книг ВСП объединила множество авторов (Э. Паккард, Р. А. Монтгомери, Р. Брайтфилд, Дж. Либолд, Д. Уилхелм и др.), она выходила несколько десятилетий, книги были переведены на десятки языков (по всему миру было продано более 250 мил-

лионов копий [Cook 2021, 420]): на русском языке в 1995–1998 гг. вышло 15 книг, в том числе Э. Паккарда — родоначальника этой серии.

Выход книг серии ВСП пришелся на время появления и распространения игр-приключений *Dungeons & Dragons*, также открывающих читателю возможность осваивать вымышленные пространства и влиять на сюжет. Появляются и текстовые компьютерные игры-приключения (*Colossal Cave Adventure*), и позднее — графические квесты. Все они предлагают читателю и погружение в вымышленную историю, и осмысление взаимодействия с ней — но организованы они по-разному. *Dungeons & Dragons* моделируют для читателя коллективный опыт игры (они предполагают коллективное обсуждение перемещения партии по пространству), тогда как текстовые компьютерные игры в большей степени рассчитаны на индивидуальное взаимодействие. ВСП предлагает оба режима взаимодействия (индивидуальный и коллективный), но даже если читатель остается с книгой один на один, его опыт вряд ли перестает быть коллективным: если иметь в виду, что чтение — чаще всего коллективный акт (даже и в имплицитной форме). Оно предполагает, что читатель делится своими размышлениями с другими, ориентируется на других при совершении того или иного выбора, опирается на чужой опыт и чужое восприятие.

Вслед оригинальной серии книг ВСП в последние десятилетия было выпущено несколько дополнительных серий. Концепция ВСП, разработанная Паккардом, использовалась при создании историй разных жанров (среди них — хоррор, детектив, любовные истории). Книги-игры получили распространение и в 1990-е гг., а позднее, уже в XXI в., получили цифровое воплощение. Книги-игры экранизируются, оказываются востребованы в иных медиа, вступая в соперничество с видеоиграми, тоже по своей природе интерактивными, но и уступая им.

Книги ВСП для детей представляют интерес с точки зрения интерактивности повествовательной формы, и в этом контексте они уже рассматривались исследователями [Ryan 2002; Ryan 2006; Angileri 1994; Cova, Garcia 2015; Nayot 2021; Wake 2020; Meifert-Menhard 2013]. Без исследовательского внимания пока остается пространственное измерение такого нарратива, значимое для этого эксперимента в детской литературе. ВСП особым образом проблематизирует и репрезентацию пространства, и соучастную роль читателя в моделировании этого пространства, которая ему предлагается интерактивной повествовательной формой.

В названиях первых книг оригинальной серии на первом плане оказывалось именно пространство: «Sugarcane Island» («Остров сахарного тростника»), «Cave of Time» («Пещера времени»), «Space and Beyond» («Космос и за его пределами»). Но пространство — не единственный возможный способ концептуализации приключения в названиях книг. Встречаются и иные: с акцентом на главном герое, с которым предлагается соотнести себя читателю, («Your Code Name Is Jonah» («Твой позывной — Джон»), в последующем издании измененное на «Spy Trap» («Шпионская ловушка»)) или с акцентом на сюжетной ситуации, в которой читатель окажется в процессе чтения («By Balloon to the Sahara» («Полет на воздушном шаре в Сахару»)), в последующем издании заменено на «Опасность в пустыне»). Возможно и сочетание разных маркеров: указание на пространство и на сюжетную ситуацию — «Journey under the Sea» («Путешествие на дно моря»). Названия книг могли меняться при переизданиях, иногда они связаны с местом действия, иногда — нет.

Мы сконцентрируемся на нескольких книгах из серии ВСП, в которых пространство заявлено уже в названии. «Пещера времени» и «Путешествие на дно моря» выходят в 1979 г., тогда как «Остров динозавров» или «Каньон разбойников» уже позже, в 1993 и 1992 гг. соответственно. Первые книги создаются Паккардом и Монтгомери и формируют стандарт всей серии, впоследствии воспроизводимый в более поздних книгах, в том числе в ее дополнительных «ответвлениях». Меняется среда, в которой читаются и «играются» эти книги, меняются их авторы, меняется и заочный диалог книг-игр с другими медиа (видеоиграми, кино). В этой статье, говоря о пространстве в книгах-играх и о взаимодействии с ним читателя, мы не будем подвергать анализу историческую изменчивость жанра книг-игр (и серии ВСП).

Как представлено пространство в этих детских книгах, какая роль отводится читателю в конструировании этого пространства, какой опыт открывается читателю в такой повествовательной форме?

Во-первых, нами будет рассмотрена специфика интерактивного повествования, обозначены его особенности, значимые для функционирования повествования в серии книг ВСП. Во-вторых, мы обратимся к особенностям взаимодействия читателя с пространственным измерением таких нарративов. Специфика такого взаимодействия может быть описана в том числе при помощи функционирования нарративных эмоций в повествовании: пространство

в интерактивных нарративах не только определенным образом репрезентировано, но и особым образом переживается, поэтому в следующей части работы мы проследим, какой эмоциональный отклик моделируется пространственным измерением нарративов в ВСП. Моделирование нарративных эмоций в этих книгах будет рассмотрено нами как с точки зрения иммерсивности (в ее определении Райан, упоминавшемся нами прежде), так и с точки зрения интерактивности, — все это позволит рассмотреть читательский опыт в его двойственности: с точки зрения того, как репрезентация пространства позволяет читателю иммерсивно включиться в происходящее и как интерактивность повествования требует от него внимания к иному измерению вымышленного мира — к процессу письма и самого чтения.

Интерактивная литература: проблематизация читательского опыта

Интерактивная литература, как отмечает исследовательница А. Элстерманн, прежде всего проблематизирует читательский опыт [Elstermann 2022, 131]. Читатель включается в диегетическое пространство рассказа: он сам начинает действовать как будто бы «внутри» него, он сам становится «героем» рассказываемой истории, он сам включен в происходящее иначе, чем это было в неинтерактивной литературе. На эту особенность интерактивной литературы указывает, например, исследовательница Ф. Мейферт-Менхард: она противопоставляет с этой точки зрения интерактивные и неинтерактивные формы, подчеркивая, что первые предполагают «активность» читателя, тогда как вторые (и более традиционные) — «пассивность» [Meifert-Menhard 2013, 117–118]. Но с этим положением можно поспорить.

Ведь предложение выбора читателю — не изобретение интерактивной литературы, скорее буквализация тех процессов, в которые читатель был включен и в литературе неинтерактивной. Традиционное повествование, как показывают исследователи-когнитивисты и представители рецептивной эстетики, всегда предполагало читательскую активность: чтение в таком случае понимается как интерсубъективное взаимодействие с повествованием, задействующее «опциональное мышление» читателя, предполагающее проигрывание (в воображении) альтернативных вариантов развития событий [Gerrig 1993]. В традиционном повествовании выбор совершает герой, но читатель соотносит себя и с ним, и

с тем выбором, который он делает, и с теми возможностями, которые альтернативно открыты самой возможностью такого выбора. Подобный процесс Р. Герригом описывается как «реплоттинг», он указывает на заинтересованность читателя не только в том, что непосредственно происходит с героем, но и в том, что с ним могло бы произойти, соверши он иной выбор, пойдя по иному пути. Стимулированию такой читательской активности в традиционных нарративах способствует и задействование нарративных лакун [Herman 2005, 193], а также различных способов указывать на альтернативные варианты развития событий (но не показывать их непосредственно). Тому служат, например, «встроенные нарративы» (по М.-Л. Райан) или «дизнаррация» (по Дж. Принсу) — и те, и другие открывают для читателя множество путей, по которым мог бы пройти герой, превращая повествование в соседство и общность множества возможных миров, среди которых лишь один станет актуализованным. Такое множество возможных миров имплицировано в традиционном нарративе, но становится эксплицитным в нарративе интерактивном: интерактивная литература теперь предлагает такой выбор читателю непосредственно, лишая его медиатора в виде героя.

В интерактивных нарративах читатель, таким образом, не превращается из «пассивного» в «активного», скорее его активность становится более непосредственной: сфера его соучастия переходит из пространства его воображения в пространство непосредственного взаимодействия с повествованием, в котором он может действовать, — подобно тому, как он действовал (но воображаемо) при взаимодействии с традиционным повествованием.

Попутно меняется и повествовательная структура таких нарративов (в их сравнении с традиционными). Теперь, как показывают представители исследовательской группы «Нарративы будущего» (К. Боде, Р. Дитрих, Ф. Мейферт-Менхард, С. Домш, К. Сингльс), такие истории включают в себя особые повествовательные элементы — «узловые точки», не получавшие прежде распространения в традиционных повествовательных формах [Bode 2013, 1–2]. Эти «узловые точки» фиксируют те моменты, когда читателю (теперь «вместо» героя) предлагается выбор — они открывают те возможности, которые прежде были имплицитны. Из «узловых точек» расходятся сюжетные линии, варьирующие представленные в повествовании события. Эти «узловые точки», если продолжать размышления исследователей, в интерактивных повествованиях, как правило, маркированы присутствием нарратора: именно он прого-

варивает те возможности, которые открываются перед читателем, он же указывает на необходимость выбора.

При этом сама повествовательная структура — благодаря такому «ветвлению» — меняется лишь отчасти. Совершая тот или иной выбор, читатель фактически делает его за героя или за нарратора — берет эту «заботу» на себя. Но в результате получается то же, что происходит и в традиционном повествовании: из множества возможностей отбирается лишь одна, лишь одна становится актуальной (свершившейся), тогда как все остальные отбрасываются. Отличие состоит для читателя в том, что сделанный выбор может быть изменен, сюжетная ситуация — переиграна, последствия от решения вроде бы «настигают» читателя, но все-таки не в полном объеме: он всегда может вернуться к развилке и превратить невыбранную дорогу (пользуясь метафорой Р. Фроста) — в выбранную, исправить ошибку, прежде совершенную. Такая повествовательная конструкция, с одной стороны, перекладывает ответственность за выбор на читателя, с другой — производит эффект «эмоциональной безопасности», в которой читателю кажется, что «возможно все» (можно выбрать разные пути — достаточно лишь вернуться) и переиграть можно тоже все, не испытывая всерьез эмоциональных последствий от произошедшего (и от сделанного выбора).

Но вместе с изменением повествовательной структуры в таких нарративах происходит и попытка переосмыслить само понятие повествования, которое теперь перестает быть только рассказом о событиях уже произошедших, о том, что уже завершено. Варианты развития событий, открытые для выбора читателем, имитируют незавершенность истории: они как будто бы отбирают у нарратора право знать о том, что в действительности произошло, и делегируют это право самому читателю. Читатель оказывается и тем, кто способен «простроить» и «завершить» историю героя, но и тем, кто в каждой «узловой точке» обращен к множественному и неопределенному будущему — и это переживание оказывается тоже значимым для читательского опыта, предлагаемого интерактивным повествованием.

Потому неудивительно, что интерактивная литература выбирает и особый режим повествования — не от первого и не от третьего лица, но от второго лица, задействуя режим «ты-повествования». Он сам по себе необычен, поскольку мало распространен в традиционной литературе — встречается скорее в экспериментальных формах, но оказывается куда более конвенциональным для интерактивной литературы, на что указывают, например, исследовате-

ли А. Белл, А. Энслин, М. Флудерник и др. [Bell, Ennslin 2011; Fludernik 1994]. «Ты-повествование» наделяется разными функциями: оно «подключает» читателя к повествовательному миру, ставит его в позицию героя, заставляет его балансировать между статусом нарратора и наррататора (того, к кому обращается нарратор). Оно способно производить эффект «императива» или «инструкции», тем самым ставя под сомнение ту агентность, которая, кажется, дарована читателю таким типом повествования.

Но только этими особенностями книги ВСП не ограничиваются: будучи ориентированы на детскую аудиторию, они предлагают читателю познакомиться с законами авантюрного жанра, проблематизируют разные пространства — как вымышленные в пределах диегетического мира, так и пространства самого письма и даже чтения.

Как задействованы эти особенности интерактивных повествований в выстраивании коммуникации между читателем и вымышленным пространством, предлагаемым ему в книгах-играх? Как меняется работа с пространством в интерактивной литературе — какой опыт теперь предлагается читателю, как организация пространства участвует в управлении эмоциями читателя?

«Приключения» героя и «приключения» чтения

Серия книг ВСП написана по формуле авантюрного жанра — на это указывает и название серии, и названия отдельных книг. Этот жанр предлагает герою (а вместе с ним и читателю) серию приключений, позволяющих освоить разнообразные и подчеркнута экзотические, неведомые, вымышленные пространства — они сменяются одно за другим от книги к книге, но и динамичны внутри каждой из них. Читатель открывает для себя дно моря, заброшенный замок, мир викингов и пещеру, обещающую ему путешествие во времени. Наряду с приключениями героя, эти книги предлагают читателю движение не только внутри вымышленного мира, но и за его пределами: читатель неизбежно движется по сюжету, но и по пространству самой книги, переключаясь от одной страницы к другой. Внимание к материальности книги в целом характерно для эргодической литературы, экспериментирующей с материальной «оболочкой» любого литературного повествования, перенаправляющей внимание читателя с погружения в вымышленные миры на то пространство (книги, листа), которое он тоже (в процессе чтения) попутно осваивает. Но ВСП превращает его

движение по книге в еще одно приключение — приключение чтения, которое тоже (как и вымышленные миры в нем) организовано с опорой на пространственный принцип. Таким принципом становятся «расходящиеся тропки», известные по формуле Х. Л. Борхеса из его новеллы «Сад расходящихся тропок» (1941).

Движение читателя по книге-игре подчеркнуто нелинейно: об этом заранее предупреждает и предисловие-инструкция, сообщающая читателю, что в традиционном режиме (страница за страницей) читать эту книгу ему не придется. Такое нелинейное движение по тексту позволяет читателю каждый раз осваивать его заново, попутно конструируя и новое «сцепление» вымышленных пространств — пересобирая их, перестраивая, делая их динамичными, нестабильными, постоянно обновляющимися.

Из инструкции к книгам читатель узнает, что за каждый сделанный выбор ему придется нести ответственность, что каждый выбор предполагает свое следствие и что вернуться (отменить принятое решение) он не сможет («Запомни — ты не можешь вернуться! Подумай хорошенько, прежде чем сделаешь ход» [Packard 1979, 1]). Но способы чтения, которые открываются в этих книгах, куда разнообразнее: они не ограничены только правилами (предложенными в инструкции) — читатель может их нарушить. И само устройство книги, и предложенный нарратив позволяют читателю варьировать не только сюжет, но и режимы взаимодействия с ним: благодаря графическому оформлению читатель может вернуться назад (на одну из предыдущих страниц), он же может отменить принятое решение и переиграть предложенную историю заново.

Размышление об ином способе взаимодействия с такими книгами мы находим уже в «Пещере времени»: оно предложено не в инструкции, но в основном тексте. В конце одного из вариантов истории описывается ситуация, в которой читатель («ты») оказывается перед экраном, на котором может быть показан почти любой из возможных фильмов, выбор огромен — более 10 000 вариантов. Читателю предложено стать главным героем и менять сюжет в соответствии с собственными желаниями. «Одна вещь беспокоит вас» — написано в конце этой сюжетной линии. «За последние 300 лет никто не снял ни одного нового фильма» [Packard 1979, 57]. Такое метаописание примечательно тем, что в нем говорится прежде всего не о читателе, но о зрителе — зрительство и чтение уравниваются и сравниваются одновременно. В таком случае взаимодействие с интерактивными историями превращается в процесс потребления, не производящий ничего нового, а комбинирование

событий, превращающее их в новую историю, не создает различия, являя читателю (зрителю?) лишь иллюзию выбора.

Предлагая типологию интерактивных нарративов, М.-Л. Райан относит книги-игры к типу «внешне-онтологической интерактивности» (external-ontological interactivity) [Ryan 2002, 599–600], подчеркивая, что читателю дана возможность контролировать сюжет, но читатель занимает по отношению к вымышленному миру внешнюю позицию. Другой тип интерактивности Райан называет «внешне-исследовательской»: он предполагает, что читатель совершает движение по тексту, но не в силах изменить и сюжет, и вымышленный мир. В ВСП мы наблюдаем совмещение этих двух типов, при котором читатель оказывается одновременно вовлечен и в движение по тексту (и в пространство, этим текстом созданное), и в движение по вымышленному миру, пространство которого теперь тоже становится подвижным.

За репрезентацию вымышленного пространства в таких историях тоже отвечает читатель: если оно подчеркнуто вымышлено (Атлантида, остров динозавров, поезд с вампирами), то есть не имеет конкретного соответствия в реальности, оно может быть (почти) любым, оно — с этой точки зрения — оказывается куда менее предсказуемым. Непредсказуемость только усиливается за счет возможности варьировать такое пространство при каждом новом игровом прохождении предложенной истории.

Каким же оказывается это движение по «расходящимся тропкам» в ВСП? Мы рассмотрим 7 книг, каждая из которых предлагает читателю путешествие в экзотическое, неведомое и окутанное тайной пространство — заброшенный замок («Тайна заброшенного замка», 1980), Атлантиду («Путешествие на дно моря», 1979), пещеру времени («Пещера времени», 1979), каньон («Каньон разбойников», 1992), остров динозавров («Остров динозавров», 1993), мир вампиров («В поезде с вампирами», 1984) и мир викингов («Викинги-завоеватели», 1992). Такие пространства далеки от реального опыта читателя, но специфичны нарративной эмоциональностью, которую ему предлагают: своей необычностью и таинственностью они порождают и любопытство читателя, и страх перед непредсказуемым (и неизведанным), и удивление.

Пространство в интерактивных книгах-играх

Пространству во всех рассматриваемых книгах серий уделено наибольшее внимание: в центре внимания каждой — узнаваемый

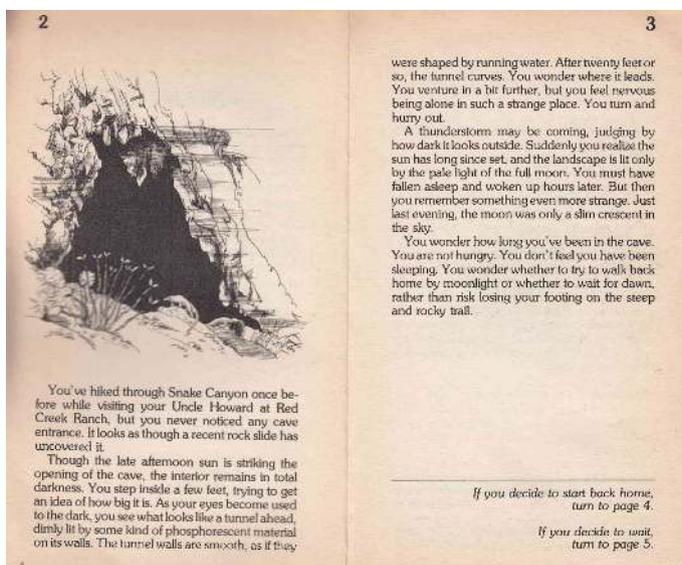

Рис. 1. Страница книги делится для читателя надвое: на основной текст рассказа и на развилки, предложенные читателю

топос, который читателю предлагается «достроить» самому. Его движение по книге напоминает движение по «расходящимся тропкам», но и путь внутри вымышленного мира только вторит этому принципу: нередко локации описываются с акцентом на деталях (как в «Пещере времени»: «Хозяева предоставляют вам прекрасную спальню с большими окнами, выходящими на парк с одной стороны. На другой стене — красивая картина с изображением морского побережья Калифорнии» [Packard 1979, 57]), но и с вниманием к тем развилкам, которые открываются уже внутри этого вымышленного пространства. Так происходит, например, в «Тайне заброшенного замка». Когда читатель совершает выбор и оказывается уже «внутри» замка, его встречает новая развилка, на которой выбор совершать он уже не может: «Справа — ступени, ведущие на второй этаж. Слева — двустворчатая дверь» [Packard 1980, 5]², «Наверху — маленькая квадратная комната с большими окнами, выходящими на все четыре стороны» [Packard 1980, 95] — читаем мы в книге-игре. То же происходит и в «Пещере времени»: «Постепенно ты различаешь очертания двух тоннелей. Один ведет вниз и направо, другой — вверх и налево. Тебе приходит в голову, что один может

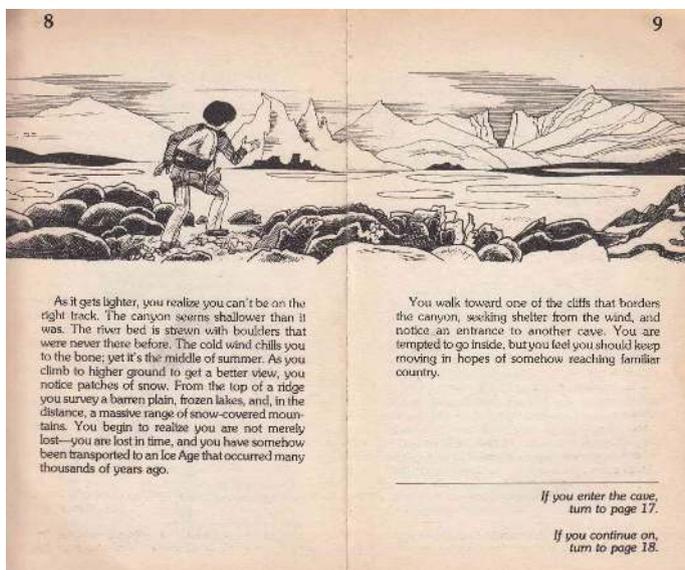

Рис. 2. Страница книги открывает читателю и основной текст, и иллюстрацию к нему

вести в прошлое, а второй — в будущее» [Packard 1979, 10]. Движение читателя по вымышленным мирам во многом напоминает освоение пространства, но оно же происходит и на уровне «приключений» чтения — в тот момент, когда он выбирает одну тропу, а не другую. Результатом этого выбора становится «пересборка» предлагаемого пространства: в одном случае (при одном порядке событий) «тайна» дома сокрыта в шкафу, в другом — в подвале, в третьем — в комнате и т. д.

В другой книге из этой серии — «Остров динозавров» — такой прием обнажается, когда в конце одного из сюжетных вариантов прежде уже знакомое читателю пространство превращается в иное: «Внезапно вершина горы взрывается прямо на твоих глазах! <...> За какие-то считанные минуты возрожденный мир далекого прошлого превращается в пустыню, где нет ничего живого» [Packard 1993, 15]. В этом эпизоде «превращение» пространства происходит внутри диегетического мира (без вмешательства читателя), тогда как в иных случаях (в таких книгах) — благодаря интерактивной нарративной форме — оно точно так же «превращается», но теперь уже посредством читательской активности.

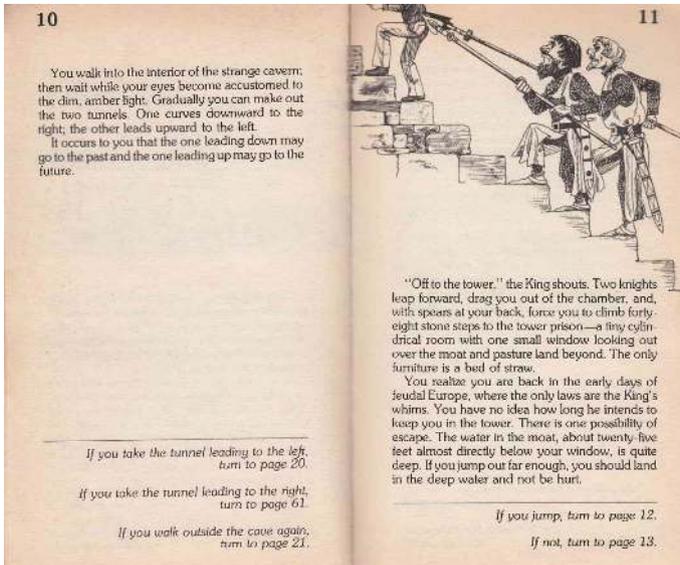

Рис. 3. Отдельные страницы включают в себя сразу и основной текст, и предложенные читателю развилки, и иллюстрации

Движение читателя по книге оказывается возможным благодаря инструкциям-указателям, расположенным на страницах. Эти указатели нельзя назвать однотипными, что неудивительно, ведь и весь мир таких книг-игр оказывается неоднородным, фрагментированным: делится на пространство героя и пространство нарратора, пространство истории и пространство текста (его графического оформления), пространство, в котором может совершаться выбор, и пространство, в котором он невозможен; делится, наконец, и на разные локации, в которых предложено оказаться читателю. Развилки, открывающиеся читателю, предлагают ему то двигаться вперед по тексту, то возвращаться назад («переходи на страницу 5»), при этом за таким движением чаще всего сокрыто и движение по нарративному миру: «если ты возвращаешься в пещеру времени, переходи на страницу 114», «если едешь назад в замок, переходи на страницу 22», «если ты возвращаешься на холм, чтобы попытаться найти дорогу в пещеру времени, переходи на страницу 84» [Packard 1979, 6, 6, 83]. Этим движением — освоением вымышленного пространства — не ограничивается то «предложение», которое открывается читателю благодаря развилкам. Нередко такое перемещение

связано с моральным выбором, и такая особенность развилок тоже влияет на эмоциональное взаимодействие читателя с историей.

Поэтому развилки, которые встречают читателя внутри вымышленного пространства, наделяются и еще одной функцией: они позволяют не только указывать на возможности, перед ним открывающиеся, но и управлять его эмоциями. Моделирование пространства в этих книгах-играх стимулирует интерес читателя к «будущим» событиям, при этом удерживает внимание на том, что с ним уже произошло, но все-таки еще может произойти иначе — благодаря интерактивной форме, предполагающей возможность «перепрохождения» истории заново.

Моделирование пространства в этих книгах связано с по крайней мере двумя нарративными эмоциями — саспенсом и любопытством (по М. Стернбергу) [Sternberg 2001, 117], но не исключает и иных (страх, стыд, вина и др.), на что указывает, например, исследователь Э. Кук («эмоциональное воздействие (charge) этих книг было связано не с традиционным развитием сюжета или с появлением персонажей, а скорее с желанием [читателя-игрока] сделать „мудрый выбор“ и пережить множество разных концовок») [Cook 2021, 420].

Саспенс и метасаспенс

Саспенс как нарративная эмоция в описании М. Стернберг и М.-Л. Райан моделируется за счет предложения читателю нескольких вариантов будущего, каждый из которых может реализоваться: но какой из них реализуется в будущем, до поры остается неизвестным. Это множественное и неопределенное будущее и позволяет моделировать саспенс в качестве эмоционального отклика читателя [Sternberg 2003, 327]. Подобное происходит и в ВСП на уровне репрезентации пространства. Так, в «Тайне заброшенного замка» нередки указания на то, что происходит «наверху», «в подвале», «за дверью» и т. д. — каждый раз там что-то случается, но доступа у героя к этому происходящему здесь и сейчас нет, поэтому такие указатели направляют его внимание к возможному — к тому, что может произойти совсем скоро.

Репрезентация пространства специфична и обилием деталей, которые никак не задействованы в конкретной истории: они, на первый взгляд, кажутся лишними, ненужными, «ружьями», которые не стреляют. Но они тоже подстегивают интерес читателя и усиливают эффект «расходящихся тропок», и моделируют саспенс.

Наряду с разными видами саспенса как нарративной эмоции («что-саспенс», «как-саспенс», «кто-саспенс») Райан выделяет и особый интерес уже не к приключениям героя, но к движению самого процесса письма и чтения. Такой тип нарративной эмоциональности Райан предлагает называть «метасаспенс» [Ryan 2001, 143–145]. Он задействуется и в ВСП, когда читатель оказывается вовлечен в историю героя, но и в историю нарратора, направляющего и ограничивающего его движение по вымышленному миру. У читателя поэтому создается интерес и к тому, как будет развиваться его собственный путь по тексту, интерес к метафикциональному измерению повествования. Метасаспенс только усиливается благодаря непредсказуемости событий, которые (в зависимости от выбранного читателем пути) наполняют одно и то же вымышленное пространство. Так происходит, например, в книге «Путешествие на дно моря», в которой нередко новая попытка освоить пространство сопровождается и неожиданными встречами с новыми персонажами (акулкой, гигантским кальмаром и пр.). Эмоциональная вовлеченность читателя сопровождается отдельным интересом к «приключениям» и письма, и чтения: он находится одновременно в двух пространствах, каждое из которых непредсказуемо с точки зрения развития события — на то указывает (в каждой из книг) и графический облик текста. Большинство страниц в таких книгах делится надвое: на основной текст и на дополнительный, который включает инструкцию для читателя от нарратора. При этом в книгах читателя ждут и отдельные страницы с иллюстрациями (как в «Пещере времени», например: [Packard 1979, 7]), подчеркивающие материальность книги, и страницы, совмещающие иллюстрации с основным текстом и с указаниями нарратора [Packard 1979, 9, 11], а иногда — основной текст дополняется и иллюстрациями, и словом «конец», прерывающим рассказываемую историю. Подобная «двойственность» пути читателя по вымышленным пространствам, представленным в ВСП, предлагает ему «двойное переживание», одно из которых связано с эмоциональным «подключением» к происходящему в вымышленном пространстве, второе — к пространству книги и движения по нему.

Любопытство и эмоциональная безопасность

Освоение и «пересборка» пространства в ВСП предполагает интерес у читателя к тому, что произойдет в будущем, и связано с саспенсом как нарративной эмоцией. Но интерактивная форма по-

вестования стимулирует его к переигрыванию, к многократному прохождению, казалось бы, одной и той же истории. Такое многократное прохождение, в свою очередь, предполагает интерес и к тому, что с читателем (в пределах рассказываемой истории) уже произошло. Потому ВСП задействует еще одну нарративную эмоцию, моделируемую пространством в повествовании: любопытство. Любопытство как нарративная эмоция теперь стимулирует интерес не к будущему, но к прошлому и предполагает ревизию уже произошедшего [Sternberg 2001, 117]. Так происходит и в неинтерактивных формах, но в интерактивных формах эта ревизия буквализируется: прежде уже освоенное читателем пространство поддается новому конструированию; эмоции, связанные с освоением уже иного, перестроенного пространства, тоже обновляются. Любопытство как нарративная эмоция в тексте моделируется и при помощи самих развилок (ведь один вариант всегда отброшен, но, будучи эксплицированным, вызывает читательский интерес), и при помощи напоминания (нарратором) о тех дорогах, которые остались невыбранными (например, в книге «В поезде с вампирами» встречаются вопросы в конце одной из линий, стимулирующие читателя вернуться к событиям, которые с ним (предполагаемо) уже произошли: «Ты точно знаешь, что был в этом замке. Но когда? И как ты туда попал?» [Koltz 1984, 30]³). Репрезентация пространства внутри диегетического мира тоже подстегивает такой интерес: элементы, включенные в «таинственные» локации, направляют воображение читателя не только к тому, что с ним может произойти в будущем, но и к тому, что могло произойти в прошлом, но не случилось. Так читатель оказывается на еще одной воображаемой «эмоциональной» развилке: он выбирает между эмоциональным интересом к «будущему» и тягой к «прошлому», которая стимулирует его вернуться назад — причем сделать это он может самыми разными способами. ВСП предполагает запрет на возвращение к предыдущей точке — пока история не закончена. Он эксплицирован в инструкции, которой открывается каждая книга. Но указание на этот запрет обозначает ту границу, которую читатель может перейти, — если не боится нарушить табу самой истории. Кроме того, завершение истории предполагает ее перепрохождение — оно всячески стимулируется в рассказах. Так, например, в книге «Остров динозавров» одна из линий завершается прямым указанием на «будущие» события, которые в пределах этой линии произойти не могут (она завершена), но еще могут произойти при следующих попытках освоить то же самое пространство. Такие указатели («Но это те-

бе только кажется. Он прекрасно знает, как поступить. Конец» [Packard 1993, 7]⁴) способствуют вовлечению читателя в конструирование все новых и новых вариаций.

Возможность «пересобрать» пространство и переиграть уже сложившийся сюжет наделяется еще одной функцией: читатель оказывается в повествовательной ситуации, в которой еще ничего не завершено и ничего не свершилось до конца — что отличает интерактивное повествование от неинтерактивного. С этой точки зрения читатель вновь находится на «эмоциональной» развилке: с одной стороны, истории эмоционально его увлекают и активно на него воздействуют (при помощи саспенса или любопытства), с другой — возможность «отмотать назад» произошедшие события создает для него пространство «эмоциональной безопасности», которая позволяет ему сохранять эмоциональную дистанцию по отношению ко всему происходящему: так, например, в нескольких книгах в одной из сюжетных линий герой погибает (в «Каньоне разбойников»: «ты закрываешь глаза — навсегда. Конец» [Montgomery 1992, 20]); но это событие не является «окончательным», оно — лишь один из вариантов, оно еще может быть читателем изменено; и обратить его вспять еще в его силах.

Заключение

Серия книг ВСП — пример интерактивной детской литературы, предлагающей своему читателю движение по «расходящимся тропкам», одновременно и в диегетическом, и в метадиегетическом измерении повествовательного мира. Такой принцип позволяет читателю самостоятельно выстраивать вымышленные пространства путем комбинирования разных их вариантов — и в этом процессе обнаруживаются следы буквализации взаимодействия читателя с традиционным повествованием, когда ему тоже, пусть и воображаемо, необходимо достраивать вымышленный мир.

Взаимодействие с вымышленными пространствами, представленными в таких книгах-играх, предполагает эмоциональный отклик читателя. Ему в интерактивном повествовании предлагается «двойное переживание»: позволяющее испытывать нарративные эмоции (саспенс, любопытство), свободно погружаться в предлагаемые пространства и отказываться от таких эмоций, сохраняя дистанцию, делегируя часть этих своих прав другим персонажам или нарратору. В этом процесс освоения вымышленных пространств в ВСП напоминает традиционное чтение: читатель может себе поз-

волить «за счет» героя оказаться в тех ситуациях, в которых не хотел бы оказаться в реальности, переступить через те границы, через которые в жизни переступить не может, но приобрести при этом опыт (пусть и воображаемый).

Принцип «расходящихся тропок», на которых построена и презентация пространства в ВСП, и взаимодействие читателя с ним, способствует созданию эффекта постоянно расширяющихся возможностей, которые открываются читателю. Но он же сталкивается и с иным эффектом, который моделируется теперь уже и материальностью книги, и выбранным способом повествования: при всем кажущемся всесилию читатель ограничен и объемом книги, и предлагаемым выбором, и количеством вариантов. Сразу несколько концовок, возникающих в каждой книге ВСП, лишней раз указывают ему на такую ограниченность: передвигаясь по книге, он все время встречает «сообщение» нарратора — «конец», и не один раз (что привычно), а множество раз. В «Викингах-завоевателях», например, встречается и обнажение подобного приема. Одна из линий заканчивается такими словами нарратора: «Тебе кажется, что среди этих людей тебя ждет счастливая жизнь, и ты радуешься этому, поскольку выбора у тебя нет» [Packard 1992]. Такое сочетание эффектов «всесилия» и «ограниченности», предложенных читателю, характеризует доцифровую интерактивную повествовательную форму, примером которой и становится ВСП. Цифровое интерактивное повествование, по-видимому, будет функционировать иначе, предлагая читателю уже обновленный способ взаимодействия с пространством и с рассказываемой историей.

Поэтому приключения серии книг на этом, однако, не заканчиваются: она находит свое продолжение в уже цифровой и аудиовизуальной форме, которая может предложить читателю иной опыт (в том числе взаимодействия с пространством), задействуя и трансформируя приемы, представленные в ВСП.

Примечания

¹ «Идея, название и редакционная помощь для „Пещеры времени“ были предоставлены А. Паккард» [Packard 1979].

² Здесь и далее перевод М. Абрамовой.

³ Перевод Ю. Рознатовской.

⁴ Перевод Е. Нестеровой.

*Литература**Sources*

Koltz 1984 — Koltz, T. (1984). *Vampire Express*. Toronto; London: Bantam, 1984.

Montgomery 1979 — Montgomery, R. (1979). *Journey under the Sea*. Toronto; London: Bantam, 1979.

Montgomery 1992 — Montgomery, R. (1992). *Outlaw Gulch*. New York; London: Bantam, 1992.

Packard 1979 — Packard, E. (1979). *The Cave of Time*. Toronto; London: Bantam, 1979.

Packard 1980 — Packard, E. (1980). *The Mystery of Chimney Rock*. Toronto; London: Bantam, 1980.

Packard 1992 — Packard, E. (1992). *Viking Raiders*. New York; London: Bantam, 1992.

Packard 1993 — Packard, E. (1993). *Dinosaur Island*. New York; London: Bantam, 1993.

References

Angileri 1994 — Angileri, K. (1994). Choose-Your-Own-Response-Adventure: Decoding Children's Literature and Coloring Books. *Studies in Popular Culture*, 17.1, 65–74.

Bell, Ensslin 2011 — Bell, A., Ensslin, A. (2011). 'I Know What It Was. You Know What It Was': Second-Person Narration in Hypertext Fiction. *Narrative*, 19 (3), 311–329. DOI: 10.1353/nar. 2011.0020.

Bode, Dietrich 2013 — Bode, Ch., Dietrich, R. (2013). *Future Narratives: Theory, Poetics, and Media-Historical Moment*. Berlin, Boston: De Gruyter.

Caracciolo, Kukkonen 2021 — Caracciolo, M., Kukkonen, K. (2021). *With Bodies: Narrative Theory and Embodied Cognition*. Columbus: Ohio State University Press.

Cook 2021 — Cook, E. (2021). Rearing Children of the Market in the “You” Decade: Choose Your Own Adventure Books and the Ascent of Free Choice in 1980s America. *Journal of American Studies*, 55 (2), 418–445. DOI: 10.1017/S0021875819001476.

Cova, Garcia 2015 — Cova, F., Garcia, A. (2015). The Puzzle of Multiple Endings. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 73 (2), 105–114.

Doležel 1998 — Doležel, L. (1998). *Heterocosmica: Fiction and Possible Worlds*. Baltimore.

- Domsch 2013* — Domsch, S. (2013). *Storyplaying: Agency and Narrative in Video Games*. Berlin, Boston: De Gruyter.
- Elstermann 2022* — Elstermann, A. (2022). *Digital Literature and Critical Theory*. New York: Routledge, Taylor & Francis Group.
- Ensslin, Bell 2021* — Ensslin, A., Bell, A. (2021). *Digital Fiction and the Unnatural: Transmedial Narrative Theory, Method, and Analysis*. Columbus: The Ohio State University Press.
- Fludernik 1994* — Fludernik, M. (1994). Second-Person Narrative As a Test Case for Narratology: The Limits of Realism. *Style*, 28(3), 445–479.
- Gerrig 1993* — Gerrig, R. (1993). *Experiencing Narrative Worlds: On the Psychological Activities of Reading*. New Haven, London: Yale University Press.
- Hayles, Montfort 2012* — Hayles, K., Montfort, N. (2012). *Interactive Fiction*. In J. Bray, A. Gibbons, B. McHale (Eds.), *The Routledge Companion to Experimental Literature* (pp. 452–466). New York: Routledge.
- Hayot 2021* — Hayot, E. (2021). Video Games & the Novel. *Daedalus*, 150(1), 178–187. DOI: 10.1162/daed_a_01841.
- Herman 2005* — Herman, D., Jahn, M., Ryan, M.-L. (2005). *Routledge Encyclopedia of Narrative Theory*. London: Routledge.
- Meifert-Menhard 2013* — Meifert-Menhard, F. (2013). *Playing the Text, Performing the Future: Future Narratives in Print and Digiture*. Berlin, Boston: De Gruyter.
- Ryan 2001* — Ryan, M.-L. (2001). *Narrative as Virtual Reality: Immersion and Interactivity in Literature and Electronic Media*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Ryan 2002* — Ryan, M.-L. (2002). Beyond Myth and Metaphor: Narrative in Digital Media. *Poetics Today*, 23(4), 581–609.
- Ryan 2006* — Ryan, M.-L. (2006). *Avatars of Story*. Bristol: University of Minnesota Press.
- Ryan 2015* — Ryan, M.-L. (2015). *Narrative as Virtual Reality 2: Revisiting Immersion and Interactivity in Literature and Electronic Media*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Sternberg 2001* — Sternberg, M. (2001). How Narrativity Makes a Difference. *Narrative*, 9(2), 115–122.
- Sternberg 2003* — Sternberg, M. (2003). Universals of Narrative and Their Cognitivist Fortunes (I). *Poetics Today*, 24(2), 297–395. DOI: 10.1215/03335372-24-2-297.
- Wake 2020* — Wake, P. (2020). The Unnatural Conventions of the Interactive Gamebook. In Alber J., Richardson B. *Unnatural Narratology: Extensions*,

Revisions, and Challenges (pp. 189–208). Columbus: Ohio State University Press.

Dina Shulyatyeva

HSE University; ORCID: 0000-0001-7498-7395

“FORKING PATHS” AS A SPATIAL AND COMMUNICATIVE
MODEL IN INTERACTIVE CHILDREN’S LITERATURE (ON THE
EXAMPLE OF THE “CHOOSE YOUR OWN ADVENTURE”
GAMEBOOKS)

The “Choose Your Own Adventure” is an ongoing collection of children’s gamebooks published by Bantam Books, the first issues released in the late 1970s. The success of the series was ensured by the opportunity provided to readers through a sequence of decisions (a choice from a closed list) to influence the development of the plot, to complete and variably complete the story, to “join” the story as the main character. Readers also interact with the fictional spaces created within the narrative in a new way. They do not simply enter “pre-existing” spaces, but instead, they “complete” them, transforming them into dynamic, mutable forms that can be reassembled. Readers find themselves in two spatial dimensions simultaneously, immersed in both the “adventures” of the protagonist and the “adventure” of reading itself. The dual immersion allows navigation through multiple narrative paths, creating a reading experience akin to a game. This allows readers to replay events that have already occurred, rediscovering the fictional world they had previously explored. It is also important that the interactive story is presented in the form of a printed book (rather than in a digital fiction, for example) because the illusion of an “unlimited” selection of options confronts the reader with a more awareness of the finite nature of the “adventure” of reading. The number of possible choices, paths, and endings is inherently limited (as the volume of a book is finite), while the fictional worlds offered by the story are still open to completion and further development in the reader’s imagination.

Keywords: interactive fiction, narrative emotions, space shaping, metafictionality, gamebooks, metasuspense, suspense, reading experience

Валентина Сергеева

ПУТЕШЕСТВИЕ И ПУТЬ В «САГЕ О ВЕТРОКРЫЛАХ» ЭНДРЮ ПИТЕРСОНА¹

В статье рассматривается серия книг Э. Питерсона «Сага о Ветрокрылах» (2008–2014), написанная в жанре эпического фэнтези и предназначенная для детей. Особое значение в книгах Питерсона имеет тема путешествия, связанная с развитием и духовным ростом героев, в связи с чем география вымышленного мира глубоко проработана, запечатлена на картах и соотнесена с историей. Выбор детей в качестве главных героев вносит в произведение дополнительную специфику: подчеркиваются возрастные особенности персонажей и их постепенная эволюция: развитие храбрости и выдержки, отказ от эгоцентризма, признание долга и ответственности, переход на новую стадию отношений как с окружающими людьми, так и с Создателем. Автор статьи отмечает, что помимо локусов, которые традиционно изображаются в книгах, принадлежащих к жанру эпического фэнтези (замок злодея, опасные горы, волшебный лес, идиллический родной городок), Питерсон вводит в повествование в качестве места действия школу, что относится к другой литературной традиции. Тема взросления и духовного совершенствования, преодоления соблазнов сближает «Сагу о Ветрокрылах» как с романом воспитания, так и с жанром аллегории.

Ключевые слова: фэнтези, детская литература, путь героя, вымышленный мир, роман воспитания, аллегория

В статье рассматривается серия книг американского писателя и музыканта Эндрю Питерсона (род. 1974) о Ветрокрылах («Wingfeather Saga»), написанная в 2008–2014 гг.², русский перевод которой вышел в 2022–2023 гг. Цикл ориентирован на читателей 8–12 лет. Действие саги Э. Питерсона происходит в вымышленном мире Ануот³, населенном различными народами и волшебными

Валентина Сергеевна Сергеева, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва, yogik84@mail.ru

существами. Основная фабула саги — приключения живущих в изгнании королевских детей — Джаннера, Тинка и Лили Игиби. Они пускаются в длительное странствие, вступают в борьбу с темным властелином Нагом Безымянным, возвращают себе законные права и возрождают остров Анниеру. Джаннер в конечном итоге приносит себя в жертву и покидает мир живых (хотя, как намекает открытый финал, возможно, ему будет даровано воскрешение).

Рассмотрим карту Ануота (Рис. 1): большинство мест, где обитает зло (Дань, Шреватские пустоши, Смертоносные горы, Черный лес, резиденция темного властелина — замок Трог), расположены на востоке. Однако нельзя сказать, что восточная часть мира занята исключительно зловещими локусами: здесь, в частности, находится погибшее королевство Анниера, а также Зеленые Лощины, населенные простодушными, но мужественными людьми. Городок Глибвуд, где растут дети короля, лежит на западе; Глибвуду предстоит быть захваченным и оскверненным, а затем восстановленным. Божественное присутствие в мире Ануота связано с некими запретными или трудно достигаемыми местами: в частности, встреча с Создателем возможна в Святилище, уходящем корнями «в глубь мира» и расположенном на острове Анниера. Там можно обрести волшебные камни, дающие обладателю силу, подобную творческой мощи Создателя.

Вымышленное пространство Ануота репрезентировано через взгляд на него героев. Главным образом, повествователь передает мысли и чувства Джаннера; реже мы видим внутренний мир Тинка, меньше всех склонного к рефлексии. Лили становится самостоятельным персонажем не ранее третьей книги цикла («Чудовище лощин»), когда у нее появляется возможность действовать отдельно от родителей и братьев. В первой книге («На берегу Темного моря») действие происходит почти исключительно в Глибвуде, кроме которого детям известен только соседний лес, населенный хищными зверями и определяемый как запретная зона. Это своего рода граница, отделяющая пространство, которое является для героев «своим», от всего остального, «чужого» пространства. По ходу развития сюжета появляются новые локусы: спасаясь от врагов, герои движутся через опасную чашу и преодолевают водопад; они минуют земли, населенные разбойничьими шайками, попадают в Дагтаун, бегут через горный перевал в Ледяные прерии, переплывают море, чтобы укрыться в Зеленых Лощинах. Отсюда начинается самая опасная часть пути: решив положить конец завоеваниям Нага Безымянного, Джаннер и Тинк заходят в дебри Черного леса,

Рис. 1. Карта Ануота. Художник не указан

где обитают «расщепки» — полулюди, полузвери, жертвы экспериментов Нага, в духе доктора Моро. Они находят в Смертоносных горах зловещий замок Трог, затем отправляются на погибший остров Анниеру. В каждом локусе героев ожидает испытание — они должны пересилить собственный страх (например, столкнувшись в бою с ящерами, волками и другими чудовищами), принять важное решение (так, Джаннер в Дагтауне оказывается перед выбором, разыскивать ли пропавшего брата или идти дальше одному; Тинк лишь по собственному желанию может поддаться вражеским чарам и превратиться в полузверя, и т. д.), проявить ответственность (друг за друга, за свое положение наследников Анниеры), изобретательность, благоразумие, выдержку, не утратить веры и надежды. Среди мест, где оказываются дети, есть те, где они могут получить передышку, найти союзников, и есть откровенно враждебные места; однако в каждом локусе вымышленного пространства герои могут узнать или получить нечто важное. Например, в замке Трог героям удастся добиться расположения троллей, потому что ранее они проявили милосердие к одному из них.

Отметим, что при конструировании своего вымышленного мира Э. Питерсон использует некоторые элементы толкиновской традиции. «Герои Толкина, — по замечанию И. Маклакова, — пускаются

в путешествие, в конце которого преображаются духовно, преодолевая целую серию испытаний и огромные пространства, которые также становятся преградой на их пути. <...> Толкин делает мотивами действия особенности самого пространства» [Маклаков 2007, 149]. Подобно тому, как эпически-масштабное пространство «Властелина колец» постепенно разворачивается перед читателями и функция фокальных персонажей в нем по преимуществу делегирована хоббитам, в саге о Ветрокрылах читатель видит мир Ануота глазами героев-детей, и пространство это разворачивается все шире, приобретает все больший и больший масштаб. Как и хоббиты, вышедшие из уютного сельского Ши́ра и постепенно открывающие для себя Средиземье, герои Питерсона отправляются в путь из Глибвуда и путешествуют по городам и землям Ануота.

Наряду с толкиновскими элементами, использованными Питерсоном в конструировании вторичной реальности саги о Ветрокрылах, отметим влияние традиций жанра городского фэнтези⁴; в книгах «Черная карета», «Чудовище лошин» и «Король-волк» действие происходит в городах Дагтаун и Бан Рона. Дагтаун описан как большой город индустриального типа: в нем есть фабрики, благополучные и неблагополучные районы, криминальное «дно». Сходство Дагтауна с современным мегаполисом подчеркивается образом живущего в нем персонажа по прозвищу Пламенеющий Меч, одновременно благородного и комически-нелепого (что, в свою очередь, отсылает уже к пародиям на супергероев). Бан Рона в Зеленых Лощинах — тоже крупный город, хоть и не промышленный, а живущий за счет садоводства и торговли; там есть множество гильдий, библиотека, большая школа, что позволяет ввести дополнительную, специфически детско-подростковую проблематику: оказавшись в местной школе, Джаннер вынужден защищать брата от травли и зарабатывать авторитет в новой среде.

Важными городскими локусами становятся библиотека и книжный магазин, также связанные с тем, что герои учатся, знакомятся с историей мира и осознают себя ее частью. Приключения Джаннера и Тинка в первой книге начинаются с того, что в руках у них оказывается карта: ее находят в тайнике, в глибвудском книжном магазине, и некое загадочное место на ней отмечено крестиком. Типичная детская игра — поиски сокровищ по карте — приводит к непредвиденному результату, по сути, лежит в начале дороги, ведущей к взрослению. Братья отправляются в заброшенное лесное поместье и находят потайной склад оружия, необходимого для сражения с захватчиками, а затем узнают и о собственном высоком

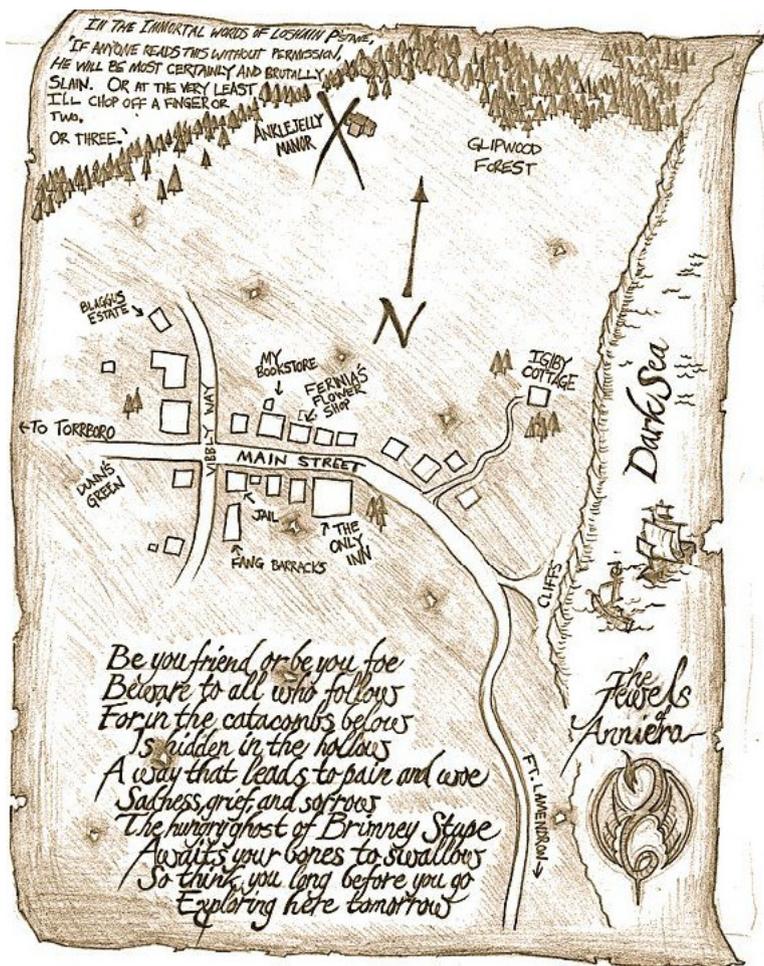

Рис. 2. Карта Глибвуда и окрестностей, нарисованная Оскаром Ритипом. Художник Эндрю Питерсон

происхождении; подлинные «сокровища» — это они сами. Исторические сведения не только добываются, но и пополняются у нас на глазах: Джаннер ведет дневник, городской библиотекарь переводит и составляет хроники, приключения семьи Игиби (она же — королевский род Ветрокрылов) входят в общую историю Ануота, длинную и хорошо задокументированную. Перевод древней книги, над которым, в том числе впоследствии трудится Джаннер в библиотеке Бан Роны, помогает раскрыть фамильную тайну и победить Нага Безымянного.

Можно предположить, что все карты в книгах о семье Игиби созданы или дополнены персонажами, а не просто приложены к изданию для удобства читателя; на них есть пометки составителей и позднейших комментаторов, в частности, библиотекаря Оскара Ритипа, играющего важную роль наставника детей. Введение в текст этих документов углубляет историю вымышленного мира, придает ему черты достоверности. Некоторые карты содержат комические элементы: так, на карте Глибвуда библиотекарь оставляет примечание в своем стиле: «Цитируя бессмертное изречение Лошейна П'стана, „кто возьмет сие без спросу, того постигнет верная мучительная смерть. По крайней мере, он лишится двух-трех пальцев“» [Peterson 2020a, 285] (Рис. 2)⁵. Карта из второй книги, «Черная карета», изображающая ту часть континента, где происходит дальнейшее действие, обозначена как «более или менее точная; не использовать для планирования выходных» [Peterson 2020b, 15] (Рис. 3)⁶. Это не столько карты, сколько рисунки, и пользоваться ими по прямому назначению героям было бы затруднительно; эти карты передают в лучшем случае направление, но не расстояние. Самыми тщательными оказываются карты, приведенные в третьей книге — они изображают Зеленые Лощины и город Бан Рону (Рис. 4); тем, что они не содержат никаких комментариев и нарисованы в другом стиле, автор, возможно, хотел подчеркнуть, что они выполнены профессионалом и взяты в городском архиве, а не начерчены рукой дилетанта. Наконец, в книге «Король-волк» карта, изображающая владения темного властелина, вновь неточна, приблизительна — и эта приблизительность объясняется комментарием: «Карта нарисована по памяти, потому что трудно рисовать, пока летишь на фендриле» [Peterson 2020c, 16] (Рис. 5)⁷. В этом контексте сама «Сага о Ветрокрылах» должна восприниматься читателями как составленная в позднейшую эпоху героическая повесть, которая описывает события давних времен.

Рис. 3. Карта Скрии. Художник Джо Сатпин

За свою недолгую жизнь братья Ветрокрылы зашли дальше и повидали больше, чем иные взрослые. И их жизни предстояло войти в легенды. Потом о них напишут книги, которые дети и родители будут читать перед сном. Братья и сестры будут разыгрывать свои любимые сцены, изображая Клыков, морских драконов и даже Подо Рулевого. Джаннер, Тинк и Лили сами так делали в Глибуде, так играл Подо со своими братьями, так было всегда, вплоть до Первых людей, которые из уст Создателя слышали рассказы о сотворенных им мирах [Peterson 2020c, 353]⁸.

Вернувшись после победы над Нагом на разоренную Анниеру, дети попадают в Святылище. Право на встречу с Создателем мира есть у верховного короля (но не у Хранителя), и Джаннеру предстоит сделать над собой самое большое усилие — понять, что есть долг, побороть в себе зависть и перестать считать младшего брата недостойным. Смирение, борьба с собственными страстями и принятие промысла Создателя — вот что в конечном итоге помогает справиться с отчаянием и страхом смерти.

Но тут же Джаннер ощутил зависть. Почему им всем нельзя в Святылище? Ведь дверь они открыли вместе. Он, как и Кальмар (Кальмар, или

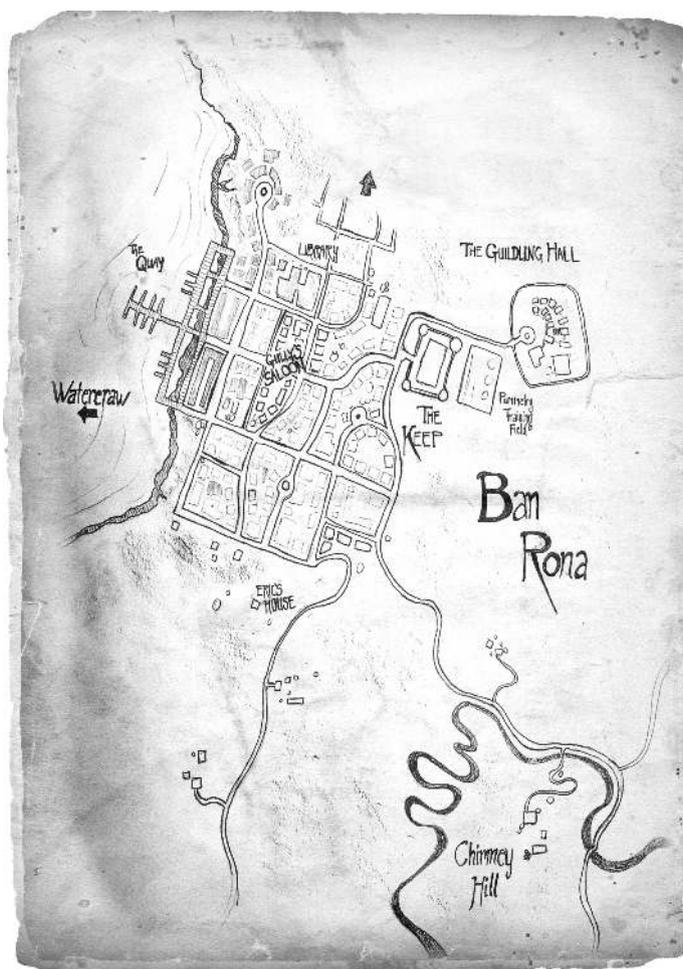

Рис. 4. Карта Бан Роны. Художник Джо Сатпин

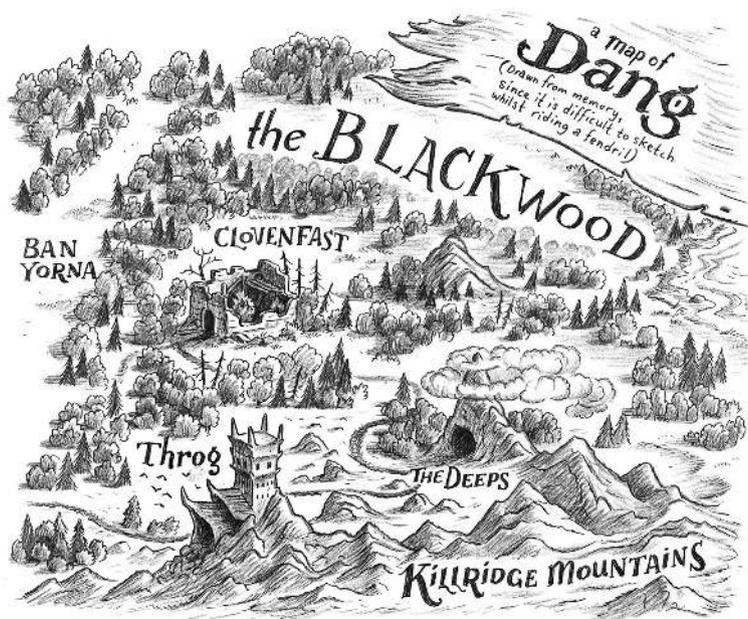

Рис. 5. Карта Дания. Художник Джо Сатпин

Кел — настоящее имя «Тинка» Игиби — В. С.), сражался за Анниеру. Кальмар с детства втягивал брата и сестру в неприятности. В Дагтауне он струсил. На Фубских островах превратился в волка. И теперь именно он узрит Создателя?! Разве это справедливо? Знакомый гнев, тот самый, которого Джаннер устыдился минуту назад, вновь вспыхнул в его душе. <...> Лили спала на плече Джаннера; а тот, спустя целый час, вдруг кое-что понял про себя. Он был исключительно и беззащитно себялюбив. Столько раз, от Глибвуда до темниц Нага, Джаннер, выражая Создателю свое недовольство, думал, главным образом, о себе, а не о других. Исполняя долг Хранителя, он думал о том, какой он ответственный; проявляя храбрость, думал о том, какой он храбрый. Только от боли и от отчаяния Джаннер обращался к Создателю, да и то лишь затем, чтобы потребовать ответа или помощи [Peterson 2020с, 451, 454]⁹.

Несомненно это не только физическое, но и духовное путешествие, в традициях «Пути паломника» Джона Беньяна, которое завершается победой над великаном Отчаяние; так дети Игиби и их друзья ценой многих жертв одерживают победу над Нагом, пре-

вратившимся в великана (хотя история на этом не заканчивается, и Джаннеру предстоит еще пожертвовать своей кровью ради спасения людей, заколдованных Нагом). Как Христиан и Уповающий у Беньяна, Джаннер и Тинк, пережившие заточение и муки в замке Нага, должны вспомнить о милосердии и любви Создателя — этому служит сцена в Святилище. Большой город Дагтаун оказывается своего рода параллелью к беньяновской Ярмарке Тщеславия — Тинк поддается соблазну и сворачивает с пути, решив, что полная приключений жизнь преступника ему нравится больше, чем долг короля. Легкомысленный, безответственный, он совсем не подходит на роль истинного государя, и лишь после тяжелых испытаний (оставив брата, он попадает в плен) начинается его нравственное взросление. Глубоко символичен Первый источник, сотворенный самим Создателем и дарующий жизнь и силы; однако тот, кто прикается к нему не с добрыми намерениями, рискует превратиться в существо, подобное толкиновским назгулам. Остров Анниера, который семье Игиби предстоит восстанавливать из пепла, становится подобием земли обетованной: когда-то там все были счастливы, равны, весело трудились и не знали притеснений, а теперь туда сходятся те, кто утратил дом и близких (как Сара Кобблер, «прекрасная дама» Джаннера), превращенные обратно в людей «расщепки» и раскаявшиеся, готовые начать новую жизнь звероящеры и волки Нага, ныне также ставшие людьми благодаря Джаннеру. А бурное море, в которое старший брат бросается вслед за обезумевшим в волчьем обличе Тинком, не давая ему утонуть, превращает Джаннера из нерешительного и сомневающегося в того, кто хранит и спасает.

Герои Э. Питерсона — дети: в начале событий Джаннеру двенадцать лет, Тинку одиннадцать, Лили восемь. Тринадцатилетие (буквально, отделение ребенка от подростка, в англоязычной традиции переход в группу teens) становится важным порогом и особо отмечается. У детей Игиби внутренняя иерархия отчасти определяется возрастом, хотя местами это размывается, и на первый план выступает иерархия уже не семейная, а королевская (младший брат — король и наследник, старший брат — Хранитель, который ему подчиняется, но в то же время выступает как глас разума), а также индивидуальные способности каждого (словесные, художественные, музыкальные). Путешествующие взрослые, их спутники, меняются меньше, их характеры в основных чертах сложились, хотя взгляды могут подвергаться некоторым изменениям (дедушка Игиби, старый пират Подо, готов признать свою вину перед драконами,

на которых когда-то охотился; Ния, королева-мать в изгнании, понимает, что ее дети уже не маленькие). Трансформация может быть и физической — так, библиотекарь Оскар, типичный кабинетный ученый, становится крепче и выносливее, превращается в настоящего искателя приключений. Сильнее всего преобразуется мучимый совестью и страхом Артам, дядя Джаннера, Тинка и Лили, бывший Хранитель трона, из полубезумного калеки становясь настоящим ангелом-хранителем Сокровищ Анниеры, однако это не столько эволюция, сколько исцеление, возвращение к прежнему себе. Для Джаннера, Тинки и Лили «возвращение» означало бы регресс к детскому эгоцентризму, бессилию, отказ от взросления; их путь ведет только вперед.

Эпический герой сталкивается с испытаниями и приключениями, нередко оказывается на грани смерти, обретает мудрость или получает ценную награду. Различие между героем-ребенком и героем-взрослым — вопрос акцента на этапе трансформации; насколько она уже произошла за кадром или происходит сейчас, насколько герой сформировался до начала приключений. Герой-ребенок сталкивается с необычным, попадает в центр сюжета и нередко оказывается не готов к трудностям; но именно в этом внешнем мире, полном опасных приключений, он обретает то, чего ему не хватало, в первую очередь, возможность для развития и самореализации¹⁰. Как в романе воспитания, происходит отчетливо выраженное становление героя, его эволюция. В отличие от взрослого — перед нами не просто отрезок жизни героя, во время которого случается некое важное событие (ставится и решается задача), а целый этап развития персонажа, период его взросления. В таких условиях дети взрослеют быстрее, тогда как взрослые герои могут, напротив, приобретать детские черты, оказываясь более робкими, неумелыми, неблагоразумными и т. д. Оскара приходится буквально водить под руки, Подо не решается признать, что виноват перед драконами, Артам в приступе безумия плачет, как ребенок.

Герой-ребенок, путешествуя, открывает для себя новое место, и его глазами читатель воспринимает увиденное как чудо, даже если, по сути, ничего чудесного и нет, и вся необыкновенность заключена только в новизне. Взгляд ребенка или наивного взрослого (такого, как жюль-верновский Паганель) непосредствен и любознателен, он придает необычную окраску самым заурядным местам: улицы большого города кажутся мальчику-провинциалу особенно людными и шумными, еда — невероятно вкусной, дома — необыкновенно высокими. Наивность взгляда, отсутствие опыта закладывают основу

для сюжетов, связанных, таким образом, с темой путешествия: это неизбежные ошибки героя по приходе в новые места, конфликты, соблазны, осознание границ и выработка правил поведения. Встреча с подлинно чудесным тем более проверяет способность героя воспринять нечто за пределами своего опыта, даже в мире, где магия и чудеса повседневны. «Обыкновенные» места, где прошло детство Джаннера, Тинка и Лили, формируют их личность и мировосприятие — но обнаружение сакральной связи с их настоящей родиной, легендарной Анниерой, оказывается подлинной эпифанией, осознанием своего места в мире и, в конечном итоге, своей силы¹¹.

Примечания

- ¹ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-78-10093 «Поэтика пространства: кросс-культурные связи русской и зарубежной фантастической литературы» (<https://rscf.ru/en/project/24-78-10093/>).
- ² В этот цикл входят романы «On the Edge of the Dark Sea of Darkness», «North! Or Be Eaten», «Monster in the Hollows», «The Warden and the Wolf King» (в русском переводе — «На берегу Темного моря», «Черная карета», «Чудовище Лошин», «Король-волк»).
- ³ В оригинале *Aerwiar*, искаженное «here we are» — от фразы, произнесенной первым в этом мире человеком. В переводе передано как «а, ну вот» (отсюда Ануот).
- ⁴ Под городским фэнтези подразумеваются фантастические произведения, действие которых происходит в городе, нередко с опорой на городскую мифологию; город и его социальные структуры, как правило, подробно описываются для достижения правдоподобия, важную роль играют такие локусы, как фабрики, заброшенные дома, сиротские приюты, городское «дно», гильдии, школы и т. д.
- ⁵ «In the immortal words of Loshain P'stane, 'If anyone reads this without permission, he will be most certainly and brutally slain. Or at the very least I'll chop off a finger or two. Or three'. Здесь и далее перевод мой.
- ⁶ «Not to be used for holyday planning».
- ⁷ «Drawn from memory, since it is difficult to sketch whilst riding a fendril».
- ⁸ «They had come further and done more in their few years than most men ever would. They were living lives that would pass into legend. Stories would be written about them — stories that would be read by children and parents at bedtime. Brothers and sisters would enact their favorite scenes, dressing up like Fangs or sea dragons or even Podo Helmer. Janner, Tink, and Leeli had done so themselves when they were children, Podo had done so with his brothers when he was young, and so it had been all the way back to the

First Fellows, who had heard tales from the Maker's own mouth about other worlds he had made».

⁹ «But now Janner felt a sting of jealousy. Why shouldn't they all be allowed to enter? It took the three of them to open the door. He had done as much to fight for Anniera as Kal had. His mind raced with all the trouble Kal had caused over the years, from their days in Glipwood to his cowardice in Dugtown and his Fanging in the Phoobs. And now *Kal* (курсив в источнике – *B. C.*) was the one who got to walk with the Maker. How was that fair? The old familiar anger, which had only moments ago filled him with shame, now filled him with indignation. <...> After more than an hour, with Leeli now asleep on his shoulder, Janner understood something about his own heart: he was deeply, blatantly *selfish*. In so many situations, from Glipwood to the Deeps to Gnag's ship, whenever he had unleashed his frustration at the Maker, he had been thinking more of himself than anyone or anything else. Even in the performance of his duties, he thought mainly of his own dutifulness; in his courageous moments he thought of his courage. Only in his pain and despair did he turn his attention to the Maker, and then it was only to demand answers or outcomes». Эта сцена сродни испытанию Христиана на пороге Небесного града у Дж. Беньяна: «Все эти твои беспокойства и печалования, который овладели тобою здесь, в воде, не служат, еще признаком того, что Бог покинул тебя: все это послано тебе для испытания, вспомнишь ли ты о всем том, что до сих пор ты получил от Его Благости и положишься ли на Него в твоих несчастиях» [Беньян 1903, 158].

¹⁰ Любопытно, что в современных фантастических произведениях, связанных с внезапным переносом героя в другое время, в параллельный мир, на иную планету, в чужое тело и т. д., нередко отмечается инфантильность взрослых персонажей, которым свойственны незрелость, поверхностность суждений, неразвитая эмпатия, пассивность, эгоцентризм, мечтательность. Попадание в принципиально другую среду дает им ту же возможность для самораскрытия, что в традиционном приключенческом жанре — герою-ребенку или подростку.

¹¹ Про ощущение эпифании в определенной — символически нагруженной — точке пространства см., например: [Campbell 2017].

Литература

Источники

Беньян — Беньян Дж. Путешествие пилигрима: в 2-х частях. СПб.: Издание Ф. А. Семенова, 1903.

Peterson 2020a — Peterson A. On the Edge of the Dark Sea of Darkness. Colorado Springs: Waterbrook, 2020.

Peterson 2020b — Peterson A. North, or Be Eaten! Colorado Springs: Waterbrook, 2020.

Peterson 2020c — Peterson A. The Warden and the Wolf King. Colorado Springs: Waterbrook, 2020.

Исследования

Маклаков 2007 — Маклаков И. А. Романый компонент эпопеи Дж. Толкина «Властелин колец» // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2007. Т. 13, № 1. С. 146–150.

Campbell 2017 — Campbell N. Children's Neo-Romanticism: The Archaeological Imagination in British Post-War Children's Fantasy: doctoral thesis. London: University of Roehampton, 2017.

References

Maklakov 2007 — Maklakov, I. A. (2007). Romannyy komponent epopei Dzh. Tolkina "Vlastelin Kolets" [The novel component of J. Tolkien's epic "The Lord of the Rings"]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta, 13, 146–150.

Campbell 2017 — Campbell, N. (2017). Children's Neo-Romanticism: The Archaeological Imagination in British Post-War Children's Fantasy (doctoral thesis). University of Roehampton, London.

Valentina Sergeeva

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0003-4693-7723

TRAVEL AND PATH IN ANDREW PETERSON'S "WINGFEATHER SAGA"

Abstract: The article examines the series of books by Andrew Peterson "The Wingfeather Saga" (2008–2014), written in the genre of epic fantasy and aimed at children. The theme of the journey referring to the hero's evolution and spiritual growth is of special importance there (thus, the geography of the fictional world is well-developed, featured on the maps and correlated with the history). By choosing children as protagonists, the author introduces an additional specificity into his work: the characters' age features and their gradual evolution are highlighted: they become braver and tougher, abandon childish egocentrism, accept their duties and responsibilities, and move to a new stage in their relations both with the people and the Maker. The author of the article notes that in addition to the loci traditionally depicted in books belonging to the epic fantasy genre (the castle of the main villain, dangerous mountains, magic forest, idyllic hometown), Peterson introduces a school into the narrative as a setting, which belongs to another literary tradition. The theme of growing-up and spiritual improvement, overcoming the temptations brings together the fantasy story, closer to both the Bildungsroman and the genre of allegory.

The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and was financially supported by the Russian Scientific Fund, grant no. 24-78-10093 "Poetics of space: cross-cultural connections between Russian and foreign fantastic literature", <https://rscf.ru/en/project/24-78-10093/>

Keywords: fantasy, children's literature, hero's progress, fictional world, Bildungsroman, allegory

Майсара Бекмагамбетова, Замзагуль Шахаман

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАЗАХСТАНА В 1950-Е ГОДЫ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРЕПЯТСТВИЙ¹

Предметом исследования стала детская литература КазССР в 50-е гг. XX в. В детской литературе КазССР противоречия периода, в том числе непоследовательная языковая политика и идеологические установки холодной войны, нашли отражение в книгоиздательском процессе. Основные тенденции этого периода: нехватка детских писателей, курс на публикацию русскоязычных произведений, неудовлетворительное состояние книгоиздательства и полиграфии. На основе архивных документов, справок, отчетов Министерства Просвещения Казахстана, ЦК ЛКСМ республики, Союза Советских писателей Казахстана, партийных органов, книгоиздательств отслежены критерии в выборе публикуемых авторов, тематики и содержания произведений. Все было направлено на преодоление «отставания» детской литературы, однако разрывы в объеме изданий книг казахских и русскоязычных писателей демонстрируют, что, несмотря на властные призывы и циркуляры, книгоиздательский процесс не был линейным, его лихорадило в зависимости от менявшихся внешних обстоятельств. Несмотря на то, что детская литература существовала в условиях цензуры и контроля, в этот период появились произведения С. Бегалина, М. Зверева, М. Иманжанова, Б. Сокпакабаева, А. Титова, А. Сарсенбаева, ставшие классикой казахстанской детской литературы.

Ключевые слова: казахская детская литература, национальная литература, идеология, детские писатели, книгоиздание, коммунистическое воспитание

Майсара Жаугаштиновна Бекмагамбетова, Костанайский региональный университет имени Ахмет Байтұрсынұлы, Костанай, maisara75@mail.ru

Замзагуль Байбекеқызы Шахаман, Костанайский региональный университет имени Ахмет Байтұрсынұлы, Костанай, zamzagul@list.ru

В СССР детская литература была не просто адресована читателю в возрасте до 16–18 лет, она несла важную с точки зрения государства идеологическую функцию. Партийные и государственные органы на системной основе сделали из детской литературы инструмент по воспитанию из детей граждан страны с четкими установками. Все виды культуры в СССР, в том числе и детская литература, призваны были решать задачу построения нового общества и воспитания нового человека. Детская книга рассматривается как мощный инструмент в идеологической борьбе за становление нового человека, а детство — как важнейший период, способствующий воспитанию человека, отвечающего высшим идеалам советского общества.

Тема детства, относительно недавно получившая развитие на постсоветском пространстве, нашла освещение в трудах российских исследователей. Монография А. В. Фатеева посвящена роли детской литературы на формировании граждан в русле советской идеологии периода сталинизма [Фатеев 2007]. Изучением истории советской детской литературы, пионерского фольклора и ритуальстики занимается С. Г. Леонтьева [Леонтьева 2006]. Исследованием культуры детской повседневности занимается М. В. Ромашова [Ромашова 2006]. В русле развивающейся в последние годы историко-педагогической линии изучения повседневности детства написаны работы В. Д. Куприянова и А. В. Кудряшева. В. Д. Куприяновым осуществлена историко-педагогическая реконструкция опыта романтических переживаний советских школьников в пионерских лагерях образа пионерских вожатых в 1960–1980-е гг. [Куприянов 2020]. А. В. Кудряшевым была предпринята попытка реконструкции изменений в жизни советских школьников в 1960–1970-е гг. [Кудряшев 2020].

В казахстанской гуманитарной науке детская литература как феномен традиционно была объектом исследования литературоведов и педагогов. Основоположником изучения развития казахской детской литературы является Ш. Ахметов, он рассматривал детскую литературу как досоветского периода, так и советского периода второй половины XX в. [Ахметов 1976]. Современные филологи обращались к изучению истории детской литературы, ее жанрового разнообразия, роли отдельных писателей в развитии детской литературы [Кирабаев 1998; Рустемова 2009]. Детская литература Казахстана накопила достаточный опыт, нуждающийся в научном анализе.

Материалом для данной работы послужили документы Центрального Государственного архива Республики Казахстан, сосредоточенные в фонде ЦК КП Казахстана и ЦК ЛКСМ Казахстана.

В первые послевоенные годы советская власть продолжила военную идеологическую политику по построению коммунистического общества. Председатель президиума Верховного совета РСФСР А. А. Жданов в 1947 г. в докладе «О международном положении» заявил, что после окончания войны «образовалось два лагеря — лагерь империалистический и антидемократический, имеющий своей основной целью установление мирового господства американского империализма и разгром демократии, и лагерь антиимпериалистический и демократический, имеющий своей основной целью подрыв империализма, укрепление демократии и ликвидацию остатков фашизма» [Информационное совещание 1948, 6–7]. Это означало, по сути, международную конфронтацию. В 1950-е гг. ситуация, не перерастая в открытое военное противостояние, отличалась особым характером информационного противостояния, что выразилось в критических статьях, речах и художественных произведениях, в том числе адресованных детям.

О проблемах в детской литературе было заявлено Секретарем ЦК ЛКСМ Казахстана А. Канапиным и министром просвещения А. Сембаевым в 1950 г. Констатируя отставание казахской детской литературы от уровня общей казахской советской литературы, они выступали с инициативой разрешить Центральному комитету Казахстана и Министерству просвещения КазССР объявить литературный конкурс на лучшие детские произведения [Докладные записки 1950, 1]. Подобного рода конкурс с 1947 по 1950 гг. проходил и в РСФСР. Основной целью конкурса стало создание детских произведений, соответствовавших идеологическому духу эпохи, — о созидающем социалистическом труде, построении коммунистического общества.

В итоге, по решению Минпроса и ЦК ЛКСМ Казахстана с 1 марта по 1 сентября 1950 г. был объявлен литературный конкурс на лучшие школьные повести, поэмы, короткие рассказы и баллады. Согласно конкурсной документации, авторы, принимающие участие в конкурсе, были вправе выбрать для своего произведения любую тему и писать в любом жанре. Однако в конкурсной документации была сделана оговорка, что ЦК ЛКСМК и Министерство просвещения КазССР заинтересованы в том, чтобы на конкурс были представлены школьные повести, поэмы, короткие рассказы и баллады, освещающие наиболее актуальные для детей темы:

учеба советской детворы, советский учитель, пионервожатый, жизнь сельских пионеров, дети в труде, дела пионерских и комсомольских организаций, путешествия по родному краю, о Советской Армии, юные спортсмены, о передовых людях республики, дружба наших детей, советский патриотизм, уважения к старшим, жизнь детей зарубежных стран и т. д. Школьные повести, короткие рассказы и баллады должны отвечать следующим основным требованиям:

- а) актуальность тем и высокая идейность,
- б) занимательность и острота сюжета,
- в) точность и выразительность языка [Докладные записки 1950, 34].

Однако результаты конкурса стали отражением ситуации в сфере детской литературы, поскольку подано было только две заявки.

В апреле 1951 г. состоялось Всесоюзное совещание по вопросам детской литературы, на котором выдвигались требования повысить идейный и художественный уровень детской литературы. Тогда же, в центральной газете «Правда» вышла статья М. Белаховой «Детям — хорошие книги! О литературе для детей младших возрастов». Четко обозначив, что литература для детей играет важную роль в деле коммунистического воспитания, М. Белахова обращает внимание на нехватку изданий для детей. Книг создается мало, а качество не всегда стоит на должном уровне. «У нас есть немало произведений ясных и доступных по форме, глубоко идейных по содержанию. Однако до сих пор еще издаются произведения, лишенные конкретного изображения явлений нашей жизни, в которых не опознаешь ни времени, ни места действия», — критикует М. Белахова ситуацию с изданием детской книги [Белахова 1951, 3].

Местным партийным органам и литераторам надо было реагировать на критику со страниц центральных и республиканских газет. В архивах хранятся сведения о том, какие были предприняты действия в этом направлении. 13 ноября 1951 г. выходит постановление бюро ЦК КПБК «О состоянии и мерах улучшения детской художественной литературы в Казахстане», где отмечается отставание детско-юношеской литературы от общего уровня казахской советской литературы. Председатель президиума Союза советских писателей Казахстана (далее ССПК) А. Джаймурзин уже летом следующего ответа отчитывается К. Байгалиеву, возглавлявшему отдел художественной литературы и искусства ЦК КП(б) Казахстана. ССПК в ответ на критику предпринял ряд мероприятий:

укрепил творческие секции, устранил формализм в обсуждении рукописей детских произведений, значительно наладил связь с издательством, установил повседневный контроль над выполнением творческих заказов писателей [Докладные записки 1952, 226].

В архивных источниках приводятся одни и те же фамилии авторов, занимавшихся литературой для детской аудитории, число книг которых не превышает и десяти. «В настоящее время более десяти писателей республики работают над произведениями для детей. Так, писатель М. Ауэзов пишет рассказы для детей, Бегалин — повесть „Юные мичуринцы“, Сарсенбаев — повесть „Дети рыбаков“ и т. д.» — пишется в справке ЦК ЛКСМ [Докладные записки 1952, 228]. Джаймурзин также докладывает:

В настоящее время работают над созданием произведения для детей следующие писатели:

- а) М. Ауэзов — рассказы для детей.
- б) М. Иманжанов — цикл рассказов для детей.
- в) С. Бегалин — повесть «Юные мичуринцы».
- г) Л. Макеев — повесть «Федька».
- д) А. Сарсенбаев — повесть «Дети рыбаков».
- е) А. Н. Титов — сборник стихов «Мы из Казахстана».
- ж) М. Зверев — повести «Голубая пещера» и «Покорители пустынь».

Кроме них т.т. Хангельдин и Абдрахманов составляют сборник детских рассказов и стихов на тему животноводства [Докладные записки 1952, 234].

Далее он объясняет недостаток полноценных произведений для детей тем, что ССПК все еще не обеспечил участие ведущих писателей в деле создания произведений для детских читателей. Недооценка роли литературы для детей со стороны многих ведущих писателей являлась общепризнанным явлением. Литературное руководство сетовало, что «такие крупные писатели, как т.т. Ауэзов, Муканов, Мусрепов, Мустафин, Абишев не реагировали на решения бюро ЦК КПБК от 13 ноября 1951 г., не написали ни одного значительного произведения для детей. Мало того, не интересуются и не проявляют интерес к работе секции по детской литературе» [Докладные записки 1952, 234].

Уже в начале следующего года в газете «Казахстанская правда» от 12 февраля 1952 г. выходит статья О. Мацкевича «О детской

литературе». В ней автор обращается к проблемам в этой сфере на республиканском уровне:

В свете возросших задач, стоящих перед детской литературой, серьезную тревогу вызывает ее отставание в казахской советской литературе. Над созданием произведений для детей в республике работает всего пять-шесть человек. То, что написано ими и выпущено издательствами, можно пересчитать по пальцам. Но и эти немногие книги нельзя назвать полноценными в художественном и идейном отношении [Мацкевич 1952, 2].

Тут же автор призывает вывести детскую литературу в республике из состояния застоя путем совместных усилий Союза советских писателей, издательства, ЦК Комсомола и Министерства просвещения республики.

Центральный Комитет ЛКСМ Казахстана также подготовил справку. В ней были обозначены проблемы в области детской литературы. Одна из них была обнаружена в произведениях молодых писателей и поэтов, совершивших серьезнейшие ошибки, «порой националистического характера». По мнению комсомольских функционеров, в подавляющем большинстве произведений для детей очень слабо разрабатывалась тема труда. Целеустремленных, полноценных книг о детях колхозников, рабочих, об их замыслах, стремлениях, учебе, по существу, за небольшим исключением, комсомольские чиновники не видели. В качестве отрицательных примеров приводились произведения А. Хангельдина, К. Абдукадырова, показывающие жизнь сельской молодежи. По мнению чиновников, ошибки этих писателей заключались в том, что они оторваны от жизни молодежи сел и аулов, не знают действительно положения и поэтому вводят читателя в заблуждение:

Безусловно, такие книги не могут правильно, в коммунистическом духе воспитывать молодое поколение. Тематика произведений детских драматургов все еще очень узка и бедна. Наши писатели не создают интересных приключенческих и научно-фантастических пьес, книг, которые бы воспитывали у детей волю, смелость, стремление преодолеть любые трудности на своем пути. Это говорит о слабой научно-технической подготовке писателей [Докладные записки 1952, 228].

В том же 1952 г. начальник Казполиграфиздата А. Утнев сообщил, что, руководствуясь указаниями бюро ЦК КП(б) Казахстана, был разработан тематический план издания детской литературы, в который включено 77 названий против 39 названий 1951 г.;

утвержден в феврале 1952 г. ЦК КП(б) Казахской ССР. В раздел для младшего школьного возраста были включены «Детские рассказы» Л. Толстого, «Пепе» М. Горького, «Маленькие рассказы» К. Ушинского. Таким образом, публикацией произведений классиков пытались восполнить книгоиздание при отсутствии местных национальных произведений для детей.

Тем не менее из оригинальных произведений казахских писателей в план 1952 г. были включены: «Асан и Усен» И. Алтынсарина, «Юные мичуринцы» С. Бегалина, «Разговор у костра» Т. Жарокова и др. Кроме того, утверждалось, что будет уделено значительное внимание выпуску «книжек-картинок» для дошкольного и младшего школьного возраста [Докладные записки 1952, 233].

В октябре 1953 г. прошел VI Пленум Союза советских писателей Казахстана, на котором обсуждался вопрос о состоянии детской литературы в республике и мерах ее дальнейшего развития. Через год секретарь ЦК ЛКСМ Казахстана Н. Дыхнов отметил, что намеченные пленумом меры остались на бумаге. Президиум ССПК не рассмотрел ни одного вопроса, связанного с детской литературой, работой детских писателей. Н. Дыхнов осудил тот, что президиум мирится с тем, что секция детской литературы месяцами не обсуждает произведения для детей и задерживает сдачу их в производство. Так, рукопись А. Байтанаева «Друзья Булата» пролежала в ССПК четыре месяца без обсуждения, рукопись Ф. Динисламова «Искра» находилась в ССПК еще дольше. С точки зрения комсомольского чиновника, в секции совершенно не практикуется широкое обсуждение лучших книг для детей с приглашением педагогов, пионервожатых, работников комсомольских органов, органов народного образования [Справки 1954, 17].

Впрочем с аналогичной оценкой дел в детском книгоиздании выступили известные казахстанские детские писатели С. Бегалин и М. Зверев. В обращении на имя секретаря ЦК Казахстана Н. И. Беляева они заявляют, что Резолюция шестого пленума ССПК, посвященная делу развития художественной литературы для детей и состоящая из семнадцати параграфов, выполнена всего по 2–3 параграфам, самым незначительным. Возмущает литераторов и то, что пленуму предшествовало специальное решение Бюро ЦК Коммунистической партии Казахстана, но оно осталось без внимания [Докладные записки 1958, 7].

Отчитываясь секретарю ЦК КП Казахстана П. К. Пономаренко, Н. Дыхнов сообщил, что Казахское государственное издательство художественной литературы равнодушно относится к выпуску дет-

ской литературы. Несмотря на крайне незначительный план детских изданий, издательство ежегодно его не выполняло. Такие книги, как «Что такое хорошо, что такое плохо» В. Маяковского, «Асан и Усен» И. Алтынсарина, «Новый груз» К. Тлекова, «Улица младшего сына» Л. Кассиля, «Стихи для детей» С. Маршака и другие, сданные в производство еще в 1952–1953 гг., изданы не были.

В качестве причин срыва выпуска детских книг Казгослитиздат назвал технические проблемы. В республике отсутствовала цветная печать, не было необходимого для детских книг кегля шрифта, типографиям было невыгодно печатать детские издания, так как им платили не по названиям, а по количеству печатных листов, поэтому типографии предпочитали печатать объемные произведения, а детские книги откладывали на конец года. В целом, детские книги часто издавались на плохой бумаге, оформлялись небрежно. В типографиях Полиграфкомбината фото-офсет² не работал. Оттиски с клише серые и бледные. Сами клише, как правило, были затравленные и ржавые, с неровными краями. Совершенно отсутствовала отправка клише, что заставляло типографов заключать рисунки в однообразные рамки и квадраты. Также в издательстве не было достаточного выбора переплетного материала и обложечной бумаги, она поступала только в трех определенных цветах: серая, голубая и палевая [Справки 1954, 18]. В результате книги «Казахские и уйгурские сказки», «Асан и Усен» И. Алтынсарина, «Алтайская повесть» Л. Воронковой вышли с полиграфическим браком. Впрочем Главполиграфиздат Министерства культуры Казахской ССР не предъявлял никаких требований к качеству типографской продукции. Недостатки в книгах, выпускаемых типографиями, считались здесь допустимыми и не требовали исправлений.

С 23 февраля по 2 марта 1954 г. прошел Пленум ЦК КПСС, принявший постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель», означавшее начало целинной эпопеи. В результате массовых миграционных волн целинников из европейской части России, Украины, Белоруссии изменился национальный состав республики, увеличилось русскоязычное население, что повлияло на языковую ситуацию в республике. Это послужило толчком для усиления внимания к изданию детских произведений на русском языке. Так, Н. Дыхнов в новом отчете отметил, что за 1953–1955 гг. Казгослитиздат выпустил 173 наименования детских книг, из них 102 переводных и 71 оригинальных. С его точки зрения, дело с русской детской литературой обстояло плохо. За 1953–1957 гг. издано около 20 названий.

Писатели С. Бегалин и М. Зверев отмечали совершенно недопустимое процентное соотношение количества издаваемых книг для детей местных авторов, приводя следующую статистику изданных по годам Казгослитиздатом книг для детей местных авторов (см. таблицу 1) [Докладные записки 1958, 7].

Таблица 1. Количество книг, изданных Казгослитиздатом в 1953–1957 гг.

№	годы	Произведения казахских авторов	Произведения русских местных авторов
1	1953	62	1
2	1954	48	2
3	1955	30	3
4	1956	51	7
5	1957	43	5

Из приведенных в таблице 1 данных видно, что, если выпуски книг казахских авторов исчислялись в десятках, то число изданий местных русских авторов было незначительным. В отношении объема книг разница еще более наглядна. Так, например, Казгослитиздатом запланировано на 1958 г. для детей пятьдесят восемь названий. По объему они составляли 213 п.л., а три книги русскоязычных местных авторов не составляли и 10 п.л. (то есть всего 2%) [Докладные записки 1958, 8].

Объясняли это в Казгослитиздате тем, что русскоязычных детей, живущих в Казахстане, должны снабжать Детгиз и другие московские издательства. С. Бегалин и М. Зверев характеризовали ситуацию следующим образом:

На деле получается заколдованный круг: в Москве считают, что в Казахстане имеется издательство художественной литературы и присылают ничтожное количество детской литературы для многомиллионного населения Казахстана. Вот наиболее яркие примеры: изданные в Москве Детгизом книжки для детей казахстанских авторов П. Мариковского «Чудесная пестрокрылка» и М. Зверева «На разливе» получили премии на Всесоюзном конкурсе на лучшую книгу для детей. Однако, в Алма-Ата они поступили всего по 50 экз. каждая. То же и с другими двумя книжками этих авторов, вышедшими в Детгизе и тоже написанными на казахстанскую тематику. Можно ли после этого

рассчитывать на ликвидацию книжного голода на детскую литературу в Казахстане, в особенности для русских читателей?³ [Докладные записки 1958, 9].

Публикации зарубежной детской литературы состояли из произведений писателей стран народной демократии, авторов капиталистических стран в плане издания на 1955 г. было в три раза меньше. В 1957 г. в план издания детской литературы в Казахстане в 1957 г. были включены произведения писателей народов СССР: роман Олеса Кравец «Заря над Ханьпу», написанный в 1949–1951 гг., знакомивший с юными участниками китайской революции; «Куст хлопка» Хаким Назир, «Лесной дух» Габдуллы Токая [Тематический план 1957, 15]. Из произведений стран народной демократии были включены «Чешские народные сказки», «Сказки Вьетнама» и некоторые авторские произведения: Э. Распэ «Барон Мюнхгаузен», Г. Фаст «Тони и волшебная дверь», Эдмондо де Амичис «От Апеннин до Анд» [Тематический план 1957, 16].

Итальянские и американские писатели выбирались из «классово близких» и «сочувствующих». Например, социалистические симпатии итальянского писателя Эдмондо де Амичиса, с 1890-х гг. состоявшего в Итальянской социалистической партии, нашли свое выражение в повести «Учительница рабочих» и сборнике очерков «Гражданская война». По близким причинам вошел в издательский план и американский писатель Говард Мелвин Фаст (1914–2003), писавший исторические романы и фантастические рассказы. Центральные газеты, в том числе «Литературная газета», печатали его творчество, оно было переведено на многие языки союзных республик. Именно на 1950-е гг. пришлось признание Г. Фаста в СССР, он получил Сталинскую премию «За укрепление мира между народами». Такой популярности было объяснение: Г. Фаст был членом коммунистической партии США.

Что же касается изданий на казахском языке, то ССПК совместно с Казгослитиздатом перевели на казахский язык и издали несколько произведений классиков русской литературы, дополнили детскую литературу некоторыми новыми произведениями казахских писателей. «Наиболее значительные из них — сборники повестей и рассказов С. Бегалина, М. Зверева, С. Саргаскаева, Б. Сокпакбаева» [Докладные записки 1958, 6]. Именно С. Бегалин и М. Зверев ратовали за развитие детской литературы. Кроме уже приведенных выше, сохранились и другие обращения этих авторов на имя секретаря Центрального Комитета Казахстана Н. И. Беляева:

Несмотря на огромную нужду в литературе для детей, Казгослитиздат продолжает выпускать и без того редкие книги для детей мизерными тиражами по 10–20 тыс. экз. Между тем в Узбекистане и других национальных республиках, даже в соседних областных издательствах РСФСР, оригинальные книги для детей местных авторов издаются сотысячными тиражами. Даже книги, отмеченные на Всесоюзном и Республиканском конкурсах, Казгослитиздат выпустил только по 10–20 тыс. экз. [Докладные записки 1958, 8].

Определяя основные проблемы в детском книгоиздательстве, в том числе и низкую оплату труда авторов, пишущих для детской аудитории, С. Бегалин и М. Зверев предлагали увеличить количество издательств.

Многолетнее отставание с выпуском книг для детей происходит потому, что это вообще не свойственно Казгослитиздату. В большинстве национальных республик давно уже существуют Детгизы и Комсомольские издательства наряду с литиздатами. Так, например, Детгиз Грузии выпускает до ста книг для детей в год, хотя Грузия по территории и населению меньше Казахстана.

Давно назрела необходимость и в Алма-Ате организовать комсомольское издательство при ЦК ЛКСМ Казахстана, вернее восстановить существовавшее до войны на базе детских редакций Казгослитиздата, Казгосиздата и Учпедгиза в целях сосредоточения издательских возможностей и сил [Докладные записки 1958, 12].

Наряду с перечисленными писателями проблемами, чиновники сетовали на трудности с содержательной стороной произведений для детей, которые должны были изображать преимущества социалистического строя. Все тот же секретарь ЦК ВЛКСМ Казахстана Н. Дыхнов отмечал: «В произведениях „Ерлик“, „Серб“ А. Хангельдина, „Друзья“ С. Саргаскаева, „Сын пастуха“ С. Муканова, выпущенных Казгослитиздатом и секцией детской литературы ССП Казахстана из-за незнания жизни школьных и пионерских организаций, учеба и работа советских ребят показана схематично, нет ярких, достойных образов, на примере которых можно было бы воспитывать и учить подрастающее поколение» [Справки 1954, 16].

В 1958 г., после республиканского совещания молодых писателей и пленума Союза советских писателей Казахстана, Н. Дыхнов сигнализировал о нерешенных проблемах в детской литературе:

На прошедшем республиканском совещании молодых писателей и пленуме Союза советских писателей Казахстана участники указывали на ряд недостатков в развитии казахской литературы, в частности, всерьез говорили о нетерпимом отставании детской художественной литературы, о плохой постановке воспитательной работы среди молодых прозаиков, поэтов, критиков и о том, что издательство очень мало выпускает произведений молодых авторов [Докладные записки 1958, 35].

И далее он отметил, что положение дел с детской литературой нетерпимое. Тематика произведений детских писателей узка и бедна. Нет еще интересных приключенческих, научно-фантастических книг. Нет хороших произведений для детей о передовых людях промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры, пьес на современные темы, детской кинодраматургии. Почти нет литературы на казахском языке для дошкольного возраста и детей младших классов. Казахское государственное издательство художественной литературы крайне неудовлетворительно выпускает произведения молодых и детских писателей, не работает с ним, не группирует их вокруг себя, не способствует изданию их произведений.

Как указал современный исследователь С. Ушакин, вариации на тему «плохо обстоит дело с кадрами детской литературы» можно найти в каждом обзоре национальной детской литературы, не миновало это и казахстанскую [Ушакин 2024, 12]. Руководство ЛКСМ сетовало, что отставание детской литературы объясняется тем, что Президиум ССПК не придавал должного значения дальнейшему развитию детской литературы, работе с детскими писателями, а ведущие писатели не привлекались к созданию произведений для детей. Также смущал чиновников и тот факт, что ко второй половине 1950-х гг. не было литераторов, полностью посвятивших свое творчество детям. В литературной среде Казахстана сложилось мнение о том, что детской литературой должны заниматься только начинающие писатели.

Таким образом, на тематическое развитие детской книги Казахстана оказывали влияние партийные и общественные органы: ЦК КПб Казахстана, ЦК ЛКСМ республики, Союз Советских Писателей Казахстана. Детская литература находилась в зоне республиканского регулирования и контроля. Однако пристальное внимание государственных и партийных учреждений не способствовало тому, чтобы в 1950-е гг. казахстанская детская литература развивалась стабильно и плодотворно. Разрывы в объеме изданий книг казахских и русскоязычных писателей демонстрируют, что, несмотря

на властные призывы и циркуляры, книгоиздательский процесс не был линейным, его лихорадило в зависимости от внешних обстоятельств.

Примечания

- ¹ Исследование выполнено за счет гранта Комитета науки МНВО РК проект АР 19678146 «Детская литература Казахстана как инструмент формирования советских граждан (1950–1980 гг.): историко-антропологический подход».
- ² *Фото-офсет* — метод печати, выполняемый на сложном печатном оборудовании, при котором изображение переносится на специальную металлическую форму, а краска наносится красочными валиками.
- ³ Орфография и пунктуация как в источнике – М. Б., З. Ш.

Литература

Источники

Белахова 1951 — Белахова М. Детям — хорошие книги! О литературе для детей младших возрастов // Правда. 1951. 16 апр., № 106(11943). С. 3.

Докладные записки 1950 — Докладные записки отчеты доклады ЦК ЛКСМ // Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 812. Оп. 14. Д. 427.

Докладные записки 1952 — Докладные записки «О состоянии и мерах улучшения детской художественной литературы» // Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 16/1. Д. 711.

Докладные записки 1958 — Докладные записки, отчеты Министерства Просвещения на имя секретаря ЦК КПК // Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 31. Д. 264.

Информационное совещание 1948 — Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 года. М.: Госполитиздат, 1948.

Мацкевич 1952 — Мацкевич О. О детской литературе // Казахстанская правда. 1952. 12 февр., № 36(70814). С. 2.

Справки 1954 — Справки, докладные записки на имя секретаря ЦК КПК // Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 812. О. 18. Д. 320.

Тематический план 1957 — Тематический план выпуска художественной литературы на 1957 год // Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 30. Д. 1492.

Исследования

Ахметов 1976 — Ахметов Ш. Казахская детская советская литература. Алматы: Мектеп, 1976. (На каз. яз.)

Кирабаев 1998 — Кирабаев С. Казахская литература советской эпохи. Алматы: Білім, 1998. (На каз. яз.)

Кудряшев 2020 — Кудряшев А. В. Жевательная резинка в контексте повседневности советских школьников (по материалам периодических изданий 1960–1970-х гг.) // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2020. № 56. С. 57–73. DOI: 10.15382/sturIV202056.57-73.

Куприянов 2020 — Куприянов Б. В. Детско-взрослые конвенции советского прошлого (по материалам современных воспоминаний о пионерском лагере 60–80 гг. XX в.) // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2020. № 56. С. 41–56. DOI: 10.15382/sturIV202056.41-56.

Леонтьева 2004 — Леонтьева С. Г. Пионер — всем пример // Отечественные записки. 2004. № 3. С. 249–259.

Леонтьева 2006 — Леонтьева С. Г. Литература пионерской организации: идеология и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08 / Тверской гос. ун-т. Тверь, 2006.

Ромашова 2006 — Ромашова М. В. Советское детство в 1945 — середине 1950-х гг.: государственные проекты и провинциальные практики (по материалам Молотовской области): дисс. канд. ист. наук: 07.00.02. / Пермский ГУ. Пермь, 2006.

Рустемова 2009 — Рустемова Ж. А. Казахская детская литература: учебник. Караганда: Типография КарГУ, 2009. (На каз. яз.)

Ушакин 2024 — Ушакин С. Печатный социализм и (много)национальная детская книга // Детские чтения. 2024. № 1(25). С. 7–17. DOI: 10.31860/2304-5817-2024-1-25-7-17.

Фатеев 2007 — Фатеев А. В. Сталинизм и детская литература в политике номенклатуры СССР (1930-е — 1950-е гг.). М.: Макс Пресс, 2007.

References

Ahmetov 1976 — Ahmetov, Sh. (1976). Kazahskaja detskaja sovetskaja literatura [Kazakh children's Soviet literature]. Almaty: Mektep. (In Kazakh).

Fateev 2007 — Fateev, A. V. (2007). Stalinizm i detskaja literatura v politike nomenklatury SSSR (1930-e — 1950-e gg.) [Stalinism and children's literature in the policy of the USSR nomenclature (1930s — 1950s)]. Moscow: Maks Press.

Kirabaev 1998 — Kirabaev, S. (1998). Kazahskaja literatura sovetskoj jepohi. [Kazakh literature of the Soviet era]. Almaty: Bilim. (In Kazakh).

- Kudryashev 2020* — Kudryashev, A. V. (2020). Zhevatel'naja rezinka v kontekste povsednevnosti sovetskih shkol'nikov (po materialam periodicheskikh izdaniy 1960–1970-h gg.) [Chewing Gum in Context of Everyday Life of Soviet Schoolchildren (on materials of periodicals of the 1960s — 1970s)]. Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya IV: Pedagogika. Psikhologija, 56, 57–73. DOI: 10.15382/sturIV202056.57-73.
- Kupriyanov 2020* — Kupriyanov, B. V. (2020). Detsko-vzroslye konvencii sovetskogo proshlogo (po materialam sovremennyh vospominanij o pionerskom lagere 60–80 gg. XX v.) [Children's and Adults' Conventions of the Soviet Past (on materials of present-day memoirs about pioneer camps of the 1960-80s)]. Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya IV: Pedagogika. Psikhologija, 56, 41–56. DOI: 10.15382/sturIV202056.41-56.
- Leonty'eva 2004* — Leonty'eva, S. G. (2004). Pioner — vsem primer. [Pioneer is an example to all]. Otechestvennye zapiski, 3, 249–259.
- Leontyeva 2006* — Leonty'eva, S. G. (2006). Literatura pionerskoj organizacii: ideologija i poetika [Literature of the pioneer organization: ideology and poetics] (doctoral dissertation). Tver: Tver State University.
- Oushakine 2024* — Oushakine, S. (2024). Pечатnyy sotsializm i (mnogo)natsional'naya detskaya kniga [Printed socialism and the (multi)national children's book]. Detskie chtenia, 1(25), 7–17. DOI: 10.31860/2304-5817-2024-1-25-7-17.
- Romashova 2006* — Romashova, M. V. (2006). Sovetskoe detstvo v 1945 — sredeine 1950-h gg.: gosudarstvennye proekty i provincial'nye praktiki (po materialam Molotovskoj oblasti) [Soviet childhood in 1945 — mid-1950s: state projects and provincial practices (on the materials of the Molotov region)] (doctoral dissertation). Perm State University, Perm.
- Rustemova 2009* — Rustemova, Zh. A. (2009). Kazahskaja detskaja literatura: uchebnik [Kazakh children's literature: textbook]. Karaganda: Tipografija KarGU. (In Kazakh).

Maisara Bekmagambetova

Kostanay Regional University named after Akhmet Baitursynuly,
The Republic of Kazakhstan; ORCID: 0000-0003-0973-3334

Zamzagul Shakhaman

Kostanay Regional University named after Akhmet Baitursynuly,
The Republic of Kazakhstan; ORCID: 0009-0002-0736-7836

CHILDREN'S LITERATURE OF KAZAKHSTAN IN THE 1950S: NAVIGATING CHALLENGES AND OVERCOMING OBSTACLES

This study focuses on children's literature in the Kazakh SSR during the 1950s. The contradictions of the period, including inconsistent language policies and the ideological attitudes of the Cold War, were reflected in the book publishing process. Key trends during this time include a shortage of children's writers, a focus on publishing Russian-language works, and the unsatisfactory state of book publishing and printing. Drawing on archival documents, references, and reports from the Ministry of Education of Kazakhstan, the Central Committee of the LKSM of the Republic, the Union of Soviet Writers of Kazakhstan, party bodies, and book publishing houses, this study traces the criteria for selecting authors, themes, and content. Efforts were aimed at overcoming the 'lag' in children's literature, but discrepancies in the volume of books published by Kazakh and Russian-speaking writers reveal that, despite government appeals and directives, the publishing process was irregular and influenced by changing external circumstances. Despite censorship and control, this period saw the emergence of works by Sapargali Begalin, Mikhail Zverev, Mukan Imanzhanov, Berdibek Sokpabayev, A. Titov, and Abu Sarsenbayev, which have become classics of Kazakhstani children's literature.

Keywords: Kazakh children's literature, national literature, ideology, children's writers, book publishing, communist education

Марина Костюхина

«ВЕСТИ ИЗ ЛЕСА» — СОВЕТСКИЙ РАДИОПРОЕКТ И ПРОГРАММА ЖИЗНИ

Программа ленинградского радио «Вести из леса», выходявшая во всесоюзном эфире с 1956 г. по 1970 г., была успешным советским радиoproектом для детей. Несмотря на узкую целевую аудиторию (младший возраст) и ограниченность содержания лесной тематикой, передача имела широкий круг радиослушателей разного возраста. Об этом свидетельствуют письма, сотнями приходившие каждый месяц в редакцию. Материалом исследования в статье является корпус писем, хранящихся в архиве писателя-«природника» Н. Сладкова (соавтателя сценариев), а также микрофонные карты «Вестей из леса» из архива Гостелерадио Петербург – 5 канал. Предмет исследования — рецепция природоведческой программы для детей разновозрастными группами радиослушателей. Анализ редакционной почты показывает, что в восприятии многотысячной аудитории программа «Вести из леса» легитимизировала право человека воспринимать природу без оглядки на хозяйственную пользу, культурный стандарт и идейно-патриотическую догму. Позиция редакции не совпадала с идеологическим мейнстримом, задававшим тон на советском радио конца 1950–1960-х гг., но находила живой отклик у радиослушателей этого времени. Восприятие природы поверх идеологических и культурных барьеров способствовало созданию «эмоционального сообщества» вокруг передачи, основанной В. Бианки и его единомышленниками.

Ключевые слова: советское радиовещание для детей, просветительство, популяризация природоведческих знаний, писатель-«природник», В. Бианки, Н. Сладков, А. Ливеровский

Программа ленинградского радио «Вести из леса» успешно существовала на Всесоюзном радио 15 лет — с 1956 г. по 1970 г.¹ Несмотря на означенную узкую целевую аудиторию (младший возраст) и ограниченность содержания лесной тематикой, она имела широкий круг радиослушателей — «от пионеров до пенсионеров», по словам Николая Сладкова. Об этом свидетельствуют письма, сотнями приходившие каждый месяц по адресу «Ленинград, радио, „Вести из леса“» (подборка писем хранится в личном архиве писателя Н. Сладкова). Анализ программы и ее рецепции слушателями позволяет определить реальную аудиторию природоведческой передачи и ее место в истории советского радиовещания.

Инициатором создания «Вестей из леса» был Виталий Бианки, имевший большой опыт работы на радио: помимо отдельных выступлений (в формате «Ленинградские писатели детям»), он вел на Всесоюзном радио «Лесную радиогазету», а на ленинградском — передачу «Лесные были и небылицы» (обе для дошкольников и младших школьников). Продолжением двух программ стала передача «Вести из леса», которая впервые вышла в эфир 10 октября 1956 г. (продолжительность вещания 29 мин.), а затем выпускалась регулярно один раз в месяц².

На протяжении своего существования программа сохраняла основной состав участников. Первый выпуск 10 октября 1956 г. открывал Бианки, выступивший в роли ведущего:

Привет вам из лесу, дорогие друзья! Говорит редактор передачи — Виталий Бианки. Мы уже не раз встречались с вами в эфире во всесоюзной Лесной радиогазете, в ленинградских передачах «Лесные были и небылицы» под моей редакцией и с участием писательницы доктора биологических наук Нины Михайловны Павловой, писателей — Николая Сладкова, Эдуарда Шима, Крониды Гарновского, Святослава Сахарнова и других. Участвовали в этих передачах и веселые юннаты: боевой рассказчик Кит Великанов, Федя, Елочка и прочие. Теперь мы будем передавать раз в месяц «Вести из лесу». Будем знакомить вас с сезонными новостями в лесу, на горах и в степи и даже на морях [Тексты передач 1956, 3].

Помимо названных, авторами текстов были Алексей Ливеровский и Лев Стекольников — только вначале, Святослав Сахарнов — периодически. Несмотря на различия в профессиональной деятельности (от инженера до топографа), все создатели передачи были натуралистами-практиками. Равноправными участниками проекта стали Лия Флит и Ирина Русакова, сотрудницы ленинград-

ской редакции передач для детей. Озвучивали программу артисты Дома радио, в том числе заслуженные и известные (Мария Петрова, Николай Трофимов и др.)³.

Редакция «Вестей из леса» была не только профессиональным, но и эмоциональным сообществом, участников которого связывали семейно-дружеские отношения. При жизни Бианки коллективное обсуждение материалов проходило в домашней обстановке его семьи. Сохранились воспоминания о творческой атмосфере этих встреч, отличных от стиля общения в писательских союзах:

Виталий Валентинович был душой передачи; он не только погонял этот тяжелый воз, он сам ташил его наравне с другими, а часто являлся основной рабочей силой. По каждому выпуску собирались по несколько раз. Этот порядок учредил Бианки. Сначала учреждался план номера. Виталий Валентинович радовался каждой придумке — чужой еще больше, чем своей. В другой раз обсуждали, кто что написал. При этом царил полная демократия. Критиковали даже его. И он никогда не обижался. Если замечания оппонентов были доказательны, он сразу соглашался. Но и другим спуску не давал [Флит, Русакова 1967, 139–140].

После Бианки составлением радио-сценариев руководил Сладков, аттестовавший себя «общественным составителем» программы. В начале 1970-х гг. передача перешла на телевидение и стала выходить под названием «Солнцеворот» (с участием кукольных персонажей), где успешно просуществовала еще несколько лет.

По популярности «Вести из леса» превосходили познавательные передачи для детей, подготовленные на московском радио (среди них «Круглый год», «О чем рассказывают месяцы»). Одна из московских редакторов, выпускавших природоведческие программы для детей, признавалась в том, что «не все передачи выдерживают испытание временем», и это приводит к их закрытию [Меньшикова 1966, 66]. Слушатели противопоставляли ленинградские программы для детей московским передачам. «Сколько дребедени часто слышишь в детских московских передачах, бесталанные, сюсюкающие рассказы <...> Неужели за счет этого хлама нельзя лишний раз повторить такие высоко-качественные передачи?» (автор письма — педагог, 1958 г.) [Письма 1952–1960, 17]. О широкой популярности «Вестей из леса» свидетельствует одноименный сборник, вышедший в 1961 г. Он открывался посвящением памяти Бианки:

Вести из леса... Кто из вас не слышал этой «Лесной газеты» по радио! В течение ряда лет передавался под редакцией Виталия Бианки

радиокалендарь родной природы. Вы слушали интересные рассказы и забавные разговоры птиц и зверей, лесные сказки, сообщения о ребячьих делах, книгу жалоб и предложений, загадки и отгадки. Вот из лучших рассказов, сказок, очерков, заметок, ребячьих писем и составлена эта книга, которую авторы посвящают *памяти организатора и участника «Вестей из леса» — Виталия Валентиновича Бианки* (курсив в оригинале — М. К.) [Вести из леса 1961, 2].

Успех «Вестей из леса» не являлся заслугой только ее авторского коллектива: программы, подготовленные детской редакцией ленинградского радио, отличались высокой культурой и профессионализмом. Радиожурналист Лев Мархасев, начинавший работу на ленинградском радио в 1950-е гг., свидетельствует:

Детская редакция той поры заслуженно славилась на всю страну своими передачами и радиоспектаклями. Сюда любили приходить лучшие детские писатели, и не только ленинградские, но и московские: Виталий Бианки, Алексей Ливеровский, Виктор Голявкин, Радий Погодин, Эдуард Шим... С редакцией с удовольствием сотрудничали режиссеры Михаил Чежегов, Рафаил Сулович, Наум Лифшиц. Здесь работали опытные редакторы Ирина Русакова, Лия Флит, Евгения Кисельер. А музыкальным редактором была Светлана Тихая [Мархасев 2004, 37].

Несмотря на то, что тематика «Вестей из леса» была ограничена птичками-зверюшками, а целевая аудитория малышами, программа ленинградцев не уступала таким радиопроектam, как «Клуб знаменитых капитанов» (с 1945 г.), имевшим широкую культурную тематику и не ограниченную детским возрастом аудиторию. Поколебать первенство «Вестей из леса» смогла только передача Майлена Константиновского «КОАПП» (Комитет охраны авторских прав природы), выходящая с 1964 г. по 1973 г. и ставшая одним из первых мультимедийных советских проектов (радиопередача, книги, мультфильмы, комиксы).

Художественный формат «Вестей из леса» был определен «Лесной газетой» (первое книжное издание — 1928 г.) Бианки, в которой информация природоведческого характера подавалась в жанрах газетной публицистики (новости, сообщения, телеграммы, объявления, очерки). Такой способ подачи материала позволял представить мир природы как динамичный процесс изменения флоры и фауны, происходящий в соответствии с фенологическим календарем. Неслучайно первым лескором Бианки назвал Дмитрия Кайгородова, организатора сбора фенологических сведений и пропагандиста календарей природы. В «Лесной газете» были использованы

принципы фенологического календаря и общественной газеты, но не только. Книжный проект создавался Бианки под влиянием радиогазет, звучавших в советском эфире в 1920–1930-е гг.⁴ Среди первых программ для детей и школьников были: «Пионерская правда на радио» (с 1925 г.), радиогазета «Ленинские искры» (с 1931 г. в Ленинграде), «Пионерская зорька» (с 1934 г. в Москве). Значение радиогазет в информационном пространстве раннего советского общества было очень велико. Звучащим словом увлекались как пропагандисты новой культуры, так и те, кто от культуры был далек (рабкоры). Владимир Маяковский заявлял: «Я не голосую против книги. Но я требую 15 минут на радио» [Маяковский 1941, 290], а Виктор Шкловский призывал отказаться от письменного слова в пользу слова звучащего. О том, что звучащее слово привлекало и Виталия Бианки, свидетельствует разнообразная звуковая палитра «Лесной газеты», которую писатель расширял в процессе подготовки переизданий. Бианки использовал формат и стилистику радиосообщений («Лесной оркестр», «Голоса в поле», «Радиоперекличка»), а также разнообразные приемы звуковой игры при описании птиц, зверей и насекомых.

«Лесная газета» реализовалась в полноценный радиоформат в начале 1950-х гг., когда на всесоюзном радио стали выходить «Лесная радиогазета», а на ленинградском «Лесные были и небылицы» (с 1955 г.). Первоначальный коллектив авторов состоял из трех человек: Бианки, Гарновский и Павлова. В 1957 г. к ним присоединился Николай Сладков, демобилизовавшийся из армии, где он служил военным топографом. «Лесная радиогазета» специализировалась на стилизации новостных жанров («Лесные происшествия», «Новости из колхоза», «Птичья почта», «Городские новости», «Новости из леса», «Почтовая хроника» «Телеграммы»), а в «Былях и небылицах» тон задавали рассказы и сказки из мира природы. Первая передача «Лесных былей и небылиц» (13.03.1955) открывалась обращением Бианки:

Привет вам, уважаемые ребята! Дошло до меня, что вы любите послушать лесные были и небылицы — рассказы и сказки из жизни разных жихарок: зверей, птиц, насекомых, деревьев, цветов... Я очень рад этому, потому что и сам с малых лет интересуюсь их житьем-бытьем, таким не похожим на нашу человеческую жизнь и так уморительно на нее похожую [Тексты передач 1955, 3].

«Вести из леса» соединяли радиогазету и радиосказку в одной программе. Такое соединение получилось органичным, поскольку

ку в роли корреспондентов радиогазеты выступали говорящие животные, они же были персонажами радиосказок (например, корреспондент Припрыжкин — заяц). Рубрики программы, позаимствованные из обеих предыдущих передач, были постоянными (описание месяца, рассказы и сказки, «Лесной спорт», «Дела ребячьи», «Книга жалоб и предложений», «Бюро добрых услуг», «Подслушанные разговоры», ответы на загадки и загадывание новых).

Работа на радио, забиравшая много сил и времени, привлекала Бианки активной обратной связью (оставим за скобками артистизм писателя, раскрывшийся на радио, но не определявший его интерес к делу). В каждой программе звучали вопросы и задания для радиослушателей, ответы на которые обсуждались в следующем выпуске. Потребность в живом обсуждении объяснялась опытом кружковой работы, которую Бианки много лет вел со школьниками (материалы бывших кружковцев печатались в «Лесной газете» и использовались в радиопередаче). Известно, что он очень внимательно относился к письмам слушателей и требовал от своей команды не пропускать ни одного письма (количество писем, приходивших в редакцию ежемесячно, исчислялось сотнями, а общее число тысячами в год). По словам Сладкова, «письма на передачу шли потоком — от ребят и от взрослых. Читать их было одно удовольствие. Это помогало нам что-то уточнять в передаче и просто приносило много веселых минут» [О радиопередаче, 2].

Однако больше всего Бианки ценил радио за то, что оно позволяло использовать микрофон как рупор, посредством которого природоведческая тематика, маргинальная для периода 1950-х гг. (если не была связана с подъемом сельского хозяйства), начинала звучать как общественно значимая. В этот период основную сетку советского радиовещания заполняли политические программы, в промежутках между которыми транслировались передачи культурно-просветительского содержания. Автор культурной истории советского радио Стивен Ловелл, сравнивая американские и советские радиопередачи, указывает на культуртрегерский характер советских радиопередач, в то время как американское радио было больше нацелено на развлекательную функцию [Lovell 2015]. Встав между выпусками «Последних новостей», «Пионерской зорьки» и трансляцией оперы из Большого театра, «Вести из леса» с их природоведческой тематикой приобретали статус, за который был смысл бороться. По словам одной из редакторов, Бианки «всегда оставался бойцом. Воевал за своих жихарок, а еще больше — за ду-

ши ребячьи, чтобы с малолетства понимали они и любили свою землю» [Флит, Русакова 1967, 139].

Бойцовскую позицию занимали и другие создатели программы. В конце 1950-х гг. от них уже не требовались панегирики великому Сталину, лучшему садоводу Мичурину и создателю агробиологии Лысенко (как это было в «Лесной радиогазете», выходившей в эфир в период 1947–1953 гг.), но сохранялась необходимость трансляции пионерских, колхозных и мичуринских «новостей». Вместо них в программе звучали истории из жизни животных и растений, причем не по принципу московской «Угадай-ки», а в природных взаимосвязях и закономерностях. Эти взаимосвязи раскрывались на материале флоры и фауны отечественных лесов, мир которых в передаче представляли сказочные персонажи (Бианки на народный манер шутливо называл их «жихарками»). Предметность образов и конкретность ситуаций из жизни леса служили заменой общим рассуждениям о «любви к родной природе» и «великом лесном богатстве», набившим оскомину в официальных текстах (в окружении Бианки был наложен негласный мораторий на использование пафосных слов о природе, да и само слово «природа» Бианки считал затасканным).

Выбор в качестве целевой аудитории дошкольников и младших школьников позволял избежать упреков в безыдейности, из-за которых закрывали программы для подростков (на несколько лет был выключен из эфира «Клуб знаменитых капитанов»), но нахождение в мальшовой нише накладывало ограничения, лишавшие программу основной идеи: вдумчивое отношение к природе не имеет возрастных ограничений (опыт жизни каждого из создателей программы доказывал это). Однако уже первые выпуски «Вестей из леса» и отклики на них показали, что радиотрансляцию слушали не только дети и их бабушки-дедушки, помогавшие писать письма, но и взрослые, находившие в передаче ценное для самих себя. Это были люди разного возраста и разных профессий (библиотекари, учителя, инженеры, военные), проживавшие как в крупных городах, так и в провинции. В конверты присылаемых на радио писем они вкладывали свои фотографии, рисунки, эскизы (иногда артефакты в виде перьев птиц или гербария), подтверждавшие личную заинтересованность в лесной тематике. Детская передача о природе стала для многих слушателей программой жизни, не повторявшей постулаты общественно-политических программ.

В целях расширения аудитории «Вестей из леса» ее авторы отказались от чтения объемных сказочных текстов, занимавших

в предыдущих программах Бианки много микрофонного времени. Им на смену пришли короткие сценические диалоги с остроумными развязками (раздел «Подслушанные разговоры»). Эти диалоги стали визитной карточкой таких писателей, как Николай Сладков и Эдуард Шим, а из радиопередач перекочевали в литературные сборники и хрестоматии по чтению. Отказ от нарративности способствовал превращению сказки в басню или аполог, с характерными для них афористичностью и моралью. В качестве персонажей выступали те самые «жихарки», жизнь которых, по словам Бианки, была «так не похожа на нашу человеческую жизнь и так уморительно на нее похожую» [Тексты передач 1955, 3]. Комично выглядели в исполнении животных сценки из разделов «Бюро добрых услуг», «Книга жалоб и предложений» и др., воспроизводившие формы советского быта (Сладков сравнивал радио-сказки с анекдотами, подчеркивая их краткость и комичность). Авторы «Вестей из леса» поначалу использовали в сценариях образы детей, но те, в отличие от жихарок, выглядели шаблонно и вызвали справедливую критику слушателей:

В этих передачах, весьма однообразных, вечно фигурирует «рыжий», «вихрастый» мальчишка с крупными веснушками на лице (можно подумать, что в нашей стране все ребята рыжие), который совершает чудеса ума и полон всяких благородных чувств. Может есть чудачки, которые верят всей этой чепухе, но я слишком хорошо знаю, каковы в действительности наши дошкольники, школьники и пионеры [Письма 1960–1963, 73].

От «рыжего и вихрастого мальчишки» редакторы передачи в итоге отказались, оставив действующими лицами только птичек-зверюшек и прочую живность. Сопоставление животных с людьми не вело к искажению природоведческих фактов, так как все авторы были опытными натуралистами, зато позволяло дать моральную оценку жизненным конфликтам и ситуациям. В интервью «Расскажите о передаче „Вести из леса“» Сладков подчеркивал моралистическое значение радиопередачи:

Наши слушатели не очень-то одобряли пояснительные и разъяснительные рассказы, им подавай действия и поступки, борьбу и победу. Но что примечательно — не любыми средствами! Победитель должен быть честен и благороден. Подлец, побеждающий лестью, обманом и трусливой хитростью симпатий не вызывал. Даже если это был зверь или птица [О радиопередаче, 1].

Морализирование, к которому был склонен и поздний Бианки, и ранний Сладков, предназначалось не только ребенку, но и взрослому, знавшему по жизненному опыту, что такое завышенное самомнение, приписывание чужих заслуг, властолюбие и бравоирование правом сильного (совсем не детские грехи). Так, в сказке Шима «Мышь и сорока» речь идет о приписывании себе необоснованных заслуг:

— Р-расступись, народ! Р-разбегись! Это я, Лесная Мышь, по лесу иду!

— Чегой-то ты грозная такая?

— А я у Медведя в берлоге живу! [Шим 1969, 58].

Об этом же сказка Сладкова «Воробей и сапсан», впервые прозвучавшая в эфире летом 1964 г.:

— Я не простой Воробей, я в старом орлином гнезде вырос. А это вам не чик чирик!

— Не в гнезде, Воробей, сила. Я вот в старом вороньем гнезде вырос, а все равно я сокол, а не ворона, как и ты, Воробей — не орел [Тексты 1959, 30].

Сказка Сладкова «Друг или враг» об отношениях в мире животных заканчивалась эпилогом: «Лесные жители верят только делам. Плохие дела — значит враг. Хорошие дела — друг. А чему же им еще верить? Не словам же...», в котором подчеркивалось значение поступка, а не лживого слова.

Важной частью этической программы было гуманное отношение к природе, несводимое к природоохранной или экологической деятельности (этим «Вести из леса» принципиально отличались от пионерских проектов типа «Зеленый патруль» и экологических программ типа «КОАПП»). Не пресловутая польза, а деятельное и разумное участие должны определять этику поведения человека в лесу. Неприятие утилитарного отношения к природе артикулировалось во многих письмах радиослушателей:

Надо заинтересовать ребят в городе и деревне родной природой и не только разводить кроликов и выращивать кукурузу, а нужно наблюдать за жизнью дикой природы и видеть ее красоту и не думать, что можно перевернуть все по человеческому хотению [Письма 1964, 18].

Особый протест вызывали публичные разговоры про «вредных» птиц, которых якобы надо уничтожать, спасая зерно (в дружественном Китае шла кампания по массовому отстрелу воробьев, объявленных главными вредителями сельского хозяйства).

Отстаивая принципы этического отношения к природе, авторы передачи не тешили себя иллюзиями по поводу успеха перевоспитания условно плохого человека в условно хорошего. Свою задачу они видели в том, чтобы убедить «хороших людей в их правоте», поддержать их «в избранной ими позиции» (Н. Сладков) [Подготовительные материалы 1975, 3]. Принцип бианковского кружка, объединявшего единомышленников — друзей природы, создатели программы перенесли в формат всесоюзного радиовещания, и такое приглашение к участию вызывало отклик у взрослых радиослушателей.

Этическое отношение к природе дополнялось ее эстетическим восприятием, значение которого подчеркивалось во всех выпусках передачи⁵. Известно, что Бианки был противником научно-художественной литературы, настаивая на принципиальном разделении ее на научную или художественную, выбирая последнюю. Художественная составляющая в «Вестях из леса» задавалась высокой культурой слова, но не за счет использования авторитетных классических текстов (от стихов о природе и прозаических пейзажных зарисовок авторы программы отказались), а только путем собственного литературного творчества. По воспоминаниям членов редакции, работа над художественным словом была приоритетной при подготовке всех радио-выпусков. Тон каждой программе задавали открывавшие передачу живописные миниатюры наступившего месяца (автором лирических текстов был Ливеровский):

Раннее лето. Пролетьем называют эту пору, и она самая чудесная в годовом круге. Никогда так нежно не пахнет земля, никогда не бывает столько света и радости. Потому что все еще молодо в лесу, и клейкая непобитая листва, и шелковая мурава, и нарядные цветы [Тексты 1970, 93].

Красота поэтических картин корректировалась погодными реалиями каждого конкретного сезона (многие из «природников» вели фенологические календари и к смене погодных явлений относились с большим вниманием). В непривычно теплом январе 1962 г. по радио прозвучал следующий текст:

Пришел первенец года — январь и утвердил зиму. Правда, у нас в Ленинграде он ведет себя не очень по-зимнему. Прадеды наши называли январь «просинец», потому что светлеют дни в этом месяце, и потому что морозом, лютой стужей веет от небесной просини в низких облаках. А у нас такая нынче погода, про какую говорили: «Это не зима, а лето в зимнем платье». Недаром под Ленинградом видели грачей.

Лето не лето, а на осень очень похоже — шуршит грязь под колесами, с крыш капает [Тексты 1962, 2].

Популяризация высокой культуры, звучавшая по советскому радио, базировалась на принципах патернализма: сверху спускалась готовая система ценностей, предназначенная для широких народных масс. Патернализм сближал культурное просветительство с политической пропагандой, которая, как и прослушивание оперы или декламация стихов, требовала от советского человека постоянной внутренней мобилизации. Своеобразие «Вестей из леса» было в том, что культура приходила к слушателям не из концертных залов, театральных студий и библиотек, а из реальных лесов. Лес как источник культуры сближал поклонника Блока Бианки, эстета Ливеровского и топографа Сладкова, многие годы тянувшего армейскую лямку. Последнему было нелегко среди таких эстетов, но именно природа, представленная демократичным лесом, давала возможность преодолеть культурный разрыв между ними⁶. Тот же путь поверх культурных барьеров открывался для многотысячных радиослушателей «Вестей из леса», находивших в передаче и познавательный материал, и высокую поэзию; как признавался один из них: «Очень интересны передачи о птицах. В них, кроме познавательного материала, масса поэзии. И то и другое одинаково необходимо» [Письма 1952–1960, 34]. Соединяя природу и культуру, слушатели программы ставили знак равенства между любовью к лесу и владением культурными практиками⁷.

Торжеством природы и культуры стала трансляция голосов птиц, записанных на магнитофонную ленту Сладковым, Ливеровским и профессором Мальчевским в мае 1958 г. Писатели-натуралисты отправились в лес вместе с сотрудником радио, имевшим аппаратуру, и провели ночь на глухарином току, чтобы под утро записать голоса птиц (зарянка, зяблик, певчий дрозд). По словам Сладкова, «лес был полон весенних звуков, а мы надежд»⁸. Надежды оправдались с лихвой: редакция была буквально завалена восторженными письмами от слушателей разных возрастов и социальных групп. В пении птиц они услышали голоса культуры, связанной с деревенским детством, провинциальным бытом и досугом в лесу. О своих ощущениях после передачи слушатели пытались рассказать языком «низовой лирики», перемежая эмоции с историями из своей жизни (в стихах или в прозе):

Спасибо дорогая редакция Ленинграда, что Ваша художественная передача всколыхнула всю мою юность. Я как будто все это пережила

как в детстве, когда бегала в лесок жаловаться на судьбу свою. И лесок меня успокаивал. А птицы — их полет я часто наблюдала, даже им завидовала, потому что они улетают. А как утки гоготали в радио.

Все, все очень красиво, художественно. А я о таком искусстве узнала первый раз в жизни, а жизнь моя очень длинная — кончается 84-й год [Письма 1960–1963, 40].

Для взрослых радиослушателей птичье пение, переданное по радио, обладало таким же культурным статусом, как и концерт в филармонии. Поэтому птичьи голоса они описывали в категориях музыкальной культуры: «хор птиц», «лесной концерт», «оркестр в лесу», «выступление артистов леса» (про зарубежные эксперименты с включением пения птиц в инструментальное исполнение советские слушатели не знали). Сравнение пения птиц с профессиональным искусством было одновременно их противопоставлением, и всегда не в пользу искусства. «Ваши лесные записи дороже мне любой музыки» [Письма 1952–1960, 54], — написал школьный учитель рисования. Ему вторил техник-инженер: «Музыку я очень люблю, но превзойти пение соловья не может ни один композитор, певец или певица мира» [Письма 1964, 2]. Авторы передачи, принадлежавшие к культурной среде Ленинграда, о таком противопоставлении не помышляли, ставя своей целью научить отличать синичку от красношейки, а глухаря от тетерева. Но письма слушателей указывали на потребность не в практиках наблюдения за птицами (или не только в них), а в признании права воспринимать природу без оглядки на хозяйственную пользу, культурный стандарт и идейно-патриотическую догму. Ленинградская радиопередача, транслировавшаяся на всю страну, сделала это право легитимным. Не последнюю роль играл город Ленинград, являвшийся в представлении слушателей воплощением настоящей культуры: «Шлю сердечную благодарность дорогой редакции и в свою очередь скажу, что еще больше люблю Ленинград. Этот город какой-то особенный, и его, с его Невой нельзя не любить» [Письма 1960–1963, 40], — писала слушательница из Краснодара.

Не подчинялись единой догме и ассоциации, возникавшие при прослушивании пернатых обитателей леса. Образы птиц, богатые метафорическими смыслами, были широко востребованы в советской культуре периода «оттепели», но в эфире «Вестей из леса» звучали не поэтические метафоры, а голоса реальных птиц из реальных лесов. Кому-то они напоминали песню «Летят перелетные птицы, а я не хочу улетать» в исполнении Бернеса, а в ком-то

рождали мечту о преодолении территориальных и государственных границ (сам Бианки никогда не бывал за границей). Вдохновленные эмоциональным стилем и образным языком программы слушатели сами брались за поэтическое перо. Один из примеров — стихотворение, написанное ленинградской школьницей после передачи о перелетных птицах. Патриотическая тема переплетается в нем с подростковой неудовлетворенностью миром:

Спозаранку скворушки запели —
Угону нет.
Звонко листья с липы полетели
Золотом монет.
Охрой вспыхнули, дрожа от стужи,
Чащи темных рош.
Кто-то плачет, кто-то громко тужит...
Скворушки иль дождь?
И скорбят с надрывом, сердце рая,
Черных певчих хор.
Частый дождь по крыше барабанит.
Стонет грозный бор.
Вот-вот шумно ринут в небо стаи,
Курс — меридиан...
И на юге в синеве растают...
Поползет туман...
И поет вся стая в строгих платях.
В песне — жизнь! Вся в ней.
Это птицы болью сердца платят Родине своей... <...> [Письма
1960–1963, 11].

Противоположные по смыслу коннотации в равной степени утверждали право человека на свободный выбор жизненного пути, давали ощущение раскрепощенности и полета: «Не знаю почему, но когда я вижу гордо парящих в небе птиц, меня охватывает волнение и восторг» (из письма рабочего) [Письма 1960–1963, 4]. Подобное волнение испытывали и авторы передачи, знавшие птиц не по школьным хрестоматиям и не по декламациям стихов на радио, а по глухариным токам, ночевкам в засидках и восходам солнца, встреченным в лесу. Не отягощенные грузом культуры, слушатели воспринимали знатоков лесных птиц как близких по духу людей. Так складывалось разновозрастное эмоциональное сообщество, отличавшее радио-аудиторию «Вестей из леса» от участников прочих программ. Подобного взаимодействия не возникало при прослушивании пения птиц с пластинок, выпущенных фирмой

«Мелодия» в 1960-е гг. (может быть, поэтому интерес к таким записям быстро пропал).

Авторы программы прощали своим слушателям орнитологические ошибки, ценя в их письмах проявление искренности при описании своих чувств. Примером может служить письмо солдата Ходченкова, слушавшего «Вести из леса» в госпитале:

Уважаемая редакция и Виктор Бианки! Здравствуйте. Пишет вам письмо воин Советской Армии рядовой Ходченков Евгений. Вы удивитесь почему взрослый человек пишет в детскую редакцию. Но не удивляйтесь. Я сейчас нахожусь на лечении в Белоцерковском военном госпитале и так как я не могу подниматься с койки, я слушаю с 6 и 12 часов радио, слушаю и ваши передачи [Письма 1956–1960, 11]⁹.

Возле больничного окна, по его описанию, росла липа, на которую прилетали птицы. Когда по радио стали передавать пение дрозда, птичка за окном начала подпевать, и все остальные птицы подхватили это пение. По замечанию Ливеровского, что «на липе собирались у него птицы, это липа видать», но рукой Сладкова было написано: «Ну и пусть липа! Публикуйте!» [Письма 1956–1960, 11].

Пением птиц заслушивался не только находящийся на излечении рядовой, но и сотрудники ленинградского радио, в том числе руководившие им. Они вечно жаловались на свою оторванность от природы, к которой якобы рвались, но на самом деле воспринимали ее как вторичное от культуры явление, которому были глубоко чужды. Одна из редакторов Детгиза призналась Сладкову: «Мы позавидовали Вам — Вы видите многое, чего, наверно, многим из нас и увидеть не придется. Мы почти лишены общения с природой. А именно она дает человеку силы и физические, и творческие» [Письма 1958, 6]. Но были и те, кто услышал в записях птиц живую культуру, не искаженную пропагандой и не отягощенную культурным просветительством: «Василий Иванович Васильев должен был контролировать политическое вещание (главную заботу председателей), но оно его, в сущности, не занимало. Свое сердце он отдал детским программам. Надо было видеть, с каким просветленным лицом он слушал „Вести из леса“, где пели птицы и странно перекликались звери...» [Мархасев 2004, 37]. Услышал запись птичьих голосов и Бианки (это произошло в последние дни его жизни), передав свои чувства словами «словно в лесу побывал», а побывать в лесу «это всегда счастье» [О радиопередаче, 5]. Доверительно на этом фоне звучали слова одного из радиослушателей: «Мой сердечный, искренний привет Виталию Бианки, за его произведения —

Рис. 1. Запись голосов птиц на магнитофон (иллюстрация из детского издания). Сладков Н. За птичьими голосами / худ. Е. Бианки. Л.: Детгиз, 1962

хорош он, побольше бы таких людей, рай был бы на земле» [Письма 1952–1960, 10].

Письма слушателей раскрывали не только лирическую сторону души советского человека, но и трафаретность его языка и стандартность мышления. Этим свойством были отмечены как письма школьников, так и учителей, инженеров, пенсионеров и генералов в отставке (они тоже писали на радио). Оставляя без публичных комментариев письма взрослых, редакторы «Вестей из леса» не давали спуска юным слушателям (то, что Бианки называл «борьбой за души ребячьи») [Флит, Русакова 1967, 139]:

Люба Богданова из Ленинграда прислала «обиженное» письмо. «Передайте, пожалуйста, мое письмо. Я очень вас прошу, — обращается

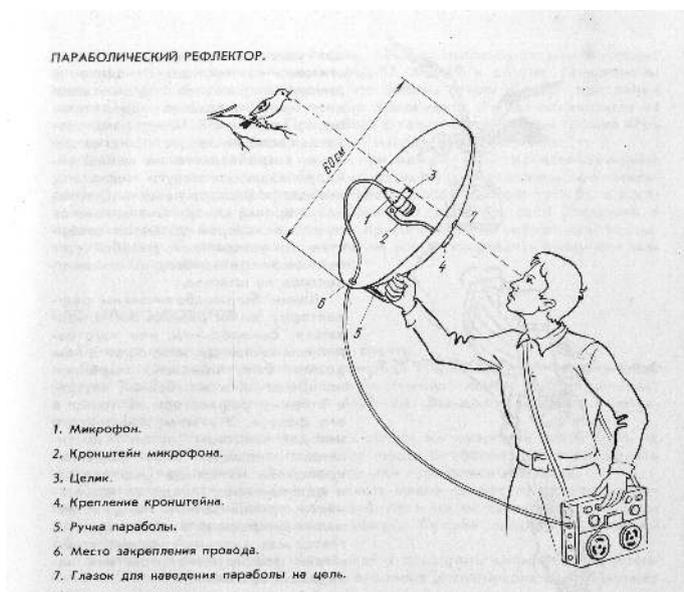

Рис. 2. Графическое приложение к инструкции, как записывать голоса птиц в живой природе. Охота за голосами: книга об охоте с магнитофоном. Л.: Дет. лит., 1982

к нам Люба. — А то я на каждую детскую передачу отвечаю, а меня никогда не похвалят. Вы извините меня, что я так написала, но мне тоже хочется услышать по радио свое имя». Что ж, посмотрим, как Люба отгадала загадки [Микрофонные передачи 1966, 94].

Загадки Люба отгадала неверно, после чего следует комментарий: «Итак, дружок, первую твою просьбу мы выполнили — прочитали твое письмо. А вот похвалим мы тебя в следующий раз, когда ты правильно ответишь на все загадки» [Микрофонные передачи 1966, 94]. Жаждавшей всенародной похвалы Любе противопоставлялись те, кто дорожил истиной и отстаивал ее вопреки насмешкам. Так, в одной из передач рассказывалось о Наде из Башкирии, которая сказала в классе, что иногда утки на деревьях несутся, и все ребята засмеялись. Слушатели заступились за Надю, рассказав про утку, которая делает гнездо в дупле дерева, выводит там птенцов, которые потом выпрыгивают на землю¹⁰.

Помимо уроков морали создатели передачи давали уроки культурного письма, свободного от газетных (читай: идеологических)

штампов, мешавших выразить свои впечатления от общения с природой:

Однажды мы передали рассказы Вовы Минькова, которые он прислал. И редакцию тотчас захлестнул поток рукописей от слушателей — маленьких и больших, от пионеров и пенсионеров. Всем хотелось рассказать о своих встречах с природой, о своих наблюдениях. Это радовало — столько у природы защитников! И огорчало: оказалось, что в представлении многих рассказы о природе — это просто описание случаев. Увидел, записал — и готово! Но случай может быть только толчком для рассказа, простое его изложение — еще не рассказ. Между делом мы разъясняли и это [О радиопередаче, 1].

Члены редакции были единодушны в том, что освобождение от языкового диктата начинается не с упражнений по стилистике и не с уроков по культуре речи, а с умения нестандартно видеть окружающий мир. Поэтому они советовали радиослушателям чаще бывать на природе, выезжая в ближайшие леса и обращая внимание на то, что кажется привычным для глаза. По словам Сладкова, «большинство так еще мало знали природу, что все, что они видели в ней, было для них обыкновенным: раз это есть, то так и должно быть! И тем и другим надо было доказать (показать!), что нет в природе обыкновенного, что все в ней — необыкновенно. Обычный цветок, созданный из комочка земли, капли воды и капельки солнца, — разве это обыкновенно? Все живое есть чудо. Да и неживое...» [О радиопередаче, 1].

Увидеть знакомый мир с необычной стороны помогали вопросы и загадки, игравшие в передаче не только познавательную, но и мировоззренческую роль (меняли оптику восприятия). В задаваемых вопросах (некоторые из них разворачивались в сюжетные истории) сталкивались трафаретные представления о природных явлениях и настоящее знание о них. Например, вопрос: «Думаете — все птицы летят на юг — за горы, за моря, в теплые края?» служил поводом для рассказа о том, что осенью птицы улетают в разных направлениях (красный воробей на восток, золотистая ржанка-кулик летит с Кольского полуострова на запад, а гаги-утки с Белого моря в Ледовитый океан, где вода не замерзает). Принцип оксюморона (от зимы птицы улетают на север) позволял стряхнуть с природного факта налет обыденности.

Пропагандируя лесную природу как доступную для познавательных и эстетических наблюдений среду, авторы «Вестей из леса» грешили против истины: нахождение в лесу требует времени и

навыков (русская пословица «лес — бес» напоминала о чужеродности лесной среды), не говоря уже о практиках наблюдения над животным миром (любоваться полетом птиц под песню Бернеса и вести многочасовые наблюдения за их гнездованием — это не одно и то же)¹¹. Остроумная игра со словом и смыслом, которой так увлекались создатели программы, не всегда сочеталась с «приземленностью» фактов. Те же слушатели, которые затаив дыхание ловили голос дрозда, писали письма о недостоверности излагаемых в программе наблюдений. Люди, культивирующие землю, не умеют культивировать себя (Терри Иглтон), зато хорошо знают землю. Примером может служить письмо дошкольницы, написанное ее бабушкой:

Я Валя Алешина Калужской области тарусского района деревни Лопатино мне 6 годов слушала передачу по радио с города Ленинграда рассказ охотников. Я им не поверила, потому что я прожила уже 6 годов на свети была в Москве в зоопарки видила всяких зверей и вижу ястреба в своей деревне каждый день почти, и знаю охотника дядю Андрея Зимакова мой сосед. Он тоже врать умеет хороше. Но такого я не слышала. Чтобы утки убивали лисиц, чтобы охотник убил одним выстрелом 5 куропаток, чтобы одним выстрелом убить ястреба и курицу это я не поверю (орфография и пунктуация письма сохранены — М. К.) [Письма 1956–1960, 1].

Малолетняя внучка и ее полуграмотная бабушка не смогли оценить по достоинству замысел редакции, но признавались, что передача им все равно нравится. Авторы «Вестей из леса» не настаивали на истинности подобных историй, стремясь передать живую атмосферу охотничьего рассказа, в котором переплетаются вымысел и реальность. В одном из выпусков «Вестей из леса» (1956 г.) Бианки высказал свое отношение к рассказам охотников: «А на самом деле в их рассказах такая часто скрывается правда удивительная и редкая, какой никто из домашних людей еще никогда и не видел. Ну и пусть — сказки. В них постоянно тоже что-нибудь да правда» [Тексты передач 1956, 15].

Иначе относились к «Вестям из леса» ученые-натуралисты, критически оценивавшие творчество авторов программы (отношения с научным сообществом у «природников» складывались непросто). Во время совместной экспедиции Сладков предложил профессору Кустановичу взять в руки ядовитую змею, убеждая, что она не укусит, если прижать ей хвост.

Рис. 3. Фотографии одной из постоянных слушательниц «Вестей из леса» // ЦГАЛИ СПб Ф. 538 Сладков Н. И. Оп. 1. Д. 250

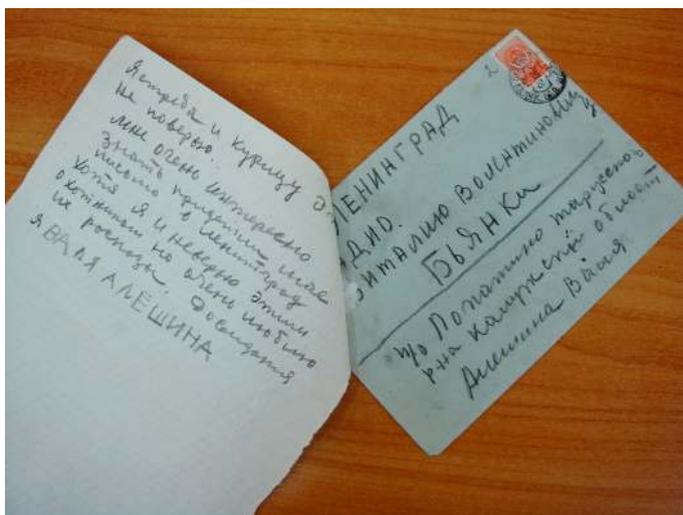

Рис. 4. Письмо дошкольницы, отправленное ее бабушкой на радио // ЦГАЛИ СПб Ф. 538 Сладков Н. И. Оп. 1. Д. 296

— Дело не в хвосте, а в том, что сказки рассказываете. Это ваша очередная выдумка, как все в ваших книгах.

— В рассказах для детей и должна быть сказка. Красота и тайна — вот что больше всего затрагивает душу ребенка.

— Ваше вранье и сюсюканье отобьет желание читать книги у любого толкового натуралиста [Лухтанов 2009, 113–114].

Слушатели «Вестей из леса» знали, что прав Кустанович, а не Сладков, и что ядовитую змею в руки лучше не брать. Но знаменитый московский профессор был от них далеко, а Николай Сладков с записями птичьих голосов и понятными уроками жизненной морали — близко. Достаточно было раз в месяц включить радио и послушать «Вести из леса», чтобы почувствовать себя не только любителем природы, но и по-настоящему культурным человеком.

Примечания

- ¹ Советское радио для детей ждет своих исследователей. Материалов, посвященных детским программам, практически нет, а существующие работы по культурной истории советского радио ограничиваются скудным перечислением детских передач. Наиболее полные исследования по истории советского радиовещания опубликованы Т. М. Горяевой. Детские радиoproграммы выборочно упоминаются в подготовленном ею издании: [Горяева 2007]. Истории одной из передач для подростков посвящено исследование И. В. Дубровицкого [Дубровицкий 2003], а о молодежных программах вспоминают ее создатели Н. Киселева и М. Кусургашев в книге «Дважды двадцать, или 40 счастливых лет. Радиостанция „Юность“» [Киселева, Кусургашев 2002].
- ² Передача под названием «Лесная радиогазета» продолжала выходить на московском радио, но уже без участия команды Бианки.
- ³ Заслуженная артистка РФ Мария Петрова, ставшая голосом детского радио Ленинграда, вспоминала работу в «Вестях из леса» как период «изумительной творческой жизни». В письме к Сладкову она написала о том, что продолжает в концертах и бенефисах читать отдельные тексты из «Вестей из леса» (письмо написано в 1985 году) [Письма 1985, 1].
- ⁴ О значении радиогазет в системе советских средств массовой информации см. [Тихонова 2020].
- ⁵ Эстетический посыл «Вестей из леса» очевиден при сравнении с другими передачами для детей этого периода. Так, в детской программе «Звездочка» (1958 г.) была выразительно прочитана история про девочку Таню, посадившую у себя в саду королевскую лилию (семена

этого редкого цветка подарил ей мальчик). Когда семя проросло, оказалось, что «на клумбе среди анютиных глазок, маргариток и настурций вылезла неповоротливая толстая брюква». Однако Таня не долго расстраивалась. Когда брюква созрела, бабушка приготовила из нее очень вкусный гарнир к котлетам. Значит, Таня не зря трудилась. А на следующий год героиня рассказа посадила в своем саду полезную для здоровья морковку [Тексты 1958, 6]. Действительно, какая польза может быть в цветочном саду от королевской лилии?!

- 6 По признанию Сладкова, «передача приносила радости и огорчения. Но мне все шло на пользу; после армии, в которой я пробыл 16 лет, я попал в совершенно иную среду, с которой надо было сживаться. Поэтому и отрицательный результат был все же результат» [О радиопередаче, 2].
- 7 Взрослые радиослушатели «Вестей из леса» аттестовали себя как любителей природы и искусства: «Я человек любящий природу, искусство и музыку. С большим вниманием слежу за передачами по радио. И вот сидя в комнате вдруг мысленно переносясь с участниками (1 лесного репортажа) в лес да в самую чашу. Слышишь пение птиц, слышишь плеск воды, слышишь треск сучьев, и всю прелесть лесной жизни» (пунктуация автора — *М. К.*) [Письма 1952–1960, 20].
- 8 О том, как шла первая запись пения птиц, см. в книге Н. Сладкова «За птичьими голосами» (1968). Технике записи голосов леса посвящено издание «Охота за голосами. Книга об охоте с магнитофоном» (1982), авторами которого были Сладков и Мальчевский.
- 9 Далее автор письма продолжает. «И вот эти птицы устроили настоящий концерт, а когда я попросил сестру поставить радио на подоконник то птицы еще больше осмелели и начали залетать на карниз, сели на ближние ветки. А когда раздалась трели певчего дрозда то одна какая-то птичка подлетела на самый край ветки и начала так громко выводить свою песню что я невольно рассмеялся. А когда передача закончилась птицы еще долго сидели на ветках. Вот и все что я хотел вам написать. На этом кончаю. До свидания с приветом Е. Ходченков» (пунктуация письма сохранена — *М. К.*) [Письма 1956–1960, 11].
- 10 В одном из выпусков передачи (август 1970 г.) обсуждались ответы на загадку про лося «Из глади озера рога растут — большие, широкие». «Особенно насмешила нас Надежда Александровна Дерескова (она учится в 5 классе, но называет себя, как видите, очень уважительно — по имени-отчеству)», которая нарисовала бегемота. «Ребята, объясните Наде, где живут бегемоты» [Тексты 1970, 143]. Иронию вызвал не нелепый ответ девочки, а то, как официально пятиклассница представила себя в письме.
- 11 Не лишена иронии записка, адресованная Сладкову во время одной из его встреч с читателями (1975 г.). «Николай Иванович, скажите, пожалуйста, кем Вы работаете, что так много Вам удается бывать

в лесу?» [Записки 1975, 2]. О том же самом, но с простодушным доверием написал учитель русского языка. «Ведешь урок, увидишь воробья в окно — сразу мысль переходит на другое; услышишь трескучую сороку — опять же хочется бежать в лес, в поле, тесной становится классная комната». Мечтая вырваться из учительских будней, автор письма поинтересовался профессией Сладкова. «Я хочу получить профессию, подобную Вашей» [Письма 1976–1992, 59].

Литература

Источники

Вести из леса 1961 — Вести из леса: сб. / В. Бианки, А. Ливеровский, Н. Павлова, Н. Сладков, Э. Шим. Л.: Детгиз, 1961.

Записки 1975 — Записки читателей // ЦГАЛИ СПб. Ф. 538. Сладков Н. И. Оп. 1. Д. 249.

Лухтанов 2009 — Лухтанов А. Г. Путешествие за птицами. Алматы: Глобус, 2009.

Мархасев 2004 — Мархасев Л. С. Белки в колесе: записки из Дома радио. СПб.: Лики России, 2004.

Маяковский 1941 — Маяковский В. В. Расширение словесной базы // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. 10. Стихи, 1929–1930. Статьи. Стенограммы выступлений 1926–1930 / ред. и примеч. В. Катаняна. М.: Гос. изд-во «Худож. лит.», 1941. С. 286–289.

Меньшикова 1966 — Меньшикова А. Радио — детям. Из опыта вещания для детей и юношества Всесоюзного радио. М.: Комитет по радиовещанию и телевидению, 1966.

Микрофонные передачи 1966 — Микрофонные передачи для младших школьников «Вести из леса». 1966 // ЦГАЛИ СПб. Ф. 293. Государственная телерадиокомпания Петербург — 5 канал. Оп. 6. Д. 392.

О радиопередаче — О радиопередаче для детей «Вести из леса». Рукописи Н. И. Сладкова // ЦГАЛИ СПб. Ф. 538. Сладков Н. И. Оп. 1. Д. 26.

Письма 1952–1960 — Письма Н. И. Сладкову. Слушателей радиопередачи «Вести из леса». Т. 1. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 538. Сладков Н. И. Оп. 1. Д. 250.

Письма 1956–1960 — Письма читателей к В. В. Бианки // ЦГАЛИ СПб. Ф. 538. Сладков Н. И. Оп. 1. Д. 296.

Письма 1958 — Письма Н. И. Сладкову учреждений и организаций. 1953–1988 // ЦГАЛИ СПб. Ф. 538. Сладков Н. И. Оп. 1. Д. 257.

Письма 1960–1963 — Письма Н. И. Сладкову слушателей радиопередачи «Вести из леса». Т. 2. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 538. Сладков Н. И. Оп. 1. Д. 251.

Письма 1964 — Письма Н. И. Сладкову. 1959–1975 // ЦГАЛИ СПб. Ф. 538. Сладков Н. И. Оп. 1. Д. 247.

Письма 1976–1992 — Письма читателей Н. И. Сладкову. 1976–1992 // ЦГАЛИ СПб Ф. 538. Сладков Н. И. Оп. 1. Д. 248.

Письма 1985 — Письма Н. И. Сладкову Петровой Марии Григорьевны, актрисы, диктора Ленинградского Радио. 1985–1988 // ЦГАЛИ СПб. Ф. 538. Сладков Н. И. Оп. 1. Д. 207.

Подготовительные материалы 1975 — Подготовительные материалы для телевизионного интервью Н. И. Сладкова журналистке Л. Ракутской (Москва). 1975. Рукописи Н. И. Сладкова // ЦГАЛИ СПб. Ф. 538. Сладков Н. И. Оп. 1. Д. 64.

Тексты передач 1955 — Тексты передач для школьников под редакцией писателя Виталия Бианки «Лесные были и небылицы». 1955 // ЦГАЛИ СПб. Ф. 293. Государственная телерадиокомпания Петербург — 5 канал. Оп. 2. Д. 5348.

Тексты передач 1956 — Тексты передач для младших школьников «Вести из леса». Ответственный редактор В. Бианки. 1956 // ЦГАЛИ СПб. Ф. 293. Государственная телерадиокомпания Петербург — 5 канал. Оп. 4. Д. 251.

Тексты 1958 — Тексты радиожурнала «Звездочка» // ЦГАЛИ СПб. Ф. 293. Государственная телерадиокомпания Петербург — 5 канал. Оп. 5. Д. 171.

Тексты 1959 — Тексты передач для школьников за июнь 1959 года // ЦГАЛИ СПб. Ф. 293. Государственная телерадиокомпания Петербург — 5 канал. Оп. 5. Д. 348.

Тексты 1962 — Тексты передач для младших школьников «Вести из леса». 1962 // ЦГАЛИ СПб. Ф. 293. Государственная телерадиокомпания Петербург — 5 канал. Оп. 5. Д. 969.

Тексты 1970 — Тексты микрофонных передач «Вести из леса». 1970 // ЦГАЛИ СПб. Ф. 293. Государственная телерадиокомпания Петербург — 5 канал. Оп. 7. Д. 131.

Шим 1969 — Шим Э. Ю. Кто копыто потерял?: Рассказы и сказки. М.: Детская литература, 1969.

Исследования

Горяева 2007 — «Великая книга дня...»: радио в СССР: документы и материалы / сост. Т. М. Горяева. М.: РОССПЭН, 2007.

Дубровицкий 2003 — Дубровицкий И. В. «Ровесники» — передача для старшеклассников: из истории отечественного радиовещания. М.: Факультет журналистики МГУ, 2003.

Киселева, Кусургашев 2002 — Киселева Н., Кусургашев М. Дважды двадцать, или 40 счастливых лет: Радиостанция «Юность». М.: Радиостанция «Юность», 2002.

Тихонова 2020 — Тихонова О. В. Радиогазеты в Советской России (1920–1930-е гг.). М.: Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2020.

Флит, Русакова 1967 — Флит Л., Русакова И. Вести из леса // Жизнь и творчество Виталия Бианки. Л.: Детская литература. 1967. С. 137–144.

Lovell 2015 — Lovell S. Russia in the microphone age: A History of Soviet Radio, 1919–1970. New York: Oxford University Press, 2015.

References

Dubrovitskiy 2003 — Dubrovitskiy, I. V. (2003). “Rovesniki” — peredacha dlya starsheklassnikov: iz istorii otechestvennogo radioveshchaniya [“Rovesniki” — a program for high school students: from the history of domestic radio broadcasting]. Moscow: Fakul'tet zhurnalistiki MGU.

Flit, Rusakova 1967 — Flit, L., Rusakova, I. (1967). Vesti iz lesa [News from the Forest]. In Zhizn' i tvorchestvo Vitaliya Bianki [Life and Work of Vitaly Bianki] (pp. 137–144). Leningrad: Detskaya literatura.

Goryaeva 2007 — Goryaeva, T. M. (Ed.). (2007). “Velikaya kniga dnya...”: radio v SSSR: dokumenty i materialy [“The Great Book of the Day...”: Radio in the USSR: Documents and Materials]. Moscow: ROSSPEN.

Kiseleva Kusurgashev 2002 — Kiseleva, N., Kusurgashev, M. (2002). Dvazhdy dvadtsat', ili 40 schastlivykh let: Radiostantsiya “Yunost'” [Twice Twenty, or 40 Happy Years: Radio Station “Yunost'”]. Moscow: Radiostantsiya “Yunost'”.

Lovell 2015 — Lovell, S. (2015). Russia in the microphone age: A History of Soviet Radio, 1919–1970. New York: Oxford University Press.

Tikhonova 2020 — Tikhonova, O. V. (2020). Radiogazety v Sovetskoy Rossii (1920–1930-e gg.) [Radio Newspapers in Soviet Russia (1920–1930s)]. Moscow: Fakul'tet zhurnalistiki MGU im. M. V. Lomonosova.

Marina Kostukhina

The Herzen State Pedagogical University of Russia;
ORCID: 0000-0001-8016-7676

“VESTI IZ LESA” — SOVIET RADIO PROJECT AND LIFE
PROGRAMME

The Leningrad radio programme “Vesti iz Lesa” (News from the Forest), broadcast on All-Union Radio from 1956 to 1970, was a successful Soviet radio project for children. Despite its narrow target audience (young children) and limited content focused on forest themes, the programme attracted a wide range of listeners of different ages (“from pioneers to pensioners”, according to Nikolai Sladkov). This is evidenced by the hundreds of letters received by the editorial office “Leningrad, radio ‘Vesti iz Lesa’” every month. The research material for this article includes a corpus of letters stored in the archive of the writer and “nature writer” Nikolay Sladkov (the compiler of the scripts), as well as microphone cards from “Vesti iz Lesa” in the archive of the Gosteleradio St. Petersburg – 5 channel. The subject of the study is the reception of the nature science programme by different age groups of radio listeners. Analysis of the editorial mail reveals that for many thousands of listeners, the programme “Vesti iz Lesa” legitimized the human right to perceive nature without regard to economic benefits, cultural standards, or ideological and patriotic dogma. The editorial board’s position diverged from the ideological mainstream that dominated Soviet radio in the late 1950s-1960s, but resonated with the radio listeners of the time. This perception of nature, transcending ideological and cultural barriers, contributed to the creation of an “emotional community” around the programme founded by Vitaliy Bianki and his associates.

Keywords: Soviet radio broadcasting for children, natural history knowledge, nature writers, Vitaliy Bianki, Nikolay Sladkov, Alexey Liverovskiy

РЕЦЕНЗИИ

Valeria Illuminati

GIANNI RODARI IN THE UK AND IN THE US:
A COMPLEX RECEPTION STORY. REVIEW OF
C. ALBORGHETTI *GIANNI RODARI AND HIS
ENGLISH READERS. A DIALOGICAL
PERSPECTIVE*. ROMA: ARMANDO EDITORE,
2023

The review of *Gianni Rodari and His English Readers. A Dialogical Perspective* by Claudia Alborghetti highlights the main steps in the translation and reception of Gianni Rodari's works in the English-speaking countries. The comprehensive historical, paratextual, and translational analysis follows the evolution of Rodari's books in English from the first UK translation back in 1965 to contemporary US ones. By adopting a translational and pedagogical perspective focussed on empathy, the study reveals how translation affects the empathising process in children's literature and the role played by translators and other mediators. The empathy building process can be manipulated to adapt to the target cultural context and value system, and the empathic charge of books can be limited or diminished. However, the empathic dialogue of the author with their readers can also be retained in translation, allowing children to connect with a different culture and children's literature to liberate its unique potential.

Keywords: Gianni Rodari, children's literature translation, empathy, dialogic translation, paratext, reception, US publishing context, UK publishing context

Gianni Rodari and His English Readers. A Dialogical Perspective offers an in-depth analysis of the translation and reception in English-speaking countries, namely in the UK and in the US, of one of the key

figures of Italian children's literature in the 20th century, Gianni Rodari. Moving from an interdisciplinary approach that acknowledges the multidisciplinary nature of children's literature, Alborghetti's scrutiny focuses on the potential of books (and authors) for children to foster empathy in young readers. Translation is thus explored from this very specific pedagogical angle, investigating the dialogic relationship among the author, the translator, and the reader, as well as the possibilities that children's literature can open in translation. Rodari's translation(s) into English prove to be a particularly effective and suitable case study. Not only is Rodari "one of the most translated Italian authors for children into English" (p. 12), but ethical, social, political, civil issues imbued his whole production and make his texts still resonates with contemporary readers. Last but not least, words with their imaginative potential are paramount to Rodari and his creative dialogue with children. Using a wide range of narrative strategies, such as rhetorical questions, open endings, cultural references, inventive language, character names and their descriptions, the writer engages with his readers and builds empathy with them.

The descriptive analysis of Rodari's translations is carefully theoretically framed, starting from the key, multidisciplinary notion of empathy, explored from a developmental viewpoint in its interplay with children's literature and reading. In particular, the narrative dialogue between the writer and their reader(s) is where empathy can be built through literature: in the safe, fictional worlds of literature, by empathising with characters, children can experience everything (pp. 17–22). In the case of translated books, as the author underlines, other people (translators, editors, publishers, illustrators) step in and their presence, along with cultural, economic, social, and ethical elements, can affect this narrative dialogue. Drawing on established research in Translation Studies (Even-Zohar, Toury, Venuti), the translation of children's literature is presented in its fundamental mediating function, highlighting the role played by translators and publishers as well as by the other professionals involved in the process (pp. 28–34), especially when culture-specific items and references are at stake. With domestication and foreignisation being the overall guiding framework for the analysis carried out in the study, the mediation occurring when translating books for children is further explored bringing up the key issue of the voice and presence of the translator(s) in children's literature, with particular reference to O'Sullivan's dialogic translation (pp. 38–43).

To complete the theoretical premises for the analysis of examples of dialogical narrative in Rodari's books translated into English, chapter

2 outlines the historical, literary, and editorial context of translated children's literature in the US and the UK from the 1950s to today. This time frame encompasses both Rodari's activity as a writer for children and his translation in the English-speaking world. The contextual and historical overview is essential to contextualise Rodari's importation and reception in both countries, while also revealing the plurality of mediators at play. Both countries are widely known for their lack of translation and their resistance to it, a situation that mainly stems from the peripheral position of translation and children's literature in the polysystems of the US and the UK and results in a still limited number of translated children's books.

Before delving into the status of translation and translators on both sides of the ocean, the author discusses the main literary prizes and awards in children's literature and their history, again with a specific focus on translation. National and international prizes play a crucial mediating role in legitimising the selection of books — and authors — to be translated, as their awarding stands for literary value. This insight is all the more necessary if we consider that Rodari won the Hans Christian Andersen Award in 1970. The prestige of the award made him internationally known and served as a catalyst for his translation in the UK. Moreover, — and perhaps more importantly for the research purposes, as the analysis shows — this is often mentioned and underlined in paratextual material to reassure about the quality of Rodari's work, thus justifying his translation.

Although the development of children's literature followed different paths and rhythms in the US and the UK, the two countries share some common features and some parallels can be drawn, allowing the author to identify three different periods (1950s–1979; 1980s–1995; 1996–today) in the evolution of the children's literature market, with corresponding major trends in translation. After the Second World War, internationalism in children's literature and the underlying idea that books for children could foster international mutual understanding lead to a rise in translation and foreign authors did reach the English-speaking market. However, this “golden age” was not going to last: in the following years, a difficult economic and political situation negatively affected the publishing market, that was to undergo major transformations, resulting in a reduction in translated works.

In the US, the drop in funding forced many publishing houses to merge under the umbrella of bigger publishing companies or to focus on “selling”, marketable books, or to join co-publishing projects. Also due to the saturation of the market caused by the massive production

of books in the previous years, translation became a risky business in which publishing houses were reluctant to invest, a downturn that were to isolate the US. The birth of conglomerates in publishing houses and the establishment of specialised bookstores brought about the commodification of children's literature, a new trend directly linked to consumerism and poor quality, that would have endured.

The UK experienced a similar decline due to a lack of funding, fast-growing chain bookstores, the crisis of librarians as mediators, and new typologies of books thought for children as consumers. While the general trend pointed to a drop in translated books, some publishers and editors kept promoting foreign authors and books, like Klaus Flugge who inspired Aiden Chambers in creating his own imprint devoted to offering translated books to children and young readers.

The new millennium, and especially the second decade of the 21st century, would slowly move towards a "more inclusive literature in the US and the UK" (p. 74). Children's publishing will still be dominated by globalisation and its homogenisation of a literature giving up originality and (cultural) difference, by a small number of huge conglomerates, and by Anglocentrism. However, thanks to the commitment of small independent publishers and the effort of other specialists, translators, and scholars, there has been an upsurge in translated books as a way to increase quality and promote diversity in children's books. Moreover, thanks to projects, debates and initiatives, translation and translators are gaining visibility in English-speaking countries, which could lead to a greater awareness of this crucial mediating process also among readers.

Having laid down the theoretical framework of the research, chapters 3 and 4 move on to the textual analysis of excerpts of Rodari's works translated into English from 1965 — when the first translation of *Telephone Tales* appeared in the UK — to today. The aim is to determine whether the narrative dialogue that Rodari built with his readers survived in translation. Acknowledging translation as the result of a process involving different book professionals (translators, publishers, editors, illustrators), the analysis is not limited to a commentary of the translation strategies adopted. Paratextual materials — both peritextual and epitextual (reviews, advertisements, blogs, interviews, etc.) — are considered so as to recreate the historical and publishing context in which each translation originated, and to better understand its position and reception within the target social, cultural, literary, and editorial environment. By paying attention to the "agents" of translation and by providing specific background information on translators and publishers, this broader perspective reveals how extra-textual, contextual elements

are paramount to a thorough investigation of the empathising process in Rodari's books translated in English and, more generally, in translated children's literature. For analysis purposes, books are grouped by genre (tales and short stories, novels, adapted picturebooks) and discussed separately, before drawing some final remarks on the whole importing process in each country.

Since Rodari was first translated in English in the UK, mostly during the 1970s, and only later in the US, by adopting a chronological criterion, chapter 3 follows the steps of Gianni Rodari's translations and their dialogue with readers in the UK between 1965 and 1976. Rodari was introduced to British readers back in 1965, when Harrap & Co. first published *Telephone Tales: Bedtime Stories by Gianni Rodari*, a selection of short stories from his collection *Favole al telefono* published by Einaudi in 1962. Four more books were to be translated by the end of the 1970s, mainly thanks to the awarding of the Hans Christian Andersen Award: the novels *The Befana's Toyshop: A Twelfth Night Story* (1970) and *A Pie in the Sky* (1971), the short story *Mr. Cat in Business* (1975), and the (selected) collection *Tales told by a Machine* (1976). Publishers shifted from Harrap & Co. to J. M. Dent & Sons, to Abelard Schuman, and while the first three books were all translated by Patrick Creagh, he was replaced by Sue Newson-Smith for *Tales told by a Machine* and by an anonymous translator for *Mr. Cat in Business*. The analysis reveals the major mediating and advertising role played by paratexts in introducing and promoting Rodari and his work, which were still unknown in the UK at the time. Particular emphasis was often laid on the Andersen Prize to reassure adult mediators about the quality and the literary value of the books. Translation strategies vary across the books, from more domesticating choices to a stronger foreignising approach, due to changes in the narrator's voice and in the narrative strategies as well as to cultural reasons. The in-depth investigation of these strategies, by grounding them in their original cultural, editorial, and historical background, shows how they affect the empathising process and reveals that "the empathic charge of some [books] was limited in translation, compared to the original intentions of the author" (p. 167). Moreover, despite a closeness in time with the original books, intertextual and contextual references were generally adapted in order to give target readers a more familiar environment.

Chapter 4 retraces Rodari's path in the US, from the first sporadic translation of a short story in 1973 to 2022. Rodari's political ideas and his affiliation with the Communist Party long prevented his work to cross the ocean and reach US readers, with the only exception being

three short stories published in the magazine “Cricket” in 1973, 1979 and 1987. It was not until the mid-90s that his work was finally imported and his fame as a renowned children’s writer was recognised and began to flourish. As the study points out, this late reception was possible thanks to two prominent, key figures in the US academia and literary world, Jack Zipes and Anthony Shugaar respectively. If Zipes is to be credited with introducing Rodari to the US public through his translation of *The Grammar of Fantasy* in 1996, Shugaar has played — and still plays — a crucial role in the translation and dissemination of Rodari’s work, in particular thanks to his collaboration with the publishing house Enchanted Lion Books, which is fully invested in this cultural and editorial project, with new translations on their way. Even though it is a manual for adults, Alborghetti briefly considers also *The Grammar of Fantasy* in her analysis. By marking a turning point in the importation and reception of Rodari in the US, it is essential to a comprehensive overview of the target cultural and literary environment. Similar theoretical and methodological standpoints account for and move the analysis of three picturebooks based on Rodari’s short stories and illustrated by Beatrice Alemagna (*One and Seven*, 2003, translated by David Anglin; *Telling Stories Wrong*, 2022, translated by Antony Shugaar; *The Moon of Kyiv*, 2022). All these works are complementary to the translations that represent the true focus of the study, i.e., the collection *Tales to Change the World* (2008), translated and adapted by Jack Zipes, the novel *Lamberto, Lamberto, Lamberto* (2011), and the collection *Telephone Tales* (2020), both translated by Antony Shugaar and published by Melville House Publishing and Enchanted Lion Books respectively.

The analysis of paratextual material highlights the crucial role played by the translators as the initiators of the different translation projects, as well as the responsiveness of Enchanted Lion Books as a publisher and of its editor Claudia Bedrick. The examples from Rodari’s translation discussed in the chapter reveal how the bond with the reader(s) and empathy are built through different translation strategies, also depending on the target readership, whether children or adults as in Shugaar’s translation of *Lamberto, Lamberto, Lamberto*. If in *Tales to Change the World*, Zipes adopted a domesticating strategy aimed at making young readers empathise with characters and understand the deeper meaning of each story, in his translation of *Telephone Tales*, Shugaar chose a consistent foreignising approach that did not undermine the empathising process. The translator’s approach to the text and his careful work on Rodari’s language, his competence and stylistic resources succeed in recreating the writer’s language and imagination for foreign readers along

with his empathic dialogue with children. The advertising campaign and the other initiatives that surrounded the book promotion (interviews, videos, blogs, etc.) also made it possible to opt for such an approach in translation.

Spanning over 70 years and combining different perspectives, Alborghetti's study of the translation and reception of Rodari's works in Anglophone countries fills a void. Unlike his translation into other languages, such as Russian or French, which have attracted greater scholarly attention, Rodari's translations in English had not been systematically investigated, either in the UK and the US, prior to Alborghetti's monograph. The path of Rodari's reception in the English-speaking world illustrates how the translation and importation of an author often requires a long process of sedimentation of habits, language, and traditions. It also demonstrates, should it still be necessary, that translation is a complex process involving different "agents," all able not only to be its tireless initiators but also to affect its reception.

By adopting a translational and pedagogical point of view in the study of translated children's literature, Alborghetti chooses an original perspective — empathy and its narrative strategies — for the historical, paratextual, and translational analysis of Rodari's translations in English-speaking countries. The multi-layered analysis reveals that, just like other aspects, the process of building empathy can be manipulated in translation to adapt to and fit into the target culture's ideology and values by erasing those elements that adults deem unsuitable for young readers. Studying translations and their "empathic potential" represents an interesting perspective, one that opens up other possibilities and falls in line with the increasing attention that Translation Studies is devoting to the reception of translated texts.

Валерия Илюминати

Болонский университет; ORCID: 0000-0002-1310-1199

ДЖАННИ РОДАРИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США: СЛОЖНАЯ ИСТОРИЯ ВОСПРИЯТИЯ. РЕЦ. НА КН.: АЛЬБОРГЕТТИ К. ДЖАННИ РОДАРИ И ЕГО АНГЛИЙСКИЕ ЧИТАТЕЛИ. ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА. РИМ: ARMANDO EDITORE, 2023

В рецензии на книгу «Джанни Родари и его английские читатели. Диалогическая перспектива» Клаудии Альборгетти описаны основные этапы перевода текстов Джанни Родари и их рецепция в англоязычных странах. Комплексный анализ исторического, паратекстуального и переводческого аспектов позволяет реконструировать историю издания книг Родари на английском языке, с первой публикации в Великобритании в 1965 году — до современных американских переводов. С точки зрения эволюции переводов и педагогических идей, основанных на детском восприятии, исследование показывает, как перевод и фигура переводчика влияют на рецепцию текста. С учетом восприятия текста книга может быть адаптирована под культурный и ценностный контекст, а эмоциональный аспект усилен или наоборот уменьшен. В то же время при переводе не теряется эмоциональный контакт автора с читателями, который позволяет приобщить ребенка к другой культуре и раскрыть уникальность текста.

Keywords: Джанни Родари, перевод детской литературы, эмпатия, диалогический перевод, паратекст, рецепция, книгоиздание в США, книгоиздание в Великобритании

Светлана Маслинская

**ТЕЗАУРУС ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ ДЕТСКОЙ
ПЕРИОДИКИ. РЕЦ. НА: ДУБРОВСКАЯ Т. В.,
МУСОРИНА О. А., ВИДИНЕЕВА Н. Ю.,
БЛОХИНА Я. А. МЕДИАТИЗИРОВАННАЯ
МОДЕЛЬ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА
В ЖУРНАЛАХ «ПИОНЕР» И «КОСТЁР»
(1970–1980-Е ГГ.). ПЕНЗА, 2023**

В рецензии представлена монография Татьяны Дубровской, Ольги Мусориной, Яны Блохиной и Натальи Видинеевой, посвященная позднесоветской детской периодической печати. Исследовательницы, опираясь на лексический и тематический уровень содержания журналов «Пионер» и «Костёр», реконструируют модель социальных норм и ценностей позднесоветского общества. Монография открывается историческим очерком 1970–1980-х гг., соотношенным с издательскими процессами в области детской периодики. Основное содержание книги составляет анализ словоупотреблений в текстовом корпусе названных журналов за 1970–1989-е гг. Лексемы сгруппированы по отдельным ономастическим понятиям (антропонимы, топонимы), по персонажным либо тематическим признакам, произведены статистические подсчеты вхождения тех или иных лексем. Книга знакомит с одним из темпорально и жанрово обусловленных вариантов советского «словаря» ценностей и заставляет задуматься о том, насколько детская периодическая печать способствовала формированию нормативной модели позднесоветского общества.

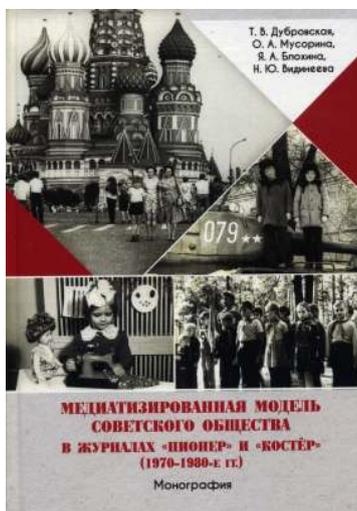
Ключевые слова: советские детские журналы, «Пионер», «Костёр», лексикология, словарь, модель

Выход научной монографии в области изучения детской литературы — явление крайне редкое, практически исключительное. Поэтому новинки привлекают всеобщее внимание и заставляют отозваться. К таким случаям относится и вышедшая в прошлом году монография группы исследователей Пензенского государственного университета, посвященная изучению советской детской периодики.

Период, к которому обратились исследователи, в истории русской периодики для детей освещен отрывочно и неглубоко.

Если работ о возникновении первых детских журналов в XVIII в. и последующем развитии детской периодики до середины XX в. много и они освещают разные стороны этого явления, предлагая в том числе и детальные реконструкции истории издания отдельных журналов (вспомним авторитетные исследования М. Холмова и М. Алексеевой о ранних этапах советской журналистики для детей), то, когда мы обращаемся ко второй половине XX в., похвастаться особенно нечем. Это касается не только периодики, но и в целом изучения советской детской литературы 1950-х — 1980-х гг. Впрочем, стоит назвать обобщающую монографию Л. Колесовой «Детские журналы России. XX век» [Колесова 2009], в которой уделено внимание, в том числе и позднесоветским журналам «Пионер» и «Костер». К сожалению, это исследование не учтено в рецензируемой монографии, как и в целом труды Л. Колесовой — одного из крупнейших специалистов по советской детской периодике. Тем временем многие тезисы, которые формулировала Л. Колесова (например, утверждение, что названные журналы содержали «повышенный интерес к нравственной проблематике» [Колесова 2009, 306]), как раз и можно было бы проверить теми методами, которые использовали авторы монографии.

В основу исследования положены лексикологические подходы к изучению речи, которые подразумевают изучение значения слов, использованных в корпусе текстов (в данном случае корпусе текстового содержания детских журналов), сочетаемости этих

значений, и в конечном итоге изучение системных свойств словаря детской периодики. Авторы, по сути дела, реконструируют тезаурус советской системы ценностей в том виде, в каком он представлен читателям-подросткам на страницах периодических изданий. Этот тезаурус авторы группируют либо по отдельным ономастическим понятиям (антропонимы, топонимы), либо по персонажным, либо по тематическим признакам. Признаться, эта разнородность не всегда работает на логичность изложения. Так, Ленин оказывается и в разделе, посвященном идеологемам (с. 155–160), и в разделе «Антропонимы, включенные в круг героев Страны Советов» (с. 187–189).

Такой подход к анализу системы ценностей, предлагаемой детям, многократно применялся при изучении других видов словесности. Прежде всего он разрабатывался на материале российских школьных учебников разных периодов их существования. Существуют исследования того, каким образом менялась аксиологическая «картина мира» в зависимости от эволюции педагогических идей и политических обстоятельств. Прежде всего это труды В. Безрогова [Безрогов 2016; Безрогов 2018] и круга ученых, которые изучали языковые элементы в учебных текстах, в том числе использовавшихся в школах в 1970–1980-е гг. [Круглякова 2008; Маслинский 2008; Козлова 2014; Илюха 2016]. К сожалению, работы этого направления никак не учтены авторами монографии, а ведь помещение наблюдений авторов над «политикой памяти о священной войне» (с. 259–285) в контекст, например, уже имеющихся исследований [Безрогов 2016а] могло бы пролить свет на проблему системности нарратива о Великой Отечественной войне, предлагаемого советским детям. Такое капсулирование, замкнутость на выбранном материале дает, конечно, какую-то новую информацию, или, как принято говорить в таких случаях, «вводит в научный оборот», но по прочтении монографии складывается впечатление, что ее авторы, отстранившись от уже проделанных исследований, резко снизили убедительность своих собственных интерпретаций. Справедливости ради, надо признать, что исследовательницы опираются на труды о политике памяти в СССР, но среди них нет работ ученых, которые специализируются на детском материале.

Некоторые вопросы вызывают и результаты применения статистических методов. Например, сообщается, что «лексема *погибать* встречается в корпусе 191 раз и используется в контекстах, преимущественно связанных с описаниями Великой Отечественной войны» (с. 263), однако указание на точное количество вхожде-

ний лексемы не сопровождается точным указанием на количество контекстов словоупотребления, слово «преимущественно» сбивает с толку. Кроме того, остро не хватает аналогичных данных по другим лексемам (например, *убивать*, *расстреливать*, *умирать* и т. д.). Закрадывается сомнение: всегда ли именно к советским воинам применялась эта лексема? Были ли какие-то другие персонажи, которые могли *погибнуть* (мирные жители, животные)? Есть ли дополнительная дистрибуция при изображении «своих» и «врагов»: при описании гибели советского воина используется только лексема *погибать*, а фашисты сочетаются с пассивными конструкциями — были *уничтожены*, были *разбиты* и пр.? [ср. Маслинская 2018]. Аналогичные вопросы возникают, когда приводится количество вхождений корневой морфемы *тимур* — 491, которая связана по происхождению с персонажем повести А. Гайдара. Без сравнительного материала, скажем, по именам других литературных героев или, если речь идет об атрибутивных сочетаниях (тимуровское движение), других случаях устойчивых словосочетаний (например, лексемы *ленинский* или *комсомольский*), невозможно оценить, насколько Тимур опережает всех других персонажей детской литературы и есть ли они вообще? Интересные находки как будто повисают в безвоздушном пространстве, представляются разрозненными элементами тезауруса, которые возникают по каким-то уникальным словообразовательным и грамматическим причинам и существуют друг от друга изолированно.

К сожалению, исследование не свободно от некоторых фактических ошибок. На с. 59 утверждается: «История российских детских периодических изданий ведет свой отсчет с XIX в. и имеет богатые литературно-художественные, публицистические, жанровые и тематические традиции». Однако является признанным фактом истории русской литературы, что первым детским журналом было «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789) Н. И. Новикова. Впрочем, в последних исследованиях истории детской периодики в России датировка сдвинута на 20 лет назад и отнесена к 1769 г., когда выходил журнал «Полезное с приятным» [Головин 2011]. В любом случае, у исследователей давно сложился консенсус, что российская журналистика для детей началась во второй половине XVIII в. Отдельные утверждения нуждаются в ссылках на данные, которые бы усилили убедительность высказываемых гипотез — например, при анализе обложек авторы пишут: «Изображения Красной площади, Кремлевской стены и Мавзолея выступают символами СССР, визуальными идеологемами, а очередь в Мавзолей

не только символизирует приверженность народа советским идеалам, но и транслирует взрослую социальную практику: почти все гости столицы стремились попасть в Мавзолей и должны были для этого отстоять длинную очередь» (с. 74). Действительно ли можно говорить, что «почти все» туристы осознанно хотели увидеть вождя большевиков? Ведь стояние в очереди было обязательной частью программы посещения Москвы туристическими группами, и личные интересы в таких случаях отступали перед жесткостью туристических маршрутов, разработанных Центральным советом по туризму и экскурсиям (ЦСТЭ ВЦСПС).

Стиль изложения крайне любопытных наблюдений и интерпретаций, увы, наводнен советскими клише: «Настоящая любовь к Родине всегда является жертвенной...» (с. 97) или «...прививая детям социокультурную практику, характерную для советского общества, — стремление к правильности и чистоте языка, общее внимание к культуре речи» (с. 78). Такие порой панегирические оценки советского общества, его норм и практик, контрастируют с интереснейшими аналитическими выкладками авторов книги.

Пожалуй, в целом именно стилистический разнобой, скачкообразный переход от современной лингвистической терминологии к языку «штампов-декларативов» (с. 80), почерпнутому из циркуляров и публицистики советской поры, мешает пониманию алгоритма исследования и его результатов. Тем не менее стоит признать, что книга знакомит нас с еще одним, помимо представленного в школьных учебниках, изводом советского «словаря» ценностей, со скудостью приемов публицистического изложения этих ценностей в журналах, обращенных к советским детям, и в конечном итоге заставляет задуматься о том, насколько «дискурсивная вовлеченность детства в контекст жизни взрослых» (с. 372) действительно способствовала формированию нормативной модели позднесоветского общества.

Литература

Источники

Дубровская, Мусорина 2023 — Дубровская Т. В., Мусорина О. А., Видинеева Н. Ю., Блохина Я. А. Медиатизированная модель советского общества в журналах «Пионер» и «Костёр» (1970–1980-е гг.) / под общ. ред. Т. В. Дубровской. Пенза: Изд-во ПГУ, 2023.

Исследования

Безрогов 2016 — Безрогов В. Г. Учебник и его история как предмет педагогического исследования // Методология научного исследования в педагогике: коллективная монография / под ред. Р. С. Бозиева, В. К. Пичугиной, В. В. Серикова. М.: Планета, 2016. С. 171–175.

Безрогов 2016а — Безрогов В. Г. Коммеморативные практики в пособиях для начальной школы: забота о нашем прошлом // Дорогой друг!: социальные модели и нормы в учебной литературе 1900–2000 годов / под ред. В. Г. Безрогова, Т. С. Маркаровой, А. М. Цапенко. М.: Памятники исторической мысли, 2016. С. 370–382.

Безрогов 2019 — Безрогов В. Г. Учебник среди историко-педагогических источников // Источники исследования о педагогическом прошлом: интерпретация проблем и проблемы интерпретации / науч. ред. М. В. Богуславский, отв. ред. М. А. Гончаров. М.: МПГУ, 2019. С. 246–252.

Головин 2011 — Головин В. В. Первый опыт издания журнала для юношества в России // Конструируя детское: филология, история, антропология / под ред. М. Р. Балиной, В. Г. Безрогова, С. Г. Маслинской, К. А. Маслинского, М. В. Тендряковой, С. Шеридана. М.: СПб.: Азимут; Нестор-История, 2011. С. 10–16. (Труды семинара «Культура детства: ценности, норма, практики». Вып. 9).

Илюха 2016 — Илюха О. П. «Наша родина лесная»: репрезентация родного края в изданиях для младших школьников Карелии (1960–1970-е годы) // Дорогой друг!: социальные модели и нормы в учебной литературе 1900–2000 годов / под редакцией В. Г. Безрогова, Т. С. Маркаровой, А. М. Цапенко. М.: Памятники исторической мысли, 2016. С. 241–255.

Козлова 2014 — Козлова М. А. «Диалог культур» в монологе доминирующей группы: образы этнических меньшинств в советских и постсоветских учебниках // «Начало учения дѣтем»: роль книги для начального обучения в истории образования и культуры. М.: Канон+, 2014. С. 365–391. (Труды семинара «Культура детства: ценности, норма, практики». Вып. 16).

Колесова 2009 — Колесова Л. Н. Детские журналы России. XX век. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 2009.

Круглякова 2008 — Круглякова Т. А. Образ кубинского сверстника в школьном учебнике испанского языка 1970–80-х г. // Учебный текст в советской школе / сост. С. Г. Леонтьева, К. А. Маслинский. СПб.; М.: Институт Логик, когнитологии и развития личности. 2008. С. 216–228.

Маслинская 2018 — Маслинская С. Г. Немец, фашист, гитлеровец: образ врага в детской литературе 1950–2010-х годов // Уральский филологический вестник. 2018. № 3. С. 181–190.

Маслинский 2008 — Маслинский К. А. Текстовые задачи позднесоветского учебника: математический сюжет и культурный контекст // Учебный текст в советской школе / сост. С. Г. Леонтьева, К. А. Маслинский. СПб.; М.: Институт Логики, когнитологии и развития личности. 2008. С. 248–262.

References

Bezrogov 2016 — Bezrogov, V. G. (2016). Uchebnik i ego istorija kak predmet pedagogičeskogo issledovanija [Textbook and its history as a subject of pedagogical research]. In R. S. Bozjev, V. K. Pichugina, V. V. Serikov (Eds.), Metodologija naučnogo issledovanija v pedagogike [Methodology of scientific research in pedagogy] (pp. 171–175). Moscow: Planeta.

Bezrogov 2016a — Bezrogov, V. G. (2016). Kommemorativnye praktiki v posobijah dlja nachal'noj shkoly: zabota o nashem prošlom [Commemorative practices in primary school manuals: caring for our past]. In V. G. Bezrogov, T. S. Markarova, A. M. Tsapenko (Eds.), Dorogoj drug: Social'nye modeli i normy v učebnoj literature 1900–2000 godov [Dear friend: Social models and norms in educational literature of the 1900-2000s] (pp. 370–382). Moscow: Pamyatniki istoričeskoy mysli.

Bezrogov 2019 — Bezrogov, V. G. (2019). Uchebnik sredi istoriko-pedagogičeskikh istočnikov [Textbook among historical and pedagogical sources]. In M. V. Boguslavskij, M. A. Goncharov (Eds.), Istočniki issledovanija o pedagogičeskom prošlom: interpretacija problem i problemy interpretacii [Sources on the pedagogical past: interpretation of problems and problems of interpretation: collection of scientific papers of the international scientific and practical conference]. (pp. 246–252). Moscow: MPGU.

Golovin 2011 — Golovin, V. V. (2011). Pervyj opyt izdanija žurnala dlja junoshestva v Rossii [The first experience of publishing a magazine for young people in Russia]. In M. R. Balina, V. G. Bezrogov, K. A. Maslinsky, S. G. Maslinskaya, S. Sheridan, M. V. Tendrjakova (Eds.), Konstruiruja detskoe: filologija, istorija, antropologija [Constructing children's: philology, history, anthropology] (pp. 10–16). Moscow; Saint Petersburg: Azimut; Nestor-Istorija.

Iljuha 2016 — Iljuha, O. P. (2016). “Nasha rodina lesnaja”: reprezentacija rodnogo kraja v izdanijah dlja mladshih škol'nikov Karelii (1960–1970-e gody) [“Our Forest Homeland”: Representation of the Native Land in Publications for Primary School Students in Karelia (1960-1970s)]. In V. G. Bezrogov, T. S. Markarova, A. M. Capenko (Eds.), Dorogoj drug: Social'nye modeli i normy v učebnoj literature 1900–2000 godov [Dear friend: Social models and norms in educational literature of the 1900-2000s] (pp. 241–255). Moscow: Pamyatniki istoričeskoy mysli.

Kozlova 2014 — Kozlova, M. A. (2014). “Dialog kul'tur” v monologe dominirujuščej grupy: obrazy jetnicheskikh men'shinstv v sovetkikh i postsovetskikh

uchebnikah [“Dialogue of Cultures” in the Monologue of the Dominant Group: Images of Ethnic Minorities in Soviet and Post-Soviet Textbooks]. In “Nachalo uchenija detyam”: rol' knigi dlja nachal'nogo obuchenija v istorii obrazovanija i kul'tury [“The Beginning of Children’s Learning”: The Role of the Book for Primary Education in the History of Education and Culture] (pp. 365–391). Moscow: Kanon+.

Kolesova 2009 — Kolesova, L. N. (2009). Detskie zhurnaly Rossii. XX vek [Children’s Magazines of Russia. XX Century]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta.

Krugljakova 2008 — Krugljakova, T. A. (2008). Obraz kubinskogo sverstnika v shkol'nom uchebnike ispanskogo jazyka 1970–80-h godov [The Image of a Cuban Peer in Spanish Language School Textbooks of the 1970-80s]. In S. G. Leont'eva, K. A. Maslinsky (Eds.), Uchebnyj tekst v sovetskoj shkole [Instructional text in Soviet school] (pp. 216–228). Moscow; Saint Petersburg: Institute for Logic, Cognitology and Personality Development.

Maslinskaya 2018 — Maslinskaya, S. G. (2018). Nemeц, fashist, gitleroveц: obraz vraga v detskoj literature 1950–2010-h godov [German, Fascist, Hitlerian: The Image of the Enemy in Children’s Literature from the 1950s to the 2010s]. Ural'skij filologicheskij vestnik, 3, 181–190.

Maslinsky 2008 — Maslinsky, K. A. (2008). Tekstovye zadachi pozdnesovetskogo uchebnika: matematicheskij sjuzhet i kul'turnyj kontekst [Word problems in late Soviet textbook: mathematical plot and cultural context]. In S. G. Leont'eva, K. A. Maslinsky (Eds.), Uchebnyj tekst v sovetskoj shkole [Instructional text in Soviet school] (pp. 248–262). Moscow; Saint Petersburg: Institute for Logic, Cognitology and Personality Development.

Svetlana Maslinskaya

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0001-7911-4323

THESAURUS OF LATE SOVIET CHILDREN'S PERIODICALS.
REVIEW OF THE BOOK BY T. V. DUBROVSKAYA, O. A.
MUSORINA, N. YU. VIDINEEVA, YA. A. BLOKHINA *MEDIATIZED
MODEL OF SOVIET SOCIETY IN "PIONEER" AND "KOSTER"*
MAGAZINES (1970–1980). PENZA, 2023

The magazine presents a monograph by Tatyana Dubrovskaya, Olga Musorina, Yana Blokhina and Natalia Vidineeva, devoted to the children's periodical press of the late Soviet era. Drawing on the lexical and thematic content of the "Pioneer" and "Koster" magazines, the researchers reconstruct the pattern of social norms and values in late-Soviet society. The monograph begins with a historical essay on the 1970s and 1980s, linked to publishing processes in the field of children's periodicals. The main content of the book is an analysis of word usage in the corpus of magazine texts cited for the period 1970–1989. Lexemes are grouped according to individual onomastic concepts (anthroponyms, toponyms), character or thematic features, and statistical calculations of the occurrence of certain lexemes are carried out. This book presents one of the variants of the Soviet "dictionary" of values, specific to one era and one genre, and allows us to reflect on the extent to which children's periodicals contributed to the formation of the normative model of late Soviet society.

Keywords: Soviet children's magazines, "Pioneer", "Koster", lexicology, dictionary, model

Валентин Головин

**«ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ КАЖДОГО ДНЯ»:
КАЛЕНДАРЬ В КУЛЬТУРЕ РУССКОГО И
СОВЕТСКОГО ДЕТСТВА. РЕЦ. НА КН.:
КОСТЮХИНА М. КРУГЛЫЙ ГОД: ДЕТСКАЯ
ЖИЗНЬ ПО КАЛЕНДАРЮ. М.: НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ, 2024**

В рецензии на монографию М. С. Костюхиной «Круглый год: детская жизнь по календарю», вышедшую в издательстве «Новое литературное обозрение» в 2024 г., охарактеризованы содержание и структура исследования, высказываются замечания и вопросы. Автор рецензии положительно оценивает результат исследования, подчеркивает его объем и широту охвата материала — М. С. Костюхина рассматривает историю детских календарей XIX и XX вв. и оригинально её интерпретирует. Рецензент отмечает спорность некоторых интерпретаций, отдельные фактические неточности, но отдает должное увлеченности автора, динамизму повествования, неожиданным ракурсам и подходам к теме детских календарей. Различные формы и жанры печатных календарей (настольные, настенные, отрывные, универсальные, тематические, изданные в виде альманахов и прочие) рассматриваются автором монографии в контексте детской жизни во всех её аспектах. Особое внимание автор книги уделяет советскому периоду, причем не только анализирует календари, но и осмысляет категорию времени применительно к жизни детей в ту эпоху в целом.

Ключевые слова: культура советского детства, детская литература, детский календарь, М. С. Костюхина

В книге петербургской исследовательницы Марины Костюхиной более пятисот страниц, и в этом случае большой объем вполне оправдан, потому что чрезвычайно велик и сам предмет рассмотрения. Монография посвящена истории детских календарей, охватывающей два с лишним столетия, с обширными экскурсами в календарную литературу в целом и календарную феноменологию.

Как любое обширное и насыщенное фактами исследование, «Круглый год» Марины Костюхиной вызывает живой отклик и множество вопросов. Начиная знакомство с книгой с фрагмента, описывающего календари XVIII в., невольно вспоминаешь о детской литературе той эпохи, которой предписывалось соединять «приятное с полезным». Автор пишет динамично, погружая читателя в поток разнообразной историко-культурной информации, переходя от одной эпохи к другой, и заканчивает свои изыскания началом XXI в. Различные формы и жанры печатных календарей — настольные, настенные, отрывные, универсальные, тематические, изданные в виде альманахов и прочие — анализируются и рассматриваются в контексте детской жизни во всем её разнообразии. Говоря о бытовании календарей в семейном и школьном обиходе, в среде сверстников, автор ставит своей целью показать, как создатели календарей пытались формировать календарное сознание своих читателей. «Представление о календарном годе как упорядоченной смене времени (дней, недель, времени), дат и событий — одна из основополагающих культурных категорий, — отмечает Костюхина. — Были эпохи, когда печатного календаря, доступного для детей, не существовало вовсе... потом появился детский календарь и стал определять не только время и хронологию, но и систему ценностей и жизненных правил» [Костюхина 2024, 12]. Исследовательница обращает внимание на тот факт, что детский календарь всегда стремился представить нормативную рамку детской жизни, не столько задавая, сколько транслируя и утверждая эту нормативность, а в определенные исторические периоды и играл роль

«плацдарма политической пропаганды». Календарные представления тесно связаны с детским мировоззрением, и автор показывает, как печатный календарь врывается в детский обиход, будучи призван, по мнению его создателей, в иные эпохи авторитарно назидать, а в иные — обучать и развлекать, ненавязчиво прививать своему читателю календарную культуру.

Автор «Круглого года» глубоко вникла в историю создания календарей и критически представила их споспешивателей — составителей, критиков, педагогов, литераторов. Прагматика «календаристов» всякого рода отчетлива и прямолинейна. Но, как кажется, дореволюционный издательский процесс (в том числе и выпуск детских календарей) был преимущественно коммерческим предприятием, а с тридцатых годов XX столетия стал проектом идеологическим, и в том, и в другом случае сохраняя свое дидактическое начало. Впрочем, о коммерции и гонорах не следует забывать и тогда, когда речь идет о советском времени. Костюхина представляет «обойму» авторов-завсегдаев детских календарей и весьма задиристо ее осмысляет. Стать календарным поэтом — дело престижное и статусное: кроме получения гонорара, литератор вполне мог попасть в когорту хрестоматийных авторов.

Предпринимая обширный исторический экскурс, исследовательница подчас бывает излишне категорична, а временами и не вполне точна. Так, некоторым преувеличением представляется нам высказанное во введении утверждение, что «были эпохи, когда... детство прекрасно обходилось без перечня дней и списка памятных дат» [Там же]. По нашему мнению, эти эпохи относятся, скорее, к жизни неандертальцев и синантропов, поскольку уже на самых ранних этапах развития истории человечества промысловые и аграрные практики формировали календарное сознание, и дети, как часть общества, не были исключением. С приходом христианства порядок религиозного, культурного, хозяйственного цикла и соответствующую ему матрицу поведения стали формировать святцы, которые в сочетании с аграрным календарем образовали, по выражению И. П. Калинского, одного из первых исследователей русской календарной традиции, «церковно-народный месяцеслов» [Калинский 1877]. В эту традицию, разумеется, были включены и дети, которые прекрасно знали и исполняли свою роль не только в праздничные периоды, но и в жизненных обстоятельствах, участвуя в различных профессиональных занятиях взрослых (промыслах и т. д.). Впрочем, автор обращает внимание на то, что «значительная масса неграмотных детей жила по устному народ-

ному календарю, где сезонные приметы были привязаны к дням поминовения святых» [Костюхина 2024, 339], но говорит об этом скорее как о календарном знании, а не календарном мировоззрении. Далее утверждается, что «дети, владевшие грамотой, узнавали календарь и хронологию из общеупотребительных месяцесловов, издававшихся брошюрами (с постраничным делением по месяцам) и печатными листами большого формата (на целый год)» [Там же, 63], и «первым и долгое время единственным в своем роде был „Месяцеслов к сведению и пользе юношества, воспитывающегося в Императорском Сухопутном Шляхетном Кадетском Корпусе на 1777 год“» [Там же, 64]. Это явная неточность — во-первых, дети были хорошо знакомы с календарной традицией святцев, формировавшейся всем укладом — от семейного быта до церковных служб, во-вторых, во многих крестьянских избах наряду с лубками о блудном сыне и похоронах кота мышами висели печатные лубочные месяцесловы и календари, которые «с XVIII века издавались массовыми тиражами и получили широкое распространение во всех слоях общества» [Кривко, Лосева 2012, 74]. Поэтому объяснять запоздалое появление в России детского и школьного календаря с функциями численника только низким уровнем грамотности не совсем верно. У большей части населения был свой календарь и измерялся он постными и скоромными днями, Пасхой, Рождеством, святками, Покровом, Масленичной и Фоминой неделями и другими датами — как фиксированными, так и переходящими.

Достаточно подробно М. Костюхина описывает историю бытования взрослых календарей. В посвященном им разделе наиболее интересными нам показались частные замечания и наблюдения, например, о том, чьи изображения лидировали в качестве иллюстраций на календарных стенках в период Первой мировой войны [Костюхина 2024, 40], или о реакции фельетонистов на календарный издательский бум. Однако, рассматривая первые опыты советского календарного дела, автор допускает ошибку, утверждая: «Декрет о печати, вступивший в полную силу с осени 1919 года, поставил все частные издательства вне закона» [Там же, 49]. Если бы это было так, то изрядного количества частных издательств, работавших до конца 1920-х гг., не существовало бы. Заметим, что в этой части книги неточностей особенно много. Например, автор пишет: «Так, в 1937 году, когда вся страна торжественно отмечала 100-летие со дня гибели Пушкина, был подготовлен и напечатан Пушкинский календарь, а 150-летие со дня рождения поэта в 1949 году прошло незаметно, без выпуска календарей и торжественных мероприятий.

В первом случае обличалась жестокая сущность царизма, убившего великого поэта, а во втором случае идеологическая подоплека не казалась очевидной, так что Пушкинский календарь был не нужен» [Там же, 53]. Такому категоричному утверждению противоречат многие факты, в том числе и календарные. Не Госполитиздат, а кондитерская фабрика имени П. А. Бабаева выпускает в 1949 г. календарную стенку и прикрепленный к ней помесячный календарь с иллюстрациями к произведениям поэта — сувенирный ежемесячный детский календарь на 1950 г. «Произведения А. С. Пушкина» [Календарь 1949]. Этот календарь мог вкладываться в «сладкий подарок» и использовался как елочная игрушка.

Обзорно рассмотрев взрослые календарные практики, автор обращается к главному объекту исследования — детским и школьным календарям. Остановившись на вышеупомянутом «Месяцеслове» XVIII в., Костюхина сразу переходит к последней четверти XIX в. — времени календарного бума, уделяя внимание наиболее известным изданиям М. Вольфа, О. Кирхнера, И. Сытина и календарям, составленным известной детской писательницей К. Лукашевич. Объявив о сходстве календарей этого периода, автор раскрывает их содержание, выявляет специфику изданий, рассматривает примеры коммуникации издателей и составителей с пользователями календаря. Не подозревая, что в книге ещё встретятся отдельные параграфы, посвященные разным типам дореволюционных календарей для детей юношества, несколько удивляешься обзорности раздела, но удивление уходит, когда дочитаешь книгу до конца.

История детских календарей советского времени представлена в книге, на наш взгляд, более интересно, объемно и фундаментально, чем прочие периоды. Так, в разделе «Советская эпоха детского и школьного календаря» дан интереснейший экскурс в историю советских календарей. Автор представляет не только содержательные новшества в изданиях для детей, но и освещает позиции составителей, их дискуссии, весьма интересно рассуждает о статусе календаря в семейной и общественной жизни (на наш взгляд, иногда гипертрофируя его роль), связывает эволюцию календарей с пионерским движением, характеризует разные типы календарей. В разделе «Космос и социум в детском календаре» рассматривается соотношение сведений о природе и социальном порядке, репрезентированных в календарях, раскрывается связь этого соотношения с педагогическими и идеологическими установками эпохи. «Так, для педагогов русской антропологической школы XIX века мир русской природы при воспитании ребенка обладал безусловным

приоритетом, в советской практике 1930–1950-х годов господствовал красный день календаря с его социальной тематикой, а для культуры позднего советского времени характерно предпочтение природной тематики, представленной в занятиях школьным туризмом и экологической деятельностью» [Костюхина 2024, 107]. Интересны наблюдения автора по поводу того, как менялась в календарях представленность «детского времени», к которому в советские годы относятся «наступление учебного года и сроки каникул, дни рождения детских писателей и знаменитых педагогов, даты из истории детских организаций и молодежно-общественных движений, дни памяти-пионеров героев, юбилеи детских газет, журналов и популярных книг, детские праздники и мероприятия» [Там же, 104]. В ярком и содержательном параграфе «Искусство слова на отрывной странице» Костюхина показывает, как формировался круг текстов, попадавших на страницы календаря, как автор становился «календарным» (например, В. Лебедев-Кумач) и как публикации в календарях давали возможность проникнуть в печать произведениям писателей не вполне «благонадежных» или начинающих (И. Токмакова, В. Голявкин, Г. Цыферов, В. Берестов, Г. Снегирев, Э. Мошковская и др.). Опираясь на воспоминания и другие документы советской эпохи, исследовательница раскрывает календарную «кухню», описывает процесс отбора словесного материала, указывает на его неизбежную трафаретность. Приводятся здесь и анекдотические случаи подгонки литературных текстов под нужные торжественные даты — так, в рассказе В. Голявкина «Рыцари» дети готовят подарки мамам не на 8 марта, как это было в оригинале, а к 7 ноября, Дню Великой Октябрьской социалистической революции.

Несколько озадачивает возвращение в прошлое, которое предлагает нам совершить автор «Круглого года» в главе «Царские дни календаря», следующей за главой о советской календарике. Стоит сказать несколько слов о структуре книги — она представляется излишне усложненной, местами неоправданно хронологичной. Названия параграфов подчас синонимичны: «Печатный календарь и идеология»; «Календарь для идейных товарищей»; «Детский календарь и коммунизм»; «Политический курс и школьный дискурс календаря». Близость названий часто оборачивается близостью содержания, повторами и повторениями как в интерпретациях, так и в изложении фактов (например, сцена крушения царского поезда упоминается четырежды в разных разделах). Что касается раздела о «царских днях», то сам по себе он вполне

уместен и восполняет недосказанность истории дореволюционных детских календарей. Автор раскрывает роль феномена тезоименитства в формировании календарного текста, тщательно разбирает риторику, к которой прибегают составители календарей, беседуя с детьми о царствующих особах. Костюхина пронизательно отмечает курс на либерализацию образа властителя и августейшей семьи, показывает, благодаря каким сюжетам и деталям он изображается как «друг народа», жалостливый, заботливый и «очень простой» человек, который входит во все нужды своих подданных и не обинуясь беседует с простолюдинами. Так выстраивается формула образа монарха, сочетающего уникальную доброту и заботу с царским величием, что должно было вызвать у читателя-ребенка и сопереживание, и благоговение по отношению к царю и членам его фамилии. Очень интересен этюд о календарных описаниях 19 февраля — Дня Великой реформы, изменившей отечество и забытой сейчас. Но совершенно не убеждает утверждение Костюхиной: «Ревизия либеральных реформ, проводимая Александром III, коснулась в том числе мероприятий в честь 19 февраля. Был издан указ, запрещающий празднование 25-летия отмены крепостного права, а в печати не рекомендовалось упоминать эту дату» [Там же, 138]. Если такой указ (чей именно?) и существовал, что сомнительно, то следовало бы дать точную ссылку на источник, но, к сожалению, автор этим пренебрег.

При всей динамичности и фактографической плотности раздела «Классики на службе сезонного календаря», в котором говорится о сезонной и календарной теме в детской поэзии и прозе, увлеченному чтению опять мешает ряд неточностей. Так, например, перевод рассказа И.-Г. Кампе «Четыре времени года» впервые появляется не в «Детской библиотеке» А. С. Шишкова, а в журнале Н. И. Новикова «Детское чтение для сердца и разума» [Кампе 1785]. С некоторыми умозаключениями исследовательницы хочется поспорить — например, со следующим: «Рассказ „Четыре времени года“ в русском издании сопровождался оригинальными стихами Александра Шишкова на тему зимних и летних забав русских детей („Николашина похвала зимним утехам“). В отличие от беспристрастности немецкого рассказчика, русский поэт воспекает разгул славянских страстей. Пик их не случайно выпадает на зимнее и летнее время с их суровыми морозами или изнуряющей жарой. Что для немца смерть, то русскому ребенку в радость — вот повод для национальной гордости великороссов» [Костюхина 2024, 193]. Трудно сказать, что побудило автора книги к такому пассажию, поскольку

ку в летней «Песенке на купание» никакого «разгула славянских страстей» нет, а есть только детская шалость — а вот в ее источнике, стихотворении «Badelied» (1778) Ф. Маттисона, романтической страсти хоть отбавляй: «Из волн подняться / Чтобы закричать, / О Божественнорадостные, ваши братья!» [Цит. по: Головин, Николаев 2020, 281].

Переходя к анализу и представлению «Календарей русской природы», автор разворачивает широкую панораму этих изданий, обобщая практически весь отечественный опыт фенологических календарей для школьников. В разделе говорится о первых попытках беллетризовать рассказы о природе, осуществленных отечественным фенологом, профессором Д. Н. Кайгородовым и ученым-популяризатором, писателем С. В. Покровским. Автор показывает, как составители календарей старались развить фенологическое сознание своих читателей и побудить их к природоведческой деятельности. В календарях Кайгородова обширно использовались литературные и фольклорные материалы — стихи, прозаические отрывки, пословицы, поговорки, народные приметы, связанные с тем или иным временем года, в «орнитологических» календарях Покровского, главными персонажами которых были птицы России, соединялись элементы справочно-научного издания с беллетризованным текстом. Существенным представляется наблюдение Костюхиной о том, что синтез этих различных видов и жанров литературы, осуществленный на страницах детского календаря, обширное использование метафоры «было не только художественным приемом, но и отражало натурфилософское мировоззрение русского ученого, видевшего связь между действием природных сил и развитием человека (духовным и физическим)» [Костюхина 2024, 170].

Во второй части книги автор приступает к анализу отдельных типов и видов календарей. Объемный и интересный материал представлен в разделе, посвященном календарям для учащихся дореволюционных школ. Содержание календарей и дневников, охарактеризованное исследовательницей с впечатляющей полнотой, позволяет судить о том, что лидеры календарного бизнеса в России — уже упоминавшиеся Вольф, Сытин и Кирхнер — великопно ориентировались в запросах гимназистов, предлагая своим читателям интереснейшую смесь «всякой всячины»: от опросных листов до инструкций по ужению рыбы, от описания визитов в театр до санитарных советов. Любопытны сравнения календарей для гимназистов и гимназисток, и хочется выразить сочувствие последним: календари для мальчиков не ограничивали спектр их жизненно-

го пути, а девочек настраивали на быт у семейного очага. «Пока девочки выводили пятна и разводили цветы, мальчишки, сосчитав доходы и отдав долги, учились изготавливать бенгальские огни и делать самострелы», — метко заключает Костюхина [Там же, 193]. Мы видим, как календарно-издательский бизнес, лавируя в бурных водах конкуренции, создал оригинальную и содержательную модель гимназического календаря. Автору исследования можно лишь посоветовать не приписывать филантропические или либеральные идеи Сытину и не слишком доверять его воспоминаниям. Выдающийся книжный магнат, каким был Сытин, великолепно улавливал потребности читателей и умел сотрудничать с любой властью.

А вот в следующем разделе («Календари для земских и церковно-приходских школ») читателям, к сожалению, пришлось столкнуться с некоторой путаницей. Исследовательница начинает изучение календарей для приходских школ, рассматривая преимущественно издание «Школьный календарь: Справочная и записная книжка для преподавателей народных училищ и церковно-приходских школ на 1898–1899 уч. г.». При этом Костюхина, не сославшись ни на один источник, почему-то а) считает его календарем для приходских школ; б) утверждает, что календарь «предназначался одновременно учителям и ученикам» [Там же, 195]. Однако и первому, и второму утверждению противоречит само название календаря («для преподавателей народных училищ и церковно-приходских школ»). Также заметим, что рядовой учащийся сельской церковно-приходской школы вряд ли сумел бы бегло прочесть такой календарь.

Настораживает статистическое лукавство автора. Например, в сноске указано: «Согласно программе народных школ, на религиозное воспитание в количестве трех предметов (Закон Божий, церковнославянский язык и церковное пение) отводилось 12 часов в неделю, а на все остальные предметы, вместе взятые, 15 часов. При таком раскладе часов трудно было рассчитывать на овладение учениками народных школ элементарной грамотностью и счетом» [Там же, 193]. Рассмотрим, действительно ли такого количества часов недостаточно для того, чтобы обучиться грамоте. Помимо непосредственного обучения чтению, входящего в предметы, обозначенные автором как «остальные», с ним были связаны и уроки церковно-славянского языка, на которых велось обучение чтению по книгам гражданской и церковной печати. Пятнадцати часов в неделю, отведенных на занятия письмом и арифметикой, для неподготовленного сельского ребенка, как кажется, вполне доста-

точно и даже многовато (ему еще родителям помогать). Не везде преподавалось и церковное пение, а только там, где была такая возможность.

Излишне категоричным кажется вывод о том, что весьма интересные издания Сытина и школьные календари, составленные Лукашевич, которые имеют близкие названия («Мой друг: Настольный календарь для детей» и «Мой друг: Школьный календарь»), были предназначены именно для земских школ, как утверждает исследовательница: «От церковно-приходских календарей отличались ежегодные издания для учащихся земских школ. Уже само название календаря, „Мой друг: Настольный календарь для детей“, указывало на адресата, отличного от ученика церковно-приходской школы. Да по содержанию он рассчитан на более подготовленного школьника» [Там же, 201]. Но почему только земских школ? А. Ф. Керенский в своих мемуарах (с цитированием официальных источников) приводит следующие цифры: в 1906 г. в России действовало 76 тысяч школ разного типа (земские школы, различные ведомственные и частные школы, церковно-приходские и воскресные школы), где обучалось 4 миллиона учащихся, в 1915 г. — 122 тысячи школ и 8 миллионов учащихся [Керенский 1996, 99]. Такой школьный рынок требовал разнообразной календарной продукции; откликаясь на этот запрос, преуспевали и издатель Сытин, и писательница Лукашевич, выпуская качественные настольные и отрывные календари.

После экскурсии в историю календарей революционного периода и календарей времен Первой мировой войны, автор вновь возвращается в эпоху советскую. Мы знакомимся с очень сложным и интересным материалом, метко названным автором «Раздвоение календаря» и «Непрерывка и школьный календарь». Можно было бы объединить эти главы под заглавием «Детское мучение по календарю». Автор скрупулезнейшим образом рассматривает календарное безумство 1920–1930 гг., когда активно предпринимались попытки соединить старый и новый стили и навязать календарь с обоснованием новых красных дат. Есть тут и параграфы, посвященные литературной рефлексии «старостильцев» и «новостильцев» в анекдотических ситуациях, и изображению прямого идеологического насилия, когда старая календарная матрица наполнялась чрезмерным количеством дат революционных событий и упоминаний революционеров. Календарную анархию иллюстрирует, например, одно из наблюдений автора монографии: «На одной из февральской пятнадцатидневки в „Товарище“ указано: 6 февраля 1922 года — декрет

об учреждении ОГПУ ВЧК (карательного органа государственной безопасности), 8 февраля 1918 года — постановление о введении нового календаря, за день до этого дата смерти анархиста Петра Кропоткина (7 февраля 1921), через день — дата смерти Федора Достоевского (9 февраля 1881), на следующий день, 10 февраля, в 1837 году „умер поэт А. С. Пушкин“» [Костюхина 2024, 193]. Наверное, не стоит именовать «Декрет о введении в Российской республике западноевропейского календаря от 26.01.1918 г.» «ленинским». Тому есть две причины: поскольку переход на григорианский календарь был осуществлен не Лениным, а готовился в течение предшествующего десятилетия и многие периодические газеты выходили с середины 1910-х гг. с двумя датами (по старому и по новому стилю), а во-вторых, этот декрет издал Совнарком, а не В. И. Ленин персонально.

Календарный сумбур с переходом на непрерывку, то есть на пятидневку и позже на шестидневку, описан автором очень содержательно. Возмущение исследовательницы, прорывающееся в ее интонации, когда она цитирует предложения или пассажи пропагандистов пятидневок и шестидневок, вполне понятно. Добавлю, что у детей 1920-х гг. «всмесь» существовали по крайней мере три календаря: старый, принятый в семье, новый, спущенный сверху государством, да еще числовой с выходными 6, 12, 18, 24, 30 числа каждого месяца, а вовсе не по воскресеньям. Вполне возможна была такая ситуация: ученик пошел в школу в воскресенье перед выходным, папа как сотрудник наркомата отдыхает, мама работает, а бабушка вернулась со всенощной. Ученик будет учиться, папа отдыхать, мама работать, а бабушка разговляться. Вместе с тем хочется спросить автора, а как учились дети родителей, которым была разрешена прерывная неделя?

Несмотря на важность и информативность разделов, посвященных пионерским календарям и их трансформации в сталинскую эпоху, остановлюсь на одной из самых важных и знаковых глав «Жизнь и время по кремлевским часам». Время и календарь исчисляется не только веками, годами, днями, но и часами и минутами. Советской власти необходимо было наполнить время своими символами, присвоить его, установить отсчет нового времени, представить советского человека носителем этого времени. Костюхина очень точно отметила, как важно было замедлить, сакрализовать время, довести его до подсчета минут — в случае процесса умирания и наступления смерти Ленина как некой строительной жертвы, нового спасителя, обеспечивающего будущее счастье со-

ветского народа. К сожалению, исследовательница не упомянула мифологизированного «залпа Авроры», призванного символизировать начало новой эры человечества, но раскрыла то, как важно было сакрализовать Октябрь и внушить это детям, показав, как это происходило, например, в злосчастных «Часах и картах Октября» Л. Савельева, где с каждым десятилетием автор изменял события, меняя Сталина на Ленина и исключая Троцкого [Там же, 309–310]. Костюхина любопытно проанализировала «часовой» дискурс Спасской башни, показав, как революционная символика курантов сменялась «борьбой за мир», а впоследствии стала единственным часовым механизмом, объявлявшим своим двенадцатым ударом начало Нового года в стране, где существует несколько часовых поясов.

Отступив от собственно календаря, Костюхина предложила интересные наблюдения над категорией времени в советской детской литературе, она показала, что читателю не предлагали жить по времени, а обязывали времени служить. Обвинение в «потере времени» становилось непроситительным, предписывалось непрерывно делать что-то общественно полезное, не терять времени. После объемной «временной» вставки, рассматривающей пертурбации со временем в советском детстве, автор возвращается к повествованию о советских детских календарях, посвящая два раздела уникальным и весьма разнообразным по форме и содержанию календарям юннатов и мичуринцев, а также авторским литературно-познавательным календарям («Календари для юннатов и мичуринцев», «Календари природы Виталия Бианки и Михаила Пришвина»).

В заключении автор подробнейшим образом рассматривает главные советские календарные издания для детей: «Звездочку», «Круглый год» и «Календарь школьника». Издания эти анализируются в разных аспектах, вплоть до персон их создателей, редакционных идей и споров. Не исключено, что у читателя может возникнуть мысль, что автор излишне политизирует содержание этих календарей, подчеркивая ленинский и октябрьский «текст» в изданиях для дошкольников, младших и средних школьников, останавливаясь на том, как представлен «культ личности» и коммунистическая идеология в целом. Но это не так. Костюхина как добросовестный ученый фиксирует факты. Во времена авторитаризма количество политической информации в детской книге действительно было беспрецедентно высоким, часть из которой память читателей-детей той эпохи нивелировала и отсеяла. Как только возникает другой вектор в содержании календарей, автор замечает его и оценива-

ет, она видит в календарях и влияние оттепели, и новые правила жизни.

Книга Костюхиной сложная и многогранная, в ней одна календарная история открывает другую. Автор старается ухватить многое, и упрекать ее в том, что в исследовании не отмечены, например, детские календари по искусству, было бы несправедливо. В книге Костюхиной много интереснейшей информации — новой, большинству читателей незнакомой. Исследователю культуры русского детства двух минувших столетий без этой книги не обойтись.

Литература

Источники

Календарь 1949 — Сувенирный ежемесячный детский календарь на 1950 год «Произведения А. С. Пушкина». М.: Конд. Фабрика П. А. Бабаева, [1949].

Калинский 1877 — Калинин И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. СПб.: Тип. В. Киршабума, 1877.

Кампе 1785 — Кампе И.-Г. Четыре времени года // Детское чтение для сердца и разума. 1785. Ч. 1, № 4. С. 58–60.

Керенский 1996 — Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М.: Терра, 1996.

Кривко, Лосева 2012 — Кривко Р., Лосева О. Месяцеслов // Большая российская энциклопедия: в 35-ти т. / под. ред. Ю. С. Осипова. Т. 20. М.: БРЭ, 2012. С. 73–74.

Исследования

Головин, Николаев 2020 — Головин В. В., Николаев О. Р. А. Шишков и «Детская библиотека» И. Г. Кампе // Русско-немецкие контакты в детской литературе XVIII–XX вв. = Russisch-deutsche Kontakte in der Kinderliteratur im XVIII–XX Jahrhundert / под ред. С. Г. Маслинской. СПб.: Росток, 2020. С. 251–301.

References

Golovin, Nikolaev 2020 — Golovin, V., Nikolaev, O. (2020). A. Shishkov i “Detskaja biblioteka” I. G. Kampe [A. Shishkov and the “Children’s Library” by I. G. Kampe]. In S. Maslinskaya (Ed.), Russko-nemeckie kontakty v detskoj literature XVIII–XX vv. [Russian-German contacts in children’s literature of the 18th–20th centuries] (pp. 251–30). Saint Petersburg: Rostok.

Valentin Golovin

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0001-9863-034X

“THE MUST-DOS OF EVERY DAY”: THE CALENDAR IN THE CULTURE OF RUSSIAN AND SOVIET CHILDHOOD. REVIEW OF THE BOOK BY M. KOSTYUKHINA *ALL YEAR ROUND: CHILDREN'S LIFE BY THE CALENDAR*. MOSCOW: NOVOE LITERATURNOE OBOZRENIE, 2024

The review of the monograph by Marina Kostyukhina, *All Year Round: Children's Life by the Calendar*, published by *Novoe Literaturnoe Obozrenie* in 2024, characterizes the content and structure of the research, while also providing remarks and questions. The reviewer positively assesses the research results, emphasizing its scope and breadth of material coverage. Marina Kostyukhina examines the history of children's calendars of the 19th and 20th centuries and offers an original interpretation. The reviewer notes some contentious interpretations and factual inaccuracies but commends the author's enthusiasm, dynamic narrative, and unexpected perspectives and approaches to the topic of children's calendars. Various forms and genres of printed calendars (desktop, wall, tear-off, universal, thematic, published as almanacs, and others) are analyzed and considered by the author of the monograph in the context of children's lives in all its aspects. The author of the book pays special attention to the Soviet period, focusing not only on the calendars themselves but also on the conceptualization of the category of time as it applied to the lives of children during that era.

Keywords: culture of Soviet childhood, children's literature, children's calendar, Marina Kostyukhina

ОБЗОРЫ

Ольга Лучкина

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЙ «ДЕТСКОГО СЕМИНАРА» КАК ЗЕРКАЛО ИССЛЕДОВАНИЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Научно-исследовательский «Детский семинар» проводится с 2012 г. с периодичностью один раз в месяц. Организаторами семинара являются сотрудники Центра исследований детской литературы в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН: Светлана Маслинская, Инна Сергиенко, Анна Димьяненко и Ольга Лучкина. На заседаниях семинара обсуждается широкий спектр вопросов, связанных с современными методами и направлениями изучения детской литературы (canon studies, пропаганда, табу, гендер и др.), рассматриваемых на самом различном материале: советская детская литература, кино для детей, детская периодика, учебная книга, творчество детских писателей, взаимодействие национальных литератур, критика детской литературы. Ключевая особенность семинара — междисциплинарный характер и широкая международная аудитория слушателей и участников.

Ключевые слова: Детский семинар, Пушкинский Дом, детская литература, междисциплинарность, исследования детства

«Детский семинар» в течение вот уже двенадцати лет собирает на своих заседаниях специалистов, изучающих детскую литературу и детское чтение. За время его работы существенно расширился и круг ученых, выступающих с докладами, и аудитория слушателей. «Детский семинар» — это встречи друзей и коллег, объединяющие профессоров, магистрантов, искусствоведов, литературоведов, антропологов, лингвистов, социологов, историков, юристов, педагогов

и библиотекарей, живущих в разных странах и городах. Сотрудники Центра исследований детской литературы¹, организовывающие обсуждение докладов, и слушатели, состав которых довольно стабилен, помогают докладчикам уточнить гипотезы, проверить методы и обсудить перспективы работы. По материалам докладов на «Детском семинаре» написаны статьи и книги.

Профессиональный диалог о детской литературе и чтении, который ведется на заседаниях семинара, раскрывает сферу интересов ученых, исследующих детскую литературу сегодня, и демонстрирует проблемно-тематическое поле изучения детской литературы в целом. Ключевая особенность «Детского семинара» — междисциплинарность, благодаря ей заседания семинара становятся отражением современных *children's studies*, охватывая не только литературу, но и практики чтения, детское творчество, культуру детства. *Children's studies* — область исследований, предполагающая, что детство — это сложное социальное явление, которое конструируется взрослыми. Целостный междисциплинарный подход помогает выявить особенности этого феномена. Рони Натов, автор «Поэтики детства» [Natov 2002], считал, что именно междисциплинарные исследования детства изменяют понимание детей и детской литературы. Полагаем, что так и случилось. Калейдоскоп тем и проблем, заявляемых докладчиками «Детского семинара», показывает, насколько объемным может быть понимание детской литературы и детского чтения.

Начиная с 2012 г. С. Г. Маслинская, И. А. Сергиенко, А. А. Димьяненко, О. А. Лучкина провели 76 заседаний «Детского семинара», часть из которых была охарактеризована ранее [Лучкина 2015; Лучкина 2020]. В рамках этого обзора мы расскажем о многообразии тем и проблем, которые заявляли докладчики и которые с интересом обсуждали постоянные участники семинара в период с 2015 г. по 2024 г.

В выступлениях на заседаниях «Детского семинара» была рассмотрена детская литература отдельных периодов, что позволяло увидеть, как развивался литературный процесс в определенной историко-культурной среде. И. А. Сергиенко (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН) в докладе «„Самый скудный период“ Золотого века: вопросы изучения русской детской литературы 1800–1820-х годов» обратилась к детской литературе первой четверти XIX в., и отметила, что говоря о детском чтении тех лет, специалисты или упоминают отдельные сочинения, адресованные взрослому читателю, но вошедшие в круг детского чтения, или, используя

фигуру умолчания, от детской литературы конца XVIII в. переходят к многочисленной и разнообразной детской литературе 1830–1850-х гг. Исследовательница рассмотрела оригинальную детскую литературу, написанную в 1800–1820-е гг. (сочинения С. Ремезова, М. Гладковой, С. Н. Глинки, Б. Федорова, М. Даргомыжской и др.) и предложила перспективы дальнейшего изучения этого материала [Головин, Сергиенко 2024].

Широко представлены на семинаре исследования советской детской литературы. Е. О. Казакова (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН) в докладе «Нонфикшн и его границы в ранней советской детской литературе (1918–1931)» обозначила проблему атрибуции и разделения художественной и научно-популярной литературы, обнаружившуюся при формировании полнотекстовых ресурсов детской литературы (DetCorpus (detcorpus.ru)) и постаралась ответить на вопросы о том, с какими разновидностями нехудожественной литературы мы сталкиваемся, когда изучаем раннюю советскую литературу, где проходит граница между художественной и научно-популярной детской литературой и по каким критериям можно вести отбор текстов в корпус того или иного жанра [Казакова 2021]. К. А. Маслинский (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН) показал, как количественные методы можно использовать в гуманитарных науках на материале детской литературы. В докладе «Перевод детских книг и культурный трансфер в советской литературе (1918–1984)» он отметил, что анализ перевода детской литературы — удобный инструмент для измерения процессов культурного импорта и экспорта. В выступлении на материале количественных библиографических данных о переводах детских книг на русский язык докладчик сфокусировался на том, что переводы говорят об асимметрии статуса разных языков и каким образом национальные («языки народов СССР») и миноритарные языки встраивались в поле советской детской литературы [Маслинский 2024]. Д. Р. Невская (МГПУ) выступила с докладом «„Белая ворона“ и „козел отпущения“, их гонители и защитники в советской детской литературе 1950–1960-х годов». Докладчица проанализировала советские детские произведения 1950–1960-х гг. (А. Бруштейн, Н. Лойко, С. Могилевской, Б. Тартаковского, А. Рыбакова, В. Осеевой и др.), чтобы посмотреть, как отражались в обществе той поры стратегии «сопротивления насилию и агрессии» и «подчинения насилию и агрессии» в координатах «семья-школа-улица-производство». С. Г. Маслинская (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН) посвятила доклад «С детской точки зре-

ния: об особенностях наррации в детской литературе 1930-х годов» репрезентации «детского» в литературе, адресованной детям, в контексте эволюции общественных идей о ребенке в 1920–1930-е гг. Б. Житков и А. Гайдар, создавшие во второй половине 1930-х гг. образы детей-дошкольников, существенно трансформировали сложившиеся шаблоны изображения «детского видения» и «детского мира». Обнаруженные в творчестве названных авторов особенности репрезентации детей-дошкольников позволили автору сообщения выйти на обсуждение соотношения категорий «детское» и «взрослое» в литературе 1930-х гг. [Maslinskaya 2023]. А. А. Костин (Университет Гренобль-Альпы, доклад «„Малыш“ до „Малыша“: институциональная предыстория издательства в 1910–1950-е годы») внимательно изучил историю московского издательства «Малыш» (ранее «Детский Мир», который был создан на базе Росгизместпрома, которому предшествовали московские райпромтресты 1940-х гг.) и установил, что преемственность между издательствами можно проследить вплоть до различных частных издательств, типографий и антрепренеров имперского периода. А. А. Костин утверждает, что история малых детских издательств (преимущественно московских) первой половины XX в. — это история потерь, ограничений, удушающего контроля и цензуры. А. В. Синицкая (СИП-КРО) раскрыла в докладе «Языки мелодраматического сюжета, игра в эпос и советская метафизика» особенности функционирования мелодраматических и эпико-героических жанровых моделей, их взаимодействия в приключенческих произведениях советской (В. Крапивин) и постсоветской (М. Галина) эпохи, отечественных и зарубежных (А. Дюма, Дж. Р. Толкин, К. С. Льюис) авторов, чьи книги вошли в круг детского и подросткового чтения. В докладе был представлен анализ рецепции героико-авантюрных сюжетов, как литературных, так и кинематографических, их специфической функции в позднесоветском культурном контексте.

О современной детской литературе на заседаниях семинара рассказывали Д. В. Дубровский (НИУ ВШЭ, ЦНСИ, доклад «Гарри Поттер и права человека»), Е. А. Асонова (МГПУ, доклад «Репрезентация литературного творчества в детских книгах») и М. В. Соломонова (ЦГДБ им. А. С. Пушкина, доклад «Современная библиография детской литературы: эффекты маркетинга»). В докладе Д. В. Дубровского была рассмотрена система права и институты права, действующие в магическом мире «Гарри Поттера», а также сделаны наблюдения относительно того, почему Гарри Поттера можно сравнить с советскими правозащитниками и поче-

му Гермионе не удалось освободить домовых эльфов. Е. А. Асонова анализировала приемы репрезентации писательской деятельности в современной прозе для подростков (повесть Н. Дашевской «Тимофей: блокнот» (2020), повести Д. Касьянович «Привет, волки!» (2014) и А. Хёйзинг «Как я нечаянно написала книгу» (2014)), главные герои которой так или иначе занимаются литературным сочинительством. Докладчица предложила интерпретацию «послания» юному читателю информации о том, что такое литературное творчество, какое место оно занимает в социальном мире, какую роль может играть в жизни человека, в развитии его самостоятельности. М. В. Соломонова рассмотрела современные формы библиографической навигации по фондам детских библиотек. Автор доклада представила проекты в сфере рекомендательной библиографии детской литературы в контексте современного книжного рынка и взаимодействия с издателями, редакторами, переводчиками и литературными критиками.

Жанр сказки, актуальный для любого периода развития детской литературы, остается предметом интереса как наших постоянных участников, так и приглашенных зарубежных коллег. Н. Кадлец (Университет Пенсильвании, США) в докладе «„Герои не умирают“: возрождение жанра „сказки“ и реальные советские дети-герои» показала, как некоторые особенности жанра — обрядовая прагматика и мифологические сюжеты — перерабатывались в соответствии с требованиями социалистического реализма для представления реальных советских героев и как они соотносились с «отражением реальности» в соцреалистической детской литературе. А. А. Димьяненко (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, доклад «„Дайте же русским детям хоть какую-нибудь реализацию утешительного мифа“: быль и сказка в детской литературе русского зарубежья в 1920–1930-е годы в Европе») в выступлении рассмотрела литературный корпус изданных книг для детей за рубежом, читательские практики, рецепцию, критику детской литературы русского зарубежья в контексте реализации плана сохранения национальной идентичности ребенка в эмиграции, воспроизведенной в тиражируемом призыве А. Амфитеатрова: «Дайте же русским детям хоть какую-нибудь реализацию утешительного мифа. Дайте им почувствовать, что Россия пусть и далекая и незримая, и неведомая им, все-таки всегда с ними». Ю. Левинг (Университет Дальхаузи, Канада, Гейдельбергский университет и Американская академия в Риме) обратился к теме литературной сказки в докладе «Неизвестная сказка Иосифа Бродского „Хан Юсуф“». Доклад был посвящен

документу из архива Йельского университета — неопубликованной книге «Хан Юсуф», в которой Бродский выступил в двойной роли: как сочинитель детской сказки и ее иллюстратор. В корпусе графического наследия поэта это произведение уникально: Бродский дополнил свое художественное высказывание серией последовательно разворачивающихся картин. Выступление сопровождалось показом иллюстраций из не публиковавшегося ранее оригинала книги, исполненного в единственном экземпляре.

Национальные литературы и их взаимодействие были представлены на семинаре в рамках специального заседания «Проблемы изучения педагогических и литературных контактов России и Германии», участниками которого стали В. В. Головин, В. Г. Безрогов, А. Н. Беларев, О. А. Симонова, И. А. Сергиенко, А. А. Костин, С. Г. Маслинская². А. Беларев (ИМЛИ им. А. М. Горького) выступил с докладом «Научные сказки Курда Лассвица», посвященным творчеству К. Лассвица (1848–1910) — классика немецкой научной фантастики, философа-неокантианца, педагога и популяризатора науки. Уникальность текстов Лассвица состоит в сочетании проблематики межпланетных путешествий, контактов с внеземным разумом и техники будущего с пропагандой идеи Канта и Фехнера. Научные сказки Лассвица стали новаторской попыткой соединить естествознание с литературой и философией. В докладе анализировались особенности жанра научной сказки в целом и сказок Лассвица в частности [Беларев 2020].

Об особенностях национальной детской литературы говорили на заседаниях Д. Зэйчан, Д. Де Флорио, В. С. Сергеева, А. Л. Гумерова, Д. Моунгиан, Д. Михулка. Профессор Д. Зэйчан (Китайский океанологический университет, КНР), автор книги «Китайская детская литература в Золотой век», выступил с обобщающим докладом «Современная китайская детская литература». Д. Де Флорио (Государственный университет Пармы, Италия) представляла свою книгу «Нетландия или Даландия? Русская детская литература в Италии (1945–1991)». Эта книга позволяет заполнить пробел в славистических исследованиях, которые до сих пор чаще всего рассматривали детскую литературу как второстепенную продукцию; включить русскую детскую литературу в историю итальянского книгоиздания; представить некоторые предварительные наблюдения относительно образа русской детской литературы, созданного в Италии с послевоенного периода до распада СССР [De Florio 2022]. Английская детская литература и проблемы ее рецепции в Великобритании и в России были обозначены В. С. Сергеевой

и А. Л. Гумеровой (ИМЛИ им. А. М. Горького РАН) в докладах «Английские „школьные повести“ в зеркале критики» и «Роль мировоззренческих установок читателя и критика на примере православной критики „Хроник Нарнии“ К. С. Льюиса». В. С. Сергеева, основываясь на отзывах критиков о школьных повестях во второй половине XIX в. — первой половине XX в., показала, в какой мере выполнялась или не выполнялась педагогическая функция детской книги с точки зрения критиков, как менялось с течением времени представление о дидактичности и о соотношении назидательности и развлекательности. А. Л. Гумерова обратилась к рецепции книг известного религиозного писателя К. С. Льюиса (цикл «Хроники Нарнии») в православной среде начиная с 1990-х гг., когда книги Льюиса были переведены и изданы в России, и до наших дней. Д. Моунтиан (Университет Сан-Паулу, Бразилия) сравнила творчество Монтейру Лобату и Самуила Маршака. В докладе «Цвета и формы в книгах Монтейру Лобату и Самуила Маршака» речь шла о писателях, сыгравших ключевую роль в развитии детской литературы в своих странах в 1920-е гг. Д. Моунтиан проанализировала книжные иллюстрации изданий Маршака и Лобату и обозначила сходства и различия в истории русской и бразильской детской литературы [Моунтиан 2021]. Д. Михулка (Вроцлавский университет, Польша) выступила с докладом «Фигуры памяти и репрезентация прошлого в романе Марцина Щигельского „Ковчег времени, или Большой побег Рафала из Когда-то в Сейчас через Тогда — и обратно“». Докладчица рассмотрела изображение темы Холокоста и проблему коллективной памяти в романе известного польского писателя М. Щигельского, написанного в жанре фэнтези и обращенного к читателям-подросткам. Исследовательница затронула вопросы читательской рецепции, рассмотрела специфику современной польской литературы для подростков.

На специальном заседании семинара, посвященном творчеству А. Гайдара, были представлены доклады С. Г. Маслинской («Наш советский Стивенсон»: Гайдар в детском чтении XX–XXI века), В. В. Головина (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, «„Тимур и его команда“: хронология и география»), И. Н. Арзамасцевой (МПГУ, «Аркадий Гайдар и „Серапионовы братья“: писательская учеба и полемика»), О. Н. Мязотс («Первые переводы книг о Тимуре на английский язык»), Т. И. Рожковой (Научно-исследовательский институт исторической антропологии и филологии ФГБОУ ВО «МГТУ им Г. И. Носова», «„Сказки“ А. П. Гайдара о горе Магнитной»). Разговор о Гайдаре продолжил В. В. Головин в докладе «Пение

и музицирование в повести А. Гайдара „Тимур и его команда“, объяснив, каким образом эти мотивы оказываются одним из важнейших приемов создания образов детей и взрослых в повести. Музыкальные произведения, звучащие в исполнении подростков и взрослых, подкрепляют концепцию писателя о детском и взрослом мире: для первого характерна открытость и искренность, для второго — фальшь и наигранность [Головин 2022]. Творчество Саши Черного в эмигрантской критике охарактеризовала М. А. Жиркова (ЛГУ им. А. С. Пушкина, доклад «Творчество Саши Черного в эмигрантской критике 1920–1930-х гг.»). В докладе была представлена история публикаций Саши Черного для детей в эмиграции и первые отклики на них современников (А. И. Куприн, В. В. Набоков, А. А. Яблоновский и др.), которые оценивали его как ведущего детского писателя и поэта в эмиграции. Читательскую биографию Павла Бажова реконструировала О. В. Морева (ГПНТБ СО РАН, доклад «„Если бы не Пушкин, я бы так и остался заводским паренком с четырехклассным образованием“: читательская биография Павла Бажова»). В автобиографических произведениях П. П. Бажова («Зеленая кобылка», «Дальнее — близкое», «Уральские были» и др.), публицистике и письмах содержится информация о детских годах и детском чтении писателя, позволяющая реконструировать начало его читательской биографии. Исследовательница попыталась воссоздать индивидуальный читательский опыт П. Бажова. Е. В. Кудрина (ИМЛИ им. А. М. Горького) в докладе «М. Горький и детские литературные проекты (по материалам архива писателя)» рассказала об участии М. Горького в детских литературных проектах, сведения о которых сохранились в его личном архиве (ИМЛИ РАН). В 1934 г. Горький одобрил уникальный литературный проект иркутских пионеров — «База курносых». Участники и руководитель литературного кружка И. И. Молчанов-Сибирский были приглашены на Первый Съезд советских писателей, лично общались с Горьким. Впечатления от поездки в Москву составили вторую книгу «База курносых в гостях у Горького» (1936). В своем докладе Е. В. Кудрина попыталась найти ответы на вопросы: насколько авторы-дети были самостоятельны в своем творчестве? Какова роль Горького-наставника? Каковы были цели и задачи детских авторских проектов? [Кудрина 2023]. Е. В. Маркасова (Пекинский университет иностранных языков, КНР, доклад «Между детским чтением и историей науки, или Время читать Клюева») проанализировала роман «Между двух стульев» (1989–2007), написанный лингвистом, поэтом, писателем Е. В. Клюевым. Исследова-

тельница охарактеризовала роман как философское произведение, на которое можно спроецировать содержание лингвистических дискуссий 1980–1990-х гг. О. А. Лучкина (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН) в докладе «Как составить краткую биографию писателя: вырезать, провощить и склеить» рассмотрела особенности жанра биографии-справки, создаваемой для детского чтения, проанализировав книгу «„Силуэты“ пятидесяти русских литераторов и краткие их биографии» (1877) А. А. Чернохвостовой. Специфика жанра биографии-справки подразумевала краткость и емкость, однако при всей шаблонности формата составитель сборника реконструировал «литературные лица» с избирательностью, «вырезал», «провощивал» и «склеивал» справки в соответствии с иерархией писательских репутаций [Лучкина 2023]. К. А. Маслинский (доклад «На чьей вы стороне, товарищ Кассиль? Стилометрический анализ политической аффилиации детских авторов эпохи Оттепели») на основании статистического анализа распределения семантических и грамматических категорий в текстах советских детских писателей показал системные различия между «соцреалистическим» и «оттепельным» (психологизм, искренность) стилем письма в детской литературе. Обнаруженные различия позволили построить формальную модель классификации, весьма пронизательно определяющую по текстам автора, на какой стороне он выступал в оттепельной дискуссии о стиле литературного письма. И. Н. Арзамасцева посвятила свой доклад «Пути звёзд: „Ванька“, „Каштанка“ А. П. Чехова и „Белый пудель“ А. И. Куприна» хрестоматийному в детском чтении «триптиху» рассказов А. П. Чехова и А. И. Куприна. В докладе уточнялась адресация «Белого пуделя», анализировались первые иллюстрации к изданию, выдвигалась и обосновывалась гипотеза о катастеризме. А. Ф. Белоусов предложил анализ сюжетов в докладе «Сюжеты о дружбе в первых повестях Лидии Чарской („Записки институтки“ и „Княжна Джаваха“»)». А. И. Разуvalова (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН) выступила с докладом на тему: «Люди, собаки и поиски „контакта“: повесть Никиты Разговорова „Четыре чётёрки“ в контексте литературы „оттепели“», в котором детская литература, посвященная «собакам — разведчикам космоса», и научно-фантастическая литература рубежа 1950–1960-х гг. послужили контекстом для анализа адресованной в равной степени и подростковой, и взрослой читательской аудитории научно-фантастической повести Н. Разговорова, где автор попытался осмыслить эмоционально-этический аспект историй «космических собак». Доклад Д. Нежинской «Мотив сна в сказках

С. Козлова. Циклы „Ежик в тумане“ и „Правда, мы будем всегда?“ посвящён осмыслению значимости мотива сновидения в творчестве Сергея Козлова (1939–2010). На основе двух циклов писателя — «Ежик в тумане» и «Правда, мы будем всегда?» — были продемонстрированы особенности функционирования семантических вариаций мотива сновидения в его творчестве. И. В. Вдовенко в докладе «Еще раз о взаимоотношениях „текста“ и „иллюстрации“: „Queer people“ П. Кокса в „Задушевном слове“ (1889–1894)» сосредоточился на проблеме взаимодействия текста и иллюстрации, обратившись к сборнику поэтических фрагментов «Queer people» Пальмера Кокса, ставшему основой для двух больших повестей («Лесные малютки» А. Хвольсон (1890) и «В зеленом царстве» С. Либровича (1891)) и более чем двадцати рассказов, печатавшихся в «Задушевном слове» с 1889 по 1894 гг. с оригинальными иллюстрациями Кокса (но без указания авторства). В отличие от американской серии все русские тексты представляют собой прозаический пересказ. Однако в ряде случаев пересказ этот оказывается построен не на литературном источнике, а на сопровождающих его рисунках — вплоть до полной смены сюжета, выстраивания новой истории, к которой графика Кокса оказывается как бы специально выполненной иллюстрацией [Вдовенко 2016].

Не раз становилась предметом обсуждений на семинаре и детская периодика. А. А. Сенькина коснулась темы советской детской журналистики. В докладе «Как советская власть приучила детей читать журналы: советские журналы-учебники 1930–1932-х гг.» рассматривалось издание журналов-учебников, в которое были вовлечены не только ключевые сотрудники учреждений Наркомпроса и авторитетные педагоги, но и лучшие детские писатели того времени: А. Введенский, Д. Хармс, С. Маршак, Е. Шварц и другие. Будучи учебными пособиями, журналы-учебники были направлены на решение задач не столько всеобуча, сколько политпросвета. Выходившие каждый месяц новые номера должны были своевременно обеспечивать школу информацией о последних достижениях пятилетки, о ходе антирелигиозной и антиалкогольной кампаний, об индустриализации и коллективизации и т. д. Так в школьных учебниках произошел сдвиг от образовательного контента к информационно-пропагандистскому. Посредством журналов-учебников, предназначенных для обязательного использования в школе, фактически совершалась тотальная институционализация чтения периодики: всех советских детей школьного возраста приучали к регулярному чтению журналов и иницируемым

ими специфическим форматам социальной активности и интерактивности [Сенькина 2017]. О. В. Проскурова-Тимофеева (Латвийский университет, доклад «„Странную любовь“: тема родины в рижской детской периодике 1920-х годов») рассказала о русскоязычной детской аудитории межвоенной Латвии, которая была весьма разнородной: коренное русскоязычное население Латвии, дети эмигрантов, недавно покинувших Россию и осевших в Риге, юные читатели в других центрах Русского Зарубежья. В докладе был проанализирован подход к теме «родного дома» в детских изданиях рижского акционерного общества «Саламандра» на фоне обеспокоенности так называемой «денационализацией» нового поколения, охватившей интеллектуальные круги русской эмиграции в середине 1920-х гг. А. С. Лащева (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, доклад «Журнал „Галчонок“ как пространство для детского творчества») проанализировала редакторскую стратегию работы журнала «Галчонок» (1911–1913) с детским творчеством, показав, как «Галчонок» вышел за рамки литературно-художественного журнала, став площадкой для детской самореализации. А. В. Кравченко (МВШСЭН, доклад «Пионерские журналы Москвы. К истории формирования комсомольской „системы руководства пионерской печатью“») посвятил сообщение истории московских пионерских журналов 1920-х гг. («Барaban», «Пионер», «Дружные ребята» и пр.). Докладчик сосредоточился на том, как создатели понимали задачи пионерских журналов, как пытались регламентировать работу редакции, какое место во всем этом должен был занимать ребенок/пионер, выступающий в ипостасях деткора, активиста и «заказчика» новых журналов. М. Морозова (доклад «Миссия русского скаутизма (на материале журнала скаутских руководителей „Опыт“») обратила внимание слушателей на журнал «Опыт» — главное издание, связывавшее скаутов русской диаспоры в эмиграции и ставящее задачу — сохранить русские традиции. Он создавался внутри и для сообщества, а потому на страницах его номеров транслировались ключевые идеи скаутской идеологии, приводились описания типичных скаутских практик, анализ которых был представлен в докладе.

Не только литературу, но и другие виды искусств (медиа) обсуждали участники семинара. Е. А. Жданкова (ЕУСПб, доклад «„Патологический тип детей-киноманов“: нэп, ребенок и кино») предложила обсудить изменение отношения к детству на протяжении 1920-х гг. через призму практик детского досуга и сопряженных с ними проблем. Посещение детьми кинотеатров рассматривалось

в докладе как социальное явление городской жизни: в 1920-е гг. кино было чрезвычайно популярно среди детей — по данным некоторых опросов, 100 % подростков посещали кинотеатры несколько раз в неделю. Инфраструктуры детского кино, однако, не существовало, дети отправлялись на взрослые сеансы, присутствие же детей в кинотеатрах стало объектом многочисленных обсуждений и жалоб. М. С. Костюхина (РГПУ им. А. И. Герцена) в докладе «„Вести из леса“ — радиопроект и программа жизни» рассказала о программе ленинградского радио «Вести из леса», выходявшей во всесоюзном эфире с 1956 по 1971 гг. и ставшей одним из самых успешных радиопроектов советского времени. Анализ редакционной почты показал, что в восприятии многотысячной аудитории «Вестей из леса» программа легитимизировала право советского человека на «другую культуру», равно удаленную от политической пропаганды и культурного просветительства.

Важным исследовательским объектом семинара является учебная книга А. А. Сенькина, выступившая с докладом «„Узник“, „Людоход“, „Забытый“ и „Побежденные“: картины художников в хрестоматиях для народных школ в начале XX века» остановилась на трех вопросах: 1) в какой момент иллюстрирование материала хрестоматий художественными полотнами стало трендом и что этому предшествовало; 2) как картины на страницах хрестоматий взаимодействовали с текстами, составляя с ними тематические группы и устойчивые комбинации, как наиболее популярные из них начинали оказывать влияние на тематику и состав учебных текстов; 3) какую идеологическую нагрузку несли эти картины в контексте политической борьбы в межреволюционный период. А. А. Костин посвятил доклад «„Умом нам недотечно“: конфессиональные особенности учебных пособий Академии наук конца 1730-х гг. и их переводов» введению в практику элементарного образования русских православных дворян печатных учебных текстов гражданского шрифта, создававшихся протестантскими авторами, которые опирались на актуальные богословские споры [Костин, Костина 2015].

Исследования литературного канона, понимаемого как совокупность образцовых текстов, были представлены докладчиками А. Н. Садриевой и А. В. Мироновым (НГСПИ, «„Крестьянские поэты — детям“: Афанасий Фет и лирики XIX века в книжных сериях издательства „Детская литература“ в 1950–1970-е годы») и Т. И. Рожковой (Научно-исследовательский институт исторической антропологии и филологии ФГБОУ ВО «МГТУ им.

Г. И. Носова», «Школьный читательский опыт в практике народного письма (на материале воспоминаний жителя Кусинского завода И. А. Гагарина, 1883–1950 гг.)». В первом докладе был проанализирован «фетовский канон» (пейзажная лирика светлой, жизне-радостной тональности), который сложился уже в XIX в. в школьных хрестоматиях А. Д. Галахова, К. Д. Ушинского, А. Г. Филонова, В. Я. Стоюнина, Л. И. Поливанова, И. И. Паульсона. В советское время из-за своеобразной репутации Фета как реакционера и крепостника его включение в «школьный канон» находилось под вопросом — восприятие личности поэта и его лирики было очень дискуссионным. Своеобразным выходом из этого противоречия стало восприятие Фета (и других лириков XIX в.) в духе «крестьянских поэтов» (приметы «крестьянской жизни», набор которых постоянен, почти ритуализован — лошадка, везущая дровни, крестьянская изба, полевые работы и т. д.). Т. И. Рожкова воссоздала читательский опыт жителя Кусинского завода И. А. Гагарина, автора «Избранных произведений из памяти всей моей жизни» (1950-е гг.). В его сочинении ярко проступают ценности пишущего, его тяга к знаниям. Пейзажные зарисовки в сочинении И. А. Гагарина наполнены цитатами из сочинений Плещеева, Некрасова, Есенина, Вас. Немировича-Данченко. В докладе был представлен анализ способов апроприации И. А. Гагариным классических текстов русской литературы — цитирование, контаминация, переделка, дописывание и пр. [Рожкова 2022].

Одним из значимых для сотрудников Центра исследований детской литературы в Пушкинском Доме направлений исследований является история критики детской литературы. В 2015 г. в ИРЛИ прошел расширенный семинар «„Воспитание нового читателя“ (к 150-летию критики детской литературы)», в рамках которого были рассмотрены отдельные персоналии и работы критиков (М. С. Костюхина, «Критики из министерства (по материалам „Журнала Министерства народного просвещения“»); С. Г. Маслинская, «Критик детской литературы 1920–1930-х годов: штрихи к коллективному портрету»), проанализировано воздействие критики на автора или его творчество (А. А. Костин, «„Бедные дети“, „нечто неопрятное“ и воздействие критики на автора: Борис Федоров в журнальных отзывах 1820–1840-х гг.»; К. Ю. Зубков, «Педагогическая критика М. Ф. Де-Пуле и „Фрегат ‘Паллада’“ И. А. Гончарова»), особенности критики детской литературы (А. Ф. Белоусов, «Борьба со сказкой в 1860-е годы»; О. А. Лучкина, «Raison d'être русской классики: поэты-педагоги и

писатели-воспитатели»; В. В. Головин, «Парадоксы критики детской литературы. Запрет книги по 1001 статье уголовного закона»; И. А. Сергиенко, «Что такое детская литература: от критиков XIX века к исследователям XX века» [Сергиенко 2015]). Этот семинар очертил круг основных вопросов изучения критики детской литературы. В последующие годы тему критики представили на семинарах О. А. Лучкина, рассказавшая о русской критике 1860–1880-х гг. (доклад «Как Чистяков обошел Пушкина: измерение престижа и популярности в русской критике 1860–80-х гг.»), и А. А. Димьяненко, доклад которой был посвящен анализу рецепции литературы для детей, изданной на русском языке за рубежом («Память о будущем: детская литература в эмигрантской критике в периодических изданиях 1920–1930-х гг.» [Димьяненко 2023]). В первом докладе речь шла о структуре литературного канона, реконструируемого на материале критики детской литературы XIX в. Сквозь призму двух способов вхождения в канон (быть прочитанным многими — «популярность» и быть ценным для избранной элиты — «престиж» (Дж. Д. Портер)) с помощью количественных методов анализа данных О. А. Лучкина рассмотрела механизмы формирования канона, чтобы объяснить место М. Б. Чистякова и А. С. Пушкина в иерархии писателей для детей. А. А. Димьяненко, основываясь на материалах критических статей, рецензий и обзоров детских книг, представила критерии оценки детской литературы, охарактеризовала тематические особенности литературы для детей и направления критических дискуссий, отразившихся в эмигрантской периодической печати в разных странах в 1920–1930-е гг. Открытый для печати издательский мир русского зарубежья вне государственной политической борьбы и навязанных концепций в детской литературе представлял возможности, благодаря которым на место детского писателя мог претендовать кто угодно.

О читательской практике два доклада на «Детском семинаре» сделал А. Б. Лярский (ВШПМ СПбГУПТД): «„От Холмса к Иисусу и обратно“ — чтение в жизни подростка начала XX в.» и «Что читали школьники-самоубийцы в начале XX века?». В первом докладе речь шла о дневнике Петра Самойлова, который родился в 1893 г. Докладчик проследил динамику чтения Петра Самойлова, рассказал, какие книги сопровождали взросление подростка начала XX в. Во втором докладе А. Б. Лярский продолжил разговор о круге чтения детей, опираясь на статистические данные о самоубийствах школьников, которые планомерно собирались в начале XX в. Министерством народного просвещения. В попытках понять истоки

суицидального поведения взрослые часто искали причины в книгах, которые читали подростки. В выступлении речь шла не только о круге чтения, но и об особенностях взаимопонимания и взаимонепонимания поколений [Лярский 2017].

Многие докладчики обращались к концепту «память детства», так или иначе затрагивая вопросы взаимоотношений детей, бытовавшие в среде детей культурные практики (участие в конкурсах, детские игры), приметы советского опыта детства (отрывной календарь, путевка в лагерь, одежда). А. Ф. Белоусов выступил с докладом «Дружба и обожание среди воспитанниц женских институтов в России начала XX века». М. С. Костюхина в докладе «Новогодние страницы детского отрывного календаря» обратилась к печатному календарю советского времени, который объяснял азы политграмоты, ценности культуры, преимущества социалистического строя и советского образа жизни, говорил с читателем языком авторитетных цитат, лозунгов и афоризмов. Анализ страницы «Детского отрывного календаря» на 1939 год показал тенденцию к нарушению временных координат с целью создания особого «советского» времени [Костюхина 2024]. Г. А. Орлова (НИУ ВШЭ, доклад «Модель для „Комсомолки“: девочки 1990-х в поисках воплощения» охарактеризовала гибридное устройство одного из самых заметных читательских конкурсов «Мисс КП-99», подтвердив тезис Жана Бодрийяра о манекене как идеальной для общества потребления модели тела, и продемонстрировала, как девочки-подростки откликнулись на всеобщую одержимость этими конкурсами, закрепляя с помощью собственных тел новую размерность общества, идентичности и воображения. В центре внимания доклада А. Козловой (ЕУСПб, «„Мне посчастливилось получить путевку в сказочную страну“: путешествие в лагерь „Артек“ и романтическая концепция детства в эпоху позднего социализма») — повествовательная структура воспоминаний о поездке в «Артек» (преимущественно артековцев 1960–80-х гг.), формальная организация которых напоминает композицию сказки — путешествия героев детской литературы в волшебную страну (ставшую в 1960-е гг. популярным жанром детской литературы), и в некотором смысле реабилитирует чуждую советской педагогике романтическую концепцию детства. О. Ю. Бойцова (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН) и Е. А. Орех (СПбГУ / Социологический институт РАН) в докладе «От светлой одежды — к светлому будущему: дискурс о цвете детской одежды в СССР в 1950–80-е годы» представили результаты анализа журнальных статей и посо-

бий с рекомендациями по поводу детской одежды, опубликованных в СССР во второй половине XX в. Выяснилось, например, что розовая одежда на мальчиках в разные времена означала разные вещи: могла быть маркером гендера / социального положения, или не нести символической нагрузки. Наряду с другими аспектами детской моды цвет одежды участвовал в конструировании и передаче представлений о детстве, о чем и рассказали докладчики. Антрополог А. С. Архипова (ШАГИ РАНХиГС, РГГУ) и адвокат Адвокатской палаты Томской области Б. С. Пейгин (Юридический институт НИ ТГУ) в докладе «„Игры на страх и контроль“ во дворе, на суде и под пером исследователя» рассказали, как возникают «игры на страх и контроль» внутри детского сообщества. Такие «игры», несмотря на реальную опасность, воспринимаются вовлеченными в них как увлекательная игра. В современной России появление подобных онлайн- и офлайн-игр родители и учителя зачастую воспринимают как «манипуляцию сознанием» и/или провокацию некоего внешнего врага. После принятия поправок в Уголовный кодекс (статья о склонении к самоубийству) рассказ о практиках вовлечения в различные игры типа «беги и умри» или в «группы смерти» стал предметом внимания юристов. С точки зрения властных структур подобные игры не воспринимаются как игры и квалифицируются как общественно опасные действия, и в ряде случаев — как преступные. Докладчики объяснили, почему «игры» сейчас так интерпретируются и в чем причина такого восприятия. С. О. Куприянова (СПбГУ, доклад «Культура укачивания и традиция колыбельных в контексте новой социальной политики»), используя материалы записей Фольклорного архива СПбГУ, полученных в результате фольклорных экспедиций Санкт-Петербургского университета 1978–2014 гг. в Вологодскую, Архангельскую и Псковскую области (цифровая база данных, рукописные расшифровки аудиозаписей, полевые дневники и отчеты, аудио-, видео- и фотоматериалы), показала, что телесные практики воспитания оказываются подвержены идеологическому воздействию со стороны государства, но несмотря на попытки контролировать сферу интимного, передаче из поколения в поколение подлежат именно те практики, которые оказываются эффективными. А. Сураев (СПбГИК) в докладе «Репрезентация советского детства в современной детской литературе» предпринял попытку систематизировать подход к изображению советского детства в современной детской литературе (Е. Неволина, С. Ольшевская, А. Жвалевский, Ю. Яковлева, Т. Королева, Н. Абгарян, Б. Минаев,

К. Драгунская, Э. Веркин, М. Сеславинский), авторы которой описывают социальные явления и реалии советской эпохи, конструируя на страницах современной детской литературы совокупный универсум советского детства, который может трактоваться различно — от идиллического до дистопического, что отражает современные общественные мифы, связанные с осмыслением наследия советской эпохи.

Запрет, табу, санкция сопровождали детскую книгу на протяжении всего ее существования. Е. Н. Левко в докладе «„Абсолютно правдивый дневник“ Шермана Алекси — история индейского Гарри Поттера?» задалась вопросами о том, как книга из запрещенной в отдельных штатах превращается в рекомендуемую к прочтению стараниями самих подростков и как типичный сюжет литературы янг-эдалт (YA) приобретает социальное и политическое звучание. С. А. Троицкий (СПбГУ) выступил с докладом «Санкция как функция в детской литературе», в котором предложил использовать функциональный подход для классификации и изучения произведений детской литературы, выделив ряд функций, которые характерны для нравоучительной литературы.

Обратная сторона запрета — пропаганда. Об антирелигиозной пропаганде посредством детского творчества рассказали Е. О. Казакова и О. А. Лучкина в докладе «Не слава Богу: детское творчество как инструмент антирелигиозной пропаганды в Советском Союзе в 1920–1930-е гг.». В первые советские десятилетия детское творчество стало одним из жанров политической пропаганды, направленной как на ребенка, так и на взрослого. На страницах газеты «Ленинские искры», журнала «Юный безбожник», в специальных сборниках для школ публиковались самые разнообразные антирелигиозные материалы: песни, стихотворения, частушки, рассказы, пьесы, игры, рисунки, которые должны были продемонстрировать «контрреволюционную сущность» религии и вовлечь ребенка в антирелигиозное движение на уровне коллективных перформативных практик и творческой активности. Частью этого комплексного антирелигиозного воспитания стали детские поделки, инструкции по их созданию и шаблоны к ним также публиковались в периодике. Докладчицы рассмотрели антирелигиозное детское творчество, направленное на воспитание в ребенке-творце ребенка-агитатора, проанализировав практики ручного труда, которые балансировали между творчеством и предписанием, превращали идею творческого самовыражения ребенка в идею социального заказа. А. В. Сысоева (ИРЛИ (Пушкинский

Дом) РАН) выступила с докладом «Детская литература как инструмент пропаганды: повесть В. П. Беляева „Старая крепость“ во второй половине 1930-х гг.», в которой повесть о Гражданской войне была представлена как инструмент идеологического воспитания на фоне предвоенной эпохи. В произведении создавался положительный образ Красной армии и отрицательный — противников советской власти; книга способствовала формированию у читателя милитаристских и антирелигиозных убеждений, а автор создавал и корректировал образ врага в соответствии с внешнеполитической ситуацией. В докладе шла речь о причинах популярности произведения у читателя, а также его успешной издательской судьбы [Сысоева 2023]. С. Г. Маслинская в докладе «О левом уклоне и правом повороте в детской литературе» рассказала о подходах к тенденциозной детской литературе, поисках языка ее описания (*radical children's literature*, *left-wing books*, новая детская литература) и применимости этого языка к русской детской литературе. Докладчица показала, что политизация детской литературы начала проявляться во второй половине XIX в. и к началу XX в. уже была представлена довольно отчетливо, на что обратили внимание первые критики этого явления (Г. Вольгаст), заявив о необходимости дистанции между детской литературой и политическими интересами взрослых. Однако последующее развитие детской литературы продемонстрировало, что это требование не согласуется с той ролью, которую взрослые назначили детской литературе.

И. Т. Гулямова (РГГУ) в докладе «Репрезентация „девичества“ в женском романе воспитания в начале XX века» и Л. Рудова (Помена колледж, Калифорния), подготовившая выступление «„Поднимусь на стратостате... Что такое это, кстати?“: конструкция гендерной идентичности в советской поэзии для детей периода „тоталитарной андрогинии“», обратились к гендерным исследованиям. Первая докладчица проанализировала три романа воспитания, опубликованных в начале XX в. в разных странах: «Записки институтки» русской писательницы Лидии Чарской (1901), «Анна из Зеленых Мезонинов» канадской писательницы Люси Мод Монтгомери (1908) и «Клодина в школе» французской писательницы Сидони-Габриэль Колетт (1900). Выбранные романы были написаны на фоне возросшего общественного внимания к определению «подросткового возраста» и переосмыслению ценностей воспитания, а также развития социальных движений за права женщин. Используя примеры популярных стихотворений и рассказов

детских писателей и поэтов 1930–1950-х гг., Л. Рудова продемонстрировала, как советская детская литература создавала и репродуцировала гендерные модели, которые поддерживали «этакратический гендерный порядок» и культуру «гендерной враждебности» и предрассудков. Детская литература отдавала предпочтение образу решительных, самостоятельных, смелых и сильных мужчин и мальчиков, отводя женщинам и девочкам второстепенную роль и ограниченную агентность.

Некоторые доклады были посвящены исследовательским методам, используемым сейчас применительно к детской литературе. Е. В. Лекаревич (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН) в докладе «ДетКорпус как исследовательский инструмент» на конкретных примерах представила исследовательские возможности изучения литературы с помощью ДетКорпуса. Открытый доступ к поисковым инструментам корпуса позволяет широкому кругу исследователей на новом уровне решать поисковые задачи (подбор и организация материала), текстологические задачи (сравнение версий) и, шире, проводить количественные исследования на материале литературы. А. Видяева, Е. Додонова, Ю. Кожевникова, Н. Никифоров (НИУ ВШЭ), К. А. Маслинский продолжили разговор о количественных данных в коллективном выступлении «Литературная топография детских тел (по данным корпуса советской детской литературы 1930–1980-х гг.)». В докладе исследователи представили опыт построения литературной топографии детского тела — на основании анализа контекстов, в которых упоминаются части тела ребенка в корпусе советской детской литературы 1930–1980-х. Докладчики показали, как последовательно анализируемые социальные действия, эмоции и культурные значения, связанные с упоминанием детских локтей и коленок, ушей и затылков, носов и подбородков, позволяют формулировать и проверять гипотезы о репрезентации детской телесности в советской детской литературе. В докладе были подняты методологические вопросы, возникшие при составлении корпуса («ДетКорпус» (detcorpus.ru)) и при интерпретации результатов исследования [Маслинский, Видяева, Додонова, Кожевникова, Никифоров 2018]. Д. Де Флорио в докладе «Архив О. И. Капицы. Характеристика и перспективы исследования» представила традиционное направление исследований — опыт работы с архивом. В докладе рассматривалась структура и содержание фонда О. И. Капицы, хранящегося в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН, а также архивный материал, находящийся в отделе редкой книги Фундаментальной Библиотеки

РГПУ. Докладчица выделила основные направления деятельности О. И. Капицы, в частности, обратила внимание на ее библиографические и критические работы по детской литературе первых двух десятилетий XX в.

Видео- и аудиозаписи с докладами, сделанные на «Детском семинаре», доступны в плейлисте проекта на канале Пушкинского Дома³, а некоторые были записаны отдельно⁴.

«Детский семинар» в Пушкинском Доме за последние десять лет собирал на заседаниях исследователей из России, США, Италии, Франции, Китая, Латвии, Польши, Бразилии. Семинарская география позволяет говорить о том, что сделанные сообщения отражают не только приоритетные темы и направления российских исследований, но и международного сообщества ученых. Проблемно-тематическое поле исследований детской литературы размечено многообразно: разные исторические периоды, типы материала (художественное произведение, научно-популярная книга, учебная книга, кинофильм и т. д.), разные аспекты и инструменты изучения. Методологически *children's studies* в Пушкинском Доме охватывают архивные изыскания, биографику, реконструкцию, анализ количественных данных, сравнительное литературоведение.

Присоединиться к кругу постоянных слушателей семинара можно и сейчас, заседания проходят каждый месяц. Анонсы семинарских заседаний регулярно публикуются в социальных сетях⁵. Приглашаем докладчиков поделиться своими исследованиями и поучаствовать в обсуждении исследований коллег. Прислать заявку на участие можно на электронную почту «Детского семинара»: childrenseminar@gmail.com.

Примечания

¹ Подробнее о Центре исследований детской литературы в Пушкинском Доме: <http://pushkinskiydom.ru/tsentr-issledovaniy-detskoj-literatury/>.

² См. статьи, опубликованные по материалам семинара в коллективной монографии «Русско-немецкие контакты в детской литературе XVIII–XX вв.» [Русско-немецкие контакты 2020].

³ Плейлист «Детского семинара» на YouTube: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLzrCciJvqPLSaadMubhBzdMJyONREmnLz>

⁴ Записи «Детского семинара» на YouTube: «Герои не умирают»: возрождение жанра «сказки» и реальные советские дети-герои: <https://www.youtube.com/watch?v=1RAA5v1UtdE>; Как советская власть приучила детей читать журналы: советские журналы-учебники 1930–1932-х гг.: <https://www.youtube.com/watch?v=QEW06YB7dME>; Лите-

ратурная топография детских тел (по данным корпуса советской детской литературы 1930–1980-х гг.): <https://www.youtube.com/watch?v=H19vTFnx7OE>; Путиами звёзд: «Ванька», «Каштанка» А. П. Чехова и «Белый пудель» А. И. Куприна: <https://www.youtube.com/watch?v=PTLso92k-eM>; Модель для «Комсомолки»: девочки 1990-х в поисках воплощения: <https://www.youtube.com/watch?v=uORjcyAysQI>; Что читали школьники-самоубийцы в начале XX века: <https://www.youtube.com/watch?v=xAWnVfV09II>; Английская детская литература: проблемы рецепции в Британии и в России: <https://www.youtube.com/watch?v=WvOGQw1JiIo>; ДетКорпус как исследовательский инструмент: <https://www.youtube.com/watch?v=1BJbM7miVCs>.

- ⁵ Социальные сети Центра исследований детской литературы в Пушкинском Доме: <https://vk.com/childrenseminar>;
https://t.me/gorodokvtabakerke_irli.

Литература

Исследования

Беларев 2020 — Беларев А. Н. На двух планетах. Рецепция творчества Курда Лассвица в России // Русско-немецкие контакты в детской литературе XVIII–XX вв. = Russisch-deutsche Kontakte in der Kinderliteratur im XVIII–XX Jahrhundert. Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) / под ред. С. Г. Маслинской. СПб.: Росток, 2020. С. 167–248.

Вдовенко 2016 — Вдовенко И. В. Мурзилка на фабрике советского (модели присвоения и переозначивания «чужого» в советской детской литературе) // Детские чтения. 2016. № 2(10). С. 237–269.

Головин 2022 — Головин В. В. Музыцирование и пение в повести Аркадия Гайдара «Тимур и его команда» // Детские чтения. 2022. № 2(22). С. 366–388. DOI: 10.31860/2304-5817-2022-2-22-366-387.

Головин, Сергиенко 2024 — Головин В. В., Сергиенко И. А. Детская литература Золотого века // Социокультурные контексты русской словесности XI–XX веков: Материалы к «Истории русской литературы». СПб.: Росток, 2024. С. 551–560.

Димьяненко 2023 — Димьяненко А. А. Возвращение в будущее: историческая проза для детей в русском зарубежье в 1920–1939 гг. // Детские чтения. 2023. № 2(24). С. 254–266. DOI: 10.31860/2304-5817-2023-2-24-254-266.

Казакова 2021 — Казакова Е. О. Новая научно-популярная книга 1920-х гг.: о чем и как? // Детские чтения. 2021. № 2(20). С. 281–307. DOI: 10.31860/2304-5817-2021-2-20-281-307.

Костин, Костина 2015 — Костин А. А., Костина Т. В. «Регламент Гимназии при Императорской академии наук в Санкт-Петербурге» Г. В. Крафта

1739 г. и его подготовка // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М.: Новое издательство, 2015. С. 219–263.

Костюхина 2024 — Костюхина М. С. Круглый год: детская жизнь по календарю. М.: Новое литературное обозрение, 2024. (Культура повседневности).

Кудрина 2023 — Кудрина Е. В. Участие М. Горького в детских литературных проектах // Детские чтения. 2023. № 1(23). С. 101–136. DOI: 10.31860/2304-5817-2023-1-23-101-136.

Лучкина 2015 — Лучкина О. А. Хроника научно-исследовательского «Детского семинара» в Пушкинском Доме // Детские чтения. 2015. № 2(8). С. 208–215.

Лучкина 2020 — Лучкина О. А. Научно-исследовательский «Детский семинар» // Детские чтения. 2020. № 1(3). С. 286–291.

Лучкина 2023 — Лучкина О. А. Как составить краткую биографию писателя: вырезать, провозгласить и склеить // Art Logos (искусство слова). 2023. № 4. С. 73–92. DOI: 10.35231/25419803_2023_4_73.

Лярский 2017 — Лярский А. Б. «Простите, дорогие папа и мама»: Родители, дети и борьба с подростковыми самоубийствами в России. СПб: Победа, 2017.

Маслинский 2024 — Маслинский К. А. Переводы детских книг с языков народов СССР: библиографическая статистика (1922–1984) // Детские чтения. 2024. № 1(25). С. 49–73. DOI: 10.31860/2304-5817-2024-1-25-49-73.

Маслинский, Видяева и др. 2018 — Маслинский К. А., Видяева А. В., Додонова Е. Д., Кожевникова Ю. В., Никифоров Н. В. От анализа портрета к поэтике шаблона: о стереотипии и гендерных моделях в изображении детей в советской детской прозе // Детские чтения. 2018. № 2 (14). С. 138–159.

Моунтиан 2021 — Моунтиан Д. Цвета и формы в книгах Монтейру Лобату и Самуила Маршака // Детские чтения. 2021. № 2(16). С. 280–295. DOI: 10.31860/2304-5817-2019-2-16-280-295.

Рожкова 2022 — Рожкова Т. И. Литературный опыт уральского забойщика и лесника И. А. Гагарина: школьное чтение в практике сочинительства // Детские чтения. 2022. № 2(22). С. 319–339. DOI: 10.31860/2304-5817-2022-2-22-319-339.

Русско-немецкие контакты 2020 — Русско-немецкие контакты в детской литературе XVIII–XX вв. = Russisch-deutsche Kontakte in der Kinderliteratur im XVIII–XX Jahrhundert / под ред. С. Г. Маслинской. СПб.: Росток, 2020.

Сенькина 2017 — Сенькина А. А. Между всеобучем и политпросветом: советские журналы-учебники 1930–1932 гг. // Стратегии перевода и государственного контроля = Translation strategies and state control. Тарту:

University of Tartu Press, 2017. С. 324–341 (Acta Slavica Estonica. Труды по русской и славянской филологии Литературоведение).

Сергиенко 2015 — Сергиенко И. А. Концепции педагогической критики XIX века в истории изучения детской литературы // Детские чтения. 2015. № 2(8). С. 76–95.

Сысоева 2023 — Сысоева А. В. Занимательная идеология, или Как рассказывать о войне советским детям: повесть В. П. Беляева «Старая крепость» во второй половине 1930-х годов // Детские чтения. 2023. № 2 (24). С. 267–287. DOI: 10.31860/2304-5817-2023-2-24-267-287.

De Florio 2022 — De Florio G. L'isola che (non) c'è. La letteratura russa per l'infanzia in Italia. 1945–1991. Firenze: Firenze University Press, 2022. DOI: 10.36253/979-12-215-0034-9.

Maslinskaya 2023 — Maslinskaya S. From the Child's Point of View. The Observer in Children's Literature of the 1920s and 1930s // Historical and Cultural Transformations of Russian Childhood Myths and Realities / Ed. by M. Balina, L. Rudova, A. Kostetskaya. Routledge: New York, 2023. Pp. 40–54.

Natov 2002 — Natov R. The Poetics of Childhood. New York: Routledge, 2002.

References

Belarev 2020 — Belarev, A. (2020). Na dvuh planetah. Recepcija tvorcestva Kurda Lassvica v Rossii [On Two Planets. Reception of Kurd Lasswitz's Work in Russia]. In S. G. Maslinskaya (Ed.), Russko-nemeckie kontakty v detskoj literature XVIII–XX vv. = Russisch-deutsche Kontakte in der Kinderliteratur im XVIII–XX Jahrhundert [Russian-German Contacts in Children's Literature of the 18th–20th Centuries] (pp. 167–248). Saint Petersburg: Rostok.

De Florio 2022 — De Florio, G. (2022). L'isola che (non) c'è. La letteratura russa per l'infanzia in Italia. 1945–1991. Firenze: Firenze University Press.

Dimianenko 2023 — Dimianenko, A. (2023). Vozvrashhenie v budushhee: istoricheskaja proza dlja detej v russkom zarubezh'e v 1920–1939 gg. [Return to the Future: Historical Prose for Children in the Russian Diaspora in 1920–1939]. Detskie chtenia, 2(24), 254–266. DOI: 10.31860/2304-5817-2023-2-24-254-266.

Golovin 2022 — Golovin, V. V. (2022). Muzicirovanie i penie v povesti Arkadija Gajdara “Timur i ego komanda” [Music-making and singing in Arkady Gaidar's story “Timur and his team”]. Detskie chtenia, 2(22), 366–388. DOI: 10.31860/2304-5817-2022-2-22-366-387.

Golovin, Sergienko 2024 — Golovin, V. V., Sergienko, I. A. (2024). Detskaja literatura Zolotogo veka [Children's Literature of the Golden Age]. In Sociokul'turnye konteksty russkoj slovesnosti XI–XX vekov: Materialy k “Istorii russkoj literatury” [Sociocultural contexts of Russian literature of the 11th–20th

centuries: Materials for the “History of Russian Literature”] (pp. 551–560). Saint Petersburg: Rostok.

Kazakova 2021 — Kazakova, E. (2021). Novaja nauchno-populjarnaja kniga 1920–h gg.: o chem i kak? [New Popular Science Book of the 1920s: What and How?]. *Detskie chtenia*, 2(20), 281–307. DOI: 10.31860/2304-5817-2021-2-20-281-307.

Kostin, Kostina 2015 — Kostin, A., Kostina, T. (2015). “Reglament Gimnazii pri Imperatorskoj akademii nauk v Sankt-Peterburge” G. V. Krafta 1739 g. i ego podgotovka [“Regulations of the Gymnasium at the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg” by G. V. Kraft in 1739 and its Preparation]. In “Reguljarnaja akademija uchrezhdjena budet...”: Obrazovatel’nye proekty v Rossii v pervoj polovine XVIII veka [“A Regular Academy Will Be Established...”: Educational Projects in Russia in the First Half of the 18th Century] (pp. 219–263). Moscow: Novoe izdatel’stvo.

Kostyukhina 2024 — Kostyukhina, M. (2024). Kruglyj god: detskaja zhizn’ po kalendarju [All Year Round: Children’s Life by the Calendar.] Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Kudrina 2023 — Kudrina, E. (2023). Uchastie M. Gor’kogo v detskih literaturnyh proektah [Participation of M. Gorky in Children’s Literary Projects]. *Detskie chtenia*, 1(23), 101–136. DOI: 10.31860/2304-5817-2023-1-23-101-136.

Luchkina 2015 — Luchkina, O. A. (2015). Hronika nauchno-issledovatel’skogo “Detskogo seminar” v Pushkinskom Dome [Chronicle of the scientific research “Children’s Seminar” in the Pushkin House]. *Detskie chtenia*, 2 (8), 208–215.

Luchkina 2020 — Luchkina, O. A. (2020). Nauchno-issledovatel’skij “Detskij seminar” [Scientific research “Children’s Seminar”]. *Detskie chtenia*. 2020, 1 (3), 286–291.

Luchkina 2023 — Luchkina, O. A. (2023). Kak sostavit’ kratkuju biografiju pisatelja: vyrezat’, provoshhit’ i skleit’ [How to write a short biography of a writer: cut, wax and glue]. *Art Logos (iskusstvo slova)*. 2023, 4, 73–92. DOI: 10.35231/25419803_2023_4_73.

Lyuarskij 2017 — Lyuarskij, A. B. (2017). “Prostite, dorogie papa i mama”. Roditeli, deti i bor’ba s podrostkovymi samoubijstvami v Rossii [“Forgive me, dear mom and dad”. Parents, children and the fight against teenage suicides in Russia]. Saint Petersburg: Pobeda.

Maslinskaya 2023 — Maslinskaya, S. (2023). From the Child’s Point of View. The Observer in Children’s Literature of the 1920s and 1930s. In M. Balina, L. Rudova, A. Kostetskaya (Eds.), *Historical and Cultural Transformations of Russian Childhood Myths and Realities* (pp. 40–54). Routledge: New York.

Maslinsky 2024 — Maslinsky, K. (2024). Perevody detskih knig s jazykov narodov SSSR: bibliograficheskaja statistika (1922–1984) [Translations of children’s

books from the languages of the peoples of the USSR: bibliographic statistics (1922–1984)]. *Detskie chtenia*, 1(25), 49–73. DOI: 10.31860/2304-5817-2024-1-25-49-73.

Maslinsky, Vidjaeva et al. 2018 — Maslinsky, K. A., Vidjaeva, A. V., Dodonova, E. D., Kozhevnikova, Ju. V., Nikiforov, N. V. (2018). Ot analiza portreta k pojetike shablona: o stereotipii i gendernyh modeljah v izobrazhenii detej v sovetskoj detskoj proze [From portrait analysis to the poetics of the template: about stereotypes and gender models in the depiction of children in Soviet children's prose]. *Detskie chtenia*, 2(14), 138–159.

Mountian 2021 — Mountian, D. (2021). Cveta i formy v knigah Monteiru Lobatu i Samuila Marshaka [Colors and shapes in the books of Monteiro Lobato and Samuil Marshak]. *Detskie chtenia*, 2 (16), 280–295. DOI: 10.31860/2304-5817-2019-2-16-280-295.

Natov 2002 — Natov, R. (2002). *The Poetics of Childhood*. New York: Routledge.

Rozhkova 2022 — Rozhkova, T. I. (2022). Literaturnyyi opyt ural'skogo zaboishhika i lesnika I. A. Gagarina: shkol'noe chtenie v praktike sochinitel'stva [The literary experience of the Ural miner and forester I. A. Gagarin: school reading in the practice of writing]. *Detskie chtenia*, 2 (22), 319–339. DOI: 10.31860/2304-5817-2022-2-22-319-339.

Russko-nemeckie kontakty 2020 — Maslinskaya, S. G. (Ed.). (2020). *Russko-nemeckie kontakty v detskoj literature XVIII–XX vv. / Russisch-deutsche Kontakte in der Kinderliteratur im XVIII–XX Jahrhundert* [Russian-German Contacts in Children's Literature of the 18th–20th Centuries]. Saint Petersburg: Rostok.

Sen'kina 2017 — Sen'kina, A. (2017). Mezhdru vseobuchem i politprosvetom: sovetskie zhurnaly-uchebniki 1930–1932 gg. [Between universal education and political education: Soviet magazines and textbooks of 1930–1932]. In *Strategii perevoda i gosudarstvennyj kontrol'*. [Translation strategies and state control] (pp. 324–341). Tartu: University of Tartu Press (Acta Slavica Estonica IX. Works on Russian and Slavic philology. Literary criticism).

Sergienko 2015 — Sergienko, I. A. (2015). *Koncepcii pedagogicheskoy kritiki XIX veka v istorii izuchenija detskoj literatury* [Concepts of pedagogical criticism of the 19th century in the history of the study of children's literature]. *Detskie chtenia*, 2(8), 76–95.

Sysoeva 2023 — Sysoeva, A. V. (2023). Zanimatel'naja ideologija, ili Kak rasskazyvat' o voine sovetskim detjam: povest' v. P. Beljaeva “Staraja krepost'” vo vtoroj polovine 1930-h godov [Entertaining ideology, or how to tell Soviet children about the war: the story of V. P. Belyaev “The Old Fortress” in the second half of the 1930s]. *Detskie chtenia*, 2(24), 267–287. DOI: 10.31860/2304-5817-2023-2-24-267-287.

Vdovenko 2016 — Vdovenko, I. V. (2016). Murzilka na fabrike sovetского (modeli prisvoenija i pereoznachivanija “chuzhogo” v sovetской detskoj literature) [Murzilka at the Soviet Factory (Models of Appropriation and Re-signification of the “Alien” in Soviet Children’s Literature)]. *Detskie chtenia*, 2(10), 237–269.

Olga Luchkina

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-8184-5309

CHRONICLE OF THE MEETINGS OF THE “CHILDREN’S SEMINAR” AS A MIRROR OF CHILDREN’S LITERATURE RESEARCH

The research “Children’s Seminar” has been held since 2012 once a month. The organizers of the seminar are the staff of the Center for Children’s Literature Research at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences: Svetlana Maslinskaya, Inna Sergienko, Anna Dimianenko and Olga Luchkina. The seminar sessions discuss a wide range of issues related to modern methods and directions of studying children’s literature (canon studies, propaganda, taboo, gender, etc.), examined on a variety of materials: Soviet children’s literature, children’s cinema, children’s periodicals, educational books, children’s writers, the interaction of national literatures, criticism of children’s literature. The key feature of the seminar is its interdisciplinary nature and a wide international audience of listeners and participants.

Keywords: Children’s Seminar, Pushkin House, children’s literature, children’s reading, interdisciplinarity, childhood studies

КОНФЕРЕНЦИИ

Antonio Bibbò, Francesca Lorandini

RETRANSLATING CHILDREN'S LITERATURE: AN ACCOUNT OF A CONFERENCE HELD AT THE UNIVERSITY OF TRENTO

The third edition of the “Giornate di studio sulla ritraduzione” *Ritradurre la letteratura per ragazzi* (University of Trento) had a special focus on the retranslation of children's literature. The aim of these meetings is to bring together specialists of different languages and cultures and provide them with a space for discussion taking the idea of retranslation as a vantage point, as well as to propose a practical and theoretical reflection on the concept of retranslation. Children's literature is a particularly interesting field of investigation for a variety of interrelated reasons including its tendency to favour target-oriented translation approaches and its key role in processes of nation-building. The Trento conference saw the participation of twenty speakers, from a number of Italian and European universities, whose contributions dealt with different historical periods and cultural spheres. These contributions investigated phenomena concerning the history of language and especially emphasised the profound connections between children's literature, politics and deep changes in ideology and society.

Keywords: children's literature, young adult literature, retranslation, adaptation, history of translation

For the third time in three years, scholars and translators gathered at the University of Trento to discuss all things retranslation for what has become a traditional annual event. While the first two conferences explored the retranslation of modern classics (2021) and the retranslation of 19th century literature (2022), the third edition of the “Giornate di

Antonio Bibbò, University of Trento, Italy, antonio.bibbo@unitn.it

Francesca Lorandini, University of Modena and Reggio Emilia, Italy, francesca.lorandini@unimore.it

studio sulla ritraduzione”, held from the 5th to the 7th of December 2023, had a special focus on children’s literature. The aim of these meetings is to bring together specialists of different languages and cultures with an interest in translation, and provide them with a shared space for discussion, as well as to propose a practical and theoretical reflection on the concept of retranslation.

At the beginning of the 2000s, Isabelle Collombat defined the 21st century as “l’âge de la retraduction” because of the exponential growth in the number of literary works being retranslated and because theoretical interest in retranslation was beginning to emerge [Collombat 2004]. More than twenty years later, retranslation has become a thriving object of study, which had a starting point in the so-called retranslation hypothesis, attributed to Antoine Berman, but formulated by Andrew Chesterman [Chesterman 2000]. In a special issue of the journal *Palimpsestes* in 1990, Paul Bensimon defined the first translation of a text as a simple “introduction” [Bensimon 1990], and Antoine Berman emphasised that retranslations have the merit of “completing” the work of translation, “domaine d’essentiel inaccomplissement” [Berman 1990], moving from a target-oriented translated text to a source-oriented one. As is known, subsequent theoretical reflections addressed several issues connected with the supposedly linear evolution from the early ‘hot’ translations to the later ‘cold’ ones, to employ Claude Demanueli’s terminology, taken up by Isabelle Vanderschelden [Vanderschelden 2000]. In recent years, scholars have gradually abandoned such teleological approaches, rather emphasising the historical and linguistic evolution of translation conventions [Van Poucke 2017], as well as the multiplicity of cultural, historical and social factors underlying the retranslations of a literary work [Brownlie 2006], whose refractions have been compared to those of a prism [Reynolds 2019]: a focus on retranslation fosters an interdisciplinary dialogue involving disciplines as diverse as history of publishing, literary criticism, history of language, sociology of literature, history of ideas, and translation studies¹.

Children’s literature is a particularly interesting field of investigation for a variety of interrelated reasons [Douglas, Cabaret 2014]. Historically, the translation of children’s and young adult books has shown a tendency to adopt a target-oriented and functionalist approach. These approaches reveal an understanding of childhood and adolescence as a preparation for adulthood rather than meaningful ages in their own right, and translations are for the most part significantly adapted to the target cultural context [Lathey 2016; Pederzoli 2012; O’Sullivan 2005]. Children’s literature also has a very special place within the history of

literature and publishing: although it still occupies a partially marginal position in literary studies, it seems to be central in the formation of the national and transnational literary canons, and indelibly marks the imagination of each generation.

The Trento conference saw the participation of twenty speakers: translators, editors and scholars from several Italian and European universities, whose contributions dealt with different historical periods and cultural spheres. Their stimulating papers investigated phenomena concerning the profound connections between children's literature, political history and deep changes in ideology and society. Attendees were presented with thought-provoking talks concerning retranslation over the centuries, ranging from the retranslations and adaptations of the *Roman de Renart* to those of *Tom Sawyer*, *Mary Poppins* and *Tintin*. Unsurprisingly, the presence of papers on Aesop's and Phaedrus' fables, on Perrault's and Basile's work, as well as on the fairy tales of the Grimm brothers and Andersen, was quite significant. Modern children's and young adult classics such as *Anne of Green Gables* by L. M. Montgomery, Hector Malot's *Sans famille*, Ferenc Molnár's *A Pál utcai fiúk* (*The Paul Street Boys*) also featured prominently, and so did the most recent translations of a classic of Russian literature such as Kornej Ćukovskij's *Krokodil*. While the majority of talks focused on the translation of narrative into Italian, contributions also offered forays into neighbouring areas, including multimodal approaches on the interplay between retranslations and illustrations of Lewis Carroll's *Alice* books, as well as the dissemination of Italian children's literature abroad, with papers on the French and Spanish translations of Gianni Rodari's *La freccia azzurra*, as well as on the adaptations of Carlo Gozzi's works in USSR. Retranslations were approached from multiple points of view, through synchronic and diachronic analyses, from ecocritical and gender perspectives, including frequent references to the role played by activist and feminist publishing.

Peeters and Van Poucke have recently argued in a special issue of the journal *Parallèles* (Peeters, Van Poucke 2023), that focusing on the why?, how?, what?, where?, when? and who? questions, it is still possible to address key aspects related to the phenomena of retranslation. This has the potential to bring to light elements hitherto forgotten or misunderstood in literary studies while suggesting new lines of research for future scholars, including the *absence* of retranslations, that is the reasons that texts are not retranslated. The choices behind the retranslation of children's books show the centrality of both emotional issues (the connection with the translations we read as children) and aspects related

to the economic and publishing systems: reflecting on these choices it is possible to study the role, the actions, and the habits of the agents of the literary field (authors, editors, publishers, literary agents, translators, readers) involved in the phenomenon of mediation. Children's and young adult texts are a moving target and can be retranslated for very different reasons: economic motivations, changes in translation norms and because of the supposedly aged language of earlier translations, the loosening of censorship restrictions and shifts in the perception of childhood. The very status of a text may change over time thanks to philological work, or because a literary work originally aimed at an adult audience may be rewritten for children, for didactic or political reasons. The unique blend of scholars and practitioners involved in the "Giornate sulla ritraduzione" encouraged a stimulating debate over these issues and the conference provided the speakers and audience alike with a space for an energising and frank exchange of ideas.

The recordings of the Trento conference can be found here: <https://www.youtube.com/playlist?list=PL9vK57kcmwQN5vQBqnmkCztZdiN-TOc3v> and the proceedings will be published in a special issue of *RiTra* — rivista di traduzione: <https://ojs.unito.it/index.php/ritra>

Notes

- ¹ Several contributions have been published over the past fifteen years, implementing different approaches and proposing overall reflections on the theory and practice of literary retranslation, including: [Monti, Schnyder 2012; Courtois, 2014; Deane-Cox, 2014; Alvstad, Assis Rosa 2015; Berk Albachten, Tahir Gürçağlar, 2019; Berk Albachten, Tahir Gürçağlar, 2020; Cadera, Walsh, 2017; Ricciardi 2019; Agostini-Ouafi, Colin 2021; Koffeman, Smeets, 2021; Cadera, Walsh, 2022; Peeters, Van Poucke 2023].

Bibliography

References

- Agostini-Ouafi, Colin 2021* — Agostini-Ouafi, V., Colin M. (2021). Traduire — et retraduire — les classiques, *Transalpina*, 24. DOI: 10.4000/transalpina.863.
- Alvstad, Assis Rosa 2015* — Alvstad, C., Assis Rosa, A. (2015). Voice in Retranslation: An overview and some trends. *Target*, 27(1), 3–24.
- Bensimon 1990* — Bensimon, P. (1990). Présentation, *Palimpsestes*, 4, IX–XIII.
- Berk Albachten, Tahir Gürçağlar, 2019* — Berk Albachten, Ö., Tahir Gürçağlar, Ş. (2019). Perspectives on retranslation. Ideology, paratexts, methods. New York: Routledge.

- Berk Albachten, Tahir Gürçağlar, 2020* — Berk Albachten, Ö., Tahir Gürçağlar, Ş. (2020). Retranslation, multidisciplinary and multimodality. *The Translator*, 26(1).
- Berman 1990* — Berman, A. (1990). La retraduction comme espace de la traduction. *Palimpsestes*, 4, 1–7.
- Brownlie 2006* — Brownlie, S. (2006). Narrative Theory and Retranslation Theory. *Across Languages and Cultures*, 7(2), 145–70.
- Cadera, Walsh, 2017* — Cadera, S. & Walsh, A. (2017). *Literary retranslation in context*. Bern/Oxford: Peter Lang.
- Cadera, Walsh, 2022* — Cadera, S., Walsh, A. (2022). *Retranslation and reception: Studies in a European context*. Leiden/Boston: Brill.
- Chesterman 2000* — Chesterman, A. (2000). A Causal Model for Translation Studies. In M. Olohan (Ed.), *Intercultural Faultlines* (pp. 15–28), Manchester: St Jerome.
- Collombat 2004* — Collombat, I. (2004). Le XXIe siècle: l'âge de la retraduction. *Translation Studies in the new Millennium*, 2, 1–15.
- Courtois, 2014* — Courtois, J.-P. (2014). *De la retraduction: le cas des romans*. Bruxelles: La Lettre volée.
- Deane-Cox, 2014* — Deane-Cox, S. (2014). *Retranslation. Translation, literature and reinterpretation*. London: Bloomsbury.
- Douglas, Cabaret 2014* — Douglas, V., Cabaret, F. (2014). *La retraduction en littérature de jeunesse* *Retranslating children's literature*. Bruxelles: Peter Lang.
- Koffeman, Smeets, 2021* — Koffeman, M., Smeets, M. (2021). (Re-)traduire les classiques français. *Relief — Revue électronique de littérature française*, 15(1).
- Lathey 2016* — Lathey, G. (2016). *Translating children's literature*. London/New York: Routledge.
- Monti, Schnyder 2012* — Monti, E., Schnyder, P. (2012). *Autour de la retraduction: Perspectives littéraires européennes*. Paris: Orizons.
- O'Sullivan 2005* — O'Sullivan, E. (2005). *Comparative children's literature* (trad. A. Bell). London & New York: Routledge.
- Pederzoli 2012* — Pederzoli, R. (2012). *La traduction de la littérature d'enfance et de jeunesse et le dilemme du destinataire*. Bruxelles: Peter Lang.
- Peeters, Van Poucke 2023* — Peeters, K., Van Poucke, P. (2023). Retranslation, thirty-odd years after Berman. *Parallèles*, 35(1), 3–27, DOI: 10.17462/para.2023.01.01.
- Reynolds 2019* — Reynolds, M. (2019). Introduction. In M. Reynolds (Ed.), *Prismatic Translation* (pp. 1–18). Cambridge: Legenda.
- Ricciardi 2019* — Ricciardi, S. (2019). Tradurre e ritradurre i classici. *Testo a fronte*, 60.

Van Poucke 2017 — Van Poucke, P. (2017). Aging as a Motive for Literary Retranslation: A Survey of Case Studies on Retranslation, Translation and Interpreting Studies, 12(1), 91–115.

Vanderschelden 2000 — Vanderschelden, I. (2000). Why Retranslate the French Classics? The Impact of Retranslation on Quality. In M. Salama-Carr (Ed.), *On Translating French Literature and Film II* (pp. 1–18). Amsterdam/Atlanta: Rodopi.

Антонио Биббо, Франческа Лорандини

Университет Тренто; Университет Модены и Реджо Эмилии; ORCID: 0000-0002-7779-5898; ORCID: 0000-0002-4765-0698

РЕТРАНСЛЯЦИЯ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИИ В УНИВЕРСИТЕТЕ ТРЕНТО

Третья конференция «Giornate di studio sulla ritraduzione» (*Ritradurre la letteratura per ragazzi*, прошедшая в университете Тренто) была посвящена исследованиям детской литературы. В конференции приняли участие двадцать докладчиков из университетов Италии и Европы. Цель таких встреч — собрать вместе специалистов из разных стран и предоставить им пространство для дискуссии, взяв за основу идею ретрансляции; в то же время другой задачей организаторов было практическое и теоретическое осмысление концепции ретрансляции. Детская литература представляет собой действительно интересную область исследования по целому ряду причин, доклады были посвящены различным историческим периодам и сферам детской культуры. В фокусе исследований были явления, связанные в том числе и с историей языка, а также устойчивые связи между детской литературой, политической и идеологическими трансформациями в обществе.

Keywords: детская литература, ретрансляция, адаптация, история перевода

Адрес редакции «Детские чтения»:
199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4
Сайт журнала: www.detskie-chtenia.ru
Оформление обложки Шура Мошура

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс ВН018605
по каталогу агентства «Урал-пресс».
Цена свободная

Подписано в печать 16.12.2024. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 200 экз.
Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Арт-
Экспресс» Санкт-Петербург, Уральская ул., д. 17, корп. 4.